Зинаида СЕРЕБРЯКОВА

Письма

•

Современники о художнице

Зинаида
СЕРЕБРЯКОВА

(1884—1967)

Зинаида СЕРЕБРЯКОВА

Письма. Современники о художнице

Автор-составитель В. П. КНЯЗЕВА
Автор примечаний Ю. Н. ПОДКОПАЕВА

Москва
«Изобразительное искусство»
1987

ББК 85.143(2)1
С 32

Рецензенты:

Доктор искусствоведения *И. С. Зильберштейн*

Кандидат искусствоведения *М. М. Ракова*

С $\frac{4903020000-133}{024(01)-87}$ 12-87

Предисловие

В 1910 году почти никому не известная художница Зинаида Евгеньевна Серебрякова показала на выставке Союза русских художников автопортрет «За туалетом», портреты знакомых, пейзажи, этюды крестьян. Ее выступление было для всех неожиданным и вызвало восторженные отзывы. Особенно понравился автопортрет. Действительно, это произведение Серебряковой отвечало потребности многих ее современников в «живительном ключе здоровья» [1]. Александр Николаевич Бенуа писал в то время о Серебряковой: «Ныне она подарила русскую публику таким прекрасным даром, такой «улыбкой во весь рот», что нельзя не благодарить ее... Автопортрет Серебряковой несомненно самая... радостная вещь... Здесь полная непосредственность и простота: истинный художественный темперамент, что-то звонкое, молодое, смеющееся, солнечное и ясное, что-то абсолютно художественное...» [2].

Картина «За туалетом» стала по существу этапной для Серебряковой. Какие бы произведения художница ни создавала позже — тематические композиции, портреты, пейзажи,— они выражали тот же жизнеутверждающий, светлый эмоциональный настрой.

На становление и развитие таланта Серебряковой исключительное влияние оказала жизнь в многолюдной семье Бенуа, где прошли ее детство и юные годы. Семья Бенуа — одна из культурнейших в Петербурге. Щедро одаренная талантами, она дала России многих крупных деятелей культуры.

Глава этой семьи архитектор Николай Леонтьевич Бенуа — дед Зинаиды Евгеньевны. Профессор, академик, председатель Петербургского общества архитекторов, он был всесторонне образованным человеком. Его сыновья стали видными деятелями культуры: Александр Николаевич — известным художником, историком искусства, Леонтий Николаевич — архитектором, профессором Академии художеств, Альберт Николаевич — художником-акварелистом, преподавателем Академии художеств, председателем Русского общества акварелистов; дочь Екатерина Николаевна, в замужестве Лансере, мать художницы, в молодости посещала Академию художеств, успешно работала акварелью и маслом.

Зинаида Евгеньевна оказалась в семье Бенуа двухлетним ребенком: в 1886 году в Нескучном умер ее отец Евгений Александ-

рович Лансере, известный скульптор, и Екатерина Николаевна вместе со своими шестью детьми возвратилась в отчий дом, в Петербург.

Обстановка в семье была особенной. Здесь все жили духовными интересами. Девочка постоянно слышала разговоры о высоком назначении искусства, о великой миссии художника нести людям высокие идеалы, о ценности классического наследия. Николай Леонтьевич, поклонник старого классического искусства, с увлечением рассказывал о своих путешествиях по Италии, об искусстве античности и Ренессанса. Юные члены семьи вместе со взрослыми посещали Эрмитаж, выставки, театры. Мир прекрасного раскрывался перед будущей художницей и в домашней библиотеке. Книги любимых писателей — А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, — которые она перечитывала по многу раз, соседствовали здесь с редкими изданиями по искусству, репродукциями памятников прошлого. Все члены семьи постоянно были заняты творческой работой — рисовали, ходили на этюды. С увлечением рисовала и Зина Лансере.

В годы юности З. Е. Серебряковой создается объединение «Мир искусства» (1898), зачинателями которого стали Александр Николаевич Бенуа и его друзья Лев Самойлович Бакст, Константин Андреевич Сомов, Сергей Павлович Дягилев и другие. Среди них и Евгений Евгеньевич Лансере, родной брат Зинаиды Евгеньевны. Она была еще девочкой, когда состоялись первые выступления «Мира искусства», встреченные многими современниками в «штыки» и породившие острые споры. Понять эту полемику она, разумеется, не могла, но журнал и выставки «Мира искусства», в которых участвовали многие близкие Зинаиде Евгеньевне люди, вошли в ее жизнь как нечто само собой разумеющееся. В 1911 году Серебрякова станет членом вновь возрожденного «Мира искусства».

Для понимания процессов, которые происходили в искусстве той поры, необходимо учитывать особенности первой русской революции, создавшей особый психологический настрой у современников.

Героическая борьба народных масс, общее недовольство прогнившей монархией, жестокость карателей, заливших Россию кровью, взволновали до самых глубин все классы общества и революционизировали сознание даже тех, кто был далек от непосредственного участия в борьбе. В. И. Ленин отмечал: «Теперь политическая борьба страшно разрослась, революция охватила всю страну, самые умеренные либералы стали „крайними“...» [3].

Огромное влияние оказали события 1905—1907 годов на творческую интеллигенцию. Они вызвали коренной перелом в ее умо-

настроении, пробудили у передовой ее части чувство высокой гражданственности, понимание своей ответственности.

В 1910-х годах, в период нового революционного подъема в стране, до предела обостряются раздумья многих деятелей культуры об исторических судьбах России, еще более крепнет их готовность включиться в переустройство жизни. Это становится насущной потребностью времени, и во всех сферах культуры идут напряженные поиски общественно значимых идеалов, обсуждаются проблемы искусства будущего.

В эпохи крутых исторических перемен в искусстве разных стран и разных периодов нередко зарождалось два противоположных направления: одно — ниспровергавшее все старые каноны, бунтарское, другое — означавшее обращение к классике. Так произошло и в России в 1910-х годах.

На позициях возрождения традиций художественного наследия стояли художники и критики вновь возникшего в 1910 году объединения «Мир искусства». Еще в начале 1900-х годов Александр Бенуа и его единомышленники не раз выступали в печати со статьями, в которых писали о важности изучения классического искусства как основы дальнейшего прогресса. Выдающимся событием при этом стала грандиозная «Историко-художественная выставка русских портретов» (1905) в петербургском Таврическом дворце. Подготовка к ней велась долго. Около двух лет Сергей Павлович Дягилев ездил по всей стране, разыскивая портреты старых мастеров. Большую работу по атрибуции произведений и их выявлению провел Александр Николаевич Бенуа. Николай Евгеньевич Лансере стал участником декоративного оформления собранного материала. Среди экспонатов выставки (свыше двух тысяч) были работы Ф. С. Рокотова, Д. Г. Левицкого, В. Л. Боровиковского, О. А. Кипренского, В. А. Тропинина, А. Г. Венецианова и многих других. Выставка воскресила целую эпоху в истории отечественного искусства. Она произвела большое впечатление на многих художников и повлияла на творчество некоторых из них, о чем свидетельствовали они сами [4].

Другим важным событием в художественной жизни Петербурга была выставка А. Г. Венецианова в Русском музее (1911).

В 1910-х годах пропаганда классического наследия приобретает особый размах и сказывается в самых разнообразных формах. Издается журнал «Старые годы», посвященный искусству XVIII века. В журнале «Аполлон» одной из центральных становится проблема традиций и новаторства. В Петербурге возникают различные комиссии по изучению и охране памятников русской культуры: «Общество защиты и сохранения в России памятников

искусства и старины», «Музей старого Петербурга» и ряд других. Но, естественно, интерес к классике не означал полного повторения прошлого. В русской культуре шел сложный процесс попыток актуализации этого наследия, поисков в нем необходимых для современности эстетических, художественных и духовно-нравственных ценностей.

В 1910-х годах в журнале «Аполлон» и в газете «Речь» одна за другой появляются программные статьи Ал. Бенуа, С. Маковского, Вс. Дмитриева, Н. Радлова. Они пишут о необходимости нового направления искусства и нередко называют его неоакадемизмом или неоклассицизмом. При этом многие статьи насыщены пафосом ожидания великих свершений, которые должна пережить Россия, в них говорится о высоком назначении искусства служить Родине. Русская литература и искусство всегда несли великую миссию просветительства. И теперь эта проблема становится одной из главных.

Новое искусство мыслилось прежде всего как искусство, которое породит новую эпоху духовного возрождения. Это определяло содержание искусства, гуманизм его идеалов, поиски героических образов, воспевание мира красоты, добра, радости. Сама собой возникла и проблема большого стиля. Предчувствуя то время, когда художники будут украшать общественные здания для народа, оформлять улицы и площади, деятели искусства призывали готовиться к возрождению монументально-декоративного искусства. Таковы были настроения в той среде, которая окружала молодую художницу.

В начале 1910-х годов Серебрякова много работает в портретном жанре. Чаще всего она изображает своих родных и знакомых. Портреты жены брата Ольги Константиновны Лансере (1910), матери Екатерины Николаевны Лансере (1911), Н. Г. Чулковой (1911) и многие другие оригинальны по композиции, колориту, манере письма. Они отличаются большим портретным сходством. В то же время в них обнаруживается и некий общий подход к разным моделям. Изображенные Серебряковой люди не знают трагических переживаний. Нет в произведениях и критически заостренной оценки портретируемых. Задача художницы была иной — создание образов людей, наделенных умом, благородством, чувством собственного достоинства. Остро чувствуя индивидуальность своих моделей, художница в то же время стремилась приблизить их к некоему идеалу, придавала им черты, свойственные в какой-то мере ее собственному облику,— миндалевидный разрез глаз, тонкие губы, удлиненные пальцы рук. Так в ее женских портретах появился своеобразный, чисто «серебряковский» тип.

В портретах Серебряковой выражено представление о ценности человеческой личности. В них ощутима глубинная связь с традициями старого искусства. При взгляде на них, вспоминаются произведения Рокотова, Левицкого, Венецианова, а также мастеров более отдаленных эпох — Возрождения и классицизма. Но, главное, Серебрякова выступила в них как выразитель гуманистических исканий своего времени.

Особенно ярко талант Серебряковой раскрылся в тематических картинах. Увлеченная поисками большого содержания в искусстве, она стала автором ряда произведений монументально-эпического характера.

В 1910-х годах одно за другим следуют полотна: «Жатва» (1915), «Беление холста» (1917), создаются большие однофигурные композиции «Спящая», «Марина, чешущая лен», «Крестьянка за прялкой», задумываются картина «Стрижка овец» и другие. В этих произведениях изображено то, что художница видела в реальной жизни и что особенно ценила — прежде всего крестьянский труд. Бережно, с любовью написаны лица женщин, характерные национальные костюмы, окружающая обстановка, и в этом отношении Серебрякова близка Венецианову. В этих работах Серебрякова стремилась к типизации, предельно четкому, максимальному обобщению. Близость к традициям классического искусства проявляется и в использовании определенных канонов построения монументально-декоративных композиций, и в пропорциях фигур, и в локальности цвета. При этом художница создает свой идеал национальной красоты, выявляя в нем достоинство, благородство русской женщины-крестьянки, ее физическое совершенство.

Специального внимания в творчестве Серебряковой заслуживает изображение обнаженного женского тела. Обращение к этой теме было не случайным. Многие художники и критики той поры, ратовавшие за обновление искусства, с горечью отмечали утрату культа человеческой красоты, появление на смену ему культа уродства, а также салонной шаблонности. Они убедительно доказывали необходимость сделать решительный поворот к изображению нагого тела: ведь этот мотив в эпоху античности и Ренессанса предоставлял художникам большие возможности для выражения высоких идеалов гуманизма и, в частности, в области монументально-декоративного искусства. «Нагота человека представляет... для современной живописи основу всякого синтеза, вдохновенного стиля, монументальной идеализации...»[5], — писал С. Маковский.

Особенно успешно в этом направлении работали скульпторы А. Т. Матвеев и С. Т. Коненков, живописцы К. С. Петров-Водкин

и З. Е. Серебрякова. В ранний период творчества всего лишь за несколько лет художницей были созданы картины «Купальщица» (1911), «Баня» (1913), исполнены многочисленные эскизы росписей для Казанского вокзала в Москве (1915—1916), начаты композиции к картинам «Диана и Актеон» (1916—1917) и «Купание» (1917). К подобным мотивам художница обращалась и значительно позже.

Созданные Серебряковой образы во многом перекликаются с классикой прошлого, но они далеки от ретроспекции. В основе работы над ними лежало прежде всего тщательное изучение натуры. От классики шли поиски пропорций, строгой пластики форм. Это давало возможность придавать облику натурщиц черты идеального и сохранять при этом ощущение жизненной правды. Отмечая эту особенность произведений Серебряковой, критик К. С. Кравченко уже в наши дни назвала их «современной классикой» [6].

В 1910-х годах Серебрякова была в расцвете творческих сил. Ее имя приобрело широкую известность, упоминалось в одном ряду с именами ведущих мастеров «Мира искусства». Так, критик Вс. Дмитриев в обзоре выставки художников этого объединения за 1916 год отмечал: «В последнее время каждое произведение Серебряковой вызывало восторженный гул. Более того, например «Крестьянки в поле» [7] положительно играли роль «гвоздя» выставки, той выставки, где обильное число номеров выставили Яковлев, Лансере, Петров-Водкин, Кустодиев и другие» [8].

Серебрякова заняла в «Мире искусства» особое место. Она была далека от обращения к темам прошлого, к символике, что в той или иной мере было характерно для К. А. Сомова, Е. Е. Лансере, Л. С. Бакста, Н. К. Рериха. Ее как бы не коснулись бури века, чего нельзя сказать о Б. Д. Григорьеве, А. Е. Яковлеве, В. И. Шухаеве — их произведения отмечены ощущением трагизма. Творчество Серебряковой, пронизанное любовью к жизни, воспевает красоту человека, величие тружеников земли, приволье русской природы.

Оригинальным был и художественный язык Серебряковой. Она никогда не стремилась к стилизации, не ставила чисто экспериментальных задач. Намного последовательнее, чем другие ее современники, она использовала традиции русского искусства XVIII — первой половины XIX века, а также живописи эпохи классицизма и Возрождения. Это обусловило особенности художественного решения ее полотен, классическую ясность их формального строя. При этом каноны старого искусства не были для Серебряковой мертвой схемой. Она свободно компоновала каждую сцену, находила подчас неожиданно смелые композиционные и колористические решения.

Радостное, поэтическое восприятие жизни, земная простота, ясность и в то же время возвышенность образов были отличительными чертами искусства Серебряковой. И это определило ее место среди крупных мастеров эпохи.

Позже, во Франции, где Серебрякова провела многие годы, она по своему характеру, мировоззрению, творчеству оставалась глубоко русской художницей. Через все бури эпохи и драматические коллизии собственной судьбы она пронесла верность традициям отечественного искусства, убеждение в высоком призвании художника быть выразителем гуманистических идеалов.

Искусство Серебряковой неоднократно привлекало к себе внимание исследователей. В 1922 году вышла из печати первая небольшая книга С. Р. Эрнста о Серебряковой[9]. Эрнст лично знал художницу, был очевидцем создания многих ее произведений, а в период работы над биографическим очерком жил в Нескучном. Каждый факт, сообщаемый им, достоверен, и это придает его работе большую ценность. Но Эрнст не ставил перед собой задачи научного исследования проблематики творчества художницы. К тому же биографию Серебряковой он довел только до 1917 года. Особенно много литературы о художнице вышло в связи с открытием ее выставки в 1965 году в Москве. Были изданы каталог персональной выставки и альбом[10]. Опубликовано несколько серьезных статей в общих трудах по истории искусства и в периодической печати. Исследователи обратились к выявлению неизвестных нам ранее художественных произведений Серебряковой. Удалось установить переписку с ней и от нее самой получить недостающие сведения. В результате была изучена биография художницы, в самых существенных чертах дана оценка ее искусства, отмечен вклад в русскую живопись начала XX века[11]. Однако до сих пор оставались неизвестными многие материалы архивного характера, проливающие свет на некоторые проблемы творчества Серебряковой.

Серебрякова — художник особого склада. Ее произведения рождались из постоянных раздумий и сильных душевных переживаний. Необычайно эмоциональная по натуре, она остро реагировала на все проявления жизни, близко принимала к сердцу радость и горе. В своем отношении к людям, к важнейшим событиям эпохи Серебрякова была поразительно искренна, на все отзывались живые струны ее души. Она любила доброту в людях, восхищалась всем красивым, ненавидела зло, уродство. При этом лично пережитое нераздельно сплеталось в ее душе с социальным, а ее поэтическое мышление было созвучно передовым запросам ее времени. Вот почему при изучении искусства художницы представляется особенно важным познание ее характера, мыслей, чувств,

настроений, существенно влиявших на ее творческое мировосприятие.

Зинаида Евгеньевна не вела дневника, не в пример многим своим современникам никогда не выступала в печати. Но сохранились письма художницы, а также ее ближайших родственников и друзей, воспоминания современников. Они позволяют приблизиться к личности художницы, увидеть ее в реальной жизненной обстановке, услышать ее собственные суждения по самым разнообразным вопросам. Публикуемый материал содержит многие неизвестные ранее сведения биографического характера. Все это открывает путь к более глубокому пониманию Серебряковой как человека и творческой личности со всеми сложностями ее судьбы.

Значительная часть писем Серебряковой и ее ближайших родственников связана с поместьем Нескучное, где большое семейство проводило почти каждое лето. Они прежде всего воссоздают картину семейного быта, отчасти вводят в своеобразный мир деревенской жизни, знакомят с крестьянами и природой тех мест.

Из писем мы узнаем, что Зинаида Евгеньевна была всецело поглощена творческой работой. Неоднократно упоминаются также литературные и музыкальные вечера, шуточные представления, которые устраивались в Нескучном.

Еще в большей мере и несколько неожиданно открывается другое. Оказывается, Лансере — не только люди искусства. Они любили землю, сами подчас работали на ней и со знанием дела вели хозяйство в своем имении.

Первые же публикуемые письма рисуют характерные картины жизни в Нескучном: началась уборка урожая, и Николай Евгеньевич Лансере косит овес, помогает складывать крестцы. Екатерина Николаевна Лансере постоянно волнуется об урожае, радуется хорошим всходам, живет «обыденными страхами» в засушливое лето; Евгений Евгеньевич Лансере с восторгом пишет о Нескучном, о том, какие красивые там крестьяне, как интересно с ними беседовать [1, 8] *.

Любовь к сельской жизни, ее поэтической прелести, несомненно, была воспитана в художнице с детства. Несомненно и то, что на многое она смотрела через призму «бесконечно гениальной поэзии» Пушкина, а также произведений Венецианова, которые помогали ей постичь «красоту крестьянской жизни» [316, 334]). По приезде в Нескучное ей не терпится побывать всюду: в саду, на скотном дворе, на речке Муромке — все здесь интересно, все наполняет душу радостью. А в один из приездов в Нескучное, она,

* Здесь и далее в скобках даны ссылки на письма, публикуемые в данном издании.

двенадцатилетняя девочка, с полной отдачей сил, самозабвенно помогает старшему брату Николаю работать в поле. Свой восторг, свою «влюбленность» в сельский мир юная художница переносит и на страницы альбомов: делает многочисленные наброски косарей в поле и крестьянок в саду, зарисовывает лошадей, кур, поросят и многое другое. Позже, когда Зинаида Евгеньевна вышла замуж за студента, будущего инженера-путейца Бориса Анатольевича Серебрякова, имевшего небольшое имение по другую сторону Муромки, интерес к сельской жизни не ослабел. Борис Анатольевич летом, во время отпуска, постоянно занимался хозяйственными делами: косил камыш, чинил плотину, сажал яблоневый сад, готовил на зиму силос. Часто рядом с ним была и Зинаида Евгеньевна с мольбертом и красками.

Необычайно ценны письма 1910-х годов, когда художница создавала свои лучшие произведения. Нескучное щедро одаривало Серебрякову темами. Искать их или придумывать не приходилось. Художницу глубоко волновала трудная доля крестьян. А когда случалось у кого-нибудь из них горе, она переживала его крайне тяжело, как свое собственное. Об этом свидетельствует письмо, в котором описывается смерть Поли Гречкиной (Молчановой). Однако тема страданий народа, которая была ведущей в русском искусстве предыдущих десятилетий, не завладела творческим воображением художницы. Серебрякову поглощает другое. В своих письмах 1910-х годов она восхищается красотой и силой крестьян, их ловкостью в работе. И эта тема начинает доминировать в ее творчестве: поначалу она пишет этюды, а позже стремится к сложным масштабным замыслам. Большое искусство для нее — это прежде всего искусство картины, и в этом отношении она — типичный художник «Мира искусства». Художница ратует за наследование традиционных приемов работы над картиной, требующих создания подготовительных этюдов, эскизов, разработки композиции. При этом она ищет подход к монументально-декоративным решениям. В соответствии с новыми для себя задачами переоценивает ранее созданные произведения. Даже картину «Купальщица» (1911) причисляет к этюдам, хотя ее появлению предшествовало длительное изучение натуры, создание этюдов, композиционных набросков.

Если в ранние годы, создавая образы крестьян, Серебрякова чаще всего обращалась к жителям самого Нескучного, где жили и русские, и украинцы, то теперь увлечена писанием «московок», живших в чисто русских селениях, расположенных в нескольких километрах от усадьбы и сохранивших свое национальное своеобразие в быту, обычаях, одежде.

Интересно сопоставление ее писем и ее этюдов и картин 1910-х годов. В этюдах выражен тот же искренний, горячий восторг перед жизнью, то же «наслаждение московками», что и в письмах. К каждой картине художница создавала сотни подготовительных рисунков. Особенно много их сохранилось к «Жатве» и «Белению холста». Серебрякову интересовало решительно все: позы крестьянок, движения рук, повороты голов, складки одежд. И она спешила в этюдах уловить самое характерное, работала порывисто, увлеченно. Взволнованное восприятие натуры ощущается и в картинах при всей их классической четкости, завершенности.

Для становления творческой личности Серебряковой существенным был тот общий оптимистический настрой, та страстная вера в будущее, которыми жила в те годы значительная часть русской интеллигенции, в том числе и самые близкие художнице люди. В пору реакции, наступившей после подавления революции 1905—1907 годов, и в период первой мировой войны, когда многие деятели русской культуры пережили крушение своих лучших надежд, увлеклись мистикой и религиозно-философскими исканиями, творчество Серебряковой, устремленное к идеалу прекрасного и связанное прежде всего с народной тематикой, отвечало насущным эстетическим потребностям времени.

Исследователи творчества З. Е. Серебряковой обычно лишь вскользь касались вопроса об отношении художницы к важнейшим общественным и политическим событиям, которые происходили в России в эпоху трех революций. Публикуемые материалы помогают восполнить и этот пробел. Они вводят в ту напряженную атмосферу социально значимых интересов, в мир надежд, тревог и волнений, которыми жили она и ее близкие в 1905—1917 годах.

Зиму 1905 года семьи Серебряковых и Лансере провели, как всегда, в Петербурге. Расстрел безоружных рабочих 9 января на Дворцовой площади всколыхнул всю Россию и вызвал бурю негодования. Трагически пережила эту кровавую расправу и интеллигенция, особенно в Петербурге, где многие стали очевидцами происшедшего. Ряд видных деятелей культуры сочли своим гражданским долгом публично выразить протест. Так, Валентин Александрович Серов, будучи действительным членом Петербургской Академии художеств, демонстративно покидает ее. Уходит из состава профессоров Петербургской консерватории Н. А. Римский-Корсаков, а вслед за ним А. К. Глазунов и А. К. Лядов. Художники-передвижники составляют письмо, содержащее резкую критику правительства и «бюрократического произвола, доведшего нашу родину до полного разорения»[12]. Среди подписавших письмо —

Н. А. Касаткин, Н. Н. Дубовский, В. Е. Маковский и другие ведущие мастера Товарищества.

Активно включилось в политическую борьбу студенчество. В Академии художеств учащиеся устанавливали связи с рабочими организациями, открывали двери аудиторий для проведения митингов[13]. 14 октября 1905 года в Академии прошел большой митинг, собравший три тысячи человек. Митинги устраивались и в других учебных заведениях Петербурга.

Стремительно развивавшееся революционное движение захватило крестьянство. С весны 1905 года крестьянские волнения прокатились по всей России. Неспокойно стало и на Харьковской земле. В сентябре 1905 года на ярмарке в Муроме, куда съезжались крестьяне из окрестных деревень и из Нескучного, были найдены прокламации с призывом бить помещиков. А в декабре 1906 — январе 1907 годов в Волчанском уезде (в 15 верстах от Нескучного) крестьяне за несколько дней разгромили 28 имений. Ожидались погромы и в Нескучном. Для охраны порядка туда были направлены солдаты.

Как же относились к происходящему в семьях Серебряковой и Лансере? Для братьев Евгения и Николая Лансере революция 1905—1907 годов стала событием огромного значения, они стремятся бывать всюду, чтобы «наблюдать живой ход истории» [11], посещают митинги, читают революционную литературу, с воодушевлением доказывают своим близким, что социализм неизбежен. Не безучастен к происходящему и Борис Анатольевич Серебряков. В Институте путей сообщения, где он учится, также созданы революционные комитеты, проводятся митинги. Зинаида Евгеньевна вместе с ним, братьями, сестрой Марией была на одном из таких митингов, где выступавшие рабочие призывали к свержению правительства.

В октябре 1905 года Зинаида Евгеньевна вместе с матерью уезжает в Париж для продолжения своего художественного образования. Едет в напряженное для России время и о многом из увиденного и пережитого рассказывает находящемуся там Александру Николаевичу Бенуа. А вскоре приезжает к ним и Борис Анатольевич, поскольку Институт путей сообщения закрыли, как и многие другие учебные заведения страны, где бунтовали студенты.

Серебряковы с тревогой и волнением ждут вестей с родины. Каждое утро читают вслух газеты и журналы, узнают, что во всей России происходят обыски, массовые аресты, зверские расправы с повстанцами. Среди арестованных оказываются подчас известные художники и литераторы. Эти вести ранят душу, вызывают возмущение тем, что власти «доводят бедную Россию до та-

кого бедствия», что правительство «подло и возмутительно действует» [17, 19].

Постоянно беспокоят мысли и об оставшихся в России братьях, Евгении и Николае Лансере, возможных репрессиях против них. От того и другого приходят письма в Париж, в которых они пишут о происходящем в стране и своем страстном желании помочь делу революции, «протянуть руку людям будущего» [20].

Еще весной 1905 года Евгений Евгеньевич Лансере принял участие в создании сатирического журнала «Зритель», занявшего острокритическую позицию по отношению к самодержавию. Журнал вскоре был запрещен. А с осени 1905 года Е. Е. Лансере — один из активных художников нового журнала «Жупел». Из-за цензурных преследований вышло только три номера журнала. Зинаида Евгеньевна получила почтой из России второй номер, явившийся откликом на Декабрьское вооруженное восстание в Москве. В нем был воспроизведен графический триптих Б. М. Кустодиева («Вступление»), Е. Е. Лансере («Бой») и М. В. Добужинского («Умиротворение»). В 1906 году Е. Е. Лансере становится издателем «Адской почты». В этом журнале политической сатиры большое место занимали карикатуры на Николая II, министров, видных сановников — Горемыкина, Игнатьева, Столыпина, Дурново, Победоносцева, Дубасова, Трепова. Журнал, как и предыдущие, просуществовал недолго.

Весьма активно вел себя и Николай Евгеньевич Лансере. В конце 1905 года он уехал в Москву в качестве помощника архитектора для участия в строительстве дома Российского страхового общества. Здесь, как узнаем из его автобиографии, он «сошелся близко с рабочей средой. Вел чтения и беседы, пропагандируя среди рабочих... Во время московского восстания помогал мелкими услугами, вроде проноса оружия на баррикады, передачи нелегальщины и записок в тюрьмы» [14]. На стройке было много сезонных рабочих из разных деревень России. Когда они уезжали к себе домой, Н. Е. Лансере обильно снабжал их революционными брошюрами, листовками, переписывался с ними. Узнавал от них о том, что в деревнях рубят помещичьи леса, готовятся к погромам имений, что они читают политическую литературу: «Я твои листочки, Николай Евгеньевич, все распространил народу, также и книжечки даю читать. Очень интересные, у нас еще таких и не слышали»,— писал крестьянин С. Г. Богданов 27 декабря 1905 года [15].

В апреле 1906 года Серебряковы вернулись в Россию. И опять непосредственно их касается многое, что волновало в то время страну, и, в частности, аграрный вопрос.

Одна из крестьянок, М. И. Чумаковская, жившая несколько лет в семье Серебряковых, вспоминает: «Я помню, вся семья зимовала в Нескучном... Помню, как он [Б. А. Серебряков.— *В. К.*] сидел в кругу своей семьи и говорил, что землю надо отдать крестьянам и уверял Вашу маму и бабушку, что это будет правильно» [16].

С особой силой раскрылось отношение Серебряковой к русской действительности в годы первой мировой войны. В конце мая 1914 года Серебрякова едет в Швейцарию и Италию (Милан, Флоренция, Падуя, Венеция), где знакомится с шедеврами итальянского искусства и много работает с натуры, но в связи с начавшейся первой мировой войной поездка была прервана, и художница вернулась в Россию. Сохранилось лишь несколько писем той поры. Но и их достаточно для понимания состояния художницы в те годы. В письмах не только тревога за судьбу мужа, но и боль за всех, кто стал жертвами войны. В 1916 году она сообщает о воинских эшелонах, которые видит на пути в Нескучное. Трагически звучит ее голос, когда она описывает проводы на селе новобранцев. С сочувствием пишет о пленных австрийцах, работавших в имении. Негодует при чтении правительственных газет. Приходит в отчаяние, уныние и тоску от «мерзости творящегося вокруг» [91], а когда наступил год 1917-й, она приветствует революционные события, об этом говорится в письме Екатерины Николаевны сыну Николаю [89] и в воспоминаниях В. Н. Дудченко.

Один из разделов публикуемых материалов относится к тому периоду в жизни России, когда с неимоверным напряжением приходилось отстаивать завоевания Октября. Годы иностранной интервенции и гражданской войны, разруха и голод в стране — все это непосредственно коснулось семьи Серебряковой в Нескучном и в Харькове, а позже в Петрограде, о чем поведали ее письма.

В жизни Зинаиды Евгеньевны происходит огромная личная трагедия: внезапно умирает ее муж. Раннее вдовство, четверо маленьких детей и старая больная мать, которых надо было содержать... С тревогой, подчас надрывом пишет Зинаида Евгеньевна о бытовых невзгодах, выпавших на ее долю, о своем подавленном душевном состоянии. И в это время от своей матери Екатерины Николаевны она слышит мудрые, спокойные слова о неизбежности лишений ради лучшего будущего страны [106].

Публикуемые письма и воспоминания современников повествуют об одной из интереснейших страниц в культурной жизни тех лет. Впервые в истории человечества все художественные ценности стали достоянием народа, и одни из первых мероприятий Советской власти были направлены на их охрану.

Огромную работу по реализации этих решений осуществлял, в частности, Государственный музейный фонд, созданный при Эрмитаже еще в 1917 году. По инициативе сотрудников фонда повсюду в стране началась национализация художественных ценностей. Интенсивно велась эта работа и в самом Петрограде. Здесь обследовались коллекции царских дворцов в Гатчине, Павловске, Петергофе, Царском Селе. В Эрмитаже привезенные отовсюду художественные произведения тщательно изучались, осуществлялась их реставрация и передача во многие старые и вновь создаваемые музеи. По просьбе владельцев брались на учет и хранение частные коллекции (кстати, Б. А. Серебрякову было выдано охранное удостоверение на произведения Зинаиды Евгеньевны, находившиеся в их петербургской квартире). Вся эта многообразная работа проводилась в грандиозных, невиданных ранее масштабах, и к ее исполнению привлекались многие квалифицированные искусствоведы и художники. Среди них самым авторитетным и деятельным был Александр Николаевич Бенуа.

Октябрьская революция застала Серебрякову в Харькове. Там она работала во вновь созданном археологическом музее при университете. Осенью 1920 года Серебрякова получила телеграфные предложения перевестись на службу в Петроградский отдел музеев или занять место профессора в Академии художеств. Были получены не только вызовы, дающие право на возвращение в Петроград, но и литеры на всю семью для бесплатного проезда. В декабре 1920 года Серебрякова уже в родном городе.

Как свидетельствует мать художницы, Зинаида Евгеньевна отказалась от музейной и преподавательской работы. В ее удостоверении члена Сорабиса за 1921 год значится, что она «зачислена в качестве художницы в своей мастерской», а в удостоверении за 1924 год другая запись: «Работает по найму по посылкам секции искусств Биржи Труда» [17].

Видимо, обе записи означают, что Зинаида Евгеньевна как член Сорабиса работала в мастерских наглядных пособий, о чем она пишет в автобиографии 1922 года, и, может быть, выполняла отдельные оформительские заказы. Так, в частности, в 1921 году на бюро секции Сорабиса был объявлен для графиков конкурс на плакат «Крестьянин и рабочий» [18]. Среди работ художницы сохранился небольшой темперный эскиз на эту тему для росписи или плаката, исполненный в декоративной, звучной цветовой гамме [19]. Возможно, Серебрякова выполняла и другие произведения в том же жанре.

Несомненно, впоследствии Серебрякова могла бы стать крупным мастером советского искусства. Но в начале 1920-х годов она

оказалась в стороне от той кипучей работы, которой жили тогда многие художники, создававшие скульптурные памятники, агитационные плакаты, оформление общественных зданий и массовых революционных празднеств. Скромная и застенчивая по натуре, крайне критически относившаяся к своему творчеству, Серебрякова не решалась браться за ответственные заказы, осваивать новые темы.

В эти годы она много времени отдает портрету. Позируют в основном члены ее семьи и семьи А. Н. Бенуа, а также близкие друзья: С. Р. Эрнст, Д. Д. Бушен, Г. И. Тесленко и другие. В ее письмах той поры часто встречаются признания в том, как она любит природу, облака, небо. При каждой возможности она стремится уехать в Царское Село или в Гатчину, где пишет великолепные пейзажи и интерьеры открывшихся для обозрения дворцов.

Искусство для Серебряковой всегда было радостью, праздником, и этот праздник она находит теперь в театре, получив разрешение бывать в дни балетных спектаклей за кулисами бывшего Мариинского театра. На протяжении трех лет она делала там многочисленные наброски, балерины часто бывали и у нее дома — так возникла серия балетных портретов и композиций.

В первые же годы после революции началась оживленная выставочная деятельность в стране. В Москве, Петрограде и в других городах открываются выставки, на которых демонстрируются произведения художников разных направлений. Серебрякова — участница нескольких выставок в Петрограде. Она стала экспонентом и большой выставки русских художников в Америке в 1924 году, устроенной с целью материальной помощи художникам. После Нью-Йорка картины экспонировались также в других городах страны, где шла их распродажа. Зинаида Евгеньевна представила на эту выставку 14 произведений. Два из них — «Натюрморт» и «Спящая девочка на красном одеяле» — были проданы сразу же.

На вырученные деньги художница, обремененная заботами о семье, решила поехать за границу в надежде найти там частные заказы, устроить выставку.

В начале сентября 1924 года Серебрякова уехала в Париж. Начался новый период в ее жизни. Письма на родину идут теперь одно за другим. Художница сообщает в них обо всем: о городе, знакомых, художественных выставках, о своей работе, настроении, крушении планов и о многом другом. Собранные воедино, они представляют своеобразную летопись жизни, составленную самой художницей. Важные факты о пребывании Зинаиды Евгеньевны во Франции содержат также письма и дневники К. А. Сомова и

публикуемый в настоящем издании очерк Т. Б. Серебряковой «Творчество, принадлежащее Родине».

Серебрякова провела в Париже многие годы. Жизнь для нее стала там «одной суетой, одной нервностью и отчаянием» [301]. Долгое время не было мастерской. Приходилось снимать маленькие комнаты в самых дешевых отелях. Художница в постоянных поисках заказов. Но сколько бы она ни работала, заработки были слишком малы, а цены непрерывно росли. С горечью писала она о сложности жизни в Париже, где ей было все чуждо. С 1936 года, когда фашисты развязали в Испании гражданскую войну и в Европе многие были охвачены предчувствием новой мировой войны, письма Серебряковой становятся еще тревожнее. Беспокойство о судьбах близких нередко переплетается теперь с горькими раздумьями о будущем всего человечества.

Особая тема писем — о положении художника в капиталистическом мире, где все подчинено бизнесу, где черствость и практицизм стали нормой жизни. Чтобы завоевать там твердое место, одного таланта мало: нужны покровители, реклама, деньги, нужны изворотливость и деловитость. Ничего этого у Серебряковой не было. И хотя уже в первые годы пребывания в Париже художница стала известна как один из лучших мастеров портрета, она многие работы выполняла за гроши, подчас бесплатно — лишь бы иметь клиентуру. При этом заказчики нередко диктовали свои условия: в каком стиле написать портрет, как приукрасить их внешность. Порой художница, внутренне негодуя, отказывалась от таких работ, но часто вынуждена была подчиниться требованиям заказчика. Из писем Серебряковой узнаем также, что «ужасно» в Париже В. И. Шухаеву, И. Я. Билибину и другим русским художникам [168].

В Париже Зинаида Евгеньевна живет замкнуто. Встречается только с русскими, да и то, в основном, на квартире у А. Н. Бенуа или на выставках. Страдая от разлуки с семьей, она в 1925 году выписывает к себе сына Александра, а в 1928 году к ней приезжает младшая дочь Катя. С детства они хорошо рисовали, и Серебрякова радуется таланту своих детей. Однако их путь в искусстве стал таким же тернистым, как и ее собственный: та же неустроенность, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, поиски заработка. От этого всегда было тяжело на душе.

В первые годы пребывания в Париже Серебрякова намеревалась писать картины, посвященные жизни французского народа, и начала делать зарисовки бытовых сцен. Но вскоре от этого пришлось отказаться: не было денег, чтобы платить натурщикам, не было мастерской. «Ужасно жалею, что прозябаю и бездействую

здесь, где нет пищи моему желанию... писать и рисовать», — сообщала она на родину [296]. Единственное, что давало радость творчества, — работа с натуры.

Почти каждое лето Серебрякова вместе со своей дочерью уезжала в Бретань, на юг Франции или в Швейцарию. Они поселялись вдали от модных курортов и напряженно работали. Попрежнему самыми близкими сердцу художницы оставались сельские мотивы, и везде, где только представлялась возможность, она писала крестьянские фермы, деревенские улицы, уборку урожая, людей деревни.

В 1926 году в Бретани была начата серия портретов местных рыбаков и крестьян. С большой симпатией переданы в них лица, тяжелые рабочие руки. В этот период появились произведения и иного характера. Если в портретах, созданных на родине, Серебрякова при всей верности натуре стремилась воплощать черты идеального, то за рубежом, где общество предстало перед ней «смертельно больным» [20], в ряде ее портретных образов обозначились характерные, подчас грубые, низменные черты («Монах с короткими руками», 1932; «Хозяйка бистро», 1934; «Портрет аббата», 1935).

За долгие годы пребывания за рубежом Серебряковой дважды выпало счастье работать с особым творческим подъемом. Это было в 1928 и 1932 годах в Марокко. Однако и там она полностью не реализовала своих возможностей. Горько сетовала художница на то, что в силу ряда сложных обстоятельств она по-прежнему ограничивалась этюдами, а о создании картины, как она ее понимала, и думать не приходилось.

Неимоверные сложности представляло для Серебряковой устройство выставок. В 1920—1930-х годах состоялось несколько ее персональных выставок в Париже. Приверженцы реалистического искусства проявляли к ним большой интерес. В печати Серебрякову называли «одной из самых замечательных русских художниц эпохи», писали о ней как о выдающемся мастере «европейского значения» [21].

Но эти отзывы тонули в море статей, рекламировавших абстрактное искусство и оказывавших решающее влияние на вкусы общества: не случайно искусство Серебряковой многим казалось устаревшим, не случайно ее произведения покупались с выставок крайне редко.

В письмах говорится также о материальных трудностях по устройству выставок — о необходимости уплаты большой суммы денег за выставочное помещение, рекламу. С Жаном Шарпантье, владельцем одной из частных галерей, Серебряковой удавалось

договориться об оплате помещения не деньгами, а созданными произведениями. После второй мировой войны галерея стала принадлежать другому лицу, и с тех пор художница больше не выставляла своих работ.

Духовное одиночество, ощущение бесполезности творчества действуют на нее убийственно. Подобную же трагедию переживали и некоторые другие русские художники, оказавшиеся за рубежом. Так, А. Н. Бенуа писал в 1955 году: «...я решил вообще больше не выставлять. А причина тому слишком глубокая и заключается в убеждении, что это совершенно бесполезно, что мое искусство сейчас никому не нужно. Да и не только мое, а вообще все искусство нашего круга идей, чувств, мироощущения и т. д. Все, что нам представлялось и представляется ценным в художественном творчестве, что мы любили в душах близких нам по духу художников и в чем мы видели некое духовное объединяющее нас родство, теперь объявляется сущим вздором...»[22].

Человек критического ума, Зинаида Евгеньевна пристально вглядывается во многие явления культуры современного ей буржуазного общества. Она в ужасе от выставок абстракционистов и клеймит их искусство броскими, уничтожающими определениями: «мерзость неописуемая», «наглость дикая», «бездарное корченье», солидаризируясь в этом с А. Н. Бенуа и К. А. Сомовым. Художница писала о «страшном, смертельном» упадке в искусстве, считая это «барометром эпохи» [351].

У Серебряковой — полное неприятие современной духовной культуры Запада. У нее свой собственный мир, свои твердые убеждения. Она уходит в этот мир и страстно отстаивает его от всего ей чуждого. Письма 1924—1967 годов раскрывают удивительно насыщенную духовную жизнь художницы, широту ее интересов. Если в ранние годы многое для нее было само собой разумеющимся — чтение книг, выставки, театры — и она лишь изредка, между прочим, упоминала об этом, то теперь в ее письмах отражается тот мир искусства и литературы, который питал ее духовно в России и стал ей особенно дорог за рубежом.

В Париже у Серебряковой — богатая библиотека книг и альбомов по искусству. Почти все они присланы из России. Художница берет книги также у А. Н. Бенуа. Особенно интересует ее литература по старому классическому искусству. На вопрос, кого из мастеров прошлого она любит, Серебрякова отвечает: «Их так много, что не перечислить» [146], но среди русских мастеров в первую очередь всегда называет Ф. С. Рокотова, Д. Г. Левицкого, В. Л. Боровиковского, О. А. Кипренского, К. П. Брюллова, А. Г. Венецианова, В. А. Тропинина, Ал. Иванова. Просматривая

книги и альбомы по русскому искусству, она «не устает любоваться чудными мастерами 18 и начала 19 века» [275]. Среди них попрежнему более всего дорог ей Венецианов. «Вот мастер, близкий моей душе», — неоднократно повторяет художница [296].

Высоко ценит Серебрякова и более поздних живописцев: В. В. Верещагина, И. Е. Репина, М. А. Врубеля, В. А. Серова, а также своих соратников по «Миру искусства»: К. А. Сомова, А. Н. Бенуа, М. В. Добужинского, Н. К. Рериха, А. П. Остроумову-Лебедеву, А. Е. Яковлева, В. И. Шухаева.

Из западных мастеров большую радость доставляют гениальные творения Рубенса, Веласкеса, Тициана. Она поклонница немецких мастеров XV—XVI веков — Дюрера, Гольбейна Младшего, Лукаса Кранаха Старшего, «маленьких голландцев», художников классицизма, особенно Пуссена. С увлечением читает о французских живописцах прошлого — Буше, Ватто, Шардене, а также об импрессионистах — Ренуаре, Мане, Дега.

Особенно много дают Серебряковой выставки, которыми всегда так богат Париж. Ни одной из них она старается не пропустить, некоторые посещает по нескольку раз, как, например, выставки английских портретов XVIII века, Коро, Рубенса, Дега, выставку из Мюнхенской Пинакотеки, выставки французских пастелей, детских портретов, импрессионистов, итальянской живописи от Джотто до Веронезе, Курбе, Делакруа, шедевров живописи из Эрмитажа и другие.

Из кратких оценок, разбросанных в письмах, и отдельных замечаний о тех или иных явлениях в искусстве складывается представление о глубоко оригинальной, самобытной эстетической системе взглядов художницы.

Серебрякова — сторонница классического искусства, и понимала она это искусство широко. Превыше всего для нее самой — потребность в реальном, жизненном идеале. Обращаясь к искусству прошлого, к художникам разных стран, эпох, направлений, она ищет в нем непреходящие ценности и главную из них: любовь к человеку, природе, ко всему живому на земле. Так, бесконечно восхищаясь искусством Рубенса, пишет, что он ей дорог прославлением мира, «радостью от всего богатства земли» [177]. Ее поражают тщательностью проработки деталей, почти иллюзорной точностью передачи акварельные этюды птичек, цветов и пейзажей у Дюрера. Она и к оценке искусства далекого прошлого подходит с позиций художника-реалиста. Так, об искусстве Древнего Египта пишет: «Не правда ли, какая удивительная живая скульптура?» [23], а об античном наследии еще конкретнее: «Как древний мир близок к нам по искусству!!! Какой реализм!» [335].

Серебрякову волнует в искусстве не только правдивая передача красоты реального мира, но и насыщенность большими философскими мыслями в произведениях Рембрандта, Гойи, Врубеля, Рериха.

У великих предшественников Серебрякова ценит высокое мастерство рисунка, композиции, технологии работы различными красками. Художница беспощадно требовательна к себе. Многие свои работы считает слабыми и безжалостно уничтожает их. Горько сожалеет, что некоторые попали в музеи ей «на посрамление», и непрестанно учится у мастеров прошлого: в Лувре по утрам делает рисунки со скульптур XVII века, постигая их пластику, изучает манеру масляной живописи у Гойи, стремится разгадать приемы Дега в передаче «остро взятой жизни и движения» [191].

Граница, последний рубеж в западноевропейской живописи, которую Серебрякова принимает, — импрессионизм. Все, что появилось позже и что принято теперь называть авангардизмом, для нее неприемлемо. Чужд ей и русский авангардизм 1910-х годов: искусство М. Ф. Ларионова, Н. С. Гончаровой, Д. Д. Бурлюка, В. В. Кандинского, К. С. Малевича и других. В своих оценках она неодинока. Так же относились к авангардизму и художники «Мира искусства», особенно старшее поколение.

Но у Серебряковой не было однозначного подхода к творчеству ряда крупных мастеров, прошедших на рубеже двух веков сложный путь поисков. Это прежде всего касается Сезанна. В целом Серебрякова его «не могла терпеть», так как была убеждена, что именно им был указан «последующий ложный путь» в искусстве, ее особенно коробило в произведениях художника подчеркивание уродливого, приемы деформации [273, 183]. Однако Серебрякова отдавала должное Сезанну как талантливому колористу. Она высоко ценила Ван Гога за любовь к человеку, природе, за искренность, непосредственность. Двойственным было восприятие Пикассо: ранние импрессионистические работы ей нравились, но она крайне отрицательно относилась к произведениям последующих периодов его творчества.

Сложным было отношение и к некоторым крупным русским мастерам, в частности к И. И. Машкову и К. С. Петрову-Водкину. Эстетическая платформа «Бубнового валета», появившегося в 1910 году, выступления его организаторов против «Мира искусства» были чужды Серебряковой, и она не проявляла в ранние годы никакого интереса к произведениям живописцев этого объединения. Позже, читая книги по русскому искусству, рассматривая репродукции в альбомах и художественные открытки, она обратила внимание на И. И. Машкова. Особенно понравился ей натюрморт

«Снедь московская», созданный художником в 1924 году, когда уже остались позади его первые эксперименты в области живописи, рассчитанные на эпатаж зрителей; в ряде других его натюрмортов Серебрякова отмечает «недостаточность вкуса» и объясняет это «пестротой красок» [337]. Действительно, у Машкова во многих произведениях есть эта особенность колористического построения, идущая от традиций народного творчества, а для Зинаиды Евгеньевны, воспитанной на канонах иного, классического искусства, такая трактовка натурного мотива, естественно, была грубой.

Серебрякова и Петров-Водкин... Казалось бы, многое связывало этих мастеров. Оба в 1910-х годах были членами «Мира искусства», оба создавали образы, утверждающие красоту человека, оба проявляли повышенный интерес к классике и искали путь к новым монументальным формам. Но в их искусстве были и диаметрально противоположные тенденции.

Душевному складу Серебряковой чуждыми были мастера, игнорирующие живое, непосредственное восприятие натуры, а также классически правильное построение формы. Вполне естественно поэтому, что она не принимала искусства Петрова-Водкина, художника-аналитика, хотя и пыталась в поздние годы пересмотреть свое отношение к его творчеству.

Оценки Серебряковой подчас субъективны. С ней можно спорить, соглашаться или не соглашаться. Для нас важно отметить другое. Она отличалась цельностью художественного мышления и удивительно последовательна была в утверждении своих взглядов. Это и дало ей возможность даже в самые трудные годы жизни сохранить свою самобытность.

Серебрякова неоднократно повторяла, что «живет прошлым». Но прошлое никогда не уводило ее от современности. В многоликой, разноплановой культуре XX века огромный интерес для нее представляло советское искусство. Она хорошо знала нашу живопись. Любила произведения И. Э. Грабаря, М. В. Нестерова, П. Д. Корина, А. А. Дейнеки, Д. А. Шмаринова, Кукрыниксов и многих других. Неоднократно с восхищением писала о художниках детской книги — В. В. Лебедеве, Е. И. Чарушине, К. И. Рудакове. Была знакома с публикациями советских деятелей искусства об абстракционизме и полностью разделяла их мнения. «После всех глупостей «абстрактных» картин и всяких кривляний «кубистов», «пикассистов» и прочих — такое реалистическое и здоровое отношение к искусству, как в СССР, очень отрадное явление... А то тут можно впасть в отчаяние от провала самого понятия об искусстве», — писала она в 1951 году[24].

Из переписки узнаем также, как много и с каким упоением Серебрякова читала художественную литературу. Здесь, как и в изобразительном искусстве, проявляются те же склонности художницы.

На первом плане — всегда русская классическая литература. По-прежнему самый любимый писатель — Пушкин. Серебрякова называет его «божественным». Это ее Пушкин, отличный от Пушкина Ал. Бенуа и М. В. Добужинского. Для Бенуа и Добужинского Пушкин наиболее значителен трагическим аспектом своего творчества (иллюстрации Бенуа к «Медному всаднику», эскизы декораций Добужинского к «Пиковой даме»). Для Серебряковой Пушкин — прежде всего носитель добра и всего светлого, прекрасного в жизни. Серебрякова восхищается его возвышенным отношением к человеку и природе, искренностью, эмоциональностью. Если в молодости она знала почти всю его поэзию наизусть, то с годами растет все больший интерес к Пушкину как личности. Серебряковой дорог каждый факт, каждая деталь, рассказывающая о жизни поэта, и она неоднократно просит своего сына Евгения Борисовича присылать ей все, что издается в СССР о Пушкине.

Серебрякова читает произведения Чехова, Толстого, Тургенева, Лескова, Мопассана, Золя. Но многие читанные ранее книги воспринимаются теперь иначе. Острое ощущение кризиса западного мира, трагедии, которую пережило человечество во вторую мировую войну, нищета и голод в колониальных странах приводят ее, в частности, к переоценке Толстого и Достоевского, «ибо в наши дни,— пишет она,— вопросы голого существования затмили все остальные...» [235].

У Серебряковой много книг советских писателей. Нравятся романы «Тихий Дон» М. А. Шолохова, «Хождение по мукам» и «Петр I» А. Н. Толстого, «Белеет парус одинокий» В. П. Катаева. С увлечением читает «Малахитовую шкатулку» П. П. Бажова, трилогию В. Г. Яна «Чингис-хан», «Батый», «К последнему морю» и многие другие. Книги советских авторов раскрывают перед ней богатый мир близких ей мыслей и чувств. Они так же, как и советское искусство, укрепляют ее морально и побуждают творить.

Уезжая в 1924 году в Париж, Серебрякова была далека от мысли, что останется там навсегда. В своих письмах она неоднократно писала о том, как тяжело на чужбине и горько раскаивалась, что «заехала так далеко». Все ее помыслы устремлены к России, к скорейшему возвращению на родную землю. Из писем, книг, кинофильмов, а также бесед с советскими людьми, которые ее навещали, приезжая в Париж, она хорошо знала о жизни в СССР и бесконечно радовалась успехам своего народа.

Большой духовной поддержкой для Серебряковой были не только хорошие вести из России, но и то внимание, которое оказывали ей советские общественные организации. Так, весной 1927 года благоприятно решился вопрос о назначении З. Е. Серебряковой академического обеспечения, когда она вернется на родину. А в 1928—1929 годах в Ленинграде в Выборгском доме культуры открылась персональная выставка художницы, которая наряду с другими выставками была приурочена к 10-летию Октябрьской революции. В печати по этому поводу отмечалось, что произведения Серебряковой понятны и дороги советскому народу.

В Париже с большой теплотой относились к художнице представители советского посольства: приглашали ее на приемы, выставки, гастрольные спектакли московских театров, поздравляли с праздниками. Особенно сердечные отношения сложились у Серебряковой в конце ее жизни с послом СССР во Франции Сергеем Александровичем Виноградовым, который не раз бывал у нее в мастерской.

Еще в середине 1930-х годов Серебрякова собиралась вернуться на родину. Но затянулись заказные оформительские работы в Бельгии, в доме Броуэра. А потом — вторая мировая война, оккупация Парижа... После войны ее зовут на родину дети. По поручению Союза художников СССР и Академии художеств СССР Серебрякову навещают в Париже Д. А. Шмаринов, С. В. Герасимов, В. С. Кеменов, А. К. Лебедев, Ф. С. Богородский, Кукрыниксы. Но пришла уже старость, художница тяжело больна и не решается на переезд: «Меня это ужасно мучает, волнует, и я совсем растерялась от всяких колебаний душевных и боязни, что не смогу перенести этого потрясения» [25].

Тогда решено было устроить в СССР большую персональную выставку Серебряковой. Художница долгие годы мечтала о такой выставке. «Как я была бы счастлива, если бы при жизни увидела одобрение и понимание незатейливому, простому моему искусству (но искреннему)», — писала она в 1957 году [291].

В мае 1965 года в Москве в выставочном зале Союза художников СССР открылась большая персональная выставка Серебряковой. Залы выставки всегда были переполнены. Широкий отклик выставка получила в печати. Были организованы передачи по радио и телевидению. После Москвы произведения художницы увидели в Киеве и в Ленинграде.

Серебрякова тщательно готовилась к этой выставке, очень волновалась в период ее проведения. Выставка в СССР стала для нее большим праздником. Это была долгожданная встреча художницы с новым для нее зрителем, который высоко оценил ее редкий

талант. «...Выставка Ваших работ в Москве, Ленинграде и Киеве стала большим событием в нашей художественной жизни, — писал Дементий Алексеевич Шмаринов. — Интересно отметить редкое единодушие нашей прессы в оценке выставки и большое число откликов, появившихся не только в художественной печати, но и в общей — в том числе и в ряде толстых журналов. Искусство З. Е. Серебряковой, обогащенное работами последних десятилетий, вернулось на Родину и было встречено здесь с радостью и признательностью как художниками, так и широким зрителем. Оно заняло свое почетное место в истории русского искусства. Примите, Зинаида Евгеньевна, мои самые сердечные поздравления, хотя и высказанные с таким опозданием»[26].

В данной книге отдельно публикуются письма З. Е. Серебряковой, адресованные искусствоведам. Эти письма носят своеобразный характер. Они являются ответами на многие вопросы исследователей, которые занимались изучением творчества художницы и уточняли у нее самой интересующие их сведения. Серебрякова сообщала своим корреспондентам неизвестные ранее факты творческой биографии, историю создания ряда картин, объясняла свой интерес к работе над автопортретами и изображению обнаженной натуры, уточняла сюжеты отдельных произведений. Заслуживают внимания ее оценки произведений И. Е. Репина, А. А. Иванова, а также «Мира искусства» как творческого объединения и отдельных его представителей.

Искусству Серебряковой посвящено немало статей. В дореволюционный период творчества художницы о ней писали известные критики Ал. Бенуа, С. Маковский, Я. Тугендхольд, Вс. Дмитриев, высоко ценившие ее талант.

В зарубежной печати последующего времени выделяются статьи русских искусствоведов, в частности А. Бенуа, С. Маковского, некоторых французских авторов, считавших ее художницей выдающейся. Например, Арсен Александр определяет талант Серебряковой как «чарующий», «пленительный»[27], а Камиль Моклер, акцентируя внимание на серии марокканских работ Серебряковой, противопоставляет ее Анри Матиссу и подчеркивает, насколько серьезнее, гуманнее оказался подход русской художницы к «восточной» тематике по сравнению с его прославленным соотечественником[28].

Ряд наиболее основательных статей о художнице принадлежит советским искусствоведам. Кто бы ни писал о ней, начиная с 1920-х годов — В. В. Воинов, Н. Э. Радлов, А. Н. Савинов, И. М. Шмидт, В. П. Лапшин и другие,— все единодушно отмечают созвучность искусства Серебряковой нашему мировоззрению. В от-

личие от дореволюционной и зарубежной критики бо́льшая часть очерков советских авторов характеризуется научным подходом к изучению проблематики творчества Серебряковой.

Книга почти полностью состоит из неопубликованных материалов, за исключением статей о З. Е. Серебряковой, а также воспоминаний А. Н. Бенуа, Т. Б. Серебряковой, А. П. Остроумовой-Лебедевой, некоторых писем и дневниковых записей К. А. Сомова. Из встречных писем к Серебряковой взяты только несколько самых значительных по содержанию.

Обилие материала вызвало необходимость тщательного его отбора, а также некоторых сокращений. Это относится как к письмам, так и к воспоминаниям и статьям. В письмах семейного характера купюры (отмечены троеточиями) сделаны в тех случаях, когда сообщаемые факты повторяются или не имеют отношения к жизни и творчеству художницы. Почти полностью исключены обращения и подписи. В статьях и воспоминаниях опущены однородные сведения, переходящие из одной публикации в другую (о родословной З. Е. Серебряковой, обстановке в доме Н. Л. Бенуа).

Там, где место отправления письма не названо, составитель книги указывает его, исходя из содержания письма. Стиль писем Серебряковой и ее близких зачастую очень эмоционален: порой в одной и той же фразе или небольшом тексте встречаются по нескольку вопросительных и восклицательных знаков, многоточий, кавычек, скобок, сокращений слов, а также названий, записанных по-французски, что затрудняет прочтение текста. Поэтому в отдельных случаях допущена его незначительная редактура.

За помощь в работе над сборником составители глубоко признательны Татьяне Борисовне, Екатерине Борисовне, Александру Борисовичу, Евгению Борисовичу Серебряковым[29], Наталии Николаевне и Евгению Евгеньевичу Лансере, докторам искусствоведения Илье Самойловичу Зильберштейну, Алексею Николаевичу Савинову, народному художнику СССР Дементию Алексеевичу Шмаринову, а также научным сотрудникам архивов Государственного Русского музея, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственного Эрмитажа, Ленинградского и Центрального государственных литературных архивов.

В. Князева

Письма

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЕМЕЙНАЯ ПЕРЕПИСКА
ПИСЬМА ДРУЗЬЯМ

[1] Н. Е. ЛАНСЕРЕ — Н. Л. БЕНУА

Нескучное, 21 июля 1896 г.

Дорогой дедушка!

...У нас уже скосили всю рожь. При нас косили овес... и мы таскали снопы, помогали складывать «крестцы». Теперь принялись за яровую пшеницу. Погода стоит до сих пор прелестная. Ясно, жарко, только сегодня пасмурно, но дождя еще нет. Вчера был праздник св. Ильи, не работали... [Зина] занозила большой палец на руке (на левой, так что можно рисовать), вероятно, когда носила снопы, и она плохо спала ночь от боли нарывания. Третьего дня я почти целый день косил траву в нашем саду. От этого у меня вчера сильно болела рука и спина. Сегодня все прошло и хочу продолжить косить...

[2] КАТЯ ЛАНСЕРЕ — Е. Н. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 1902 г.

...Дорога по случаю дождя очень плохая, так что пока мы дотащились до Нескучного, мы успели замерзнуть и пожалели даже, что не было с нами зимних вещей. Сегодня хотя дождь и перестал, но зато страшный ветер, так что я не выхожу, а Зина все ходит и ищет, что бы ей рисовать [1]...

[3] ЗИНА ЛАНСЕРЕ — Е. Н. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 28 апреля 1902 г.

Дорогая мамуля,

Как здесь чудно, как хорошо. Вчера мы сорвали первую зацветшую ветку вишни и черемухи, а скоро весь сад будет белый и душистый; за эту ночь (шел теплый дождичек), весь сад оделся в зелень, все луга усеяны цветами, а поля ярко-зеленые, всходы чудные. По вечерам мы ходим со Щегловыми [1] в конец сада слушать соловьев, которые заливаются в обоих садах...

[4] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — А. К. и А. Н. БЕНУА

Нескучное, 16/3 мая 1903 г.

...Как-то вы поживаете в чудной Италии! Мы доехали благополучно в Нескучное [1]... В Вене... пробыли к несчастью слишком мало времени... Какой интересный там музей [2], сколько оригина-

лов, и, несмотря, что мы прямо из Италии, мы все же наслаждались старичками — как прелестен Брейгель. Потом в виде отдыха пошли в Сецессион[3], и тоже нам очень и очень понравилось, что-то такое близкое, понятное. Замечательно, какая разница в выборе сюжетов, в манере живописи сравнительно со стариками: у этих удивляемся, как они достигали без мазков почти такую окончательность и незамученность, хотя глядя на них не забываешь, что перед тобой чудная живопись, у новых же, напротив, видишь мазки, краски, неоконченность, а отойдешь, натура так и бьет, свет правдивый и выбор сюжета близкий к нам, очень хорошо!..

[5] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — А. К. БЕНУА

Нескучное, 11 июля/28 июня 1903 г.

...У нас настали чудные, жаркие дни — вполне летние, так что днем нечего и думать о гулянии, зато ночи лунные, теплые и так как у меня уже все взрослые, то и гуляем с семейством управляющего до 11 часов ночи, вспоминаем такие же чудные ночи в Италии, но надо сознаться, и Малороссия также прекрасна, одна беда для моих девочек: тут нет совсем общества и как всегда отсутствует молодежь... Здоровье Зинуши совсем хорошо, кое-что рисует, и дядя Берта[1] остался очень доволен ее работой. Мы часто вспоминаем Италию и опять живем мечтою когда-нибудь вернуться...

[6] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — А. К. БЕНУА

Нескучное, 24 июля 1904 г.

...Болезнь Зинашиного глаза меня всегда мучает — подумай, потерять глаз, и это видеть, и не в состоянии помочь. Ездила раза три с ней в Харьков, и теперь как будто опять лучше. Она же страдает к тому же, что Боря Серебряков[1] (жених Зики, но секрет — никому, еще два года нужно ждать) уехал отбывать практические занятия в Маньчжурию и вообрази: получили телеграмму, что он избрал для этого Лаоян![2]. Ты можешь себе представить, как мы за него тут боимся...

[7] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — А. К. И А. Н. БЕНУА

Нескучное, 27/14 августа 1905 г.

...Как вы приняли манифест о Государственной Думе. По всей вероятности это даст некоторое удовлетворение и учебные заведения начнут свои занятия. В Харькове были беспорядки, чисто фабричные ...Правда, общий тон газет, кажется, настроен миролюбивее, может, это затишье перед грозой — не знаю. Об мире, кажется, тоже не приходится пока мечтать...

[8] Е. Е. ЛАНСЕРЕ — А. Н. БЕНУА

Усть-Крестище, 23 августа 1905 г.

...Из Нескучного я хотел писать тебе пылкое письмо с убеждением хоть лето пожить у нас или все равно где, но в деревне, чтобы тебе поближе и непосредственно поглядеть на деревенскую жизнь... Там я был поражен своеобразием и известной красотой

движений, силуэтов и поз, особенно баб в своих костюмах... А потом поговорить с ними, рисуя их. Это совсем другие люди, даже сравнительно с теми мужиками, с которыми сталкиваешься в городе...

[9] Е. Е. ЛАНСЕРЕ — А. Н. БЕНУА

Мармыжи, 23/10 сентября 1905 г.

...Я только что вернулся из Нескучного, где опять прогостил недели полторы. Там как раз роман Зики и Бори Серебрякова должен был завершиться свадьбой. Они порешили повенчаться теперь же, не дожидаясь окончания института. Как раз тогда ждали в Нескучное архиерея, и Боря думал просить его разрешить этот брак[1]. Накануне назначенного дня его приезда узнали, что он не будет. Тогда поехали к нашим батюшкам и составили прошение на имя того же архиерея. Мы были уверены, что он разрешит, ибо был подобный «циркуляр». Уже назначали день свадьбы, которая должна была быть в высшей степени простой — без нарядов, приглашений, без пиршеств. Но вот Борис возвращается из Белгорода — оказывается, не так составлено прошение, нужно «графически» показать родство, а разрешить — это, сказали, дело нескольких минут. На другой день Борис опять едет (45 верст на лошадях, помнишь!) и возвращается совсем опечаленный — архиерей отказал наотрез! Не теряя времени, он едет тогда в Харьков искать новых и иных путей. Первая поездка была неудачна — попы не решались, однако сведущие люди указали еще на одного, которого в тот раз он не застал дома. Через день опять едет, хотя уже ни у кого не осталось надежды на удачу; уже обдумывали о переходе в лютеранство, о прошении в Синод.. вдруг — надежда: добрый пастырь согласен; несколько дорого — 300 р., но что же делать!..

После свадьбы[2] молодые должны были ехать в Петербург, где поселились бы в какой-нибудь комнате. С утра Боря шел бы в институт, Зина — к Бразу[3]. Ввиду массы занятий Боря возвращался бы только вечером, а Зина обедала бы у мамы...

Ездили мы из Нескучного в этот самый Муром, на ярмарку — там русские... Что за неистовая, свирепая пестрота красок!.. Было яркое солнце и сильный ветер, и все эти юбки, платки, ленты трепетали и переливались ядовитыми, кричащими красками... В это утро были найдены на базарной площади прокламации с призывом бить помещиков. Но, должно быть, за неграмотностью, никто и не знал о них!..

[10] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — А. К. БЕНУА и А. Н. БЕНУА

Петербург, 29 сентября 1905 г.

...Дошли ли до Вас слухи, что Зина и я едем в Париж. Несмотря на то, что она вышла замуж, как я писала, Боря и она настолько благоразумны, что оба хотят окончить: он — свой институт, конечно, а Зинок — изучение живописи, и так как еще в прошлом году ей все советовали бросить Браза, а другого взамен не имеется, то вот и приходится ехать в Париж. Она написала Клавдии Петровне[1], чтобы вместе ехать, тогда бы я осталась, но

М. Эттингер
Портрет Евгения Александровича и Екатерины Николаевны Лансере, родителей художницы

не получила ответа, и решено ехать со мной. Если можете, напишите пару слов, где нам остановиться, в каком отеле, чтобы оттуда поискать комнатку, а также напишите, довольно ли будет на двух 100 рублей, конечно, жить скромно. Едем на шесть месяцев и хотим выехать 10/23 октября, чтобы с 1 ноября нового стиля поступить уже к Коларосси или др. школу[2]...

Альбер опять уехал на две недели в Москву, там теперь очень неспокойно... То, что творится теперь в Москве, напоминает прошлогодние наши январские дни, и, говорят, скоро опять разгорится и в Петербурге тоже волнение...

[11] Е. Е. ЛАНСЕРЕ — А. Н. БЕНУА

Санкт-Петербург, 19 и 22 октября 1905 г.

...Теперь, может, тебе будет интересно, если я напишу, что я видел и слышал в эти дни. Опишу только непосредственные впечатления, ибо эти события так для нас невероятны, что являются неисчерпаемой темой... И как страшно жаль, что тебя здесь нет,

чтобы наблюдать вблизи этот живой ход истории! Я ни за что не хотел бы быть теперь вне России, и, в частности, не в Петербурге! Послезавтра надеются выехать в Париж мама и Зина, и они вам расскажут массу интересного. Начну с деревни.

В самой деревне было совершенно тихо, только как-то на станции разговаривал со знакомым начальником станции, он нам говорит, что среди железнодорожных рабочих и служащих идет большое брожение и что только ждут снятия с железной дороги военного положения...

Здесь в Петербурге почти сразу началась жизнь в какой-то странной атмосфере митингов, увеличивающейся забастовки, ожидания... В газетах был объявлен митинг в Горном. Но и там оказалась зала закрытой «в виду ремонта и непрочности пола залы». А на листе бумаги крупным почерком написано: «Митинг рабочих — в Университете»... Начиная от Румянцевского сквера тротуары были заняты почти что сплошными толпами людей, идущих к Университету... Мы[1] вошли во двор, почти совершенно темный. Приблизительно в середине его — толпа и перед ней на штабеле угля кучка людей, и один из них говорит речь. Приблизительно следующее в отрывках: «Самодержавное правительство угнетает не только свой народ, но считает нужным подавлять стремление к свободе и во всей Европе и поэтому для буржуазных правительств наш Николай является международным жандармом... и не от та-

Из альбома художницы

В доме деда Н. Л. Бенуа, слева З. Е. Серебрякова и Е. Н. Лансере. 1906 г.

кого мерзавца (я не помню какое именно слово, но равное по силе) нам ждать улучшения своей жизни и не правда ли, товарищи, что теперь мы знаем, где правда — в социализме (голоса: да, да, да), и больше мы не пойдем к кровавому Николаю, поклянемся бороться до конца»... Аплодисменты, крики...

Следующий раз я был на митинге в Институте путей сообщения с Борей, Зиной и Маней[2]... У самой стены сидят — председатель и несколько «комитетских». Перед ними оратор — на вид действительно рабочий. Говорит ясно, твердо, внушительно, развивает ход народного чувства к царю — «что теперь уже больше нет никакой веры к нему и что народ должен сам править» и т. д. От времени до времени аплодисменты, крики. «Требуйте, товарищи, выборов, прямых, равных и т. д. Соединяйтесь, организовывайтесь, выбирайте делегатов и тогда уже во всем подчиняйтесь им», «да здравствует социал-демократия»..

[12] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — А. Н. БЕНУА

Санкт-Петербург, 25/12 октября 1905 г.

...Не удалось нам выехать 23/10 октября и вот попали под забастовку железных дорог... мы, наверное, накануне чего-нибудь серьезного. Могли ли мы еще в прошлом году думать о митингах железнодорожников или рабочих, общедоступных вообще и в

В мастерской О. Э. Браза (?), во втором ряду слева — З. Е. Серебрякова. Начало 1900-х гг.

Из альбома художницы

З. Е. Серебрякова за работой в своей мастерской в Нескучном

В Нескучном («В июле...»)

З. Е. Серебрякова. Начало 1920-х гг.;
фотографии 1900-х гг.: Б. А. Серебряков;
запись о грунтовке холста,
З. Е. Серебрякова

Моментальная грунтовка холста.
Фиксатив для акварели
20 гр.
Смолы дамаровой 3
Цинков. белил в порошке
3. Разбавить немного
бензином и положить
на холст.
Купить: бензин
[illegible]
Цинк. белил растер. на в[illegible]
нашатырного спирту
Глицерин
(Смолы дамара
винного спирта (95°)
Для бензина лака ретушь.

В Париже, 1906 г.: за столом в центре З. Е. Серебрякова и А. Н. Бенуа; Е. Н. Лансере; вид из окна

Из альбома художницы

З. Е. Серебрякова в Люксембургском саду

Парижский карнавал

стенах Университета, Технологического института и др. Вчера Колюша [Н. Е. Лансере] оттуда вернулся и такие слышал разжигательные речи, такие смелые... Сегодня вечером опять назначены митинги на Высших женских курсах, а также в Университете, и все мои собираются — не приходится удерживать...

[13] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 15/2 ноября 1905 г.

...Не писала тебе еще ничего, так как только теперь устроились в своей квартирке, повесили лампу и имеем стол, а до тех пор жили три дня в отеле du Nord [Северном], имели маленький номер, а главное с крошечным столом, так что Зинок, если писала, то уж мне не было места, да к тому же приходили мы вечером уставшие после поисков квартиры...

...Шурочка [А. Н. Бенуа] и веселый и добрый, он нам помог отыскать квартиру, вместе с нами и Яремич[1] ходил. Теперь мы недалеко и от Яремича. Это недалеко от Монпарнаса. Тут же и школа, куда будет ходить Зина: Академи де ла Гранд Шомьер. Это Шура посоветовал, зная, что там преподаватель Симон, но, к несчастью, этот профессор в этом году как раз будет отсутствовать, но это ничего не значит, все же и другие профессора хорошие. Начнет ходить только с понедельника, платеж довольно большой — 46 франков. Занятия с 8 утра до 12 и от 5 вечера до 7.

Париж восхитительный, красивый город, но принял нас страшно недружелюбно: два дня подряд лил дождь, и мы с Зикой ворачивались совершенно промокшие, сегодня же погода хотя и без солнца, но суше, и мы прошлись по городу, на Сене были, и чудо как красиво... Теперь известно, что не будут занятия у путейцев, Зинок пишет Боре, чтобы он собрался, но я себе не могу представить, что он приехал бы. Он, между прочим, сегодня написал Зике, что Рома Прошинский в Харькове на улице подвергся нападению казака, который его обыскал всего и потом ударил в спину, хотел по голове шашкой, но промахнулся... Мы часто вспоминаем вас, россиян, как-то все там кончится, а другой раз страшно становится: вдруг разыграется европейская война, как мы тогда доберемся до вас...

Сестренки[2] тебе очень кланяются и целуют крепко. Зика изучает Бедекер[3]...

[14] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 17/4 ноября 1905 г.

...Были мы с Зинашей в Лувре, что это за громадное богатство, мы только 2 залы видели. Париж мне очень нравится, тем более, что чувствуешь себя действительно в нем свободной...

[15] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 24/11 ноября 1905 г.

...Мы было поняли из телеграммы, что Борис приезжает к нам через неделю, а потом уже разобрали, что только через неделю Борис нам напишет, едет ли он!.. У Бори все равно занятия

до февраля не будут. Зинок приуныл, что он не приезжает, тем более, что она разочарована здешней académie [академией — *фр.*]. Правда, число часов для рисования больше здесь, нежели у Браза и других, но системы рисования никакой, профессор приходит только 2 раза в неделю, обойдет наскоро всех и конец, а так, чтобы показать манеру или научить, как обращаться с красками, ничего подобного, а это главное, на что надеялась Зинаша. Это класс mixte [смешанный — *фр.*] и уровень знаний всех учеников очень посредственный, так как, верно, лучшие силы все находятся в мужских отдельных классах. Мастерская переполнена англичанками и все больше немолодые и некрасивые. Самое интересное это класс croquis [рисунка — *фр.*]. Платят каждый раз 50 сантимов и два часа рисуют по одной четверти часа фигуру в различных позах. Сюда приходят кто хочет прямо с улицы, и не нужно быть учеником. Зинок платит пока понедельно 14 франков за 2 часа, кроме набросков, каждый раз 50 сантимов...

[16] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 11 декабря/28 ноября 1905 г.

...Боря приехал и рассказал о моих. Я была спокойна, да и веселее у нас стало. Зинок счастлива, писем уже не так ждет и работает веселее. Занятия ее все так же продолжаются, т. е. она поражена, как в мастерской много теряют времени и приписывает это к тому, что больше там все англичанки, а не французы, у которых работа кипит. Вчера мы вдруг собрались в театр близко от нас. Театр небольшой, даже не обозначается в Бедекере, и мы не знали, что нас ожидало, а вышло довольно интересно: давали чисто французскую пьесу «Собор Парижской богоматери» Гюго. Утром ходили именно в Собор Парижской богоматери, так что все впечатление вышло довольно цельное...

28 ноября 10 часов вечера. Вернулись только что от Ольги Петровны[1] — пришли к ней в 8 часов, застали ее за фортепиано... Очень радушно нас приняла, сыграла нам отлично... завтра мы сговорились идти в концерт, на недельке как-нибудь она придет, и Зика ее постарается нарисовать.

[17] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 18/5 декабря 1905 г.

...Ты не думай, дорогой мой, что мы здесь не следим за политикой, мы покупаем ежедневно к утреннему кофе «Echo de Paris» [«Парижское эхо» — *фр.*] и читаем все ужасы. Возмущаемся, что доводят бедную Россию до такого бедствия и не можем себе представить, чем все это кончится...

[18] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

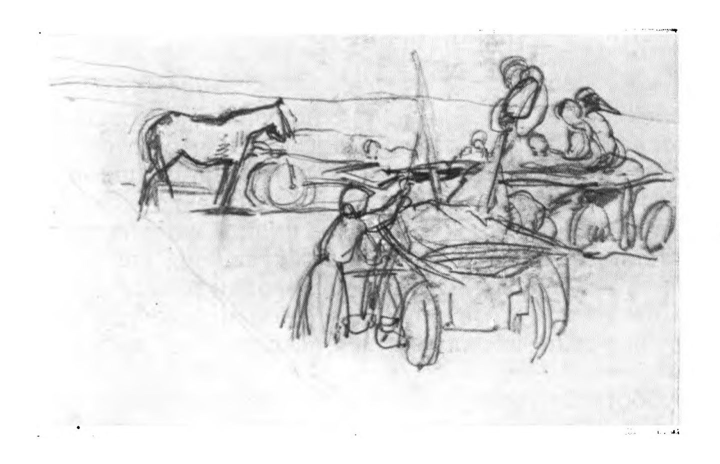
Париж, 31/18 декабря 1905 г.

...На рождество мы ездили в Версаль на елку к Шуре, там был Яремич и Смирнов, бывший студент СПб., а теперь записался в Сорбонну и думает тут кончать... Боря тоже записался в Ecole des Ponts et des Chaussées [Высшая Школа мостов и дорог — *фр.*], будет ходить слушать лекции вольнослушателем...

Крестьянки. 1899

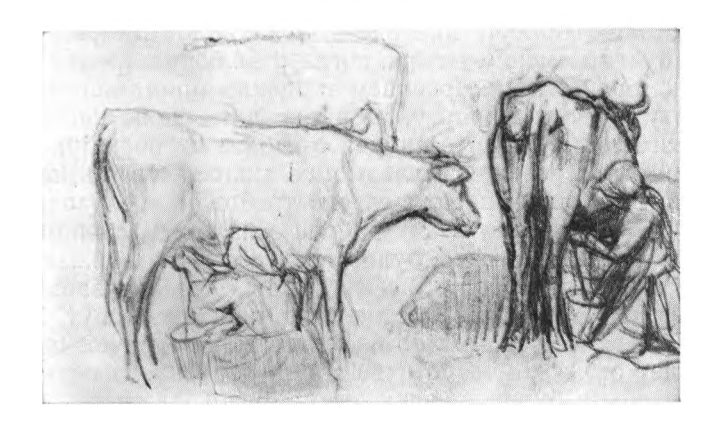
Телятник. 1910-е гг.

Телеги в поле. 1906

Косьба. 1902

Дойка коровы. 1900

[19] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 16/3 января 1906 г.

...Твое письмо от 29 декабря получила, спасибо большое — вот и вы теперь перевалили на Новый год, что-то он нам принесет — навряд ли успокоение и внутренний мир, слишком уж правительство дерзко и глупо, подло и возмутительно действует... Вчера... искали библиотеку Тургенева[1] — нашли, но с трудом, так как никаких надписей, мизерно и скучно обставлено, книги брать можно с собой, то есть абонироваться за 1 франк в месяц, но для этого приходить от 8 до 9 часов вечера! А днем можно там читать... Боря думает все-таки абонироваться, соскучился по русским книгам...

В субботу... отправились в соседний маленький театр... а на другой день пошли на утренний спектакль в оперу «Кармен», но дежурили два часа у кассы, чтобы получить дешевые места... Боря, Зинок и я с удовольствием вспоминаем об этом утре...

Шуру не видели с 6 января (по нашему), верно, рисует на воздухе, так как стоят чудные дни. Он и Зинуше советует больше рисовать...

Принесли № 2 «Жупел»[2]. Мы уже думали, его совсем закрыли... Ты, верно, тоже получил или видел: хороший номер, интересные рисунки, но и опасные, наверное опять будут их преследовать. Интересно знать, был ли Женяка [Е. Е. Лансере] на том художественном собрании у поэта Иванова, где был обыск до 4 часов и, кажется, ничего не нашли[3]. В газете «Наша жизнь» упоминалось, что были Бакст[4], Добужинский[5] и многие другие художники. Маруся Серебрякова писала, что Жорж Груздев был взят с баррикад и теперь сидит в тюрьме, далее из газет Боря прочел, что его товарищи Иванов и Булгаков тоже арестованы...

[20] Е. Е. ЛАНСЕРЕ — А. Н. БЕНУА

Петербург, 5 января 1906 г.

С Новым годом, с новым счастьем, с новыми светлыми надеждами, милые и дорогие Атя и Шура, и приезжайте скорее сюда, право, ваше присутствие здесь нужно, да интереснее здесь, право же, право! Именно теперь, когда революция временно подавлена, тут с тем большим рвением и нужно приняться за творческую работу по всему фронту, чтобы не дать снова наступить сну и унынию и чтобы хоть что-нибудь отстоять от реакции. Я не понимаю твой страх перед социализмом. Раньше всего он неизбежен. Потом он несокрушим в силу своего требования справедливости. Уж мечту о лучшем будущем у рабочего из его души не вырвешь! И в то же время сила его будет все увеличиваться... вся молодость, вся жизнеспособность, все надежды, весь энтузиазм на стороне левых. И если социалистические книжки пишут люди, не интересующиеся искусством, то отсюда еще не следует, что и сама жизнь станет столь же теоретична и однообразна. И поэтому, т. е. для того, чтобы в будущем искусство заняло должное место, нужно теперь протянуть руку людям будущего и вместе строить... прямо невозможно в настоящий момент быть посередине, когда вся

Россия раскололась на две половины и нельзя не сочувствовать или той, или другой ее части. Поэтому мне хотелось бы, чтобы все живое, все искреннее, все талантливое, все честное, и искусство и культурность перешли бы на сторону социализма. Т. е. именно то, что делают «Факелы» [1]. Тут дело не в пропаганде социализма, не в тенденциозности, не в передвижничестве, а только лишь в признании лозунга дня и ничего больше. И я совершенно не понимаю, в чем тебе, например, мешала бы совесть примыкать к левым. И я вовсе не стою за непременно крайних, за баррикады и т. п. Это конечно не наше дело. Но, с другой стороны, не нужно думать, что нападать на самодержавие и буржуазию то же теперь, что лягать издыхающего льва! Еще общество и Россия полны и «Боже, царя храни» и прочим хамством. Ведь ты проповедник, и вот хотелось бы, чтобы ты внес и направил бы этих людей партий по пути культурности и искусства. Например, Горький мог бы быть рычагом громадной силы. Он легко поддается, как говорят, влиянию. И он человек ясного ума и располагающий к себе своею искренностью...

Самостоятельно Горький увлекся вместе со своей женой Андреевой... идеей Гржебина театра «Жупела» [2] — политической сатиры, небольших пьес и т. д. И в «Факелах» и в «Жупеле» предполагался один режиссер — Мейерхольд [3] и одни и те же художники — мы, и эти две причины привели к попытке соединения...

Конечно, еще Бог знает, выйдет ли что-нибудь, но вот если бы ты был здесь, то дело это не только могло бы осуществиться, но и встать на верную дорогу! И причастие такого театра политике не должно пугать, наоборот, наше, художников, участие (а твое и более глубокое моральное воздействие на авторов), облагородило бы и углубило бы его значение. Горький хотел бы написать для него нечто совершенно иное — фантастическое, с великанами...

[21] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 2 февраля/20 января 1906 г.

...Сегодня чудный весенний день, хотя свеженький, и мы хотим воспользоваться и пойти в Гранд Опера [1], нужно повидать и внутри этот грандиозный театр... Итак, собираемся сегодня в оперу «Фауст». Это не ново, но зато все любим...

Боречка страшно хотел приобрести новый фотографический аппарат... но вообще это удовольствие — роскошь, а потому пришлось довольствоваться купить некоторые приспособления к старому, и он сам приделал некоторые усовершенствования и теперь фотографирует разные мосты. Его это занимает...

[22] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 22 января 1906 г.

...Были в Гранд Опера — роскошное здание, какая ширь, богатство и красота лестниц и выхода, вот где увидишь нарядный Париж. Но места, где мы были, плохие, все тянутся и ничего не видят за 2 франка на самом верху... Итак, никакие высшие заведения не открываются, и Боря остается с нами до апреля [1]...

[23] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 28/15 февраля 1906 г.

...Вчера справили карнавал, при чудной погоде. Моя молодежь ходила на бульвары, где, впрочем, только и видно что-либо, в нашем же картье [квартале — *фр.*] — хоть бы что. Зато там такая теснота и столько народу, что я побоялась пойти, тем более что в воскресенье вечером я уже видела начало карнавала... Ряженых не очень много и большею частью доморощенные костюмы: вывороченные пальто, завернутые в одеяло, переодетые в женские платья и наоборот, вроде наших воскресных шарад, все это кричит, свистит, шумит — веселый народ, но и горячий, за дракой не долго ждать, так и петушатся...

[24] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 12 марта/27 февраля 1906 г.

...Были мы также в Ипподроме — это вроде цирка и зоологического сада, и укротитель зверей, т. е. главным образом львов, приводил нас в ужас — львы так и рычат на него и стараются захватить его лапой, а он кладет им в пасть свою голову... Борис получил от Эйгеля [1] известие, что Институт открывается, но так как 5-го будет сходка, то, думает Эйгель, лучше ее обождать: ему кажется, что после нее опять закроют...

[25] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Е. Е. и М. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 23/10 марта 1906 г.

...Вот мы и mi-carême, mardi gras [масленицу — *фр.*] справили... Чтобы лучше видеть процессию, которую так красноречиво описала газета «Матен», мы берем за 2 франка скамейку или, лучше сказать, тележку и становимся на нее... Простояли мы час в ожидании процессии, а затем цельный час длилась процессия. Царицы рынка верно были бы не дурны, если бы не заковал их мороз — вообразите: в кисейных платьях, manches courtes ganteés de blanc [с короткими рукавами, в белых перчатках — *фр.*] сидят часа три в открытых колесницах, чтобы объехать Париж. Жаль было на них смотреть, но они все же мило улыбались и кланялись направо и налево. Всевозможные колесницы, крокодилы, Дон Кихот, мельницы к нему, дома с поварами и т. д. Все это недурно сделано, конечно, бутафорски, и мы поистине наслаждались...

...Были мы также на вернисаже выставки des Indépendants [Независимых — *фр.*] (дядя Шура там выставил). Мы долго искали его вещь, нашли подходящую, но без имени, очень хорошая: Версаль и Бретань с фигурами... Он не подписался, т. к. не доверял себе в первой попытке маслом [1], но вещи очень хорошие, зато остальные, кроме некоторых (исключения) все такие чудовищные, что публика ходит и смеется, как в водевиле...

[26] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 23/10 марта 1906 г.

...Какой чудный день выпал в воскресенье — я тебе его еще не описывала. Чисто летняя погода, и мы с утра поехали в Сен-

Зеленя осенью. 1908

Клу. Дивно провели на лужайке день и закусывали там, любовались публикой, видами, детьми и дальним Парижем... Да, в Сен-Клу на лужайке мы как раз читали вслух Толстого — спасибо очень, мой дорогой, что нас не забываешь и газетами и также книжкой — очень интересно и правда большая, но сколько пройдет еще времени, пока люди постигнут, где вред и начало всех бедствий...

[27] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — А. К. и А. Н. БЕНУА

Петербург, 7 апреля 1906 г.

Вот мы и дома, как будто и не уезжали. ...В Берлин приехали в понедельник утром и успели все осмотреть. На наше счастье музей Фридриха и 100-летняя выставка, все открылось с 12 часов дня... пришли в восторг от Бёклина [1], особенно из Национальной галереи: «Центавр с нимфой», или «Тритон с нимфой», или «Лунная ночь» — чудно. При этом припомнила и рассказала я своим,

как ты давно уже оценил и понял Бёклина и как приходилось тебе бороться с нами, которые не находили в нем прелесть... Выставка богато устроена и интересна, но сравнительно с нашей исторической [2] мы нашли, что холоднее и менее интересна...

[28] Е. Е. ЛАНСЕРЕ — А. Н. БЕНУА

Петербург, 7 апреля 1906 г.

...Но возвращаюсь к приехавшим. Зика — вот кто сильно осунулась. Боря же — цветущий. Зика с большим сожалением вспоминает Париж, но, конечно, о ее работах и заикнуться нельзя!.. А видел ли ты что-нибудь?..

[29] М. Е. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петербург, 17 апреля 1906 г.

...Мама очень боится отпустить Зину в Нескучное без хороших докторов, и, главное, что первый раз. Зина же ничего не хочет знать кроме Нескучного и не боится ехать туда рожать, споры насчет этого идут каждый день и чем все это кончится, не знаю. Боря держит теперь экзамены, сидит у себя и чертит целый день...

...На той неделе мы должны были слушать лекцию... но нас даже не впустили. Что было в зале Союза инженеров! В этот день там был обыск и арестовали 20 человек и потому мы боялись, что нас также арестуют [1]...

[30] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 4 и 5 мая 1906 г.

...Пригласили мы из Липцев акушерку, очень симпатичная дама, и она дала Зике срок еще с небольшим месяц гулять [1], так что Зинок с увлечением принялся рисовать масляными красками яблоньки, а также скотный двор...

Только что был Осип Егорович, и сказал, что на деревне есть слух, что получена амнистия — интересно знать, в какой степени она дана! А теперь на очереди аграрный вопрос!..

[31] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 21 мая 1906 г.

...Удастся ли нам продать 100 наших десятин крестьянам, как они того просили еще зимой, не знаем, так как в этом банке на 200 миллионов рублей предлагаемых имений... Итак, решения с продажей земли еще никакого нет, а как жаль, если это нам не удастся...

[32] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 31 мая 1906 г.

...Только что прочли с Борей твою заметку «Известия крестьянских депутатов», и нельзя сказать, что она подействовала успо-

Крестьянская девочка. 1905

коительно на нас... Увлекаемся «Петр I» Мережковского — Женина книга, полученная от автора за рисунок портрета Петра в медальоне, рисунок Жени[1]...

[33] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 19 июня 1906 г.

...Писала ли я тебе... о том, что... крестьяне наши обращались к Осипу Егоровичу с просьбой, чтобы мы продали им по 100 десятин с каждой экономии, на что мы были согласны, и я взяла с собою в этом году все мои документы. Прошлое воскресенье человек 40 из деревни пришли с нами об этом говорить... Они должны были придти для окончательного договора в это воскресенье — мы их ждали, но они не пришли — оказывается, что у них побывал муромский писарь, заведомый бунтовщик, и отговорил их что-либо теперь предпринимать, что еще неизвестно, что решит Дума, и вот наши крестьяне ему поверили и ждут. Покупают они через Крестьянский банк, но тут опять не совсем удобно выходит, так как Банк полностью продавцу не выдает сумму, а полагается, что часть должен внести покупатель, т. е. крестьяне — они, конечно, даже общиной и то не могут доплатить 7 тысяч и что же выходит? Бедняки нуждающиеся не одолеют, а купят те, кто побогаче... На хуторе почти всю пшеницу уже скосили: сегодня у них было поденных 50 человек. Бедные бабы, кормящие и тяжелые, какое страдное для них время! А малюкашки[1] под телегами, обсиженные мухами и на жаре, кричат и всю душу вытянут. Какой после этого наш — счастливчик[2], хотя тоже не смирный и кричит подчас жестоко. Боря большею частью — на нашей стороне, а на свою [«хутор»] ходит в виде прогулки с Зинашей. Боря теперь косит пруд, он не хочет, чтобы камыш обсеменился, и надеется, что на будущий год он не зарастет и будет дольше оставаться влага...

[34] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Н. Е. и Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 29 июля 1906 г.

Дорогие Коля и Женя. Спасибо, что нас не забываете, пишете и присылаете газеты. От мамы получила только что письмо, что Кате лучше[1], но вот, что меня огорчило ужасно, это что мамуля не приедет ко мне, а я только и жила мыслью, что она приедет. Наш мальчик все болен да болен...

[35] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Иван-город, 21 августа 1906 г.

...Решила оставить Катюшу, так как ее здоровье теперь совсем хорошее, чтобы ехать утешить Зинашу, так как она пишет слезные письма, что ее малюкашка все болеет. Думаю, что это вследствие беспокойства самой Зины... и мое присутствие, бог даст, все наладит. Да к тому же я ей помогу переехать, так как такую дорогу совершенно одной немыслимо с зиниными силенками...

[36] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петербург, 9 сентября 1906 г.

...Вечер воскресенья для первого начала обошелся вчера довольно оживленно: Володя Зеленков, Алиса и дядя Миша с Кокой и Кикой [1] плюс Марс, их собака. Алиса Ивановна пела, Кика аккомпанировала очень смело. ...Сегодня второй наш абонемент — «Риголетто», и идет Зика, а открыла сезон Манюша, она так следит за этим, что даже хотела по газетам купить себе еще один абонемент...

[37] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петербург, 5 ноября 1906 г.

...Переехали Боря и Зина к себе и очень довольны своим гнездышком — конечно, все устроено без претензий, но уютно. Женю переносит Зинок с утра к нам, что тоже доставляет нам большое удовольствие, а Боря остается внизу и готовится к экзаменам. Живем мы смирно, даже воскресенья проходят незаметно...

[38] М. Е. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петербург, 4 декабря 1906 г.

...Сегодня проводили маму и Кота [1] в Давос... надеемся, что они вернутся через 2 месяца совсем здоровыми. ...Боря уходит по вечерам в институт, Зина сегодня ушла в театр, дают «Лакмэ» с Шаляпиным. Они к нам не переедут, так что я буду все время одна...

[39] А. О. ЩЕГЛОВ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, декабрь 1906 — январь 1907 гг.

...Были возле нас беспорядки, но теперь тихо стало, а то и крестьяне было забушевали наши, но теперь усмирились. Были драгуны у нас, они только объезжают село и предупреждают, чтобы не делали никаких беспорядков. Было одно время беспокойное, были все начеку. Ожидали погромов. В Волчанском уезде — разбито 28 экономий в каких-либо 4 дня, недалеко, верст 15 от нас. В Веселом стоят солдаты 38 душ для охранения экономии...

[40] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — А. К. и А. Н. БЕНУА

Петербург, 22 февраля 1907 г.

...Бедный Зиновей [З. Е. Серебрякова] уже терпит разные мытарства и страхи родительские. Болезнь ее сыночка нас всех очень встревожила. Он уж и так не крепкий, но получив инфлюенцию, заразившись от своей няни, совсем ослаб, и Зинок воспользовалась предложением Эли Шмеллинг [1] и переехала на Кушелевку, где и поживет хотя бы месяц, чтобы укрепить сыночка. Там воздух лучше, а, главное, нужно было Зинуше не жить в их квартире (Дубинина), которая оказалась сырая, над прачечной. Через месяца полтора, пожалуй, уже начнем собираться в Нескучное, то есть в середине апреля...

[41] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, июнь 1907 г.

Дорогой Коля, опять к тебе просьба купить мне краски. Прости меня за это. Ты когда поедешь, то захвати их с собой, ведь мы тебя ждем в начале июля? Мамочка и мы все не дождемся, когда ты приедешь, а у Бори масса проектов работать с тобой над прудом, плотиной и т. д. А если ты не приедешь, то пусть магазин сам вышлет наложенным платежом на мое имя... Вот список красок, если в Академии не удастся, то у Куражова (недалеко от Брюкнера) по ту сторону Мойки...— белила цинковые, 4 тюбика (большого размера) по 70 (?) коп., лак 1 темный и 1 светлый, кадмий светлый — 1,4 тюбика, кармин-цинобер 1 вместо вермильона — 2 тюбика. Крап-лак темный — 2 тюбика. Индийскую желтую 1 тюбик. Думаю, что это будет на сумму 7 рублей или меньше... Здесь чудно, но жаль, что поллета прошло так скоро. Ведь через неделю будут косить хлеб...

[42] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 9 июля 1907 г.

Дорогой мой Колюшечка, кончился 9 июль — мы провели время оригинально для дня моего рождения, т. е. у тети Зины [З. А. Серебрякова] обедали, ездили на линейке в поле тети Зины, где косят пшеницу, и вечером теперь сидим и строчим письма — завтра посылка. Начались поломки машин косилки...

[43] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 2 июня 1908 г.

...На хуторе лучше, там больше солнца, вообще мне хутор очень нравится, там чувствуется молодое хозяйство. Скоро две недели, что Зина на хуторе, и было бы очень хорошо, если бы не канитель с нянюшками. Варя отказалась от места, мотивируя свой отъезд тем, что очень уж скучно в деревне... Зинуше теперь приходится опять быть в тревоге, как устроиться, кого взять... Детки не очень спокойные [1], и Зина измучилась, нянчаясь с ними ночью, а днем неустанно рисует и шьет. Приехал бы скорей Боречка, которому тоже необходим отдых и тогда вместе они устроили бы детский вопрос. Володя Зеленков и Лютц [2] наслаждаются у нас: ежедневно катаются верхом, купаются и столярничают... Зинок теперь начала портрет Оли [3] у себя на хуторе. Видимся с ней каждый день, и детки охотно к нам ходят...

[44] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 17 июня 1908 г.

...Боря воображает, что можно Зину оставить на всю зиму в деревне, мотивируя это тем, что у него нет места [1] и он поедет один его искать, затем перевезет Зину на место, где будет служить — но ведь это фантазия, места так скоро не получишь, везти в незнакомое помещение семью тоже нельзя, нужно осмотреться и пройдет на это, конечно, вся зима...

[45] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 5 августа 1908 г.

...Здесь у нас тишина — развлечений никаких, да к тому же такое ужасное холодное, дождливое лето... Хлеб с трудом убираем, дожди так и заливают. Затевает молодежь играть пьесу «Тещу», но, думаю, ничего из этого не выйдет...

[46] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 18 августа 1908 г.

...Пишу тебе на другой день представления, сошел спектакль очень хорошо: актеры были в ударе, смешили публику и сами веселились... После были воскресные танцы, исполненные Катей Масловой, соседом сына священника, нашей кормилицей Василисой и другими: до 11 повеселились и разошлись. Сзади стояла дворня, двери ломились от их натиска, смеялись громко, потому что Боря был нагримирован комично, да и Оля... Погода установилась жаркая. Молотят хлеб... Зина работает усердно, но никому не показывает работы, впрочем, может, и есть шаг вперед, кое-что показала...

[47] Е. Е. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

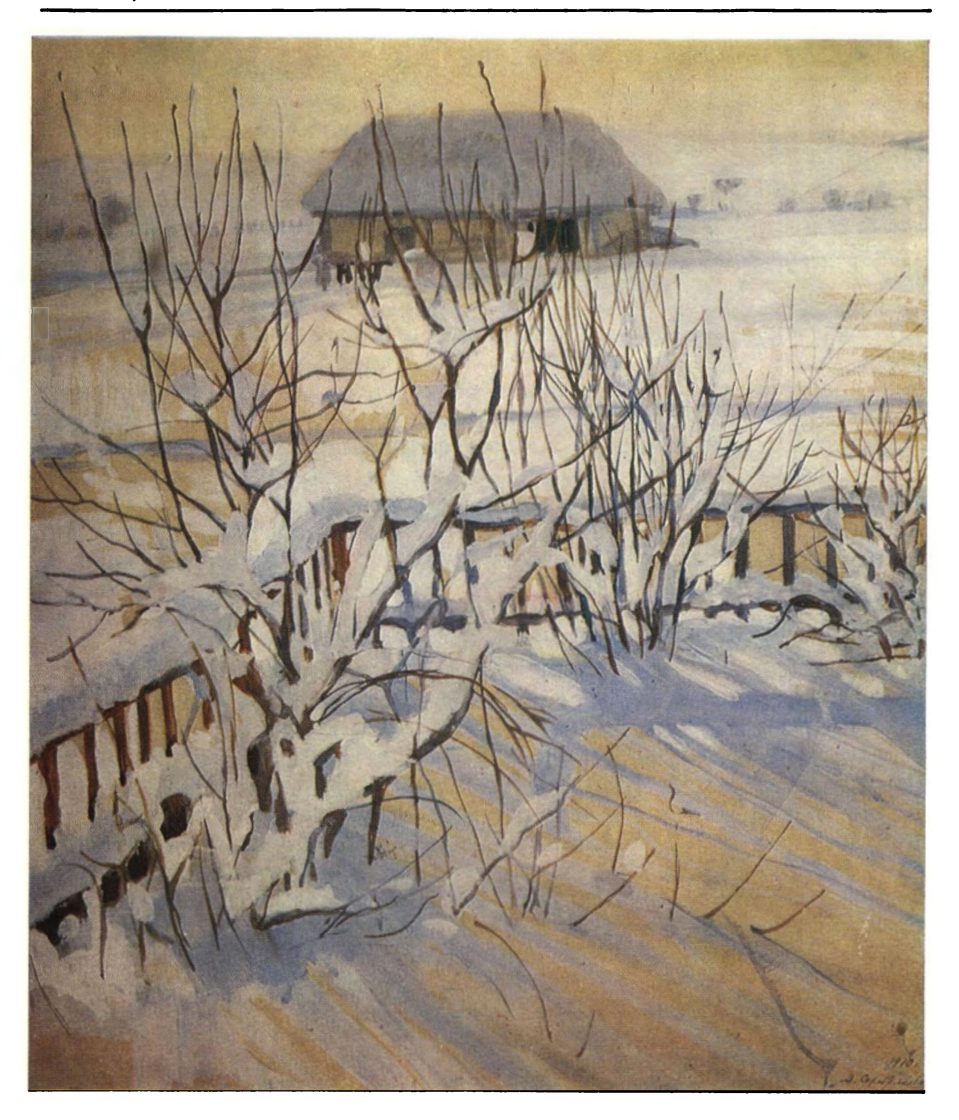
Нескучное, 27 августа 1908 г.

...Спасибо за твое длинное письмо и за присылаемые газеты — это почти единственные вести о том, что происходит в Петербурге и в политике. А то газет не получаем и живем почти растительною жизнью! Мы с Олей все гадаем и мечтаем о переделке дома в Усть-Крестище и поэтому зимой, должно быть, опять будем приставать к тебе [1]... Борис с Эйгелем нивелируют берег Муромки — они будут для собственного назидания проектировать деревянный железнодорожный мост через Муромку. А пока что Боря хозяйничает — сидит целый день на молотьбе, делает силосы для корма. Раз ездили варить кашу в Высокое... а теперь все сидим по домам, а я даже редко и верхом катаюсь, — все сижу и опять над скучным заказом — календарь для «Нивы»...

[48] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 10 июня 1909 г.

...Устраивает Володя Зеленков место для лаун-тенниса и большая надежда, что Колюша приедет и Лелечка [1]. Выписываем пианино, виолончель уже здесь и будем устраивать музыкальные вечера... Я жду тебя, дорогой мой Колюша, и Женяку [Е. Е. Лансере] еще для того, чтобы поговорить насчет дела: Боречка, кажется, хотел бы продать свою землю Солнцевским крестьянам, а взамен у меня часть купить, только настолько, чтобы у нас осталась дача. Не знаю, дорогие, как мы все вместе это решим. Во всяком случае наш бедный Осип Егорович Щеглов уже, верно, не поправится, и нам держать хозяйство в чужом управлении, конечно, немыслимо — вот об этом будем решать. Боря, конечно, думает взять какое-нибудь место, но надеется при этом и не бросать свое имение и служить где-нибудь на юге, но неужели тогда Зинок обречена опять жить в деревне, да еще муж в отсутствии! Зинок

Зимний пейзаж (Село Нескучное). 1910

За туалетом. 1909

не очень-то хорошо выглядит, ест все так же мало и жалуется на боль как будто в почках... Сенокос еще не можем начать, хотя трава высокая, но дожди заливают совсем. Хлеба могли бы быть отличными, если бы тоже не полегли от дождя и не были бы побиты градом. Так что еще ничего нельзя сказать...

[49] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 28 июня 1909 г.

...День почты всегда большое развлечение в деревне и вот пришли опять Зика и Боря[1], и мы все уселись на лестницу на балконе, и Зинок нам прочел твое письмо, такое интересное и забавное... Погода стоит дождливая и даже начинаем бояться, чтобы не повредило нашему сравнительно хорошему урожаю. Через неделю начнем, пожалуй, и рожь косить... Боря заезжал в Курск и узнал, что купчая на мою продажную землю закончена. Итак, у нас опять 300 десятин плюс лес...

[50] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 15 июля 1909 г.

...Боря как ревностный хозяин весь день в поле, и Зика с ним и с красками, она такая же ревностная к рисованию...

[51] Е. Е. ЛАНСЕРЕ — К. А. СОМОВУ

Петербург, 18 февраля 1910 г.

Дорогой Костя, спасибо за письмо и приятное известие для сестры — это ее очень подбодрит, так как до сих пор похвалы ограничивались кругом домашних. Конечно, она согласна продать, но сказать цену трудно: Шура советует рублей 150, а она сама... 50 р. Но у нее будет на выставке вещь несравненно значительнее — полукартина, полуавтопортрет, маслом, почти в натуру: дама deshabillée [полураздетая — *фр.*] расчесывает себе волосы, автор себя видит в зеркале, так что часть предметов на первом плане повторяется вдвойне (свечи)[1]. Все очень просто, все точная копия натуры, но вместе с тем Шура находит, что в ней есть «стиль». Она всем чрезвычайно нравилась; Шура советует назначить за нее 500 р. ...

[52] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 3 июля [1910 г.]

...Пользуюсь случаем редким, что осталась одна на хуторе, и тишиной, чтобы вам, дорогим, написать письмецо. Зина, Маруся и Марья Порфирьевна[1] ушли на нашу сторону на лекцию: Георгий Иванович Чулков[2] читает вслух Данте. Он хорошо читает, и я с удовольствием послушала бы его, но сегодня не рискнула в темноте идти. Постоянные дожди в это лето совсем размыли аллеи у нас, и у Бориса внизу. Да, в одном отношении жаль, что вы в этом году не у нас — наши гости интереснее прошлогоднего Артурыча, но зато погода невозможная... Борис огорчил Зину, что уезжает на Амур[3], ведь какая даль и до января месяца — верно, трудно найти что-нибудь подходящее, но он еще не уехал... Да,

Зина опять начала рисовать Надежду Григорьевну[4], и утро Оля и Надежда Григорьевна проводят по этому случаю на хуторе... Вернулась Зика и другие, читали Лермонтова «Мцыри», и Чулков хочет убедить Зину, что Лермонтов выше Пушкина...

[53] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 17 мая 1911 г.

...В субботу уже посылаем лошадей за Катюшей [Екатериной Евгеньевной Зеленковой] — я так счастлива их видеть, но жаль, что придется перейти в большой дом и не быть с Зиной. У нее натурщица, и три часа она работает с ней, да и в саду делает этюды...

[54] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

Нескучное, 5 июня 1911 г.

...Вы читали, верно, что будет новый памятник Пушкину в Петербурге[1]. С отвращением представляю что-нибудь вроде московского в безобразном костюме 30-х годов и таким скучным. Боже мой, надо бы сделать его божественным, с улыбкой «поэт по лире вдохновленной рукой рассеянной бряцал» и гордым. В мечтах у меня я вижу его таким, а пробую сделать что-нибудь и вижу, что одной любви мало...

[55] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 19 июня 1911 г.

...Как я тебе благодарна за «Кривое зеркало»[1] и статью Мережковского. Боттичелли и Коро чудные. Завтра посылаем лошадей за Соней[2], вот неожиданный приезд! Едет она с двумя детьми и китаянкой-няней. Теперь у нас лето, и я больше рисую, но по-прежнему в отчаянии от своей живописи!..

[56] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 22 июля 1911 г.

...Была у нас радость на этой неделе: сюрпризом приехал Саша Даниэль[1]... Он сын помещика, вырос в деревне, ее любит и практичный. Саша говорит, чтобы я не продавала Нескучное, что земля еще поднимется и во всяком случае не за такую маленькую цену, как я спросила с Бориса, то есть 80 тысяч. Итак возьму опять слово назад и оставлю пока Нескучное за собой... Одна Зинуша не принимает почти никакого участия в нашей жизни, так как весь день рисует. Погода стала лучше и иногда можно рисовать натурщицу в саду, но это редко... На полях у нас по 80 косарей, косят рожь и пшеницу — денег идет пропасть на поденных, заняли уже...

[57] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 10 июня 1912 г.

...Вот у нас тоже не весело, т. к. хутор постоянно в волнении. С тех пор, что Боря уехал, ни одного спокойного дня, то Зина себя нехорошо чувствовала, то Шурочка[1] болеет и, конечно, бес-

сонные ночи с ним изнуряют Зину. Но что с бедным мальчиком, прямо непонятно... Зина мается без работы, только 2 часа ежедневно рисует Катюшу[2], а то не знает, за что приняться...

[58] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 14 июля 1912 г.

...Благодарю за открыточку — так и захотелось поехать в Симеиз... Скажу по правде, не очень-то мне хочется это путешествие, так как Зина иначе не хочет ехать, как только со мной. Главное, конечно, без средств предпринять такое путешествие в таком составе мать, бабушка, кормилица и трое детей[1], ведь это, наверное, будет колоссальный расход и придется прожить не более месяца, затем вернуться в Петербург и захватить часть осени, вот мы и думаем, не лучше ли и с большей пользой провести весь сезон, т. е. осень, зиму и раннюю весну в Царском[2]. Для этого возьмем квартиру там, а свою передадим Зеленковым...

[59] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 15 августа 1912 г.

...Мы зависим более или менее от того, какую нам найдет квартиру Володя Зеленков в Царском... А пока расскажу, как мы тут проводим время. Если начать с вечера, как сейчас, то Володя с Катюшей Эдвардс[1] играют в шашки. Это обязательно каждый вечер несколько партий. Катюша Зеленкова в это время читает или пишет, как и я, за общим большим столом. Утро Катюша Эдвардс проводит у Зины, она такая милая, не тяготится, что Зинок ее рисует и не кончает, а все начинает снова (это по секрету)...

[60] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — В. Е. ГАККЕЛЬ

Петербург, 22 декабря 1913 г.

Дорогая Вера Евгеньевна, спешу послать карточку брата, хотя не знаю, будет ли это достаточно, чтобы попасть в «Собаку»[1]. Была вчера на «Парсифале» и, несмотря на божественную музыку, — никакого впечатления — декорации и вся постановка отвратительны, а Литвин[2] немыслима...

[61] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — В. Е. ГАККЕЛЬ

Петербург, 10 января 1914 г.

...Буду очень рада, если Вы придете на последний сеанс в понедельник, в 1 ч. дня. Если только это Вас устраивает, конечно...

[62] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — В. Е. ГАККЕЛЬ

Петербург, 6 апреля 1914 г.

...Открытку Вашу получила, но, к сожалению, как раз в этот день я иду на дневное представление «Балаганчика» Блока в Тенишевском училище[1]. М. б. Вы зайдете пообедать с нами в 6 часов, будем очень, очень рады...

Портрет Е. Н. Лансере, матери художницы. 1912

Портрет О. К. Лансере. 1910

[63] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Н. Г. ЧУЛКОВОЙ

Петербург, 25 мая 1914 г.

...Вот мои планы: 2 июня я должна быть в Милане, где условилась встретиться с одной знакомой девицей. Вместе мы думаем объехать северные городки Италии, потом она едет в Рим, а я остаюсь одна и не знаю, что делать и куда ехать. В Милан поеду через Берлин, Лейпциг, Мюнхен. В Нескучном я была 10 дней. Там много солнца, небо безоблачно, а рожь волнуется, как море. Я горько плакала, когда прощалась с детьми. Через 6 недель хочу вернуться. Я ничего не читаю и мучаюсь, что ничего не рисую. Я очень устала от всего. Зима прошлая кажется мне кошмаром, себя мне стыдно вспомнить, и я ведь мучила вас. Прощайте, чудесные друзья мои, я вас страшно, страшно люблю...

[64] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Милан, 2 июня 1914 г.

Дорогой Женя, была в Лейпциге на выставке графики[1]. Русский отдел очень хорош и, конечно, такого, как ты, нет в Европе, хотя я знала это и раньше. Теперь я в Милане, город противный, но музеи чудесные. Мы проезжали Швейцарию, боже мой, как невероятно красивы горы, водопады, озера. Через два дня едем в Венецию, там неделю, потом во Флоренцию, тоже на неделю...

[65] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — В. Д. СОЛНЦЕВУ

Милан, 3 июня 1914 г.

...Большое Вам спасибо за присланные переводы денег. Вашими заботами я добралась до Милана, в Лейпциге встретилась с Эллой. Швейцария мне так безумно нравится, горы так прекрасны, что я непременно после Италии вернусь туда. ...Всюду за границей дурная погода и в Милане холодно и дождь. Вы, верно, скоро увидите наших нескучан... Эта Мадонна[1] висит у нас на хуторе в столовой, я удивилась, увидев ее в Милане...

[66] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Н. ЛАНСЕРЕ

Венеция, 23 июня 1914 г.

Дорогая, бесценная мамуля! Наконец сегодня радость — от тебя письмо! Целую тысячи тысяч раз божественную дусю! Я наслаждаюсь в Венеции: что за чудный, дивный город! Вечером он особенно фантастичный, мы ходим на площадь св. Марка каждый вечер слушать музыку (из разных опер) и любоваться зданиями несравненной архитектуры. Я уже совсем загорела и, кажется, поправилась. Поедем сегодня на Лидо...

[67] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 27 июля 1914 г.

...Дойдет ли до вас, дорогих, это письмо? Неужели правда, Петербург будет в осаде?[1]... Мы здесь, надо надеяться, в безопасности и, верно, придется до поздней осени тут сидеть... Но как томительно быть без известия и какие поздние приходят! От Жеки [Е. Е. Лансере] получила письмо сегодня, у него тоже чувствуется недостаток рук и взяли его садовника и кучера. У нас Леся [О. О. Щеглов] ушел, и сегодня получили открытку, что его направили в Киев быть при полевой больнице. Хорошо, что Сережу [С. О. Щеглов] освободили из-за порока сердца — он нам теперь заменит Лесю[2]... Маруся, Всеволод Солнцевы, Зика и тетя Зина едут в Терновую, там и бросят письмо в почтовый ящик. Зика хочет купить костюм для своей будущей картины...

[68] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 9 августа 1914 г.

...От Бори имеем наконец известие, он, оказывается, писал Зине за границу, но она ни одного письма не получила и тут, будучи уже месяц, тоже письма нет... И вот, наконец, когда не знали,

что и думать, пришло письмо от 13 июня. Вот как далеко забрался Боря![1]. Пишет он, что у него иссякает провиант рабочим, что боится, что они взбунтуют и оставят его в тайге, при этих условиях не знаю, долго ли он проработает, да и интересно, как отзовется на нем война. Очень может быть, что и вернется раньше...

[69] Н. Е. ЛАНСЕРЕ — Е. К. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 8 мая 1915 г.

...Здесь погостил почти три дня... Зика меня рисовала темперой. Дети весь день где-то бегают, вдруг с шумом прибегают, довольно часто пищат и плачут (какие-нибудь взаимные обиды), но в общем очень славные... В саду цветут яблони, деревья еще не совсем распустились. На второй день мы устроили пикник в «Высокое» с самоваром и пирожками... Вчера же я с Зикой вдвоем, после грозы, ездили в Терновую, смотрели школу. Показывал нам сам Сережа Щеглов. В школе живут 50 пленных австрийцев, которых земство выписало для постройки больницы... есть совсем мальчики...

[70] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — В. Е. АРЕНС-ГАККЕЛЬ

Нескучное, 28 июля [1915 г.]

...Спасибо за память. Я часто ищу оправданье себе, что не работаю все лето и сваливаю на судьбу свои неудачи. Я одна все время, муж был до последних дней в Варшаве и хотя заезжал теперь к нам, но всего на 1 день. Мама тоже уезжала в июне к сестре Кате, заболевшей воспалением легких, на Вырицу... Итак я одна, а потому тоскую и хандрю целыми днями. Дети тоже одни, т. к. бонна, немка, оказалась ужасной, и я отправила ее через 10 дней по приезде обратно. Впрочем, это лето для всех, всех тревожное, печальное. Лето еще в разгаре, а у нас будто давно осень, так холодно и дожди без конца. Хлеб убрали и поля пустуют. Надеюсь Ваши стихи прочесть в Питере, здесь мне не удалось достать книжку...

[71] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Е. К. и Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 8 сентября 1915 г.

Дорогие мои Лелечка и Колюша, наверное, вы уже переехали, у нас и то 5° только тепла с леденящим ветром... теперь страшное переполнение на железной дороге, достать места почти невозможно, все перебираются из Киева и масса беженцев всех классов, да и учащаяся молодежь съезжается в Петроград... Боречка с Ярославом на крыше сами складывают трубы к печи во флигеле... Хозяйство теперь так уменьшено, все работы покончены, что проводит Боря время больше с нами да детьми... Зинок рисует своих московок, она наслаждается ими и их рассказами...

[72] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

[Курск, май 1916 г.]

Дорогие Леля и Коля, проводим бессонную ночь на курском вокзале. Все время подходят поезда с ранеными солдатами и пр.

Здесь тепло, но дождь и грязь. Завтра будем в Крестище и мы рады увидеть твою постройку [1]. Думаем о вас, скорей бы вырваться из города...

[73] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Б. А. СЕРЕБРЯКОВУ

7 мая 1916 г.

...Благополучно едем, спокойно и все здоровы. В вагоне страшно холодно и на воздухе тоже. И в Москве и в Орле всюду дождь и непогода. Видели в Туле поезд товарный, битком набитый пленными немцами...

[74] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Б. А. СЕРЕБРЯКОВУ

Нескучное, 14 мая 1916 г.

...Сад наш совсем зарос, не пахан, и в ямы, выкопанные московками, ничего не посажено... Сегодня был новый набор. Взяли пять парней с «Нескучного», опять провожали с хоругвями и батюшкой. Из прежних наборов еще не убили никого. Только и молим бога, чтобы война кончилась, но это безнадежно!.. Пожалуйста, дусик, папуля, присылай иногда «Огонек», я буду давать его раненому Петру [1].

[75] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Б. А. СЕРЕБРЯКОВУ

Нескучное [*май 1916 г.*]

...Вот уже июнь скоро, а я все откладываю свои работы (композиции) для дома Морозовой [1], хотя Жолтовский [2] еще ничего не прислал...

[76] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Б. А. СЕРЕБРЯКОВУ

Нескучное, 30 мая 1916 г.

...Пожалуйста, как можно скорее срисуй мне мои эскизы (или сфотографируй), я хочу их посмотреть и подумать о них [1]. Еще не понимаю, отчего мне Жолтовский ничего не прислал...

[77] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Б. А. СЕРЕБРЯКОВУ

Нескучное, 3 июня 1916 г.

...Прочла недавно Флобера «Простое сердце». Мне очень понравилось, какой глубокий и трогательный рассказ. Читала также Мопассана, которого ужасно люблю... Пришли что-нибудь по истории Востока [1]...

[78] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 8 июня 1916 г.

...Дети веселы и здоровы [1] — с хутором видимся часто. Зинок рисует Машуту [2], а также братьев Леви [3], которые очень милые, воспитанные люди, и дети их любят. Провизию достаем, но с трудом сахар и мыло, а также мяса нет, только все баранина, своих же кур очень мало...

Портрет М. Н. Бенуа. 1910

[79] В. Д. СОЛНЦЕВ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Зегевольд, 8 июня 1916 г.

...Зина рисует Марусю — портрет и этюд купальщицы [1]...

[80] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Б. А. СЕРЕБРЯКОВУ

Нескучное, 9 июня 1916 г.

...Меня страшит будущая работа (вокзал), нет уверенности в себе, боюсь опять все сделать неудачно. Что, ты спрашивал ли Аллегри (Орест Карлович) [1] снял ли он фотографию с эскиза Добужинского [2]...

Хуторские дамы редко выползают гулять, в 6 ч. вечера неизменно спешат кормить детей [3]... Разговоры ведем дамские — о стирках... о детях, о мужьях. Как странно, но мне это смертельно томительно... и нет времени читать и остаться одной... А мне бы хотелось слушать про путешествия, про Персию, Турцию, Индию. Боже, сколько интереснейших вещей на свете, а я ничего, ничего не знаю. Как я понимаю твою тоску в Питере, желание уехать в Сибирь...

[81] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Б. А. СЕРЕБРЯКОВУ

Нескучное, 11 июня [1916 г.]

...Жалею я очень, что не привезла белил цинковых, темперы. Теперь сама делаю эмульсионную, но это неудобно для поездок, а только для дома. Забыла я еще купить цинковые белила в порошке. Боюсь, в Харькове нет. Буду рисовать Марфу московку [1] (помнишь та, что с кувшином нарисована) как она белит холст, хотя все еще не начала компоновать...

[82] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — В. Е. АРЕНС-ГАККЕЛЬ

Нескучное, 12 июня 1916 г.

...Мне переслали Ваше письмо в деревню, большое спасибо, что помните меня. Если можно было бы подождать с ответом в «Солнце России» [1] до осени, то я бы, по приезде, с удовольствием нашла бы в своих рисунках что-нибудь подходящее. В «Солнце» читала Ваши стихи, они мне очень понравились. Моя работа что-то не налаживается, а лето проходит. У нас уже начался сенокос, хотя погода холодная и дождливая...

[83] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Б. А. СЕРЕБРЯКОВУ

Нескучное [июнь 1916 г.]

...Приходила вчера Марина [1] с просьбой к тебе — крестить у нее младенца (который должен еще родиться), записать тебя в крестные отцы заочно, так как они тебя «очень уважают». ...Думаю, что ты ничего не будешь иметь против...

[84] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Б. А. СЕРЕБРЯКОВУ

Нескучное, июнь 1916 г.

...Посылку 9 июня надеюсь получить. Теперь я очень довольна, что есть у меня бумага и белила, темпера. Мне это лето не везет, работаю мало и плохо [1]... Вчера я вздумала дурачить на-

ших наивных гостей[2] — мы переоделись бабами (Зиночка, Мэри[3] и я) и говорили с ними, а они нас не узнавали, и нам было очень смешно... Как мы будем жить зимой... А надбавка платы за квартиру!! Насчет мастерской я не думаю, дай бог, чтобы так хватило...

[85] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 10 июля 1916 г.

...Твоя открыточка, дорогой Коля, с поздравлением 9 пришла как раз 9, которое мы отпраздновали довольно оживленно[1]. Обедали 22 человека на два стола... Даже было переодевание, так, например, Володя был дамой, а Женя Леви ее отбивал у Шуры Леви — все смеялись до слез. ...Зинок беспокоится, что для Казанского вокзала не делает эскизы, но я ее утешаю, что она догонит в сентябре, а вообще рисует она много, один сеанс за другим, то Зину Серебрякову, то Марусю нашу, то одну московку, то Женю или Шуру Леви, а пейзажи невозможно почти уловить из-за погоды...

[86] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Б. А. СЕРЕБРЯКОВУ

Нескучное [лето 1916 г.]

Спасибо, радость моя, за «Речь»[1], но неужели тебе не скучно каждый день завертывать и отсылать? «Сатирикон»[2] тоже получила. Жаль, что я не взяла интересных книг, забыла дома «Кота Мура»[3], а то бы прочла...

[87] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — В. Е. АРЕНС-ГАККЕЛЬ

Петроград, 11 октября 1916 г.

...На этой неделе собиралась непременно быть у Вас, да видно опять не суждено. Только что кончила эскизы, так как теперь связана детьми. Дело в том, что у нас неожиданно уехала фрейлин в Ревель, на всю зиму, узнав, что сестра ее там опасно больна. Т. ч. я в поисках за кем-нибудь к детям. Мальчики начали было говорить по-немецки, и мне хочется, чтобы они усвоили этот язык. Хожу по конторам, пишу письма по объявлениям, но никого пока нет...

[88] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — В. Е. АРЕНС-ГАККЕЛЬ

Петроград, 13 ноября 1916 г.

...В книге Моравской[1] «Стихи о войне» — стихов 13. Нам тоже ужасно жалко, что Ваше издание задерживается, хотелось бы скорее прочесть Ваши стихи. Брат Женя недавно писал мне, что «Солнце» ему предложило иллюстрировать «Казаков» Толстого для приложения к журналу на март месяц[2]...

[89] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 30 апреля 1917 г.

...Погода стоит холодная, так что сад еле распускается и яблони еще не цветут. Ветер так силен, что гулять было невозможно. Но в общем чувствуем себя великолепно в смысле спокой-

ствия и хотя сидим без мяса пока и не знаем, как добыть сахарные пайки, но голода пока не чувствуем... Сегодня воскресенье, и Леся ушел в Нескучное на сход. Сход обещает быть большой, в ратуше, как крестьяне называют избу, где происходит сход. Как бы этот сход не раздражил опять Лесю! Тетю Зину [З. А. Серебрякову] [1] видим каждый день, делимся впечатлениями, и, по счастию, тетя Зина всей душой к революции и сходится с мнением Зики [З. Е. Серебряковой]...

[90] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — А. А. БЕНУА

Нескучное, 25 июня 1917 г.

...Теперь мы одни, Боря давно уехал и уже написал мне, что уезжает на изыскания ж. д. в Оренбургские степи. Уже две недели, что мои московки заняты сенокосом и не приходят ко мне, а после Петрова дня начинается жнитва, так что я давно их не рисую. На днях у нас было несчастье — утонула, купаясь в речке, девушка-московка, я когда-то рисовала ее (помнишь, м. б., она была на ярмарке в таком ярко-красном сарафане?). Вечером после ужина вдруг вбежала к нам бледная, испуганная Марина и говорит, что Поля [1] утонула. Я побежала к ней. Было уже совсем темно и сыро. На речке, против московского хутора, толпа мужиков, баб и детей, а среди них на бочке голое тело, которое они качали взад и вперед уже два часа, сперва на рядне, а затем на бочке. Я захватила книжку «Первая помощь» и была в отчаянии, что надо оживлять совсем иначе. Наконец мужики согласились положить ее на землю и делать ей искусственное дыхание (они долго боялись класть на землю, так как — поверие, что тогда утопленник умрет, а никто не хотел подложить под тело одежду, пришлось скинуть мне свое пальто и юбку). Но, потеряв три часа на разговоры, было уже поздно, она была мертвая, сколько ее ни растирали.

Не могу вспомнить эту ужасную ночь, синее лицо и как я молила Бога, чтобы она вздохнула. Ужасно, что все так покорно, так пассивно относятся ко всему. На следующий день ее похоронили на старом кладбище, несли гроб через наш сад, впереди девушки несли крышку гроба, накрытую ярко-красным платком с цветами. Прости за эти описания, но я долго мучилась этим несчастьем...

[91] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — А. Н. БЕНУА

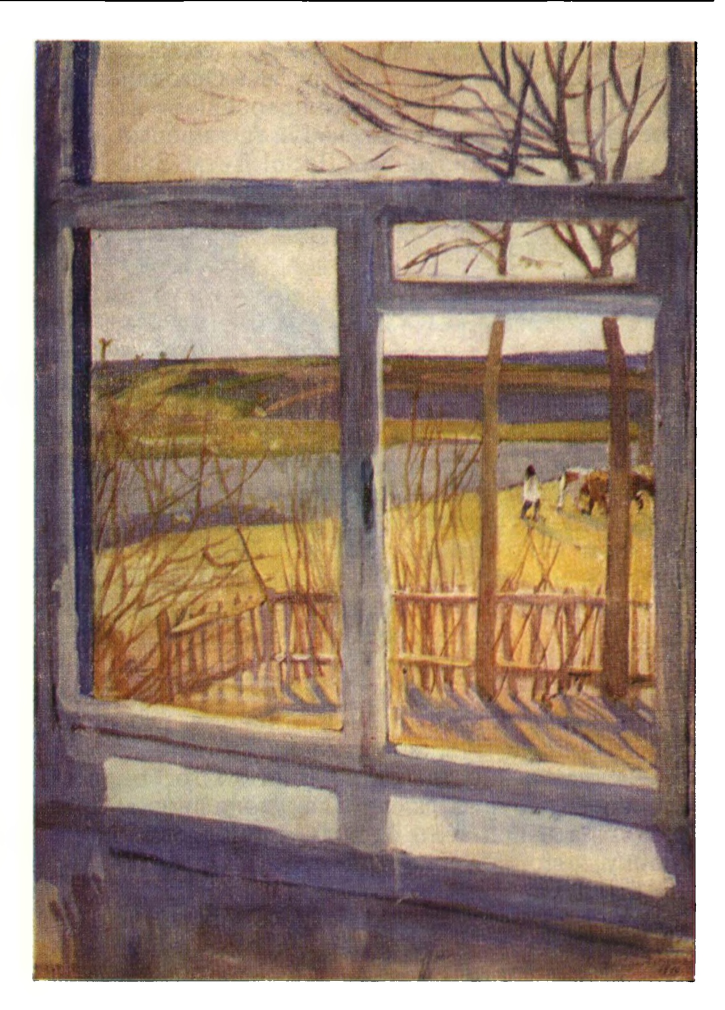
Нескучное, 18 августа 1917 г.

Дорогой дядя Шура! ...Вы знаете, как я была бы счастлива увидеться с Вами, а тем более жить около Вас эту зиму, когда так невыносимо стало от мерзости всего творящегося вокруг. Про московское заседание я не читаю, уж слишком тошнит от подлостей [1]...

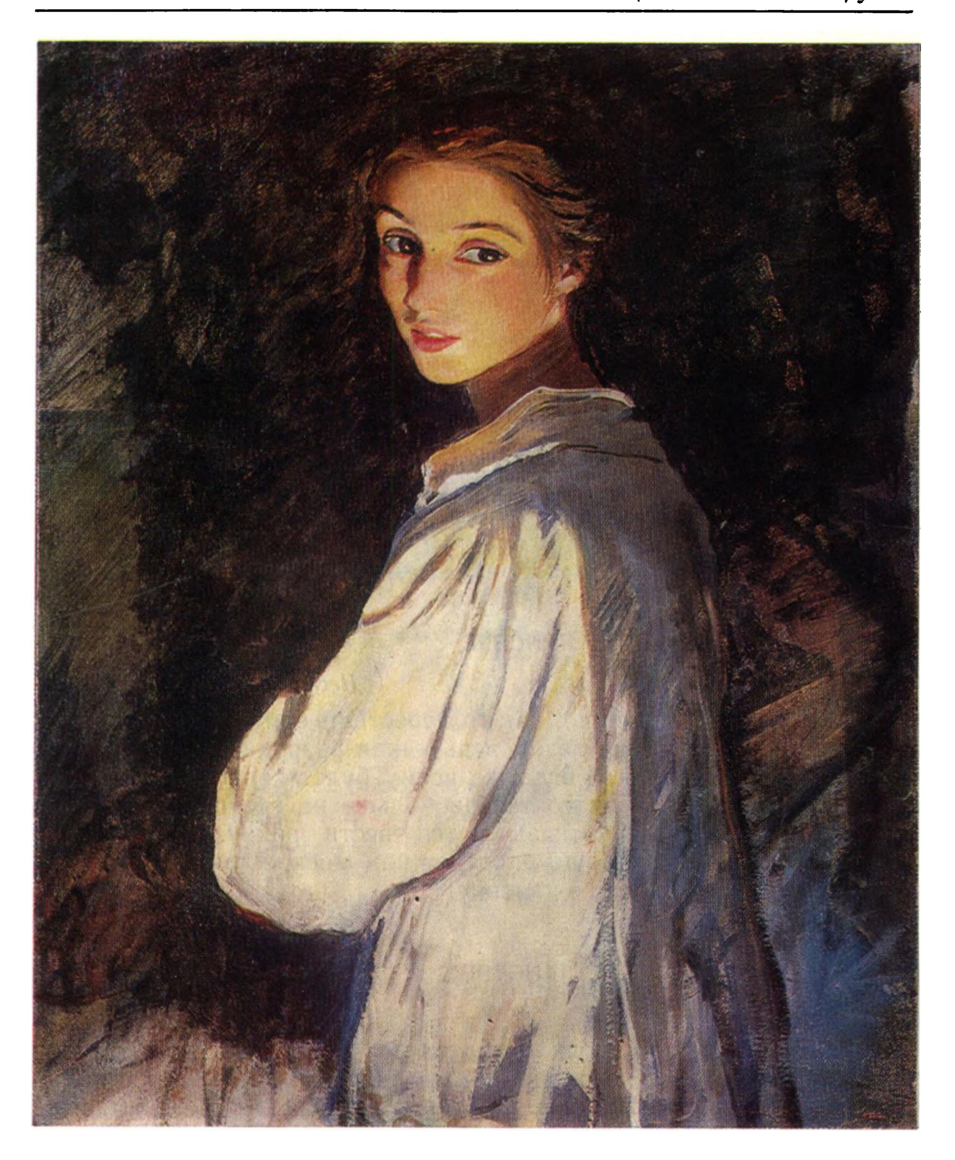
[92] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. и Е. К. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 23 сентября 1917 г.

...Катюша сейчас на хуторе и только в конце октября обменяемся, т. к. Зиночка хочет кончить начатые работы. Нужно будет все же приступить и начать делать плиту Кате и ставить печь в Зининой мастерской...

Нескучное. Вид из окна. 1910

Этюд девушки (Автопортрет). 1911

[93] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 17 октября 1917 г.

...Я здесь в безумном беспокойстве — вот 2 месяца, что не имею ни строчки от Бори, это так страшно, что я совсем с ума схожу. В августе он писал часто и письма доходили, а с 28-го никаких известий нет. Послала срочную телеграмму, но бог знает, когда получу ответ. Ужасно боюсь, что что-нибудь случилось... Меня это так волнует, что не могу совсем спокойно рисовать и ночи не сплю совсем. Главное, это то, что не знаю, ехать ли мне самой в Оренбург, там ли еще Боря. Ехать, конечно, страшно, потому что 4 пересадки... Но если долго еще не получу ответа на 2 телеграммы, то поеду. Мы все еще колеблемся где зимовать, еще не ставили печей в большом доме, где живем, и я не знаю как их поставить... Неприятная сторона здесь еще та, что нет учительницы детям [1], и они совсем не учатся и забывают все, что знали. Хоть бы кто-нибудь нашелся желающий приехать в деревню заняться с ними, в Харькове не знаю где жить, чтобы найти учителя, т. к. все гостиницы переполнены...

[94] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 26 октября 1917 г.

...У нас все спокойно, как-то перестали бояться, но страшно возмущаемся при чтении газет, ведь какая разруха, какие расправы, грабежи и насилия. Когда же всему будет конец, т. е. начнут говорить о мире! Как будто теперь больше на это шансов, оно и понятно, раз солдаты отказываются вести войну. Зинок тебя крепко целует. Она все еще работает над московками, скоро кончает, но я еше не видела ее картину! [1]...

[95] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Е. К. ЛАНСЕРЕ

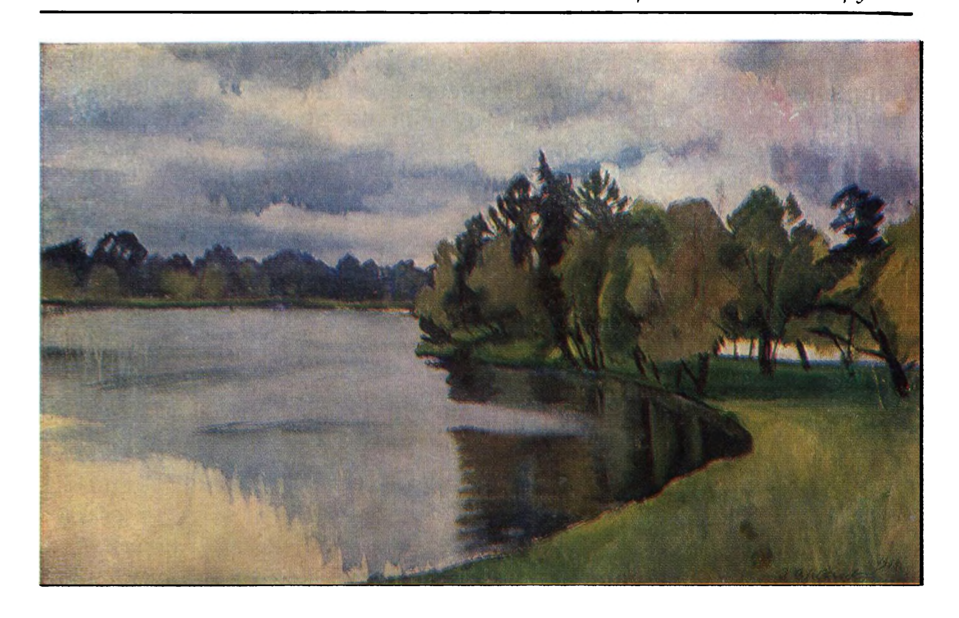
Нескучное, 26 ноября 1917 г.

...Я вижу, как Зиночка томится без Бори, да к тому страшное беспокойствие за него, где он? По одной его депеше посылали лошадей в Харьков к 20 ноября... вторая пришла — будет 25. Опять лошади пришли без него. Очевидно, беспорядки вокруг нас и в Белгороде и в Сумах задерживают поезда... Зиночка даже захворала почками от всех этих волнений и немудрено: Боря столько причинил нам страхов и волнений за эти три месяца, что поневоле нервы расшатываются...

[96] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Е. К. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 30 ноября 1917 г.

...Боря уже в Харькове и ждет лошадей. От Бори зависеть будет, останемся ли мы тут... или же посоветует уехать, но куда? Харьков переполнен, в Белгороде неспокойно и по железной дороге ехать невозможно!..

Пруд в Царском Селе. 1913

[97] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Е. К. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, 4 декабря 1917 г.

...Вот мы и покидаем Нескучное: Боря с Зиной съездили в город Змиев и взяли там квартиру прескверную, но что же делать. Боря нашел, что выжидать очень опасно. Там нашлись 2 комнаты и Катюше[1]. Сегодня уже отправили 4 подводы, а в воскресенье мы едем по железной дороге — час езды... Это и соблазнило нас на этот город...

[98] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — В. Д. СОЛНЦЕВУ

Харьков, 4 апреля 1918 г.

...Очень, очень тебе благодарна за быструю и щедрую помощь[1]. Я получила из «внутреннего банка», как ты образно назвал, деньги — 500 и 700 руб., т. ч. я теперь с деньгами. Только я совсем не понимаю, какие этюды были у Добычиной[2] и что она могла продать? Я ведь все взяла из ее бюро весною прошлого года... Мы все еще «накануне событий», но дальше слухов дело не идет, в газетах такой вздор, что верить им нельзя, а внешний вид города ничего не говорит о том, что враги близко[3]... Я страшно устала ничего не рисовать, но вечная сутолока делает невозможным работу...

[99] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. К. ЛАНСЕРЕ

Харьков, 31 августа 1918 г.

...Пишу тебе из Харькова, куда приехала вчера посмотреть квартиры, но ничего не нашла, т. к. оказалось, что они не свободны. Я в отчаянии, т. к. думала, что зимний вопрос разрешился,

а теперь не знаю что делать. Жить в Нескучном одно отчаянье. В полной темноте с 6-ти часов вечера и одиночество. От Коли не имели ни одного письма, не знаем как он доехал и как вы все поживаете. От Бори тоже не было известий целый месяц. Я в отчаянии, что он не приезжает. Катя ждет Володю да днях. Напиши, дорогая Леля, о себе и детях, о твоих планах на зиму. Верно, сейчас невозможно никуда перебраться? Какой отчаянный, тяжелый год!..

[100] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Харьков, 19/6 декабря 1918 г.

...Какая перемена опять в правительстве. Теперь у нас нет гетмана и Петлюры. Союзники сейчас не будут, а германцы уходят — большевики идут на Харьков и Белгород уже взяли...

[101] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — А. Н. БЕНУА

Харьков, 30 апреля 1919 г.

...Как я была рада получить посылку красок и бумаги от Вас... Не знаю, как поблагодарить Вас... за присланное, я только боюсь, что Вы послали слишком много красок в ущерб себе... Переехать в Петербург — наше страшное желание, и я только боюсь, как бы нас не забыли и не оставили бы на зиму в Харькове... Теперь целые дни хожу за пропусками, разрешениями и т. д. [1]... только бы не вспоминать беспрестанно прошлое, не переживать снова и снова то, что нельзя вернуть [2]. Как мучает меня мысль, что бедный, драгоценный мой Боречка перетерпел столько страданий и лишений за последний год... Боже, как хотелось бы снова и снова видеть его и сказать, как я обожаю его. Одно теперь у меня желание — скорее быть со всеми вами... хотелось бы посмотреть Ваши работы, выставку в Эрмитаже... Я не рисовала 2 года, мое несчастное художество так мало утешает меня, скорее бы бежало время, теперь мне его не жаль...

[102] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Харьков, 30 июня 1919 г.

...Бедный наш Боречка скончался у нас на руках от сыпного тифа! Это было в марте, 22-го. В феврале Зинок поехала к нему в Москву по просьбе Боречки через одну знакомую даму, которая приехала из Москвы. ...Он работал... слишком много, получив работу в будущей постройке и разыскании на самарской железной дороге... Когда Зинок пожила в Москве с Боречкой около месяца, он ее проводил в Харьков, чтобы повидаться с детьми. Тут-то и началась беда — ему до болезненности не хотелось расставаться, стал хлопотать получить здесь место ...запасся докторскими свидетельствами... все настаивали на том, что невроз сердца, уезжал с этим в Москву, чтобы там сдать... свою работу — он так взнервился, так ему не хотелось уезжать, что доехав до Белгорода, он не выдержал и вернулся обратно в воинском поезде, где, как известно, самая зараза сыпного тифа. Ровно после 12 дней он захварывает у нас и на 5-й день умирает от паралича сердца.

Это было ужасно, агония продолжалась пять минут: до того он говорил и не думал никто, что его через 5 минут не будет. Ты можешь себе представить, мой дорогой, что это было за горе — плач, рыдание детей, мальчики были неутешны (Катюша не понимала). Зинок мало плакала, но не отходила от Боречки...

[103] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Нескучное, Харьков, 2—8 ноября 1919 г.

...Мы накануне отъезда из Нескучного и пора, так как со всех сторон слышишь о грабежах и убийствах[1]. Наверное, пересидели мы, но если получишь это письмо, то не беспокойтесь о нас. Квартира найдена: три комнатки небольшие в чужом семействе, переходить нам к удобству и в кухню через чужую гостиную! Видно, лучше не найти, а ждать дольше в Нескучном, конечно, опасно. Зиночка хлопочет неимоверно организовать наш отъезд. Слава богу, переехали — в метель, холод, квартира нетопленная, какой ужас этот холод! С нами ехало 3 подводы с дровами, 4 подводы с вещами, мы сами в 3-х санях, цуг был длинный, утомительный, но засветло доехали. Мужики помогли растопить печки, но устройство их такое, что сколько ни топим, все — адски холодно... да, топливо это страшный вопрос, школы распускаются на неделю из-за недостатка дров, хозяйские мальчики и девочки поэтому дома, а наши, конечно, и не думают пока поступать...

[104] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Харьков, 21 ноября 1919 г.

...Сейчас бои идут под Белгородом и Ахтыркой. Это уже совсем близко... В Нескучном продолжается разграбление имущества[1]. Украли весь запасный хлеб, хорошо, что привезли 5 пудов оного сюда, да сани украли, ломают двери и т. д. ...Зиночке, конечно, не до рисования, а между тем нужно будет работать...

[105] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Харьков, 18 апреля 1920 г.

...У Зиночки служба уже налаженная[1] и сравнительно не трудная, но довольно кропотливая и несносная: рисовать пером разные черепки и осколки, находящиеся в раскопках близ Харькова. Туда была снаряжена экскурсия пешком — все служащие барышни и сам профессор — в восьми верстах от города собирать черепки. И действительно, в поле нашлось около пуда их, были интересные между ними...

[106] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — А. Н. БЕНУА

Харьков, 22 июня 1920 г.

...Я как ни стара, но все же еще в хозяйстве помогаю Зинуле, а она потому и может нести свою службу... но она устает, и здоровье ее не очень-то крепкое, и я боюсь, как бы она не надорвалась... Да, надо спокойнее и покорнее на все смотреть и верить,

что переживется невзгода, и молодым еще жизни много впереди, и, бог даст, еще ждет их много хорошего, глубокого, а все же эта жизнь привела нас всех к более серьезному пониманию, и много мусора, ненужного стряхнется, и жить будет потом легче...

[107] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Н. Е. и Е. К. ЛАНСЕРЕ

Харьков, 25 июня 1920 г.

...Мы живем, все время мечтая куда-то уехать, переменить безумно нелепую теперешнюю жизнь, ведь мамочка, дети и я весь день суетимся, работаем (т. е. стираем, моем полы, готовим и т. д.) и не делаем того, что делали всю прежнюю жизнь — я не рисую, дети не учатся, бабушка не отдыхает ни секунды и все худеет и бледнеет... Дядя Шура прислал нам из Питера деньги (100 тыс.) за какие-то проданные мои этюды[1]? И это хватит на месяц только впроголодь. До сих пор питались пшеном из Нескучного (привезли еще осенью)... Беру на дом рисовать таблицы для археологического музея, рисую допотопные черепа, мозги, кости и пр. Дети целые дни томятся в пыльном дворе, где нет ни травинки... Как только можно будет уехать куда-нибудь, как было бы хорошо быть вместе с вами, где-нибудь в Крыму, а то зимой страшно подумать, как быть...

[108] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — А. Н. БЕНУА

Харьков, 29 сентября 1920 г.

...Наконец мы бесповоротно решились уехать из Харькова, и как мы теперь счастливы и не дождемся, когда это совершится! Получив телеграмму о переводе Зики в Петербургский музей[1] и твое милое, доброе письмо, мы окончательно решили не откладывать...

[109] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

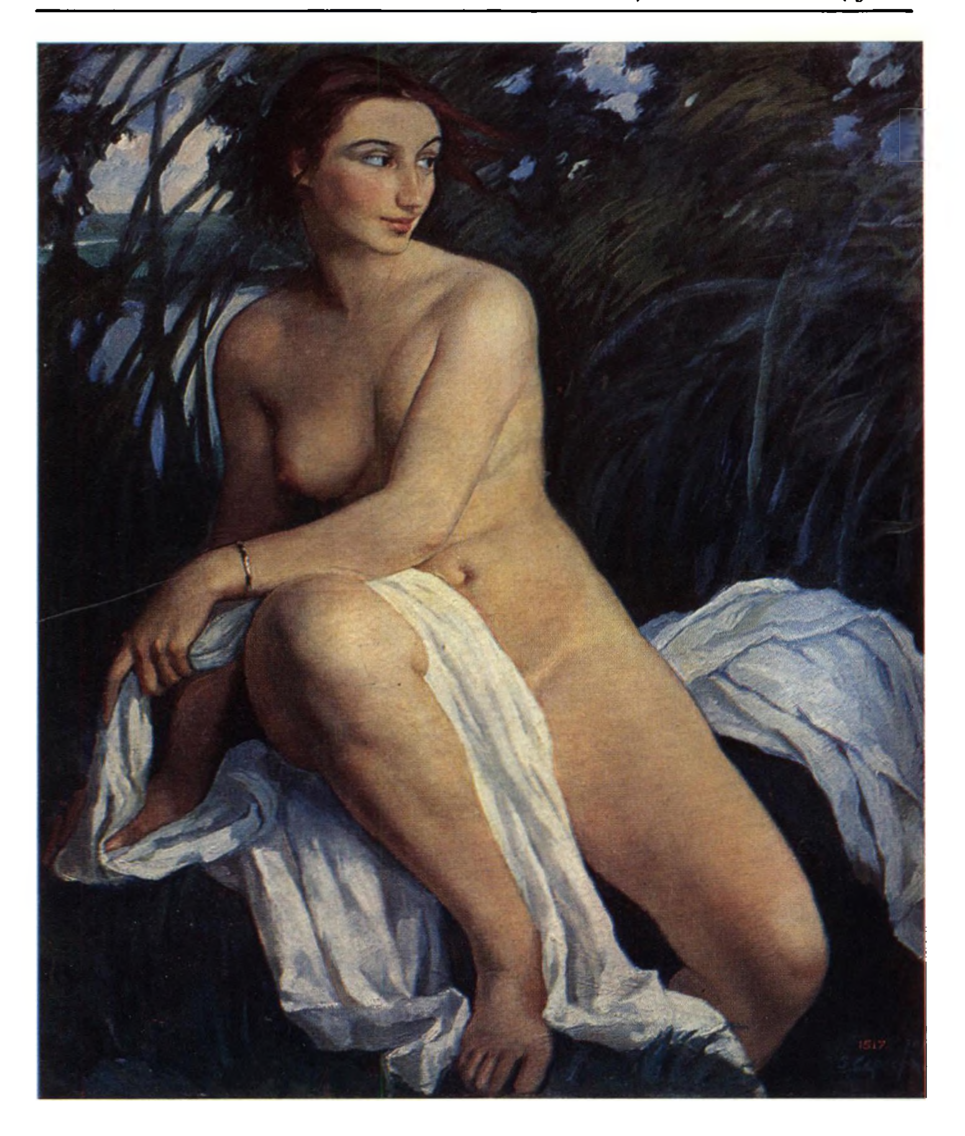
Харьков, 4—6 ноября 1920 г.

...Зинок получила телеграмму из Москвы о назначении ее профессором в Академию в Питере[1]. Конечно, не это назначение ее прельстило — наоборот, оно пугает, — но последующие этому назначению пайки; ее успокоило, что мы можем... просуществовать. Здесь же жалование 200 рублей в день ужасно мало сравнительно страшных цен на провизию. Но пока мы сыты: пшено, картофель и хлеб пока есть... Зиночка ничего не рисует и уже отчислена со службы, да и времени нет: хлопочет о пропуске, вагоне и т. д. Продаем свою мизерную обстановку, а то не на что выехать. Если бы наша квартира на Васильевском острове была свободна, то это было бы чудесно...

[110] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Харьков, 30 ноября 1920 г.

...Завтра мы едем в Питер. Получили места в вагоне Петротопа без пересадки в Москве...

Купальщица. 1911

Баня. Этюд. 1912

[111] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петроград, 12 декабря 1920 г.

...Вот мы перебрались в столь желанный Питер! Переезд совершили благополучно... Да, до сих пор не написала вам, мои дорогие, где мы временно остановились: на Лахтинской, д. 9, кв. 7, в квартире Бориса Сократовича Баскова [1], это очень милые и услужливые люди и просят нас остаться здесь... Наша квартира занята... Адрес свой не пишу, так как не знаем, где мы будем жить и надеюсь найти очень скоро квартиру поближе к Зикиной службе, т. е. к Академии...

[112] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петроград, 9 февраля 1921 г.

...Зине тоже трудно без меня [1], Женя, Шура и Тата стряпают и помогают маме, а Зинок работает дома (портреты) темперой (Рыбакова) [2], а Академию еще не начала...

[113] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петроград, 14 апреля 1921 г.

...Мы теперь ворочаем тысячами, как бывало копейками. Зато и портреты Зинины оплачиваются по 200 тыс., только жаль, что редко такие клиенты, а все больше своих изображает...

[114] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петроград, 2 апреля 1921 г.

...Ходит к нам чуть ли не каждое утро старик «дедушка», и предлагает купить то масло сливочное 23.000 р., то мыло, то конину 2.500 р. (фунт) и т. д. И вот мы ему задолжали 204.000 и он ждет, веря, что мы как-нибудь выкарабкаемся и отдадим, и действительно: лишь бы Зиночка была здорова и рисовала бы, то и деньги будут, ведь на художества большой спрос...

[115] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петроград, 2 мая 1921 г.

...Зике нужно много, чтобы нас прокормить, но пока живем все ее старыми работами. Портреты Эрнста [1] и Коки [2] сделаны из благодарности, что они нам помогали в перевозке с 1 линии [3], без них было бы трудно. Нас до сих пор не совсем вывезли с 1 линии...

[116] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петроград, апрель 1921 г.

...У всех одно мнение: Коля должен сюда приехать [1], войти в художественную сферу и работы для него много: Шура, Яремич, Эрнст — все говорят, что для Коли масса работы, и ты будешь получать ученый паек, и это не дурно... Как трудно, верно, тебе, Колюшечка, будет устроить отъезд... Главное, существенно я тебе никак не могу помочь, денег не могу выслать, ни у меня (уже

теперь давно) их нет, ни у Зики. Вещи продаются с трудом, и Зика с ужасом думает, как дальше будет. Тебе другое дело, ты будешь на службе и пайки получать, а Зика нигде не служит — в Академию не захотела, и она права, и домашние работы мало подвигаются...

[117] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петроград, 17 июня 1921 г.

...Здесь нам приносят хорошие пайки наши жильцы, а мы их за то кормим. Ученый паек у Эрнста и художественный у Бушена[1]... Зика устроила мастерскую в большом зале и там рисует портрет акварелью, как она всегда рисует на белом фоне, молодой дамы Нотгафт[2]...

[118] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петроград, 25 июня 1921 г.

...Зикино счастье, что она портретистка, и, как ни странно, а находятся желающие дамочки иметь свой портрет и платят по 200 тыс. за акварельный портрет[1]... Вот радость: пока пишу, пришел Эрнст и принес 100 тысяч... Он очень чуткий и милый человек и нам постоянно приносит деньги: то продаст Зикину акварель, то попросит у кого-либо в долг...

[119] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петроград, 30 октября 1921 г.

...У нас, к несчастью, все Шурочка[1] болен... Воспаление легких повторилось после того, что начал ходить в школу ...Зиночка тоже была у доктора по легочным, и он нашел, что легкое затронуто, что нашлись коховские палочки...

12 часов ночи. Сижу одна в столовой в ожидании прихода Зиночки. Она с дядей Шурой и Атей пошли в кино на Невском. Точно прежние времена. А наши соседи-жильцы, молодые люди [С. Р. Эрнст и Д. Д. Бушен], уже вернулись из театра балета — им, конечно, ближе. Трамваев нет, только до 6 часов, так что с Невского пешком...

[120] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Г. И. ТЕСЛЕНКО и В. М. ДУКЕЛЬСКОМУ

Петроград, конец декабря 1921 г.

Дорогие Галина Илларионовна и Владимир Маркович! Поздравляю вас с праздником и Новым годом, желаю счастья, счастья, счастья! ...Вот подошли праздники, а вы к нам не приехали, ну будем все-таки поджидать вас в Новом году. ...Живем мы по-прежнему каким-то чудом, т. к. фантастические миллионы, которые теперь стоит жизнь, все растут и растут. В феврале здесь будет выставка не «Мир искусства», а под другим названием, но те же участвующие[1]. Я же с ужасом вижу, что у меня за этот год опять нет ничего значительного, интересного, что выставить. Наконец я буду получать ученый паек с Нового года...

[121] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петроград, 22 января 1922 г.

...Я тебе дорогой, мой любимый Колюшечка, действительно редко пишу из-за недостатка времени и спокойствия, а сегодня пользуюсь тем, что все наши пошли в балет «Эсмеральда» и царит тишина. Вообще эту зиму мы окунулись в балетный мир. Зина рисует балерин раза три в неделю, кто-нибудь из молодых балерин ей позирует, затем Таточка в балетной школе и два раза в неделю Зика ходит с альбомом за кулисы зарисовывать балетные типы. Все это благодаря тому, конечно, что наши два жильца увлекаются балетом и два раза в неделю — среду и воскресенье — обязательно ходят в балет...

[122] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Г. И. ТЕСЛЕНКО

Петроград, 28 февраля 1922 г.

...Я так часто думаю о Вас, так бы хотелось поговорить с Вами. Вы не пишете в последнем письме ничего о себе и Владимире Марковиче [Дукельском]. Счастливы ли Вы? Вот для меня всегда казалось, что быть любимой и быть влюбленной — это счастье, я была всегда, как в чаду, не замечая жизни вокруг, и была счастлива, хотя и тогда знала и печаль и слезы... Вы так молоды, любимы, цените это время, драгоценный друг. Ах, так горько, так грустно сознавать, что жизнь уже позади, что время бежит, и ничего больше кроме одиночества, старости и тоски впереди нет, а в душе еще столько нежности, чувства. Я в отчаянии, все так безнадежно для меня. Хотя бы уехать куда-нибудь, забыться в работе, видеть небеса, природу. А здесь я как-то машинально живу. Рисую неохотно и вяло. В округе все то же, однообразно и тяжело. Дети растут, ходят за исключением Шуры в школу, а он, бедненький, все болеет легкими, и у меня падает сердце, когда я слышу его ужасный кашель. Доктор говорит, что его необходимо увезти. Сергей Ростиславович [Эрнст] и Дмитрий Дмитриевич [Бушен] по-прежнему балетоманы и не пропускают ни одного спектакля... Я тоже часто бываю в балете, хотя это и не рассеивает мою тоску, но я рисовала нескольких молодых танцовщиц кордебалета и поэтому должна была ходить в балет, назначать сеансы...

[123] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — В. М. ДУКЕЛЬСКОМУ

Петроград, 29 мая 1922 г.

...Сегодня утром мне передали посылку Гали [Г. И. Тесленко], за которую страшно благодарю Галю и Вас, дети в восторге от такого вкусного подарка и от марок... Как жаль, что Вы сами не попали в Петербург. Нам бы хотелось увидеться с Вами. Мы ведь так часто с любовью и благодарностью вспоминаем вас обоих, как скрашивали нашу жизнь в Харькове. Здесь же жизнь однообразна и нелепа для меня, т. к. я только и мечтаю рисовать, а все кругом мешает. Теперь у нас живет брат [Н. Е. Лансере] с семьей, вот уже месяц приехал из Кисловодска, и в квартире творится невообразимый сумбур и гам, так как шестеро детей. Дети мои растут. Ведь Жене уже 16 лет. ...Сейчас здесь выставка кар-

Раненый в госпитале. 28 ноября 1914 года

«Перед отъездом Жени [Е. Е. Лансере] на Кавказ». 30 ноября 1914 года

Портрет Е. Е. Лансере
в папахе. 1915

Солдаты на
перроне. 1914

тин «Мир искусства»[1], на которой выставили Александр Бенуа, Кустодиев, Петров-Водкин, Остроумова и др. Я тоже выставила ряд рисунков пастелью — новый для меня способ, т. к. других красок у меня нет. ...Вот опять наступило лето, а у нас никакой надежды уехать куда-либо рисовать пейзажи, небеса, которые я так люблю. Вообще тоска страшная и никакой радости ни в настоящем, ни в будущем...

[124] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Г. И. ТЕСЛЕНКО

Петроград, 18 ноября 1922 г.

...Не сердитесь, Бога ради, что до сих пор не писала Вам, дорогой друг... Но вот какая я несносная — опять хочу просить Вас послать нам книги — «Старые годы», «L'Art et les Artistes» [«Искусство и художники» — *фр.*] и еще другие художественные книги. Посылаю Вам на это 10 миллионов (я все откладывала писать, т. к. не было денег)[1]. Не знаю, дорогая, сколько теперь все это стоит, м. б. не хватит? Посылаю еще Вам книжку С. Р. Эрнста обо мне — судите сами как вышли неудачно иллюстрации и какой (по мне) неудачный их подбор[2]. Живем мы до того однообразно, и дни бегут так быстро, что страшно за эту тоскливую жизнь, которая так безвозвратно и бесплодно проходит. Я рисую все в той же комнате, ко всему пригляделась так, что трудно находить что-либо для желанья рисовать. Дети ходят в школу... усталые и голодные возвращаются, носят дрова, бегут за хлебом, картофелем и т. д., т. ч. устают ужасно. ...Таточка уже один раз выступала на Мариинской сцене[3] — несла в виде пажа шлейф «Спящей красавицы», загримированная и в парике. Мне было очень забавно видеть ее на сцене. В Эрмитаже открылось несколько отделений — французская выставка 18 века, чудная (из других дворцов и частных собраний). Занимает она семь зал Зимнего дворца, затем устроили галерею серебра и церковный отдел, все больше 17, 18 [века] и начало 19 века. Русский музей тоже отделан заново и заново все развешано — каждому художнику (Левицкому, Боровиковскому, Иванову, Брюллову и т. д.) отведено по зале, вышло очень грандиозно и замечательно[4]...

[125] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Петроград, 17—18 октября 1923 г.

...Буду тебе страшно благодарна, если ты пойдешь к Кристи[1] (Экскузович[2] еще не скоро приедет) один, а не со мной, т. к. мне кажется, я не внушаю своим видом никому никакого престижа, и попросишь его продлить мое разрешение (я его прилагаю тут же) на 1924 год, и попроси его прибавить следующее: разрешается художнице Серебряковой продолжать художественные работы за кулисами Академического театра во время спектаклей (т. к. объясни ему, что ведь это и есть те эффекты, которые я рисую). И если найдешь возможным, расскажи ему, что комендант Быков (несмотря на мое разрешение) не пустил меня работать, т. к. на бумаге сказано: «Каждый раз с разрешения режиссерского правления». М. б. эту фразу лучше не писать на новом разрешении?..

[126] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — А. Н. БЕНУА

Петроград, 17 декабря 1923 г.

...Ужасно обрадовалась Вашей открытке и обещанию привезти краски... и если бы возможно было купить на мой счет ящик пастели и темперу, то я была бы страшно рада... Если бы Вы знали, дорогой дядя Шура, как я мечтаю и хочу уехать, чтобы как-нибудь изменить эту жизнь, где каждый день только одна острая забота о еде (всегда недостаточной и плохой) и где мой заработок такой ничтожный, что не хватает на самое необходимое. Заказы на портреты страшно редки и оплачиваются грошами, проедаемыми раньше, чем портрет готов. Вот если бы на американской выставке[1] что-нибудь продалось ...Эту зиму Тата много танцует, в «Спящей» — вальс, в «Дон Кихоте», «Пиковой», «Тангейзере» — амуров. Кот любит рисовать, а Шуре почти не приходится из-за школы... На днях видела Кокин плафон (Аполлон с лирой) и в страшном восторге[2]. Так все мастерски, á la prima, сделано, так чудно красиво. Вообще, он замечательный мастер, как ему все легко и прекрасно удается... Как обидно, что мы не увидим Ваших вещей и постановок в Париже! Страшно рады, что теперь уже скоро Вы вернетесь...

[127] Н. Е. ЛАНСЕРЕ — А. Н. БЕНУА

Петроград, 4 января 1924 г.

...Дела его [Е. Е. Лансере] идут хорошо, но и он, как и я с Зикой, особенные надежды возлагаем на американскую выставку ...Зика послала четыре масляных картины (особенно интересна «Уборная балерин») и восемь больших темпер... Если бы хоть немного продать, как это выручило бы в теперешнее трудное безработное время![1]...

[128] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — С. Р. ЭРНСТУ и Д. Д. БУШЕНУ

Париж, 26 октября 1924 г.

...Дорогие друзья, вы, конечно, судите и презираете меня за то, что пишу такие неинтересные и ноющие письма из Парижа[1] и что до сих пор ничего не сумела нарисовать и заработать. Я и сама в отчаянии от своей глупой слабости и растерянности... Пишу портрет Саломеи[2] и Генриэтты[3], ничего не выходит, пишу маслом... По воскресеньям бываю в Лувре и все жалею, что вы не со мной. Эти дни живу в квартире Белобородова[4], здесь мне лучше, чем в отеле. Но 1 ноября он возвращается... Вообще я вечно одна, нигде, нигде не бываю, вечером убийственно тоскую. Когда разговор зайдет о вас, то еле говорю, хочется плакать от боли, что вас нет... Я очень, очень благодарна... что вы иногда бываете с моими детьми, веселите Таточку и Кота...

[129] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — А. Н. БЕНУА

[Лондон, май 1925 г.]

Дорогой дядя Шура, не хотела беспокоить Вас письмом, но мамочка написала мне, что они решили отправить Шурика вместе с Сережей и Димой сюда и что мама обращается к Вам с прось-

бой достать им троим визу. Я, конечно, знаю, как это теперь Вам трудно сделать и знаю, как Вы заняты, но так буду рада, если Шурик приедет, а также молодые люди, что беру на себя смелость просить Вас... написать мне пару слов о том, что надо сделать для получения визы... Я останусь в Лондоне до 6 июня, т. к. Белобородов сдаст мне квартиру на ул. Малебранш с 6 июня, и я хочу прямо приехать туда...

[130] Е. Н. ЛАНСЕРЕ — А. Н. БЕНУА

Ленинград, 5 мая 1925 г.

...Вероятно, ты слышал от Зики, что она хотела выписать к себе Шуру. Мы долго колебались, исполнить ли эту ее просьбу, но теперь Дима, Сережа и я и сам Шура твердо решили, что это необходимо для всех, и вот мы просим (а Зика с своей стороны из Лондона будет тебе писать и очень просить), чтобы ты был так добр и выслал Шуре визу вместе с визой Диме и Сереже...

Зика так скучает по детям и так томилась одиночеством, что это отражалось на ее энергии к работе, а потому и на расположении духа, что это одно уже будет излечено, а к тому еще, если летом она захочет рисовать с натуры пейзажи, то такой спутник ей необходим — и помочь носить папки и быть ее защитником от любопытных прохожих. Это все для пользы Зики, а уж и говорить нечего, что самому Шурочке такое путешествие и пребывание в культурном городе будут невероятно полезны, т. к. все же мы думаем, что он будет художником...

[131] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — А. Н. БЕНУА

Лондон, 27 мая 1925 г.

...Вы не можете себе представить, в каком я огорчении — оказывается, что квартира на ул. Малебранш вовсе не свободна и оттуда жильцы не думают выезжать до 20 июля... теперь совсем не знаю, куда денусь с Шурой...

[132] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — А. К. БЕНУА

Лондон, 4 июня [1925 г.]

Дорогая тетя Атя, все время обдумываю вопрос о квартире в Версале, и, конечно, мне безумно хочется там жить и рисовать! Если только я не опоздала с ответом, то, когда я приеду 8-го, сейчас же навещу Вас, и мы все решим. Жду с волнением: как Шурина виза и молодых людей...

[133] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Н. Л. УСТИНОВОЙ

Париж, 19 июня 1925 г.

Дорогая Надюша, спасибо тебе, милая, за посылки: книги всем очень понравились, остроумно и забавно... Я все дни буквально бегаю по хлопотам о визе Шуре — оказывается ничего не было сделано (Бирле уехал[1]), мамочка шлет отчаянные телеграммы, Шура зря ездил в Москву и пр., в результате молодые люди уеха-

За обедом. 1914

ли одни сегодня: Шура остался. Меня это огорчает, и я совсем упала духом. Вообще Лондон и жизнь у тебя вспоминаю как рай. Атю [А. А. Черкесова-Бенуа] не видела, знаю, что она жалеет, что приехала, такая обстановка удручающая из-за Лели[2], ее младенца, нервов дяди Шуры и пр. У меня до сих пор нет пристанища, скитаюсь по отелям, в Версаль не поеду, т. к. каждый день надо быть в Париже, о рисовании и думать пока нечего!

[134] А. Б. СЕРЕБРЯКОВ — Е. Н. ЛАНСЕРЕ

Версаль [20 августа 1925 г.]

Дорогая Бабушка! Опять так давно не писали тебе. Все это время жили в Версале. Каждый день ходили с мамой рисовать в парк, иногда уходили уже с 7 ч. утра. Погода стояла все это время хорошая, так что маме удалось немного порисовать. Завтра утром уезжаем в Париж искать квартиру, так как нужно найти до 1 сентября (срок кв. на ул. Малебранш), а то бы остались еще в Версале, где так чудно красиво и спокойно...

→
За обедом. Фрагмент

[135] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 24 июля 1926 г.

...Вчера получила твое заказное письмо с фото и бесконечно тебе за них благодарна... Теперь вижу, какую я сделала ошибку, прося снять Диану и Актеона [1], Атю с младенцем [2] (боже, какую я ей сделала рожу, для «Die Dame» [3] совсем нельзя) и как ужасно, что сняла автопортрет в белой кофточке — позорная вещь [4]... Здесь я одна — никто не принимает к сердцу, что начать без копейки и с такими обязанностями, как у меня (посылать все, что я зарабатываю, детям), безумно трудно, и время идет, а я бьюсь все на том же месте. Вот хоть бы теперь — работать здесь в такую жару, духоту и с такой толпой всюду для меня невозможно, я устаю от всего безумно и когда прихожу в какой-нибудь угол все того же Люксембургского или Тюильрийского сада (и все уже приелось), то ничего не могу от усталости рисовать. А уехать в Бретань нет денег, хотя я последние дни мечусь в поисках денег. Никому не пожелаю быть на моем месте...

Я беспокоюсь о том, как будет эта зима у наших... денег посылаю все меньше, т. к. теперь здесь такой денежный кризис (с падением франка), что не до заказов. Вообще я часто раскаиваюсь, что заехала так безнадежно далеко от своих...

[136] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 16 апреля 1927 г.

...Тебя все ждут с таким нетерпением! Предполагается здесь в июне (начале) выставка русского искусства «Мир искусства», так что ты как раз приедешь вовремя и выставишь [1]...

[137] ИЗ ДНЕВНИКА Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 1927 г.

13 июля [1927 г.] ...пришла и Зина с Шурой. С ними до 6.30 вечера ездили, искали Зине квартиру. Все очень замучились...

27 июля... искал Зике мебель...

7 августа... С Зиной и Шурой в электропоезде с вокзала Сен-Лазар — в Шатон; закусили на травке и пошли к Аллегри. Орест Карлович повел показать нам красивые места, прудки, так как мы с Зиной хотели пописать, но нам не понравилось: на обратном пути я сделал этюд дороги. ...После чая мы с Зиной опять писали на берегу Сены...

14 августа... Завтрак у Зины, и с ними в Лувре: опять натюрморты Шардена, Пуссен; очень восхищались новым приобретением Лувра: Винтергальтер «Императрица Евгения среди дам своего двора». Потом прошлись по большой галерее: Рибейра, Веласкез и раньше Ленен, Клуэ; ужасно черные Веронезы. Залы Рубенса и совершенно новые для меня залы с голландцами и немцами...

6 сентября... Завтрак; отъезд в 3 в Марсель — Зина, Марочка [1], Атя, Кока и я. Волшебная дорога: Ла Сьота, Кассис, перевал к Марселю. Останавливались для зарисовок. Зинок в большом экстазе...

[138] Е. Е. ЛАНСЕРЕ — А. П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ

Тифлис, 8 февраля 1928 г.

...Еще из Парижа мне хотелось Вам написать настоящее письмо и тут, приехав, все собирался... Я ехал с жаждою увидеть новое в искусстве, «научиться», но, пожалуй, в эти годы человек уже не волен перемениться! В общем все, что там делается, мне не нравится. Но все-таки это все, или почти что все, в пределах искусства. Это поиски краски, композиции красок, мазка. Культ эскиза, и в этом смысле, казалось бы, благословляй моду и делай эскиз. Но... но вот старая добросовестность лезет и не могу ее побороть... И я опять делаю как и до Парижа. А вот Григорьев[1] и даже К. Коровин[2] в восторге. И Добужинский[3]. Александр Николаевич [Бенуа] энигматичен [загадочен — *от фр.*], а вернее дипломатичен. Аргутинский[4] признает величие властителей моды. ...И только Сомов, моя сестра и я возмущены... Черкесов[5] имеет постоянно заказы на заставки, буквы, но думаю, что пока зарабатывает немного. Вообще — трудно... У Билибина[6], очевидно, пока еще есть запас, и кое-что «по русской линии» налаживается. Зато Стеллецкому[7], видно, трудно. Да и моей сестре. А это и непонятно и возмутительно при ее специальном портретном таланте ...Коровин жалуется, что не платят... Милиоти Николай[8] что-то не весел. Вот и все наши мирискусники, старые, которых застал в Париже.

Как Вы знаете, попал я в Париже на выставку «Мир искусства». Рядом с модернистами, конечно, она была немного demodée [старомодной — *фр.*]...

Насколько я могу судить, выставка «Мир искусства» прошла незаметно даже для людей (конечно, французов), «состоящих при искусстве». Директор Musée des Arts dẽcoratifs [Музея декоративных искусств — *фр.*] не был, редактор Gazette des Beaux Arts [«Газеты изящных искусств» — *фр.*] чуть ли даже не слыхал о ней и т. д. Стоила она участникам очень дорого (по 700 фр. с человека плюс 25 процентов с продажи, а было продано очень мало) [9]...

[139] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — А. Н. и А. К. БЕНУА

[Париж, март 1928 г.]

Дорогая тетя Атя, ждала Вас и дядю Шуру вчера вечером, как вы обещали... Я хотела показать вам приехавшую ко мне Катюшу[1]. Хотя я и ждала ее год, а она приехала все же неожиданно...

[140] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Марракеш, 24 декабря 1928 г.

Дорогой Женяка,

ты, верно, уже знаешь, где я очутилась — в Марокко![1]... Меня поразило все здесь до крайности — и костюмы самых разнообразных цветов, и все расы человеческие, перемешанные здесь — негры, арабы, монголы, евреи (совсем библейские) и т. д. Жизнь в Марракеше тоже фантастическая — все делается кустарным обра-

Из альбома художницы

В Нескучном, 1900-е гг.: З. Е. Серебрякова с сыном Женей («В колясочке, сделанной папой...»)

З. Е. Серебрякова и ее кузина М. Эдвардс

«Рисую Гальку...» (слева Б. А. Серебряков);
у стога: в центре Е. Н. Лансере с дочерьми Екатериной и Марией,
слева — Б. А. Серебряков

зом, как должно быть было и 1000 лет тому назад. На площади — называется Джемаль Эль Фна — каждый день тысячи людей смотрят, сидя кружками на земле, на танцы, фокусников, укротителей змей (совсем как дервиши и индусы) и т. д. и т. д. Все женщины закрыты с ног до головы, и ничего, кроме глаз, не видно. Я вот уже две недели как здесь, но так одурела от новизны впечатлений, что ничего не могу сообразить, что и как рисовать. Как только сядешь (в углу улицы, всегда, впрочем, смрадном) рисовать, так женщины уходят, арабы же не желают, чтобы их рисовали и закрывают свои лавочки или требуют на чай — 20 или 10 франков за час!!! Вообще... каждый шаг здесь стоит ужасно дорого (это американцы противные напортили своими долларами). Вообще же я рискнула этой поездкой, так как деньги на нее дал мне взаймы тот господин Броуэр, у которого я рисовала в Брюгге летом портреты. Он хотел, чтобы я здесь сделала «ню» [изображение обнаженной модели — *фр.*] с туземок прекрасных, но об этой фантазии и говорить не приходится — никто даже в покрывалах, когда видна только щелка глаз, не хочет позировать, а не то что заикнуться о «ню». Взяла себе вчера проводника, араба, говорящего по-французски,— 10 фр. в день,— чтобы ходить со мной по городу, т. к. одной никак нельзя: запутаешься в лабиринте уличек и еще попадешь на запретные для европейцев места. Дорога от Касабланки до Марракеша совершенно гладкая и напомнила мне даже нашу Курскую губернию, но подъезжая к Марракешу вдруг начинается Африка — красная земля и пальмы, а вдали снежная цепь Атласа, но очень далеко, так что почти всегда закрыта облаками. Марракеш же весь розовый и совершенно ровный, без гор и холмов... Я думаю пробыть здесь еще три недели, а потом домой, т. к. каждый день стоит мне больше 100 фр. (отель — 75 фр. в день), а очень хотелось бы пожить здесь подольше, так много хотелось бы сделать, но ничего до сих пор не нарисовала, и каждый день ложусь в отчаянии и решаю уехать, а утром опять не нагляжусь на всю эту удивительную картину жизни...

[141] — З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 17 февраля 1929 г.

...Я приехала уже три недели тому назад из Марокко, пробыв там полтора месяца. Теперь и не верится уже, что я была там, в этой чудесной стране, где такая радость для глаз! Решилась я устроить выставку привезенных этюдов, так как надо расплатиться с долгами и пр. Ужасно боюсь, что не удастся продать... Досадно, что моих важных дам нет сейчас в Париже, так как это не сезон, и все на юге Франции. Взяла я небольшую комнату в галерее Бернхейма Младшего с 23 февраля по 8 марта; стоить это будет пять тысяч франков (внесла уже 2.500 и еще надо внести до начала выставки). Но других галерей свободных или не выставляющих у себя только «левых» нет. От исхода этой выставки зависит теперь все (т. е. заказов у меня сейчас нет), а деньги нужны на все... Сделала я в Марракеше 60 этюдов, но выставить придется всего 30, так как комнатка малюсенькая [1]. Я там рисовала только пастелью и, как всегда, типы людей, а пейзажей всего три. Очень

мне помешало, что я была одна и стеснялась и боялась уйти из города, поехать в горы Атласа и другие города Марокко, например, в Фес, который, говорят, в сто раз живописнее Марракеша. Испанию я видела лишь из окна вагона, но это такая красота, что я бы хотела непременно еще раз побывать там. В Мадриде была 8 часов, восхищалась бесконечно Веласкезом, рядом с которым ни один художник не выдерживает сравнения...

[142] А. Н. БЕНУА — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 17 мая 1929 г.

...Обе же Зикины выставки были изумительны[1]. Своей коллекцией Марокко, созданной в течение всего только шестинедельного пребывания, она просто всех поразила: такая свежесть, простота, меткость, живость, столько света! На старой выставке (в магазине Гиршманов) выделялись портреты, натюрморты (корзины винограда!) и чудесные пейзажи окрестностей Марселя. Вчера эта выставка уже закрылась. Материальный успех кажется не ахтительный, но это объясняется кризисом, на который все жалуются...

[143] А. Н. БЕНУА — Н. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 20 февраля 1930 г.

...Ты спрашиваешь, чем я занят. Увы, нынче год выдался критический. Ничего не клеится, ничего не продается и не покупается... За последние 12 месяцев было четырнадцать «начинавшихся» дел, и каждое «срывалось» — по разнообразным, от меня не зависящим причинам... Никто больше ничего не любит, ни во что не верит. Все основано на спекуляциях, а последние не могут успешно существовать без хотя бы скрытой идейной подоплеки... Неважно обстоит дело и с Зиной. Она переехала в очень красивое, довольно большое ателье, но вот заказчиков и покупателей нет! Говорят, в этом виноваты крахи в Америке и в Лондоне. ...Может быть, от крахов пострадала и «моя» Ида[1]. Во всяком случае она не кажет глаз и прячется от всех, с кем обещала создать свой «новый сезон»...

[144] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Н. ЛАНСЕРЕ

Коллиур, 10 сентября 1930 г.

...Мы пробудем здесь до конца сентября, т. е. хотим выехать 2 октября в Париж[1]. Дни стоят еще теплые, днем жарко, но мы с Катюшей мало купаемся все из-за глупой застенчивости, т. к. на пляже масса народу, но Шурик наслаждается и научился хорошо плавать. Он рисует целыми днями, без устали. Часто недоволен своими вещами и ужасно раздражается, и тогда они с Катюшей сцепляются из-за пустяков и ужасно меня огорчают резкими характерами (верно, оба пошли в меня, а не в Боречку!)... Вот Татуся молодец, и я ею восхищаюсь, что не унывает и бодро работает, хотя, может быть, работа и не по душе (меня не очень-то обрадовало что танцевать приходится и фокстрот и канкан и т. д. — вот до чего дожили!). Я, кажется, уже спрашивала Татусю, есть ли надежда, что из Михайловского театра попадают в Мариинский[2]...

Крестьянка. 1916

Обувающаяся крестьянка (Поля Молчанова).
Этюд к картине «Жатва». 1915

[145] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Н. ЛАНСЕРЕ

Ницца, 6 августа 1931 г.

...Мы с Катюшей 2 недели живем под Ниццой у Наташи Брюн[1] (на даче у тети Кати и дяди Артура[2], которые сейчас в Англии у сыновей, всех женатых и с детьми). Кроме нас у Наташи много «pensionnaire'ов» [здесь— гостей —*фр*.], все хотя и очень милые, но бездельные, и трудно здесь работать, а потому я уезжаю опять, но эта кочевая жизнь мешает мне тоже работать, и за это время я еще ничего не нарисовала...

[146] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Н. ЛАНСЕРЕ и Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 20 августа 1931 г.

...Кляну свои папки, свое несчастное художество, так мало мне пригодное, чтобы сделать вас счастливыми, а, напротив, только усложняю Вашу жизнь!.. я рада, что Татуся любит искусство — это большая радость и утешение в жизни и помощь — забыть все неприятное, глядя на дивные вещи. А музыка! Вот что уносит душу и сердце далеко от всех мелочей и грязи жизни! Я так жалею, что не слышу совсем музыки, а мечтала, что Татуся будет

нам играть и радовать. Что может быть гениальнее Бетховена, Моцарта, Шопена и др.— все это дивно. Я очень поощряю страсть Таточки рисовать — все, все, что попадется под руку, рисуй с натуры — в театре такое изобилие мотивов (делать наброски с одевающихся подруг карандашом, пользуясь растушевкой для теней, все это дает возможность видеть «массами» и отношениями света к теням). Что Татусик больше любит рисовать — человеческое лицо? пейзаж? декоративные мотивы? Катюша рисует, но не очень много, все еще акварелью или, вернее, темперой. Можно рисовать просто на обыкновенной бумаге; главное, владеть рисунком, верной рукой! А краски — это чудо, но когда приедешь ко мне (я этому хочу верить), все будет в твоем распоряжении. Ты спрашиваешь, дорогой Татусик, кого из старых мастеров я люблю? Их так много, моих любимцев, что не перечислить, все эти гениальные мастера — Рубенс, Рембрандт, Хальс, Тициан, Пуссен, Веронезе и т. д.— все это чудо, которое не повторится никогда...

[147] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Н. ЛАНСЕРЕ и Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 25 ноября 1931 г.

...У меня, к моему горю, до сих пор нет никаких продаж в Антверпене, так что я и на Брюссель уже не надеюсь![1] Вообще все это была ужасная ошибка — устраивать выставки теперь — во время кризиса, когда никто ничего не покупает. Нас всех пригласил приехать в Брюгге тот господин Броуэр, который мне дал идею когда-то поехать в Марокко, погостить на неделю. Но я и Катюша отказались, а Шурик, может быть, поедет на этих днях — порисует там на улицах (ведь это такой средневековый нетронутый городок) и, кстати, проедет потом в Брюссель посмотреть на мою выставку. Но, конечно, и это будет стоит денег, но, м. б., он все же окупит поездку, если сделает там что-нибудь...

[148] А. Б. И Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫ — Е. Н. ЛАНСЕРЕ

Париж, 21 марта 1932 г.

...Получили ли, дорогие, письмо мамочки, которое мы уже вам послали дней десять тому назад? Мамочка работает, но как досадно, что она приехала туда[1] в период дождей, и, кроме того, она конечно очень, очень страдает от трудности работать среди все-таки дикого населения — ведь по-французски никто там почти из народа не говорит — да и кроме того, ведь по их религии они... [нрзб.] и не позволяют, чтобы их рисовали! Но все-таки я рад, что мамочка там — ей это такая огромная художественная пища — ведь это чудно красивая и интересная страна — Марокко!..

[149] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — А. Н. и А. К. БЕНУА

Марракеш, 28 марта 1932 г.

...Скоро я уезжаю из Марракеша, где мне этот раз так не повезло — солнца не было, а только дождь. И хотя здесь необычайно pittoresque [живописно — *фр.*], но одной мне трудно рисовать, и я с ужасом вижу, что думаю только о возвращении скорей в Европу[1]...

[150] З. А. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Н. ЛАНСЕРЕ и Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 6 марта 1933 г.

...Твое письмо о Бабулиной болезни [1] ужасно встревожило нас, и я теперь не смогу дождаться твоего успокоительного письма! Как бы мне хотелось быть около Дусика, все бы дала за это! Надеюсь, что ты, Таточка, не оставляешь Драгоценную одну и сделаешь перерыв в своем учении,— поухаживай, молю тебя, за нашей дорогой Бабулей! Что же это Женяка не едет?! Это тоже беспокоит меня — не понимаю, отчего он даже не пишет [2]. Вообще я думаю беспрестанно о вас, жалею, что рассталась, и вообще так во многом раскаиваюсь, главное, что оставила вас...

[151] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 14 марта 1933 г.

...Писать невозможно — ты сама знаешь и чувствуешь сердцем, что со мной. Одна цель у меня была в жизни, один смысл — увидеть, услышать, дождаться моей Бабули, самой чудной на свете, с которой ничто не может сравниться. Теперь все оборвалось, все кончено навсегда. Еще мираж — увидеть тебя и Женечку, моих любимых, но эта мечта также не сбудется, как и увидеть Бабулика. И зачем я так эгоистично покинула вас и ее, мою ненаглядную, когда все сердце, вся душа связана с вами! Я давно, давно томительно мучилась этим страхом все потерять с Бабулей, и вот это свершилось. Ты права, что только в работе, в суете жизни можно «заглушить» горе...

[152] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 2 апреля 1933 г.

...Всю зиму у меня нет работы, а на выставке не продано ни одной вещи. Рассчитываюсь с галереей своими вещами [1]...

[153] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 29 мая 1933 г.

...Сейчас интереснейшая выставка Яковлева [1] — путешествие его с экспедицией в Центральную Азию — 400 вещей, одна лучше другой, впечатление потрясающее от его мастерства! Мне многие его пейзажи со сценами танцев (Афганистан), группами всадников, монголами и пр. напомнили твою манеру и твое мастерство. Сделаны они по холсту темперой (или масляной живописью?), замечательно красиво...

[154] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 31 декабря 1933 г.

...Вся эта зима у меня пропала начисто из-за неустанных поисков квартиры — наша нам дорога, и я думала найти дешевле и, главное, чтобы не быть всем вместе в одной комнате: характеры у всех нас... нервные, озлобленные, и все мы друг другу мешаем. Увы, ничего не нашла лучшего, но все же решили переехать в другое ателье (где будет хотя меньше места и некоторого ком-

форта, т. е. воды и пр.), но которое мы сможем разделить на две половины: Шуре и мне с Катей... Наш будущий адрес с 15 января: 72, rue Blanche, Paris, 9...

[155] Е. Б. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 14 февраля 1934 г.

Посылаю тебе нашу новую мастерскую [рисунок мастерской, сделанный Е. Б. Серебряковой] — все те же вещи, но другой свет и помещение здесь уютнее, теплее и проще убирать. Мамуля спит на диване в центре (с подушками), я — на полосатом слева, Шура в маленькой комнате, где умывальник, отделенный занавеской, кухня небольшая, в ней может поместиться только один человек...

[156] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 17 апреля 1934 г.

...Прочла (ровно 1 месяц), наконец, Бальзака «Кузина Бетта», очень занимательный роман и очень «современный» (!) по идеям и по психологии... Вчера заходила к дяде Шуре... Скоро премьера балетов Иды Рубинштейн в Опере, мы, к сожалению, не увидим. Видела там Коку — он пишет декорации для постановки [1]...

[157] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 7 мая 1934 г.

Были мы... на выставке английских портретов 18-го века, привезенных сюда из Англии, очень интересных и удивительно мастерски сделанных, но все же поверхностных в смысле характеристики лиц. А, главное, самые гениальные мастера — Гейнсборо, Рейнольдс и т. д. — отсутствуют! Затем прошли опять в Лувр — необъятный, так что сколько ни ходим, всего не можем еще осмотреть... Также сейчас множество уличных выставок картин (на всевозможных бульварах); привешены они к щитам, под открытым небом, и художники тут же сидят... Говорят, что таким образом можно продать кое-что, но, конечно, все это «искусство» такое, какое толпе нужно, т. е. пошлость и бездарность до ужаса. В Опере идут представления и балеты (постановки Иды Рубинштейн) в декорациях и костюмах дяди Шуры и даже Бушена [1] (делал костюмы Иды), танцы поставлены Фокиным. Партнер Иды — Вильтзак [2]. Иду (ей лет 55) ругают ужасно; я ничего не видела...

[158] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Пон-л'Аббе, 12 июля 1934 г.

...Давно не писала тебе и от тебя не получала весточек! Мы очутились с Катюшей, наконец, в Бретани, вот уже 4-й день. После жаркого и душного Парижа трудно привыкнуть к свежему, дождливому небу и серому тону всего окружающего. Остановились мы в городе Пон л'Аббе (7 тыс. жителей). Это в $5^1/_2$ км от океана, и мы собираемся поехать завтра посмотреть на это жуткое зрелище, ибо океан в этих местах очень бурный и опасный... Городок этот не живописный, и я уже раскаиваюсь, что мы засели здесь, но костюмы женщин такие оригинальные, что я думала по-

рисовать «типы» — увы, они не соглашаются позировать, все зажиточные, и их не соблазнишь заработком. Занимаются все здесь вышивками чепцов и бретонских кружев. В общем, я думаю, так было и в средние века, и жизнь здесь будто остановилась. Мужчины (которых совсем не видно!?) носят круглые шляпы с бархатными лентами. Будет так обидно (и просто «трагично» для меня) если не найду моделей! [1]...

[159] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Бретань, 9 августа 1934 г.

...Мы еще с Катюшей в Бретани — переезжаем завтра на 2 недели в деревушку Лескониль на берегу моря (хотя купаться и не будем — слишком плохая погода, холодно, дождь и ветер), но в Париж не хотим вернуться раньше 1-го сентября. Там Шура пользуется мастерской, и ему очень, видно, не хочется, чтобы все семейство вернулось и ему мешало. Будем жить у рыбаков... «Дачников» много понаехало в это местечко, но пляж большой, и мы будем уходить далеко-далеко, т. к. и Катюша и я нелюдимы и чувствуем себя лучше одни, чем с чуждыми во всем французами!..

[160] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Бретань, 18 августа 1934 г.

Мы с Катюшей еще в Бретани до 27-го августа, живем на берегу океана... Местечко это — рыбацкая деревушка, унылый и пустынный пейзаж и люди суровые и нелюбезные, т. ч. нам здесь ужасно неуютно, и мы считаем, как школьники, дни, когда уедем ...Рисую темперой пейзажи, но нехотя, а потому ничего не выходит... Шурик в Париже много работает на улицах, я же страдаю по-прежнему, если подходит народ, и не могу дальше работать, а тут всюду столько народу!..

[161] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 11 сентября 1934 г.

...Начну набивать холсты и надо раскачиваться скорее писать маслом, но скажу откровенно, что ничто не вдохновляет больше! Хочу цветы попробовать — поеду завтра на большой рынок (les Halles), который открыт только до 9 ч. утра (т. к. там торгуют с 5 утра), надеюсь, что там дешевле... но странно — еще ни разу в жизни у меня не «выходили» цветы! А этот «сюжет» более все же продажный (хотя теперь ничего не продается!), чем «ню» или др. ...

[162] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 17 октября 1934 г.

Шура так хотел было написать тебе письмецо, но уходит в 6½ ч. утра и возвращается в 8 ч. вечера такой усталый, что ест с трудом и ложится сразу спать, и в 9½ ч. все мы уже спим. Шура это время опять занят в кинематографе (за Парижем), помогая Шильдкнехту в писании декораций [1]. Катюша тоже бегает по разным «лицам», ища заказы — рисовать интерьеры в своем миниатюрном размере. Одна я даже не пытаюсь найти работу, ибо

Пейзаж. Село Нескучное Курской губернии. 1916

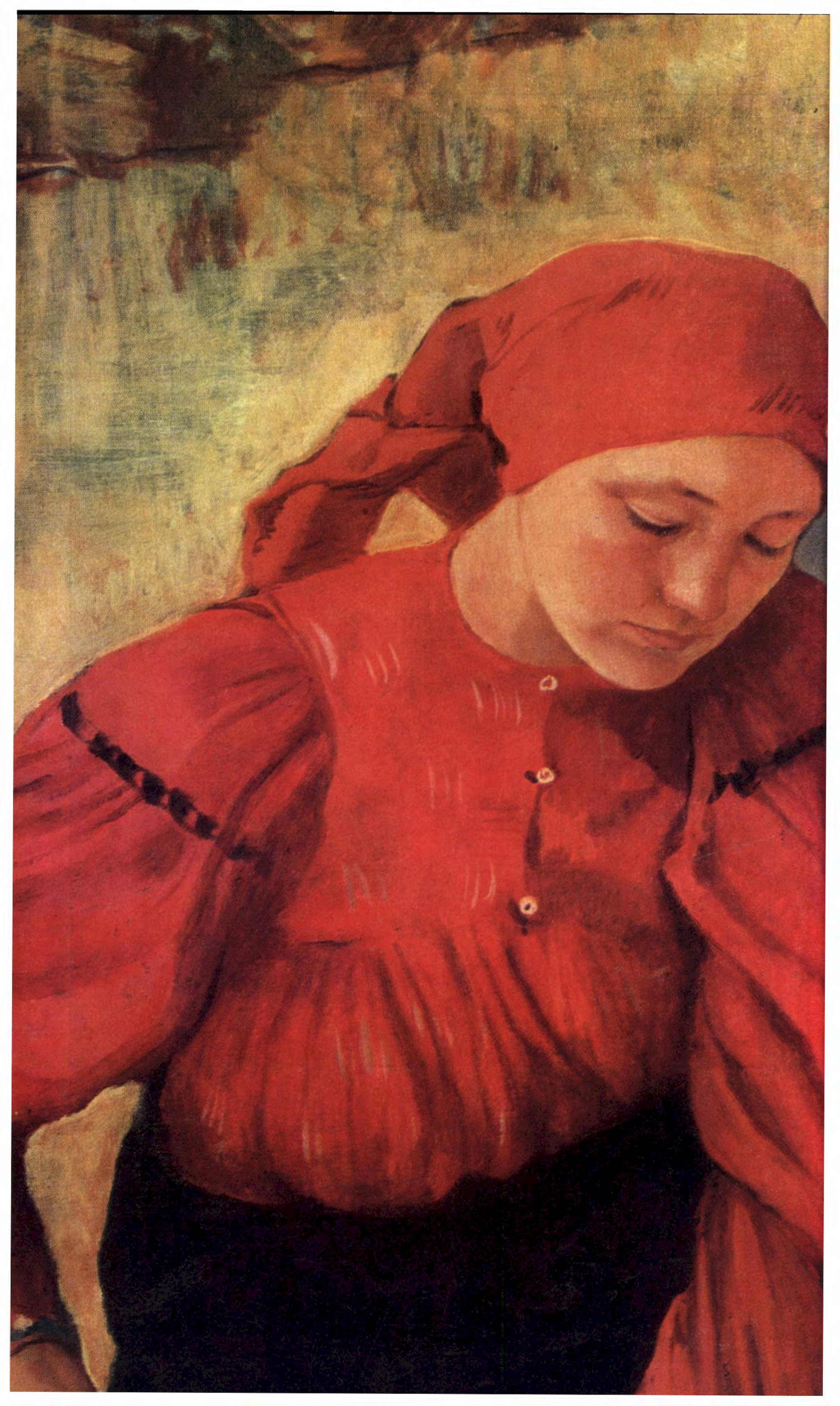

Крестьянский обед. Набросок к картине «Жатва». Ок. 1914

Крестьяне. 1914

→
Крестьяне. Фрагмент

ее все равно не найти! Вчера была у дяди Шуры и слушала «Историю балета», которую здесь написали, пользуясь воспоминаниями дяди Шуры — интересно очень, например, создание «Петрушки» (1911 год) и всех дягилевских балетов[2]. Дядя Шура совсем поправился и по-прежнему массу работает и такой же живой и энергичный, как прежде. Посылает в Осенний Салон много вещей, но я их не видела. В этом году в Салон посылает свои произведения (его дочь) Леля Браславская[3], сделавшаяся, кажется, по-настоящему, художницей и написавшей летом ряд портретов — Ати[4] («nue», сидящая спиной), Татана[5], своих сыновей Мити[6] и Пети[7] (4 года) и т. д. Я не знаю, отчего я не пытаюсь выставлять в Салоне,— нет никакой энергии хлопотать о принятии, а если послать без протекции — повесят невозможным образом скверно, и среди 3.000 картин ужасного качества все равно пропадешь. А, главное, нет веры, что кто-нибудь оценит и «отличит»... Ты пишешь о возвращении, но ведь я буду тебе в тягость — ведь и у вас мое искусство теперь никому не нужно! А сил нет больше приспособиться к «новому» искусству. И вспоминаю свои надежды, «планы» молодости — сколько хотелось сделать, сколько было задумано, и так ничего из этого не вышло — сломалась жизнь в самом расцвете...

[163] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 24 октября 1934 г.

...Пока рисую мало — на счастье подвернулся маленький заказ на портрет — сделать набросок в 3 раза! (так как дама уезжает в воскресенье в Англию). Поэтому спешу и всегда почти делаю то же самое, так как не успеваю обдумать и скомпоновать позу, вечно все теперь уезжают куда-то и еще ни разу не пришлось работать «серьезно» над портретом. Благодаря этому портрету смогу заплатить за 3 месяца квартирные (до 1-го ноября), а то не знала бы, что делать! В Лувр пока не хожу эту неделю, а Катюша одна никуда не хочет ходить. Да и дома масса дела — ты сама знаешь — ведь все приходится делать самим — стирку, рынок, топить печь и убирать, убирать эту мастерскую, превращая ее из спальни, столовой и пр. в «ателье»... Дядя Шура показывал свои нормандские этюды — очень удачные, даже присутствовавший Сомов нашел, что дядя Шура «сделал успехи»[1] — и правда, смотря на прежние, старые питерские его вещи, видно, как все крепче и сильнее сделано.

[164] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 3 ноября 1934 г.

На днях вышла в печати Шурина [А. Б. Серебрякова] детская география — конечно, напечатали не в таком размере (слишком большой) и расположили рисунки не так, как следует, но все-таки книжечка нарядная и рисуночки очень милы.

В Лувр пока не ходили, все что-то мешает, кто-то приходит и пр. Вообще же я ничего путного не делаю и рисую ужасно мало, что меня приводит в отчаяние.

В Париже идет сейчас советский фильм «Гроза» по Островскому, но мы не можем сейчас ее смотреть, ибо синема этот слишком дорогой. ...

[165] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 6 ноября 1934 г.

Не падай духом и рисуй, моя любимая, как можешь, не думай ни о чем, а лишь бы ближе к тому, что видишь, если не будет «мастерства», а просто, даже «наивно», это все равно ценно и доставит удовольствие себе и твоим, а потом, кто знает, когда-нибудь «придет» и «мастерство»! К тому же у кого сейчас оно есть? Если сравнить настоящее время, беспомощное (во всем) в искусстве, с прежними веками, то ведь все никуда не годится, а все-таки мы продолжаем рисовать...

[166] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 31 декабря 1934 г.

...Ничего из моей жизни здесь не вышло, и я часто думаю, что сделала непоправимую вещь, оторвавшись от почвы...

[167] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 26 апреля 1935 г.

...В мае месяце выставка старого русского искусства в Лондоне с театральным отделом, так что участвует дядя Шура, Бушен и пр. (но я, конечно, нет, ибо ничего для театра не делала). Бушен даже едет в Лондон, где, кажется, у него будет работа, но это я знаю не от него, ибо и он, и Сергей Ростиславович никогда, ничего не рассказывают. Лондонскую выставку «художественную» устраивает Добужинский [1]...

[168] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 26 мая 1935 г.

...Верно, вы слышали от Шухаева, как здесь ужасно художникам! [1] Шура все сидит над иллюстрациями, но примет ли их издатель, еще неизвестно. На «Итальянской выставке» еще не была, говорят, там такая толпа, что к картинам не подойти. Недавно читала Иг. Грабаря — «Репин» (биография), мне очень понравилось [2]; если достанешь — прочти, дорогой мой. Опять стала ходить по утрам в Лувр, рисовать «мрамор» (вместо прежнего «класса гипса») — это доставляет мне 2 часа работы, отвлекающей от домашней суеты, но «практически» это никому никогда не будет ни интересно, ни нужно!..

[169] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 21 июля 1935 г.

...Эти дни — последние перед закрытием Итальянской выставки (столь нашумевшей здесь). Часто ходили на эту удиви-

Крестьянки с холстом. Набросок к картине «Беление холста». 1916—1917

Крестьянки с караваем хлеба и боклухом. Набросок к картине «Жатва». 1914

тельную выставку, но из-за толпы совсем невозможно было смотреть картины, по статистике было на ней за два месяца около 1 миллиона посетителей!..

[170] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Эстен, 24 августа 1935 г.

Мы с Катюшей живем все еще в Эстене... Здесь еще не поспел виноград — засуха была ужасная, так что сбор винограда будет лишь в канун сентября — я очень хочу это застать здесь, так как нет ничего декоративнее и красивее виноградных лоз и тяжелых кистей и полных ими корзин. А чтобы рисовать «картины», конечно, и думать нечего — все неудобно, все трудно «уловить», позировать же здесь (тоже как в прошлом году в Бретани) не заставишь никого...

[171] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Эстен, 17 сентября 1935 г.

...Еще будем здесь 12 дней, и, значит, скоро опять в Париже! Эта перспектива далеко не радостная, так как здесь, несмотря на дождь и плохую осень, все же видишь природу, небеса и красоту осени. Виноград начинает поспевать — уже все жители вытащили бочки и корзины, и скоро начнется сбор и виноделие — все здесь пьют свое собственное вино, и в нашем доме его будут тоже делать. Так как идет дождь, то приходится рисовать дома и я опять рисую натюрморт с виноградом — моя всегдашняя тема. Катюша рисует премило и делает из воска чудесные маленькие «фигурки» — откуда у нее знание складок, движений? Верно, наследственность много значит, и это от ее деда. Когда-то ты, моя Татуся, будешь с нами? Все бы мы рисовали и жили искусством, а я ожила бы снова от этой радости...

[172] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 9 октября 1935 г.

...Я тоже последнее время расхандрилась и, если задумывалась, горько плакала по невозвратному счастью прошлой жизни и бабуля и Боречка мой... и по потерянным годам, когда тебя и Жеку не вижу, и жизнь пройдет, и я уже так чувствую поворот к концу! Что же делать? Вернуться ведь немыслимо — у меня нет денег и на дорогу, и на паспорт, и здесь с кем же оставить беспомощного Кота и отчаивающегося Шурика? И сердце разрывается между вами, моими чудными детками, но вдруг начинаю надеяться на то, что увижу вас, сама даже не знаю как...

[173] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 24 октября 1935 г.

...Недавно приходил к нам дядя Шура, поправившийся после летней болезни. Смотрел Катюшины крохотные вещи (она лепит теперь и раскрашивает маленькие фигурки) величиною с $1/2$ пальца (твоего или моего!) и маленькие акварели Эстена — прелесть какие чудные. К сожалению, некому их ценить и поку-

пать в наше время! Мои пастели тоже понравились, те, что я рисовала прошлую зиму в Лувре, а летом я сделала лишь 4 пастели (3 портрета и старую золоченую фигуру с алтаря церкви в Эстене)... Надо было бы напомнить о себе, сделав выставку, но где и как ее устроить, не имея ни гроша! Дни летят с такой быстротой, что уже 2 недели, что мы здесь, а я еще ничего не нарисовала, все мешает моя ужасная усталость. Дала себе слово завтра утром поехать на рынок, центральный, les Halles, где куплю натюр-морт из овощей или фруктов — тут еще много винограда, яблок и пр. Но по правде сказать, все это столько раз видано и сделано, что надоело ужасно...

[174] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 15 декабря 1935 г.

...Теперь здесь можно видеть много советских детских книг — дядя Шура от них в восторге (Вл. Лебедева) [1]...

[175] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, (б/д) 1935 г.

...Недавно видела одного издателя и, к моей великой радости (но заранее боюсь очень верить!), он хочет издать книжечку с моими вещами [1]... Это мне давно хотелось, ибо это единственная нужная сейчас вещь — реклама, без нее ведь люди не понимают сами по себе ничего, а «печатное» для них свято...

[176] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 6 февраля 1936 г.

...Наступила, наконец, зима — мороз и солнце, и это лучше, чем слякоть, можно рисовать в Лувре (где вообще очень темно) и продолжать серию рисунков со скульптур. Катюша много бегает, хлопоча для разных работ, хочет достать хотя бы маленький заказ на букетики, которые она делает из воска, раскрашивая их и ставя под стеклянный колпачок,— получается в старинном роде, очень мило. Но из-за знаменитого «кризиса» в делах все эти безделушки уже окончательно не нужны...

[177] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 21 февраля 1936 г.

...Пишу тебе из магазина «Лувр», куда пришла «отдохнуть» из музея (это против него), где бродила и любовалась (стараясь не думать о своих огорчениях) божественными вещами, смотрела огромные панно Рубенса — историю Марии Медичи и Генриха IV — какое богатство мыслей, знания и «философии», как прославляется мир и осуждается война в этих росписях, как чудно перемешаны пафос, чувственность, радость от всего богатства земли! Я не умею выразить всего, что в этих грандиозных композициях вложено гением Рубенса (исполнено это его учениками, композиции же его)...

Здесь можно купить все советские газеты, я иногда покупаю, чтобы знать, что новенького у вас в театрах, выставках и пр....

[178] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 27 февраля 1936 г.

...Еще не была на многих выставках, например, на Коро[1], который сейчас в такой моде, что считается величайшим художником 19 века...

[179] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 8 марта 1936 г.

...Вчера мы соблазнились купить книгу «Дюрер» с 350 репродукциями этого чудесного мастера. Стоит страшно дешево, так как немецкое издание, а книги там так дешевы! Была на выставке современного испанского искусства[1]; довольно бездарное впечатление, хотя 2—3 художника мне и очень понравились, но вообще же нигде сейчас нет «замечательных» мастеров — все «средние» таланты. Устраиваются ли выставки у вас и есть ли интересные молодые художники? Есть ли портреты? Кажется, что эта отрасль (портреты) совсем исчезает в художестве — тут, по крайней мере...

[180] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 6 апреля 1936 г.

Драгоценная моя Татуся, ужасно давно опять не писала тебе, а, как всегда, собиралась каждый день! Вот и весна — все распустилось и зазеленело и через неделю Пасха. Настроение эту весну здесь очень неважное — тревожно во всех смыслах; даже боимся всяких невзгод — таких, как война!.. Мои «росписи» так и застряли — ничего не сделала до сих пор, иссякла окончательно моя энергия и ничего не смогла «из себя выжать»[1]. Хотелось бы посмотреть на работы брата моего Женяки — это воодушевило бы меня. Здесь же ничего в искусстве не делается, вокруг все то же увлечение чепухой и мерзостью. Главное, нет модели, с которой бы я могла работать. Натурщицы здесь хорошие редки и так недоступно дороги, что я не могу никого пригласить позировать...

[181] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 4 мая 1936 г.

...Недавно прочла с большим интересом мемуары Екатерины Великой[1], написанные ею самой. А сейчас читаю французских классиков (Расина, Корнеля и т. д.)...

[182] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 14 июня 1936 г.

...Жизнь наша ужасно осложнилась — работы у меня все нет, так как бельгийский заказчик тянет с заказом декоративных фигур и не хочет никаких «расходов», так как скуп до невозможности. Мы хотим в принципе опять переехать с ул. Бланш, и я подыскиваю другое помещение, но это почти немыслимо — и найти дешево и чтобы у Катюши была своя комнатка и у Шуры своя — вы ведь знаете, чудные мои дети, как трудно жить всем в тесноте! Получила на днях извещение о дяди Жениной выставке (с рисунком Верейского портрета дяди Жени)[1], но без всякого письма —

Женщина с коромыслом. Этюд к картине «Беление холста». 1916

Наброски к картине «Беление холста». 1916—1917

Беление холста. Первый (незаконченный) вариант картины. 1917

очень бы хотелось посмотреть выставку Жеки в Москве — должно быть, прекрасно! Читала и статью К. Юона об этой выставке в газете («Известия» или «Правда» — не помню) [2]. Здесь такая масса выставок, что всех не пересмотришь: была на грандиозной выставке «наполеоновского» художника — барона Гро (1771—1835) и его учеников — какое чудесное мастерство и огромные батальные сюжеты, как замечательно вдохновенно сделаны! Но какая у Гро трагичная смерть — он утопился 24 июня 1835 года, не вынеся травли и нападков критиков на его устаревшее искусство! А теперь такой триумф! Как ужасно, что современники не понимают почти никогда, что настоящее искусство не может быть «модным» или «немодным», и требуют от художников постоянного «обновления», а по-моему художник должен оставаться сам собой! На выставке Сезанна еще не была, но это — «герой не моего романа»...

[183] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 5 июля 1936 г.

...Была я на выставке Сезанна (видела присланные из Москвы щукинские вещи) [1], впечатление от такого количества Сезаннов странное — любуешься красками, но досадное чувство не покидает (беспомощность рисунка) и невольно обвиняешь его в последующем ложном пути, указанном им (хотя и знаю, что лично он этого не хотел). А все «снобы» здесь сходят до сих пор по Сезанну с ума! [2]...

[184] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 19 октября 1936 г.

Дорогая моя Татуся,

Очень обрадовалась сегодня, получив твое письмецо! А то каждую почту ждала с таким нетерпением... Татуся моя любимая! Ты зовешь меня приехать к вам, и я бы с великим наслаждением уехала бы отсюда, но надо раньше кончить начатую работу над панно — ужасно, как я задержалась с этой работой и как она мне не дается! Да и обстоятельства моей жизни совсем не подходящи для таких больших вещей — места в ателье нет, отходу от них никакого, спокойствия нет никогда...

[185] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 27 октября 1936 г.

...Мы нигде не бываем, иногда ходим в кино — тоже смотрели испанские события и страшно становится за человечество — никакого «прогресса», варварство вовсю! Разрушаются дивные памятники искусства, а жизнь людская вообще не ставится в грош! Все это очень печально и стыдно за такой провал 20-го века. Я все еще вожусь с моей несчастной «росписью» — как это трудно! Конечно, это «первый шаг труден», ведь я никогда не делала чисто декоративных, рассчитанных «на отход», вещей. Все мы страдаем от этой задержки в работе, т. к. вся мастерская завалена донельзя холстами и подрамниками, т. ч. места никому нет. Шура, к счастью, уходит в эти дни работать в студию — делает какие-то панно для фильма, приглашает его туда П. Н. Шильдкнехт...

[186] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 22 ноября 1936 г.

...Недавно ...узнала грустную весть о смерти Осипа Эммануиловича Браза — моего первого учителя живописи, умер он скоропостижно, и так грустно, что жизнь обрывается еще в полном разгаре сил...

[187] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 20 декабря 1936 г.

...Письмо Татуси я получила и была ему несказанно рада, т. к. всегда беспокоюсь о вас, мои любимые дети. За этот месяц ничего особенного не произошло — с утра до вечера крутимся в мастерской... Еще к тому же здесь, в Париже, нельзя сказать, чтобы было спокойное настроение — война в Испании нас очень огорчает... Вообще для нервных людей Париж не годится — всюду толпы, движенье, шум и такая суета сует! ...[Мы] никуда не ходим — в синема [кино] бываем раз в 2 месяца! Хотя «Новые времена» с Чарли Чаплиным шли недалеко от нас, у меня не хватило настроения пойти смотреть — думаю, что мне не понравился бы теперь этот артист, ибо, по-моему, его остроумие как-то устарело и облик его, вечно один и тот же, меня раздражает. Катюша недавно сделала 8 кукол для синема — заказал это Шильдкнехт, ставящий какой-то фильм. Куклы были одеты в костюмы 16-го века (по картинам Гольбейна), Катюша чудно сделала головы и руки из воска и раскрасила; все это сделала в 4 дня и была рада заработать немножко денег. Три дня тому назад Шура и я ездили в Бельгию (я выехала в 7 ч. утра и вернулась в тот же день обратно — в 11 ч. вечера). Шура выехал накануне. Мы возили мои 4 панно, т. е. половину работы, но дом еще не готов и прикрепили эти вещи только так, чтобы взглянуть, затем свернули, и еще только в феврале будут они повешены — не стоило, по правде сказать, отвозить их отдельно; но заказчик (бельгиец) все торопил — ужасно беспокойный господин и безвкусный — его дом и зала своей отделкой всех стилей привели меня в отчаяние, и я не думаю, чтобы мои вещи имели какой-либо смысл и вид в таком диком безвкусии...

Сейчас выставка Рубенса, но я еще не была; странно, что вдруг все стали восхищаться им (конечно, как попугаи повторяют заученный урок!), не понимая в нем ничего... Рубенс мой обожаемый мастер. Я завидую, что вы, мои чудные дети, можете в Эрмитаже им наслаждаться...

[188] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. и Т. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 24 декабря 1936 г.

Дорогой мой чудный Жека и дорогая моя Татусенька,

Вчера страшно обрадовалась получить письмо Жеки по «авиону», хочу и это письмо послать скорее воздушной почтой, чтобы пришло к праздникам и Новому Году! Целую вас, моих обожаемых, крепко, крепко и желаю (как может желать этого только «мама») всего, всего лучшего — главное, свидеться бы с вами!! Ведь уже 12 лет, что я разлучена с моими любимыми!..

...Посылаю 4 снимочка с моих панно: снял Шурик. Эти вещи должны быть помещены между окнами и изображают «карьеру» заказчика: 1) Правосудие с весами (т. к. он юрист), 2) Флору (т. к. у него цветоводство), 3) Искусство (так как он любит искусство), 4) Свет (т. к. он директор электро- и газовых заводов) и т. д. ...Когда будут готовы остальные 4 панно и над дверьми... [нрзб.] пришлю тоже, если вам это интересно...

[189] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 26 декабря 1936 г.

...Все, что ты пишешь о художественной жизни у вас (о м. б. вероятных заказах), меня, конечно, очень соблазняет! Но вот беда! Уже я не чувствую в себе сил (а веры в себя у меня всегда было не ахти как много) предпринять такое решение. Да и Таточке, я чувствую, буду в тягость... и все будет меня раздражать. А вот я слышала, что Иван Яковлевич Билибин собирается скоро к вам [1].

...Манечек [2] в Харбине очень нуждается, так как и там «кризис» и работы совсем нет — да, времена курьезные. Последнее время я рисовала в Лувре пастелью со скульптур средних веков (Жермен Пилон и пр.) и XVII века (Куазевокс и др.) — меня забавляет это отдохновительное рисование и как приятно вглядываться в эти шедевры...

[190] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 20 марта 1937 г.

Вчера были мы у дяди Шуры, там было много народу — Дм. Дм. [Бушен] и С. Р. [Эрнст], Добужинский с женой, Сомов и пр. и пр. Дядя Шура показывал свои вещи — «декорации» (за многие годы, начиная с «Петрушки») и последние работы в Фонтенбло — очень замечательные, все это посылает он в Лондон, где будет выставка дяди Шуры в июне (как и в прошлом году, когда он имел большой успех и все продал). В Лондоне все помешаны на русском балете, и все, касающееся этого, имеет большой успех.

Здесь открылась Пушкинская выставка [1] — разные документы, литографии, гравюры и пр. и пр. пушкинской эпохи, выставлены и 2 пистолета, послуживших для роковой дуэли. Французские газеты поместили тоже статьи о Пушкине, но это имя им ведь ничего не говорит! Невежественны они донельзя... Сейчас здесь открылась большая выставка Дега — это мой любимый художник, и я непременно пойду...

[191] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 31 марта 1937 г.

...Была на праздниках (воскресенье была здесь Пасха) с Катюшей на выставке Дега — дивный мастер! Всегда неожиданная композиция, и так остро взята жизнь и движение! Балетные сцены, скачки, «моющиеся» женщины и т. д. и чудные портреты. Помнится, у меня была книга о Дега (подарок брата Жени) — у вас ли она еще?..

[192] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Бельгия, 8 апреля 1937 г.

...Пишу тебе из Бельгии, куда мы приехали вчера — Шура, Катя и я. Выехали в семь часов и были в час дня в имении барона Броуэра, для которого я сделала росписи. Дом все еще совсем не готов и «ансамбля» не видно, хотя натащено уже множество старинных вещей, мебели, бронзы и пр. Приколотили вчера же вещи, к счастью пришлось «впору», но, конечно, надо сделать кое-какие ретуши, а, главное, географические карты, что трудно и во всех отношениях ужасно, т. к. надо сделать это не сухо, а живописно, м. б. стоя на мостках и не отходя, но будет так неудобно видеть эффект...

[193] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 26 апреля 1937 г.

...Давно не писала вам, моим обожаемым, т. к. все время жду какого-либо решения относительно моей росписи — заказчик все тянет с расплатой и хочет меня обмошенничать, воспользовавшись, как я и предчувствовала, что контракта с ним я не заключила, а довольствовалась его словом...

[194] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 6 мая 1937 г.

...Надо здесь дождаться выставки картин из музея Прадо в Мадриде — все шедевры привезены сюда [1]. Сейчас здесь выставка австрийского искусства от средних веков до современности. Вот это привилегия Парижа — большие, чудные выставки картин...

[195] Е. Е. ЛАНСЕРЕ — З. Е. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Москва, 24 мая 1937 г.

...Так они [панно] мне понравились [1]. У тебя есть именно то, чего нет вокруг: помимо выдумки то, что называют композицией. Они хороши в своей простоте исполнения, завершенности формы, поэтому монументальны и декоративны и помимо сюжета и размера. Ты так широко, связно, цельно понимаешь (в смысле передачи) форму предметов. У меня перед столом на стене висят две твоих работы... И вот еще недавно беседовал о рисунке и технике живописи с одним приятелем, художником из Харькова, а он и говорит (указывая на твои): «Да ведь вот то широкое, классическое понимание формы человеческого тела, которое нужно!»...

Самою складною фигурою мне кажется «Юриспруденция» (с весами внизу). Это панно особенно нарядно и богато заполнено. При всей простоте, скупости, так сказать, украшений, атрибутов... Менее удачна фигура с атрибутами искусства: некоторая жесткость в движении, в позах... Из лежащих менее нравится повернутая вправо с кувшином, а первым номером я поставил бы (из лежащих) — с колосьями. Завидую тебе, что ты так просто, так гибко, широко и законченно умеешь передавать тело. А у меня выходит мелочно, пестро, ломано...

[196] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 6 июня 1937 г.

...Были мы на Парижской выставке — советский павильон имеет большой успех и такая толпа народу, что трудно все видеть[1]. Все же я узнала вещи Анны Петровны [Остроумовой-Лебедевой], Кончаловского[2], Грабаря[3] и т. д., смотрела ваши журналы «Творчество» и т. д., видела макеты театров и пр. Но больше всего мне понравилась карта СССР, сделанная из уральских драгоценных камней[4]. Декорацию дяди Жени тоже не пропустила...

[197] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 20 июня 1937 г.

...Спасибо огромное Татусе и дяде Коле за интереснейшие открыточки — мне безумно нравится Венецианов «На сеновале»[1], Морони[2] «Мужской потрет» (из серии «Итальянский портрет») и натюрморт (фламандской школы XVII в.) ...Сейчас все решаем, куда бы уехать из Парижа — наконец решили ехать в Италию, подали прошение о визе и думаем, что через три недели получим. Жизнь там дешевле здешней, и это соблазнительно. Куда именно — еще не знаем.

...Я шью целыми днями кое-что в дорогу — удлиняю Катюше платье, чиню белье и т. д. Приготовляю тоже сама масляные краски — растираю порошки с маковым маслом и кладу их в тюбики. Багажа в дорогу надо взять очень мало, т. к. дорого стоит, а вместе с тем мое «художество» берет столько места и тяжести — мольберт складной, три плияна [складных стула — *фр.*], папки, подрамники, холсты, краски, пастель, темпера и т. д.!!! Это ужасно, когда не знаешь точно места и надо будет странствовать по отелям... Сейчас читаю Вересаева «Пушкин в жизни»[3], пока 1-й том (это дал дядя Шура), очень увлекательно — читала ли ты эту книгу, Татуся? Это советское издание...

[198] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Е. ЛАНСЕРЕ

Париж, 10 июля 1937 г.

...Прошло уже больше месяца, как я получила твое интереснейшее письмо с тремя фото (две детали росписи и ты сам, за работой)... Мне очень, очень нравится твоя композиция — ракурс голов и рук женских фигур и человек в маске — просто чудно![1] И хочется, чтобы ты знал, что я считаю тебя единственным сейчас мастером... В этом убеждаешься, бывая на выставках — всюду «декоративные панно», но боже, какая это бездарность! И как ужасен этот стиль модерн — бессмысленные вещи, и как легко, по-моему, идти по этому пути (начало положено Дюфи)[2]. Со всем, что ты пишешь о живописи, я со всем согласна, т. к., действительно, «форма» забыта (и никому не нужна!), а все — в цвете, а это, конечно, лишает искусство всякого уже смысла и потому, конечно, нисколько не «трогает» и страшно скучно!..

Беление холста. 1917

[199] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Бретань, 27 июля 1937 г.

...Получила вчера письмо Татуси, пересланное мне Шурой сюда, в Бретань, где мы с Катюшей уже шесть дней. Нам это лето совсем не повезло! Приехали в живописный городок, где думали остаться, но ни одной свободной комнаты не нашли, а потому должны были искать во всех окрестностях и, наконец, нашли очень дорогое и скверное помещение в противном городишке (портовом и фабричном) Конкарно, где 12 тысяч жителей, масса сардиночных фабрик и все старые улочки и постройки совсем исчезли под ужасающей новой перестройкой. Останемся здесь до первого сентября, и я боюсь, что ничего ровно не нарисую...

[200] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Бретань, 18 августа 1937 г.

...Мы с Катей возвращаемся через 9 дней в Париж, очень недовольные нашим пребыванием в Бретани. Конкарно — большой порт, где слишком много народу, а рисовать в городе я совсем не могу, да и, по правде сказать, мне не хочется делать лодки,

→
Беление холста. Фрагмент

пароходы и пр., т. к. я хорошо знаю, что ничего у меня не выйдет, а другого здесь нечего рисовать. За город ходили много раз, но все дороги здесь обсажены густыми зарослями, из-за которых ничего не видно, фермеры здесь не хотят позировать и т. д. Т. ч. привезла сюда столько художественного материала, и все это везу, не использовав, обратно, что меня приводит в отчаяние!!..

[201] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 17 сентября 1937 г.

...Мы не бываем в кино — теперь показывают войну в Испании (это страшно!) и непонятно, в какое время мы живем! У вас, верно, спокойнее настроение, чем здесь, т. к. здесь война ближе...

[202] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 13 декабря 1937 г.

...Как хорошо, что ты, Татуся, ходишь часто в Эрмитаж — правда, только там можешь по-настоящему учиться живописи!..

[203] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 3 февраля 1938 г.

...Моя выставка кончилась 1-го февраля, не дав мне никаких результатов![1] Но, м. б., потом вспомнит меня кто-нибудь, и я получу работу?! Пока мы живем одной «надеждой»...

Выставка интернациональная тоже кончилась, и ее разрушают и разбирают вовсю, но павильон СССР еще пока цел. На этих днях мы были на чудной выставке французской миниатюры от XI до XVI века — это такая прелесть, такие гениальные вещи, что просто непонятно, как это создано! В таком маленьком размере, как четверть этого листа, скомпонованы сложнейшие сюжеты — битвы рыцарей, турниры, всякие исторические события и пр. Краски сохранились как будто сделано это сейчас. Эти дивные вещи — иллюстрации к книгам (рукописным, конечно). А еще были мы с Катюшей на выставке сюрреалистов, и представить себе трудно, какая это чушь, галиматья, наглость! Такие идиотские дурачества, что не стоит описывать...

[204] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

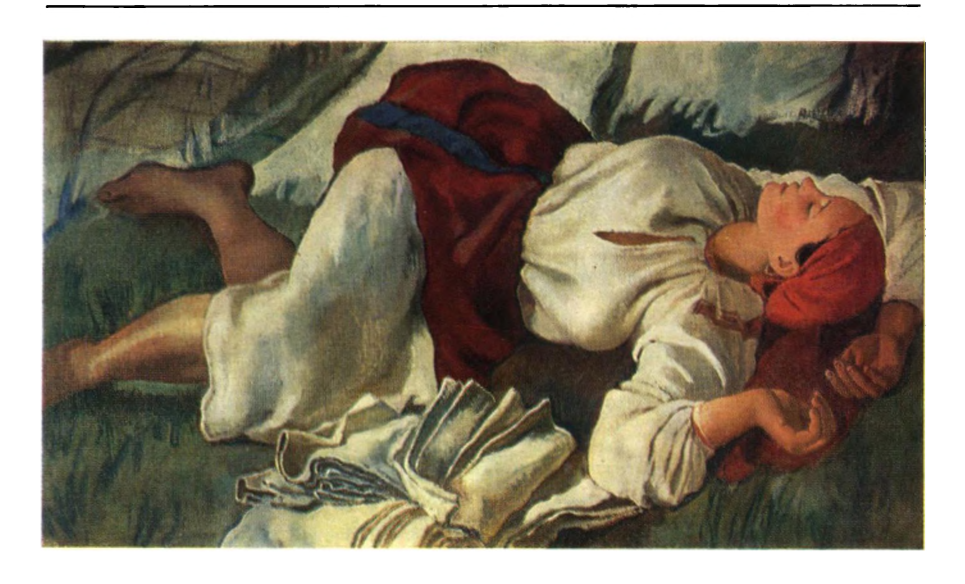
Париж, 6 марта 1938 г.

...Еще не были на английской выставке, открывшейся в Лувре — непременно надо будет посмотреть, т. к. это картины и портреты 17, 18-го века из Лондонского музея...

[205] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 29 марта 1938 г.

...Вчера были на вернисаже Дм. Дм. [Бушена] — выставка его последних работ. Вернулись все мы разочарованные и критикуем его вещи вовсю! Так печально, что он все время подражает кому-то самому «модному» и ничего не делает искренне, внимательно и любовно с натуры — все пошло размашисто, бессмысленно, неокончено и т. д.[1] Но, конечно, все его захвалили и превознесли, и оттого он теперь довольствуется каждым своим штрихом...

Спящая крестьянка. 1917

Поля в Нескучном. 1916

Была я еще в Лувре на английской выставке — мне очень понравилась. Пейзажи Констебля (конец 18-го века, начало 19-го) просто поразительны — какой импрессионизм! Все сделано так, как будто это Клод Моне и т. д., но еще лучше, конечно...

Видели недавно в кино советскую фильму «Цирк»[2] — хорошо сняты акробаты и пр.— видели ли вы эту вещь? А также видели экспедицию Папанина[3]...

[206] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 16 мая 1938 г.

...12-го мая совсем для всех внезапно скончался художник Александр Яковлев, знаменитый, большой мастер, это большая потеря для искусства! Ему было лишь 50 лет...

[207] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, май 1938 г.

...Получила вчера ваши драгоценные письма и еще 6 фото, за которые бесконечно вас благодарю! Мне было очень, очень интересно повидать мои старые вещи, совсем забытые (напр., этюд пастелью «уборная» балетная) и увидеть свои ошибки! Но какая гадость опять мой «автопортрет»!! Никогда не знала, что способна на такую бездарную вещь!! Очень, очень прошу вас, дорогие мои дети, уничтожить эти 2 вещи... А также ужасно нарисовала эскиз круглого панно — такая гадость! Это мне очень было полезно взглянуть, чтобы строже относиться к своим вещам и их уничтожать!.. Вчера были мы с Катюшей на вернисаже большой выставки Вюйяра[1] — старого 82-летнего художника, современника Дега и пр. Вещи его эпохи 1900-х годов интересны мне по воспоминаниям молодости и довоенных мод и пр. ...

[208] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 7 июля 1938 г.

...Как давно нет весточки от вас — я успела съездить в Англию на один месяц и вернулась, надеясь получить письмецо от вас!.. В Лондоне я была всего ½ дня, т. к. жила у моих кузин Эдвардсов и Ливсей[1]... Рисовала там портрет, но ничего хотя и не привезла, но посмотрела пейзажи и города Англии! Была в Лондоне в музее (Национальной галерее) и в таком безумном восторге от виденных чудес — Веронез, Веласкез, Гальс, Гольбейн и др. гениальные картины...

[209] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 14 июля 1938 г.

...Вчера получила... пакетик с 3 книжками — очень интересны книжечки о графике — сколько знакомых имен! Спасибо, дорогой мой Жекин, бесконечное, за все книги о Пушкине — ты знаешь, как все, как каждая мелочь, касающаяся его, мне любопытна! Т. ч. прочла сразу «Пушкин в своей последней квартире»[1] и «Театр». В книжке «Советская графика» прочла о дяде Жене. Понравился мне В. Лебедев, Верейский, Кравченко[2] и т. д. Посылаю

тебе тоже посылочку — книжку «Кармен», иллюстрации Шурика, это издание американское, дешевое (для детей), так что Шура очень недоволен, как все вышло грубо, какой взят цвет желтый и пр.

Мы решились ехать с Катюшей послезавтра очень далеко — на Корсику!! Едем до Ниццы, а оттуда пароходом 6 часов до Корсики. Путешествие по морю нас пугает — это первый раз, что Катюша поедет морем. Едем мы в рыбачий городок Кальви — все говорят, что очень живописный. Конечно, я ужасно нервничаю, что не найду там свободной комнаты, где мы могли бы жить своим хозяйством, т. к. в отеле нам немыслимо!..

[210] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Кальви, 7 августа 1938 г.

...Вот уже 3 недели, что мы с Катюшей уехали из Парижа и попали на Корсику! Переезд по морю 8 часов из Ниццы был идеальный, но разочарованье Корсикой было полное! И мы с первого дня хотели бы уехать отсюда!! Сколько здесь туристов и ничего характерного не осталось — сплошь отели, кафе, дансинги и т. д. Рыбаков нет, население живет иностранцами и все втридорога, так как англичане, голландцы и пр. платят все равно что — для них все кажется дешево!..

[211] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Кальви, 27 августа 1938 г.

...Я так рада, что все у вас хорошо: что Татусе понравилась Украина — моя родина! И Жекина и Шурина! Я всегда вспоминаю чудную эту страну — богатство природы, земли, здесь ничего подобного в смысле фруктов, арбузов, дынь и пр., как бывало в Нескучном! ...Мы с Катюшей еще на Корсике, в Кальви до 5-го сентября... Рисуем не очень как-то удачно — то ветер (страшный ветер, ураган) мешает, то жара. Ветер здесь постоянно, что характерно для Корсики...

[212] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Кальви, 5 сентября 1938 г.

...Не бойся, дорогой мой, делать «картинки», это именно и нужно делать — «что ты видишь», просто и искренне, а остальное «приложится», и не надо «мудрствовать лукаво». Главное, рисунок и отношенье красок одних к другим и все время думать (о, как я это забываю всегда) об общем, чтобы детали не «вылезали»!..

[213] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 28 сентября 1938 г.

...Опять давно не писала Вам, простите, мои чудные! Но время, переживаемое нами, до того тревожное, что живешь в атмосфере катастрофы и невозможно собрать мысли, чтобы написать хотя бы одно письмецо! Приехали мы с Катюшей два дня тому назад в Париж и нашли Шурика до того плохо себя чувствующим, исхудавшего, не могущего ни есть, ни спать, что я совсем встревожена

Из альбома художницы

В Нескучном, 1900-е гг.: за чайным столом на «хуторе», в центре (в панаме) — З. Е. Серебрякова, позади нее — Е. Н. Лансере; Е. Е. и В. А. Зеленковы («Сестра Катя с мужем...»); З. Е. Серебрякова и Е. Н. Лансере

Домашний концерт;
«Подготовка к семейному снимку...» (на первом плане Б. А. Серебряков)

Из альбома художницы

В Нескучном, 1900-е гг.: З. Е. Серебрякова; Е. Н. Лансере;
З. Е. Серебрякова с детьми и няней у елки;
с детьми Шурой, Женей, Татой и Катей

его здоровьем, и, главное, нервами. Хотелось бы увезти его и Катюшу подальше от Парижа, где газеты с волнующими новостями, приготовлениями к войне совсем нас убивают... Кончаю это краткое письмо, т. к. ничего не идет в голову, забитую заботами и тревогой! Напишу, когда немного станет лучше, а пока целую без конца и люблю моих дорогих детей тоже без конца. Ваша мама.

[214] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Сан-Джиминьяно, 17 октября 1938 (1937 ?) г.

...Я последний раз писала Вам из Савойи, из Экса, где лечилась от своей неожиданно ухудшившейся болезни — невроз сердца и базедова болезнь. Велено доктором мне лежать и отдыхать (т. к. это нервная болезнь) и не возвращаться в Париж, вот мы и решились с Катюшей поехать в Италию! Выбрали маленький городок Сан-Джиминьяно, знаменитый своими башнями средних веков и чудными росписями в церквах. Вокруг города расстилается дивный пейзаж, т. к. с 335 метров высоты, где он находится, видна бесконечная даль, теряющаяся в нежно-голубых дальних горах. Пробудем мы здесь 1 месяц, т. е. до 4-го ноября, а потом в Париж... Как хотелось бы, чтобы и вы все посмотрели этот чудный городок и пейзаж! Помню гравюру Анны Петровны с видом города. Не знаю, удастся ли мне что-нибудь нарисовать в этот раз, но мечтаем с Катюшей вернуться сюда когда-нибудь опять. Виноград уже весь собран и всюду делают вино. Бочки с виноградом привозятся сюда на белых быках, у которых привешены к рогам красные украшения из материи, что очень живописно. Зато «типа» итальянского у жителей совсем нет, а также, конечно, и костюмов. Лица напоминают даже северные европейские типы, особенно у женщин...

[215] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

12 декабря 1938 г.

...Пишу вам лежа в кровати, оттого такой ужасный почерк... Дорогие мои — получила вашу посылку-альбомы Пушкина и несказанно вас благодарю! Очень приятно их иметь — я многие портреты никогда не видела...

[216] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 5 февраля 1939 г.

...Сегодня прочла в газете, что будет здесь в Музее декоративного искусства выставка в марте Дягилевских балетов в память 10-летия со смерти Дягилева[1], и выставлять свои работы будет дядя Шура и т. д. ...

[217] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 17 апреля 1939 г.

...Да, жизнь быстро проходит, и вот уже старость, и для меня совсем близко... После операции прошло уже 4 месяца, а глаза мои все еще видят черные пятна и как бы «паутину»; ношу очки и без них ничего не могу делать. Но, в общем, я совсем по-

правилась. Хорошо бы уехать куда-нибудь из Парижа, но как это трудно сделать! Тем более, что положение здесь тревожное и не знаешь, что будет завтра,— все живут как на вулкане...

Была я недавно на чудной выставке музея г. Монпелье, привезенного сейчас в Париж... Все стремлюсь поехать в Версаль порисовать в парке, но до сих пор это не удалось сделать — то была ужасная погода, то плохо себя чувствовала, а сейчас уже все деревья распустились и бывают уже жаркие дни, а когда назначишь ехать, то как раз дождь и холод! В кино непременно пойдем, если будет идти «Петр I» (ведь я так и пропустила посмотреть первую часть)...

Посылаю еще 2 листика из каталога Дягилевской выставки — может быть интересно? Эти декорации висят на стенах выставки. Утрилло [1] (просто увеличенная его картина), Пикассо [2], Бошан [3], Бакст [4] и т. д. Но лучшие, безусловно, декорации — это дяди Шурины [5] и Бакста...

[218] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 11 мая 1939 г.

...Мы очень огорчены внезапной смертью К. А. Сомова, скончавшегося 6-го мая от разрыва артерий... Как раз мы все виделись с Константином Андреевичем за 3 дня до его смерти у дяди Шуры (в день рожденья дяди Шуры), и Сомов обещал мне придти ко мне в понедельник к 5-ти часам, так что мы его ждали, а вместо этого пришли нам сказать, что он умер! Он был ровесник дяди Шуры и еще полон сил — рисовал до последней минуты портрет дамы [1], потом внезапно почувствовал себя плохо, впал в бессознание и через час скончался... Сколько смертей русских художников в такое короткое время, невольно начинаешь считать, что и мои дни сочтены...

Недавно приезжал сюда один молодой литовец — художник Юпатов [2], занимающийся в Риге изданием книжек-биографий русских художников... Этот Юпатов хочет издать и мою монографию [3]. Смотрел здесь фотографии с моих вещей и отобрал 25 штук для книги. Возьмет как раз и те фото, что вы... мне прислали, то есть два портрета балерин (Гейденрейх и Валю Иванову [4] и крестьянок) ...Фото отлично вышли, и лучше снято, чем это делают здесь...

Недавно кто-то рассказывал про советский фильм «Александр Невский» [5], виденный в Лондоне, и очень хвалил и в полном восторге от уменья и выбора снимков и от сцены битвы. Если пойдет это в Париже, непременно пойдем смотреть, а пока давно уже не были в кинематографе, ничего особенно интересного сейчас здесь не идет...

[219] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 20 мая 1939 г.

...Жажду пройти в Лувр — ведь уже год, как я нигде не была! Сейчас здесь празднуется 100-летие со дня рождения Сезанна — надо будет пойти посмотреть на этого мастера, которого я все-таки до сего дня не очень «признавала»...

[220] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 15 июня 1939 г.

...Мы еще все в Париже, не знаем, как всегда, куда сунуться на лето: настроение тревожное, не знаешь, спокойно ли будет через день или неделю и т. д. Надо было бы скорее начать готовить краски и холст для работы, а тут подвернулась работа — детский портрет — не знаю, заказ ли или это просто для того, чтобы раньше «посмотреть», похоже ли и, если нет, то и не возьмут, ведь для матерей или бабушек и прочих всегда не достаточно хорош портрет, всегда все ждут «головку вроде Греза»!!!..

Недавно Катюша была на спектакле «Русского балета из Монте-Карло» [1] — шло «Лебединое озеро» (1 действие) и 3 разных новых коротких балета — Катюше, конечно, все новое не понравилось, и она критиковала очень и танцы, и декорации. А я была вчера на репетиции «Жанна д'Арк на костре» с Идой Рубинштейн в роли Жанны — это «драматический концерт» с монологом Иды, без декораций, а только с одним фоном готическим по эскизу дяди Шуры (писала его дочь Леля), музыка очень замечательная, а стихи написаны знаменитым поэтом (Поль Клодель) [2]...

[221] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Женева, 9 июля 1939 г.

...Катюша и я совершенно неожиданно очутились в Женеве, куда нас пригласила одна знакомая американка, желавшая, чтобы я посоветовалась с доктором-специалистом и посмотрела одновременно выставку... из мадридского музея, которая сейчас устроена здесь, в Женеве. Картины все — шедевры, совершенно потрясающие Веласкез, Гойя, Греко, Тициан, Рубенс и др., нельзя ими налюбоваться! Веласкез и Гойя до того свободной техники, что никаким импрессионистам их не догнать — все сделано только «намеком», а издали все кажется иллюзорно выписанным и до того живым и правдивым, и по краскам дивно.

Женева нарядный, но банальный город, озеро Леман слишком голубое-зеленое и т. д., а мне так напоминает в общем Ниццу и другие «курорты»... Останемся мы в Женеве еще 5 дней, а потом недели 2 или 10 дней — в окрестностях Женевы, тоже по приглашению этой дамы... но, конечно, рисовать при этой жизни еще труднее, т. к. живем в отеле и $^3/_4$ дня проводим в глупейшем обществе этой американки... Она хочет, чтобы я сделала ее портрет — не так, как я могу, а так, как она хочет — в духе старых мастеров!! Как будто это возможно — «сделаться» вдруг «Веронезом» или «Гойей»...

Когда рассматриваешь близко вещи Гойи, то видишь, что холст приготовлен раньше не только грунтом, но и масляной краской (коричнево-рыжей) и по этому написаны его картины, все очень легко и сразу, без того, что холст впитывает в себя и, между прочим, это дает его картинам горячий тон в тенях и пр. Теперь буду непременно пробовать так: натяну мною нагрунтованный, клеевой, обыкновенный холст и «закрашу» его масляной краской,

по которой и буду рисовать. Я и раньше любила рисовать на старых моих этюдах, но ведь не всегда их найдешь!..

[222] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Адельбоден, 5 августа 1939 г.

...Конечно, Швейцария, очень живописная страна, пейзажи полны «романтизма» — водопады, горные потоки, снежные вершины и прочая красота, но надо долго здесь жить, чтобы нарисовать и выбрать сюжет, т. к. если хороший день (что здесь редкость!), то хочется «совершить» большую прогулку — видеть новые горизонты и т. д., а на следующий день опять дождь!..

[223] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 24 сентября 1939 г.

...Вы верно знаете, какое невыносимо тяжелое время мы переживаем и совсем не знаем, что нам сулит будущее самое ближайшее[1]. Работать и думать нечего в таком настроении, опять все наше гнездо, свитое с таким трудом, приходится разорять — все складываем, не знаю, куда девать мои рисунки, картины и пр.?!, т. к. куда нам деваться тоже не знаем! Вот уж не думала дожить до такой катастрофы, как эта вторичная война со всеми ее последствиями в будущем... Не знаем, что станется с Шурой и т. д. Тронуться из Парижа пока нам некуда и не на что, т. ч. будем жить изо дня в день, пока хватит сил и средств. Все наши знакомые и родственники уехали или устроились, но я ведь совсем этого не умею...

[224] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 17 января 1940 г.

...Бесконечно давно не имеем вестей от вас и ждем, не дождемся хотя бы двух слов!.. Вот и Новый год начался, а я еще до сих пор не пожелала вам, моим любимым, всего, всего наилучшего! Надеюсь, что этот год будет более удачным и не таким печальным, как минувший. Работать мне приходится очень мало — жизнь такая сложная и такая трудная, что никак не урву время на мое любимое рисованье, да и зима этот год на редкость холодная, т. ч. вся энергия уходит на топку печки и прочую суету...

[225] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. и Е. Б. СЕРЕБРЯКОВЫМ

Париж, 11 мая 1940 г.

...Дойдут ли эти строки до вас? Пытаюсь послать это письмо через мою знакомую и буду надеяться, что и от вас получу весточку на ее адрес, а она мне перешлет. Всю эту зиму волнуюсь без вестей от вас и все бы дала, чтобы знать, что все благополучно. Мы живем все на том же месте, что будет в ближайшее будущее не знаем, и страшно даже подумать[1]...

На террасе в Харькове. 1919

[226] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 29 декабря 1946 г.

Дорогая моя, любимая моя Татуся,

Вот какой ты мне сделала подарок к Рождеству! — получила твое драгоценное письмо и твою фотографию и бесконечно обрадовалась! Ты пишешь так живо, что я могу себе представить ясно и близко твою жизнь и твою «душу»... Фотография меня очень обрадовала тоже — ты все такая же драгоценная Татуся, какой и была, когда я тебя покинула... А что мой дорогой сын Женяка... Буду рада, если ты ему напишешь, как я постоянно его вспоминаю и люблю...

Получила на днях открыточку от тети Оли [О. К. Лансере] и затем книжечку — биографию о дяде Жене, отвечаю сегодня же тете Оле — мне ее безумно жаль[1]... Может быть, в этом Новом году мы свидимся? Теперь на свете происходят такие «непредвиденные» вещи, что все возможно...

Я, к сожалению, переживаю сугубо тяжело не только личное мое горе... Слишком много лжи сейчас на свете — просто то-

нешь в ней. Хотелось бы даже про искусство современное здесь не писать вовсе. Все до такой степени безобразно — бездарное корчанье, что с «искусством» ничего общего нет, все продолжается это идиотство, а потому и публика совершенно заглупела, и это во всех проявлениях — театре, музыке и литературе. Так что живем прошлым (но и его здесь никто не понимает и не бережет)... Издается неимоверное количество ежемесячных «толстых» журналов (с модами), тут же «художественные» репродукции современных «знаменитостей», но послать тебе совестно такую чепуху... Жалею, что не вижу здесь ни одного вашего художественного журнала, но газеты, книги, фильмы СССР здесь в большой моде и ставятся в образец... Сегодня как раз Шура едет с Катей в театр, где будет идти балет «Сильфида» — 2 декорации по рисунку Шуры — в духе 1840-х годов. Это «Русские балеты Елисейских полей» (с русскими балеринами[2], есть еще «балет Монте-Карло» и т. д. ...К сожалению, получил Шура только 2 билета, так что я не пойду...

[227] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 23 января 1947 г.

...Катюша посылает свой рисуночек нашей мастерской[1]. Ты видишь, какое огромное окно у нас и, хотя это большое преимущество, но зимой адский холод — все окно «промерзает» насквозь и нашей маленькой печкой совершенно невозможно отопить это помещенье, а потому и пользоваться нельзя, и мы перебираемся в маленькую комнатку, а Шура живет тоже в комнатке рядом с мастерской. Но рисовать нам с Катей слишком там мало места. А про рисованье «модели» и думать нечего, даже летом слишком холодно. Ты просишь, драгоценная Татуся, дать тебе советы насчет техники живописи, но я за всю жизнь свою не обрела никакого метода и знанья «ремесла» живописи, а в пастели рисую совершенно так, будто это простой карандаш, прибегая лишь к растушевыванию пальцем, а иногда и растушевке особенно фона, но и «фон» не умею делать, уделяя внимание лишь лицу...

[228] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 26 апреля 1947 г.

...Ты не можешь себе представить, как я обрадовалась вчера, получив твое драгоценное письмо! — сколько лет я ждала это счастье — увидеть снова твой любимый почерк!.. И вот вчера, когда я открыла дверь почтальону, сразу почувствовала, что у него письмо от тебя! Спасибо, Женякин дорогой... Все эти годы я жила надеждой, что наконец увидимся и будем вместе, хотя бы последние мои годы, но вижу, что это счастье не сбудется больше для меня. Я очень удручена и надорвана морально и физически (после двух тяжелых операций 1938 и 1942 г.), организм мой совсем развинтился...

Я не устраивала моей выставки после 1938 года, и у меня нет больше энергии хлопотать и тормошиться по этому поводу — для чего?! Здесь публика либо «снобическая» (только «футуризм»)... либо темнота и ценит только пошлость...

[229] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 19 мая 1947 г.

...Только что получила твое письмо и жалею ужасно бедного Ванюшу![1] Как его ножка? Прошел ли ожог? И может ли он снова прыгать и бегать?! Рисуночек «Скачки» нам всем очень понравился, и нашему изумлению его таланту нет конца! Как живо схвачено движение лошадей! И откуда только у такого малыша столько наблюдательности! Ты собирай, Татусик, все рисуночки твоего Ванюши тщательно в папочку — это так удивительно, я тоже храню их бережно.

...Мы с Катюшей решили воспользоваться приглашением моих кузин (Эдвардсы), зовущих меня погостить к ним в деревню в Англии... Вся эта поездка нас очень тормошит, так как надо приготовить столько разных мелочей из одежды, взять с собой все художественные вещи, краски и пр. ...

[230] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — А. Н. и А. К. БЕНУА

Англия, Эссекс, 3 июня 1947 г.

...Жду с нетерпением известия, что вы собираетесь приехать в Англию! Я все думала узнать что-нибудь толковое насчет теперешних условий жизни здесь, но мы попали сразу по приезде в эту большую и богатую усадьбу м-ра Кобба, и судить по ней трудно, что происходит в других местах! А здесь жизнь течет по заведенному порядку, и от войны не осталось и следа. Да мне говорили все, что всюду в деревне это так и что можно достать всего вдоволь — молока, яиц, масла и пр. Нам выдали карточки на два месяца на следующий день по приезде, но сколько времени мы здесь останемся, не знаю,— во всяком случае не больше месяца. Цены на все здесь такие же, как в Париже...

[231] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 16 августа 1947 г.

...Вот мы с Катей все же отдохнули и набрались впечатлений за эти 2 месяца, хотя откровенно тебе скажу, что всюду меня преследует мое отчаяние, и я не могу найти в себе моральных сил. Жизнь представляется мне теперь бессмысленной суетой и ложью — уж очень засорены сейчас у всех мозги, и нет теперь ничего священного на свете, все загублено, развенчано, попрано в грязь... В Англии такая же идиотская посредственность и торжество глупости. Но природа английская меня поразила своей пышной, густой зеленью, деревья удивительной красоты, на каждом шагу вековые дубы, кедры и тополя. Водится столько птиц, зайчиков, лисиц, фазанов. Мы жили на юге Англии, где, к моему изумлению, растут всякие блага — персики, фиги и даже виноград!..

[232] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 21 октября 1947 г.

...Мой этюд «Маленьких танцовщиц» совсем не помню, а также этюд «Купальщицы»[1] (где такая «гигантская» нога, что

просто непонятно, как я могла таковую не исправить тут же! Но, верно, я все это предназначала для уничтожения, а вот все это осталось мне на посрамленье!). Но все это мне так интересно и вызывает много воспоминаний...

[233] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 22 ноября 1947 г.

...Получила на днях книжечку от тебя «А. П. Остроумова» [1], и бесконечно тебя за нее благодарю! Прочла, не отрываясь, так все было мне близко и интересно, и искренне восторгаюсь А. П., так мастерски и живо написавшей свои воспоминанья! Очень, очень мне нравится эта талантливая монография, и я с нетерпением буду ждать продолжения (если оно будет).

...Писала ли я тебе, что здесь сейчас выставлены картины из Венского музея, и это огромная, единственная моя радость увидеть дивных Рубенсов, Тицианов, Веласкезов и других божественных мастеров. Чем дольше живу, тем глубже наслаждаюсь этими мастерами и не могу заснуть, не открыв книгу с вещами этих моих художников и не насытившись, рассматривая их вещи. Тогда могу забыть всю мерзкую действительность и упадок, в котором мы сейчас живем...

[234] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 1 декабря 1947 г.

...У нас настала зима — холод, темнота и сырость на улице и дома. Топим нашу маленькую «буржуйку» (дровами), но скоро надо будет закрыть мастерскую и провести 2—3 месяца в крохотной комнатке, где помещаются только наши 2 кровати с Катюшей, но рисовать нет места. Шурик имеет тоже крошечную комнату, где стоит другая «буржуйка», и он ее изредка протапливает. Времени зимой из-за всех этих топок печей зато очень мало, то и дело надо таскать дрова из подвала и т. д. Но главная наша забота — это доставать пропитанье — все так безумно дорого, а цены растут каждый день... Дядю Шуру видели всего один раз по возвращению его из Милана — теперь скоро пойдет здесь в Опере его балет «Петрушка» в новых декорациях [1]. Конечно, мы не сможем повидать эти спектакли — ибо цены в Опере и вообще в театрах недоступны...

[235] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 13 декабря 1947 г.

...Это время я читала несколько русских книг, мне одолженных: «Воспоминания» Т. А. Кузминской (сестра жены Льва Толстого); «Годы близости с Достоевским» Сусловой; «Любовь в жизни Льва Толстого» [1],— все это теперь кажется не такими важными вопросами, какими они казались в нашу молодость (т. е. я говорю о вопросах, мучивших тогда Льва Толстого, Достоевского и т. д.), ибо в наши дни вопросы голого существования затмили все остальные, и те эпохи мне кажутся теперь более наивными и не глубокими — ведь что теперь делается на свете...

Портрет Г. И. Тесленко. 1921

[236] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 19 апреля 1948 г.

Ты меня, дорогой мой Жека, опять хочешь баловать книгой для чтенья — я с великим удовольствием прочту «Белый парус» [1], тем более, что теперь знаю, что драгоценному моему дяде Коле [Н. Е. Лансере] этот роман нравился! Но вот какая у меня к тебе великая просьба, дорогой мой Жекин: не посылай мне больше книг «романов», ибо у меня сердце болит, что тебе это дорого стоит, а я могу эти романы прочесть у моих знакомых, которые покупают все советские романы в открывшемся теперь большом книжном магазине советских книг! Я беру у них книги... Так, мне было крайне интересно прочесть мемуары Греча, Глинки, барона Дельвига и пр. и пр., а вот чего здесь совсем не видно — это художественных книг — так что Остроумову, конечно, здесь не достать, и я бесконечно рада ее иметь!..

[237] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 19 июня 1948 г.

...Прости, что так долго тебе не писала и не поблагодарила тебя... за подарки книг, что ты мне присылаешь! Я их не так давно получила, но сразу запоем прочла «Чингис-Хан» [1], очень, очень интересно и так актуально...

[238] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 26 июля 1948 г.

...Пишу тебе в день отъезда на 1 месяц в Англию, куда мы едем с Катюшей опять погостить и отдохнуть от Парижа. Не знаю еще, сколько удастся пробыть там, ибо едем мы к другим родственникам — Эдвардсам (дочь тети Камиши — бабушкиной сестры) [1]. Шурик остается в Париже, хотя я и ему горячо советую уехать — здесь такая удручающая жизнь и надо побыть на природе, чтобы окончательно не впасть в отчаяние...

[239] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 6 декабря 1948 г.

...Шура эти дни (т. е., вернее, неделю) очень занят — торопится кончить к 15 декабря свои вещи, чтобы их отослать в Дичли — именье, где он рисовал интерьеры [1]. Вернулся он полный впечатлений от прекрасной природы — месяц, проведенный там, освежил и успокоил его нервы. Там большой парк с ланями, фазанами и пр. Деревья в парках (вообще в Англии) необычайно пышные — старые дубы, ели, кедры и т. д. Питался Шура тоже хорошо — не то, что теперь здесь у нас, где из-за дороговизны мы мало разнообразим меню — всегда картошка, хлеб и снова картошка! Но я не жалуюсь, ибо знаю, как надо и этому еще радоваться — ведь теперь столько стран, где царствует голод и холод!..

[240] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 31 декабря 1948 — 3 января 1949 г.

...Вот наступает снова Новый год — что-то он принесет нам хорошего?! От всей души желаем вам, моим любимым, всего,

всего наилучшего — здоровья, бодрости и радости! Лично для нас здесь это событие — Новый год — ничего, кроме неприятностей, не принесет, ибо с 1-го января все повышается здесь в цене (квартира, электричество, почта и пр. и пр.), т. ч. цены здесь скачут бешеным темпом вверх с каждым месяцем, и нам за ними не угнаться... Живем в сумасшедшем доме...

Здесь теперь открыта выставка Мюнхенской Пинакотеки (но, м. б., я уже писала об этом?), это для нас большая радость видеть столько чудесных вещей! Рубенс, мой божественный любимый мастер, представлен там дивными вещами, а также изумительны немецкие мастера 15 века — Дюрер, Кранах, Гольбейн и т. д. Но на выставке столько народу, что подойти к картинам невозможно.

Открылась также выставка «Танец и дивертисмент», где выставлены всевозможные картины старых и новых мастеров, имеющих отношение к танцам и развлечениям — начиная с 15 века: Ватто, Ланкре, Фрагонар, Брейгель, Ян Стен (любимый голландский художник дяди Шуры) и т. д., а также дяди Шурина постановка «Петрушки», декорации Бакста, Гончаровой [1] и т. д. ...

...Мне противно на себя смотреть, и хотя я еще и рисую «автопортреты», но тогда я не вижу себя как «человека», а как одну покорную модель для моей палитры [2]... Вот дядя Шура совершенно исключительно бодр, прекрасно выглядит и работоспособность, кажется, еще увеличивается с каждым годом! Ему ведь скоро 80 лет! Дядя Шура поставил 5 опер в Милане и здесь сейчас — «Жизель» [3]...

[241] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 31 марта 1949 г.

...О работах Катюши и Шуры мало что могу сообщить интересного — все время у Шуры небольшие заказы по «прикладному» искусству (реклама, надписи, графика), а с натуры не успевает работать. Катюша тоже ничего с натуры не успевает рисовать... Жизнь у нас здесь глупо-нервная, всегда мешает сосредоточиться и быть одному, чтобы спокойно работать...

...Вчера была премьера балета «Жизель» — дяди Шурина постановка в Опере, имела большой успех, к сожалению, мы не могли быть: дядя Шура не дал места в ложе, а самим слишком все это недоступно...

[242] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 3 мая 1949 г.

...Прости, что, как всегда, запаздываю с письмом и с благодарностью тебе... за присланные нам книжечки, доставившие нам пребольшое удовольствие. Как мне понравился Аргунов — какая прелесть его «Портрет женщины в русском костюме» — чудеснейшая вещь! [1] Да и Боголюбов [2] интересен и некоторые портреты Шовкуненко [3] хороши...

[243] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 8 мая 1949 г.

...Недавно получила от Женяки несколько книжечек... Книжка Никифорова «Живопись в СССР» мне тоже крайне интересна — портреты Грабаря, Корина [1] и Нестерова [2] очень хороши. Корина я совсем не знала раньше — это отличный портретист...

[244] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 9 июня 1949 г.

...Вчера пришла роскошная книга, замечательно изданная, А. Толстого «Петр I» с интересными и очень здорово, ловко нарисованными иллюстрациями Д. Шмаринова [1] (художника, имя которого я в первый раз слышу!). Она мне очень понравилась... Эта книга пришла как раз в день отъезда Шурика в Лондон... Поехал Шура на неделю отвезти свои декоративные панно для одной «конторы» торговца сукнами... у которого мы гостили с Катюшей 2 лета в деревне под Лондоном. Он старый (80 лет) друг моей двоюродной сестры (со стороны Эдвардсов), сделал Шура это в благодарность за наше пребывание. Мы думаем с Катюшей и это лето уехать снова туда на 1 месяц, хотя я и не очень этого хотела, ибо устаю от жизни в чужом доме и предпочла бы отдохнуть и рисовать на свободе, но здесь все неистово дорого и надо иметь безумные деньги, чтобы прожить вдвоем 1 месяц — в Англии же мы живем на всем готовом и стоит нам лишь дорога...

[245] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 14 июня 1949 г.

...Нам всем было очень интересно узнать, что у вас вспомнили о юбилее моего отца и что была выставка его работ! [1] Как мне бы хотелось посмотреть эти скульптуры — верно, я и половины из них не видела! А был ли каталог издан или хотя бы список выставленных вещей? [2].

...У нас здесь притупилось все чувство к «новому» искусству, а потому меня не затянешь смотреть выставки современных «мастеров», зато безумно люблю гениальных старых мастеров! Сейчас здесь выставка...— дивные вещи 18-го века мастеров: Латур, Перронно, Боз и др., в новом отделе — Мане, Дега, Ренуар и др. ...Надо будет еще пойти на выставку «Детских портретов», где тоже много старых мастеров 18-го века; но все эти выставки очень дорогие — плата за вход по 150 фр., а на двоих это уже порядочно, хотя теперь деньги ничего здесь не стоят и все смешалось в понятиях — что дорого, что недорого... но надо заработать на жизнь, а это безумно трудно...

Читали мы с Катюшей вслух сочинения Лескова, и очень нам он понравился, и много осталось от этого чтения на душе. Теперь будем читать «Петра I»...

[246] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 28 августа 1949 г.

...Вот причины, что я не писала: из Англии, где мы пробыли $3^1/_2$ недели, я не могла писать, ибо ужасно плохо себя чувствовала —

Автопортрет в красном. 1921

усталость и нервность и раздражена всем окружающим и потому не хотела изливать мою душу жалобами тебе, моей обожаемой! Приехали в Париж в конце июля и начали собираться снова в поездку — к французам, пригласившим меня сделать портрет их сына (по фотографии), убитого в войне в Индо-Китае прошлой зимой [1]... Просидели мы там с Катюшей 3 недели, и каждый день кляли судьбу, что заехали к этим невозможным людям: скупы, как Плюшкины, наглы и хамы, кичатся только своей знатностью и полны ненависти ко всем другим. Совсем сгнила эта среда, и мало-мальской культуры искать у них нечего... Вот опять я там не могла спать и писать — слишком была раздражена всем их отношением... Но в последнюю минуту они мне предложили сделать еще один портрет их дочери (это семейство состоит из 11 детей: 6 сыновей и 5 дочерей!), замужней и живущей в другой части Франции, в Оверни... Я долго не решалась, ехать ли туда, но вернувшись в Париж и увидя, как нужны деньги, опять беру на себя это мытарство — ехать в чужой дом и рисовать портрет «матери с ее ребенком на руках» ...Боюсь, что не успею сделать за 2 недели. За Катюшино пребывание расплачиваюсь тоже портретом, так что надо сделать 3 портрета, и я устану опять очень. Но отказаться боюсь, вдруг не будет никакого предложения в Париже?.. Вот тебе, дорогая моя Таточка, в каком смятенном настроении я нахожусь все это лето...

[247] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 5 октября 1949 г.

...Женяка прислал нам книгу «Батый», и мы ей очень рады, т. к. очень это интересная трилогия — «Чингиз-Хан» нас очень увлек, а сейчас Шура читает с увлечением «Батыя» [1]. За время болезни я тоже много прочла книг — французские исторические мемуары времени Наполеона и Александра I, и 18-го века, и Французской революции... Купила себе для наслажденья книгу «Франс Гальс». Какой дивный, какой гениальный мастер, портретист, просто непонятна эта верность, легкость и смелость его «мазка»...

[248] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 28 ноября 1949 г.

...Весь этот последний месяц мучаюсь я воспалением глаз и безумно боюсь, что это повлияет на зрение, без того слабое ...ведь я вижу всего одним глазом. Лечусь у окулиста, но пока без результатов...

[249] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 27 января 1950 г.

...То, что ты пишешь, дорогая Татуся, о декорациях Гонзаго [1], очень интересно — какой это чудный мастер, и было бы бесконечно радостно видеть его декорации (дядя Шура мне о них когда-то рассказывал, т. к. видел их в Архангельском). Мне подарили здесь, уже давно, рисунок сепией Гонзаго — «декоративный мотив»,

и он висит у нас в рамке, и я его очень люблю. Интересно было бы знать «рецепты» грунтовки холста и манеру письма его декорации...

[250] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 11 марта 1950 г.

...Недавно Шурик купил книжечку «Декор потолков в Италии XVI—XVII века» Колосанти (СССР, 1946 г.) и «Графическое оформление русской книги» — все очень интересно! Прочла я, тоже взятую у знакомых, книгу «Воспоминание литературоведа» (исследователь Лермонтова), Детиздат, 1949 г. и «Пушкин и военная галерея Зимнего дворца» (автор Глинка), 1949, и очень интересную книжку «Русская живопись первой половины XVIII века» (автор Лебедев) [1]. Все это мне очень интересно...

[251] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 30 марта 1950 г.

...У меня опять очередная беда. Вот уже давно, что у меня болела спина — позвоночник в пояснице — при ходьбе или стояньи нестерпимо больно. Приписывала это ревматизму, но, обратившись к профессору-хирургу, узнала, что это «блуждающая почка» и что это теперь непоправимо на остаток моих дней!... Недавно поехала на выставку замечательную, привезенную сюда из Вены,— собрание рисунков старых мастеров (это из музея «Альбертина»): Дюрер. Рембрандт, Рубенс, Рафаэль, Тициан, Тинторетто, французские рисунки 16-го — 18-го века и т. д. Просто непонятно, до чего дивные мастера рисунка все эти гении! Акварели Дюрера совершенно как будто сейчас сделаны — краски такие яркие, свежие — этюды птички (изумрудные перышки так и горят!), зайчика, цветов, пейзажи, портреты... А ведь это 15-й век!..

[252] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 15 июля 1950 г.

...Ужасно меня интересует техника эмульсионной темперы! Что это за пропорции? Буду тебе бесконечно благодарна — хотя бы на старости лет вспомнить эту когда-то любимую мною технику...

[253] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 9 сентября 1950 г.

...Я тоже часто пишу маслом на бумаге — холстов грунтовать по-прежнему, как когда-то в Петербурге, у меня нет ни сил, ни времени. И тоже все мараю свою старую физию — моделей у меня нет, Катя и Шура сами художники, а потому у них нет времени спокойно сидеть, и я уж не решаюсь их просить об этом. Вообще здесь жизнь такая трудная, такая безнадежно противная, ибо нет искреннего отношения ни к искусству, ни к чему-либо, так что рисуешь лишь для себя — показать некому и некому верить ни в похвалах, ни в критике...

[254] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

14 октября 1950 г.

...Уже месяц, как мы с Катюшей уехали из Парижа в Сали де Берн, маленький городок-курорт, где лечат источниками горячей воды всякие ревматизмы — это в сторону Пиреней и Биаррица, который находится отсюда в 60 км. В хорошую погоду видна цепь гор Пиреней... Здесь стояла хорошая осенняя погода, и мы попользовались солнцем. В саду у наших знакомых, пригласивших нас сюда, много еще цветов и даже поспевает малина! Теперь здесь начался сбор винограда, и очень красивое и живописное зрелище, когда бочки винограда перевозятся на паре быков с погонщиком, типичным «испанцем», т. к. здешнее населенье — «баски» — очень напоминает испанцев. Катюша много рисует и меня радует своим мастерством. Я рисую, к сожалению, немного, да к тому же почти не взяла красок из Парижа, т. к., уезжая, очень плохо себя чувствовала...

[255] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 2 января 1951 г.

...Прости, что не сразу ответили тебе на твое милое и всегда такое мне дорогое письмо и за книгу «Малахитовая шкатулка» Бажова, которая доставила всем нам большое удовольствие и прочитана нами вслух. Шура видел советский фильм «Каменный цветок» и ему особенно занятно было прочесть оригинал [1]. Очень талантливые сказки и легенды на Урале! Недавно видела у знакомых номер «Искусство» за июль и август 1949 года со статьей о моем отце (Евг. Алекс. Лансере) — мы хотим переснять фотографии с папиных вещей, помещенных в этой статье [2]...

Недавно Шурик нашел здесь, в советском книжном магазине, книгу «Архитектор И. Старов» (Белехов и Петров, Москва, 1950) и очень заинтересовался этим замечательным строителем и историей дворца «Пелла»...[3]

[256] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж. 5 марта 1951 г.

...Зима у нас стояла сравнительно теплая и сырая, а теперь начались морозные дни, хотя на солнце, в заветрии, и начали пробиваться уже зеленые листочки. И почки налились все, и скоро наступит чудное время весны. Мы как раз должны будем в начале апреля переезжать из нашей квартиры в другую, на 2 этажа выше — возни и беспокойства будет много, но иначе сделать нельзя, ибо наше теперешнее ателье хозяин дома продал в собственность другому художнику...

[257] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 20 мая 1951 г.

...Очень жалею, что не могу посмотреть книгу «Мозаики Ломоносова» В. К. Макарова (буду спрашивать своих знакомых, имеющих советские книги, нет ли у них этой книги) [1]... Очень мне

Катя в голубом у елки. 1922

хотелось бы, чтобы ты поехала с детками в Крым или Кавказ — незабываемые места, и я помню, какое громадное впечатление на меня произвел Крым и красота гор и моря...

[258] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 26 августа 1951 г.

...Шурик ...неожиданно поехал в Венецию! Представился случай: знакомый старик-архитектор попросил Шуру помочь ему зарисовать разные архитектурные мотивы (чтобы затем этот архитектор воспользовался бы ими для своих работ). Он обещал Шуре оплатить отель, так что Шура смог осуществить это путешествие... Я рада, что Шура увидит столько дивных вещей и этот единственный по красоте город... Перед отъездом Шуры я день-деньской шила ему маскарадный костюм: венецианский, 18-го века — с треуголкой, белой маской, черная кружевная пелерина, домино, белые чулки и туфли с пряжками. Все это оттого, что Шура хочет присутствовать на маскараде 3-го сентября у своего знакомого, купившего в Венеции дворец Лабиа с фресками Тьеполо и пригласившего много сотен народу на грандиозный костюмированный бал [1]. Шура думает, что успеет зарисовать это зрелище. Надеюсь, что Шура по возвращении пришлет тебе фото — он взял свой фотографический аппарат...

[259] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 7 ноября 1951 г.

...На днях была на выставке «импрессионистов» французской живописи из собраний немецких галерей и очень наслаждалась шедеврами Манэ, Ренуара, Дега и т. д. Их покупали меценаты в Германии (еще при жизни этих художников), так что там самые лучшие вещи...

[260] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 24 декабря 1951 г.

...Я и Катюша все сидим дома — бываем очень редко у дяди Шуры и это единственно где. Беру у дяди Шуры книги для чтения, сейчас перечитываю «Дневник Храповицкого» (с 1782 по 1793 г.) — секретарь Екатерины II, очень редкая и интереснейшая книга (изданье 1901 года, Москва) [1]. Если попадется тебе, то прочти, дорогой. Часто пересматриваю книги, тобой присланные и мне так дорого, что могу следить и за старыми мастерами России и за новым искусством СССР. Мне подарили детскую книжечку «Три медведя» с иллюстрациями Лебедева (СССР, 1950) [2]. Очень мне нравится этот художник. Дядя Шура очень любовался книжечкой, присланной тобой — Кузнецов, его иллюстрации к детским сказкам,— чудная, очень талантливая, жаль, что так безвременно скончался [3]...

[261] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 31 декабря 1951 г.

...Дядю Шуру мы редко видим (думаем собраться на днях поздравить с Новым годом), он все такой же деятельный и массу

работает для театра Ла Скала в Милане, где по-прежнему Кока заведует всем и «печет» декорации к бесконечным новым постановкам. В Опере здесь была недавно премьера балета — декорации и костюмы Бушена. Это балет «Белоснежка» [1] по сказке Гримма. Одни хвалят, другие не очень... Я не видела Бушена уже много лет — говорят, он стал седым «старичком», зато Эрнст блещет «молодостью». Получила от знакомого недавно книгу «Моя жизнь в искусстве» К. С. Станиславского (1928 г.): ведь это МХАТ, теперь твой театр, моя Татуся! Стараюсь читать много книг, беру их у знакомого, всегда имеющего книги, изданные в СССР,— много интересных воспоминаний, мемуаров и т. д. Но днем тоже нет времени читать, вот ночью часто не сплю — тогда читаю...

[262] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 13 марта 1952 г.

...Наконец здесь повеяло весной, и даже в Люксембургском саду начинают распускаться и зеленеть кустики... Но март месяц вызывает во мне память о тяжелых грустных днях — потеря нашей любимой бабули, обожаемого моего Боречки. Не поверишь, что прошло уже больше четверти века без него!..

[263] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 18 марта 1952 г.

...Дядя Шура все по-прежнему много работает и бодрый духом, я же часто прихожу в уныние от моих немощей и от бессилия работать так, как я бы хотела, и вижу свои недостатки в работе, а как трудно сделать что-нибудь удовлетворяющее хотя бы на время самое себя! Потому все переделываю и в конце концов все порчу и все бросаю...

Часто смотрю присланные тобой, мой дорогой Жекин, книжечки биографий любимых мастеров: Венецианова, Брюллова, Левицкого, Тропинина и т. д.— для меня это большое утешенье смотреть всех этих чудесных мастеров. Здесь, в Национальной библиотеке, сейчас выставка рисунков мастеров из Музея Амстердама — непонятное совершенство итальянцев ренессанса, фламандцев (Рембрандт, Рубенс!) и т. д. ...

[264] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 20 апреля 1952 г.

...Недавно видела советское издание: «Рисунки Серова к басням Крылова» (роскошно издано) [1], но хотя и замечательно талантливые рисунки, в общем это однообразно, и это не иллюстрации, а, скорее, наброски с натуры. Я думаю, что [В. В.] Лебедев или П. В. Кузнецов [2] (ты мне прислал эти книжечки) чудно иллюстрировали бы басни!..

[265] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 19 марта 1953 г.

...У нас с Катюшей нет совсем заказной работы — надо было бы попытаться устроить выставку, но у меня пропала энергия и вера, что мое искусство найдет здесь отклик...

Катя у кухонного стола. 1921

Наш Шурик много работает, устает и приходит к нам в изнеможении — у него ведь своя мастерская на другом конце Парижа, и он ездит на велосипеде через весь город. Кроме того, эта мастерская на 6-м этаже и без комфорта, но есть много места, где ему не мешает никто, а то мы вечно толклись втроем и все раздражались [1]...

[266] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 26 сентября 1953 г.

...Шура подарил мне недавно новую книгу: «Русское искусство 18-го века» (под редакцией Леонова, «Искусство», Москва, 1952 г.), и вот я лежу и любуюсь моими любимыми мастерами — Рокотов, Левицкий, шедевром Шибанова «Сговор» и т. д. и скульптурами Шубина и Щедрина и пейзажами Алексеева...

Ты меня бесконечно тронул, мой дорогой Женек, твоим советом вернуться к вам, но ведь теперь я буду только бременем

для вас! Так как постоянно хвораю и тоже так состарилась, как ты пишешь про Анну Петровну Остроумову-Лебедеву — «совсем старушка». Да, ужасно мне тяжело, что я не с вами и без нужной понимающей среды... Я очень хорошо помню Анну Петровну, большая ее поклонница и часто перечитываю ее интересные «Воспоминания». Как хорошо она пишет и я очень ценю ее этот дар! Александру Васильевну Щекотихину[1] тоже не забыла, что она теперь рисует? Устраиваются ли у вас выставки, где все мои бывшие современницы выставляются? Как мне хотелось бы пройти по Эрмитажу — насладиться дивными вещами Тициана, Веронезе, Рафаэля, Рубенса, Иорданса и многими, многими шедеврами...

[267] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 7 декабря 1953 г.

...На днях приедут сюда на гастроли советские театры — опера, балет, марионетки — очень хотелось бы пойти посмотреть, но, верно, все будет так дорого, что и думать нечего взять билеты. Да я ни разу здесь не была в театре (вот уже 20 лет), да и в кино 10 лет не была, довольствуюсь рассказами знакомых.

Завтра пойду навестить дядю Шуру... Читает мне свои воспоминания[1], мне очень все интересно, т. к. и мое детство и юность прошли на той же ул. Глинки, в доме дедушки, и эта эпоха теперь кажется другим, бесконечно далеким миром. Дядя Шура все помнит, начиная, кажется, с трехлетнего возраста! Рассматриваю у него книги — много советских изданий, ему дарят его знакомые. Здесь издается множество чудных художественных книг, но абсолютно недоступно их приобрести...

[268] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 7 августа 1954 г.

...Прости, что не сразу ответила тебе и не поблагодарила за посылочку 4 книжечек массовой библиотеки [издательства] «Искусство» — нас это очень, очень обрадовало... Биография моего отца и репродукции (очень хорошие) мне так ценны и я так тронута, что ты прислал мне эту единственную у меня книжечку о таком большом мастере, каким был папа[1]. Остальные художники — Скородумов, Попов и Каменев[2] тоже очень интересны, а я их ведь совсем не знала! Как хорошо, что у вас так внимательно относятся к искусству и прошлому! Все это ценнейший вклад в историю живописи... Я так давно тебе не писала, что даже забыла, упоминала ли я, что мы устроили в нашей мастерской «выставку» Катюшиных акварелей (скорее темпера) и моих пастелей и натюрмортов маслом?[3] Конечно, толку было от этого мало, но Катя первый раз увидела свои вещи, собранные на стенах (30 вещей), и была, я думаю, рада услышать восторженные похвалы всех, кто приходил эти несколько дней к нам и кому мы послали приглашенья. Также и Шурины акварели, которые он показывал, вынимая их из папки, очень всем понравились! Это все то, что он сделал по воспоминаньям «Венецианского бала» в палаццо Лабиа, всего украшенного фресками Тьеполо...

[269] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 17 октября 1954 г.

...Еще до болезни была я с Катей на советской кинофильме «Большой цирк Москвы» — очень было интересно посмотреть на грандиозный этот цирковой спектакль — необычайные акробаты, укротители животных. Особенно понравились нам дрессированные медведи, катающиеся на велосипедах, танцующие и т. д. А также джигитовки на лошадях и пр. ...

[270] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 28 января 1955 г.

...Теперь я читаю книгу «Воспоминания о балете» дяди Шуры по-английски (вышла еще до войны, в 1939 году), где много иллюстраций семейного характера, а также декораций балетов и пр. работы дяди Шуры [1]. К счастью, я стала понимать по-английски, когда читаю, но говорить не могу...

Были мы с Катей на выставке Густава Курбе (1819—1877), устроенной в музее. Теперь Курбе отчего-то в большой моде — пейзажи его с лесом, скалами, ручьями и водопадами очень замечательны! А также сцены охоты на оленей, ланей и т. д., в глубоких оврагах, в лесу. Но его портреты, «ню» и т. д. очень почернели и какие-то нерадостные. Но и то хорошо, что устроили эту выставку...

[271] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 5 июня 1955 г.

...Катя и Шура все время винят меня, что я «не выставляю», но ведь взять, как прежде бывало, здесь «галерею» стало недоступно, да и никто не купит мое искусство — теперь мода на совсем другое [1]...

Спасибо, дорогая Татуся, за все интересные твои впечатления о Дрезденской галерее, кстати, как жаль, что я никогда не была в Дрездене, ныне превращенном в руины, и в знаменитой этой галерее.... Я, как и ты, больше восторгаюсь фламандцами, голландцами, испанцами и вообще живой, сочной живописью, чем, хотя и дивным, конечно, недосягаемым, искусством итальянцев... Хотя, если вспомнить Караваджио, Антонелло да Мессино и столько гениальных других мастеров, то люблю их так же, как и Рубенса, Рембрандта и Вермеера и т. д. Одно мое утешение — это взять монографию какого-либо из Великих и насладиться еще и еще раз!..

Теперь в Италии в Коммунальном дворце около Милана на озере Комо устроена правительством выставка дяди Шуры, Коки и Лели — выставка Mostra dei Benois [Выставка художников Бенуа — *ит.*]: дядя Шура дал 180 вещей (декорации его балетов, опер и т. д., а также пейзажи, частью еще старые, из Петергофа, Петербурга, Крыма и т. д.), Кока — 120 вещей и Леля — 30 вещей. Каталог — с массой репродукций, но у меня его нет [2]...

[272] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 20 августа 1955 г.

...Там, в Женеве [1], отличный музей (никогда, никто в нем не бывает! Зато магазины кишат народом...) Любовалась, между прочим, чудным портретом «Дидро» Левицкого (философ представлен в профиль, в розовом атласном «шлафроке» с голубыми отворотами), затем пастелями Латура (18-го века), пастелями чудного швейцарского художника Лиотара (1702—1789) и др. мастерами. А в Париже сейчас выставка «Шедевры Кельнского Музея» — там тоже есть отчего замирать от восторга: Франс Хальс — дивный портретист, Иорданс, Рубенс и «примитивы» немецкой школы 15-го века... Затем в новом, нашем веке,— портреты Лейбля (эпохи Серова, Репина и др.), Менцель и др. ...

[273] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 22 ноября 1955 г.

...Да, годы, годы пролетели в вечном ожидании свиданья с тобой... а теперь я так от старости «заробела», что не могу принять решение покинуть моих Шурика и Катюшу, и вот это просто одно мученье для меня, ибо, конечно, это была моя непростительная опрометчивость тянуть здесь лямку непризнанной и никому не нужной художницы... Я решила несколько наиболее характерных моих вещей (их у меня здесь до грусти мало!..) «завещать» в какое-нибудь собрание картин или в музей в СССР. Ибо здесь такое смешение понятий об искусстве, что не понимают простого, реального искусства... Да я уже и не стараюсь показать мои вещи абсолютно слепому «обществу»... Сама тоже не хожу в Салоны, ибо, может быть, и есть там несколько талантливых вещей, но надо просмотреть 3 тысячи всякой мерзостной мазни, а это свыше моих сил. Завтра пойду зато в музей Оранжери, где выставлены импрессионисты из собрания лондонского коллекционера: Ренуар, Манэ, Дега, Ван Гог и т. д. К сожалению, там много Сезанна, которого я совершенно не могу терпеть... Зато Ван Гог, несмотря на его безумие... все же удивительный художник! Нашла открыточку с его «лодочками», написанными в 1888 году, и посылаю тебе или Ванюше...

[274] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 23 ноября 1955 г.

...Вчера я была на выставке, доставившей мне много удовольствия — это «искусство этрусков»... Конечно, чувствуется влиянье греков, египтян и т. д., но натуральность, реальность в их искусстве удивительны. Эта выставка устроена в музее Лувра — вещи все привезены из Италии, где их выставляли в Милане, затем в Цюрихе, Лондоне и т. д. Собрали их недавно и много из недавних раскопок. Странно думать, что вот было такое высокое искусство, а потом все — и этот народ, и его искусство — исчезло, и это судьба всех народов, всех стран!..

[275] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 31 декабря 1955 г.

...Часто просматриваю книги по русскому искусству и не устаю любоваться чудными мастерами 18-го и начала 19 века... Как-то случайно видела книгу «Царское Село» дяди Шуры, роскошно изданную в 1910 году, это теперь большая редкость[1]. Там множество иллюстраций и книжных украшений дяди Жени — замечательные вещи! Шура говорит, что помнит эту книгу с детства — но я не помню, была ли она у нас? И знаешь ли ты ее, Жекин? Люблю тоже книгу, тобой присланную, Жекуля, «Казаки» Толстого — тоже чудесные рисунки дяди Жени, как обидно, что дядя Женя не видел ее изданной[2]...

[276] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 5 января 1956 г.

...Прочла недавно мемуары дяди Шуры, 2 тома. Интересно. Многое про его детство и старый Петербург 1870—1889 годов. Но много семейных, интимных подробностей, интересных, я думаю, только его близким, знавшим всю семью Бенуа лично[1]...

[277] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 4 марта 1956 г.

...За поэму Лонгфелло «Песнь о Гайавате» очень тебе благодарна — так чудно переданы и нравы индейцев и красота дикой природы! А Шурик очень, очень благодарил за «Летний дворец»! — очень интересно. И хорошие художники оформляли их, мне понравились особенно заставки в «Гайавате» худ. Бургункера — очень талантливо[1]. У меня имеется присланная мне в 1929 году дядей Колей чудная его книжечка «Летний дворец Петра I», которую я очень люблю и ценю[2]... С интересом прочла про выставку скульптур венгерского скульптора Штробля... Посмотрела в словаре, что он жил 1855—1927 гг., буду стараться найти где-нибудь снимки с его работ[3]...

Мы два раза в эту зиму попали (со знакомыми) на знаменитую документальную фильму «Живая пустыня», это снято в Северной Америке: пустыня Невада (на берегу Тихого океана) и все животные, живущие и борющиеся за существование в этом, казалось бы, мертвом песке... Очень замечательные снимки. Еще видели документальный фильм «Потерянный континент» — острова Бали, Борнео и Целебес (в Явайском проливе); потрясающее впечатленье от страшных вулканов, необычайной грандиозности пейзажей и красоты примитивной расы, населяющей эти острова (итальянский фильм). Теперь в Париже идет с огромным успехом фильм, снятый под водой (дно Красного моря), называется «Мир тишины»[4]. Мы его еще ждем в наших дешевых кино, так как он идет еще в центре Парижа...

[278] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 5 марта 1956 г.

...Ты права, что спрашиваешь, как переносили мы небывалые морозы февраля месяца (такие холода были здесь лишь

Портрет балерины М. С. Добролюбовой. 1923

80 лет тому назад — в 1879—1880 году). В Париже морозы доходили до 15°, а в провинции до 22—24°. Я почти не выходила за эти недели, и Катюша бегала, закутанная в шарфы, за провиантом (который вздорожал неистово — не было подвоза и вся зелень замерзла и пр.). Центрального отопления, которым отапливается наша мастерская, не хватало, и мы поставили нашу старую «буржуйку», так что было тепло. Но бедный Шура, которому приходилось много ходить и ездить, совсем отморозил себе лицо, и уши, и руки, и очень мучился.

...Во время морозов у нас тоже, как ты пишешь, можно было вспомнить Пушкина «мороз и солнце — день чудесный», но, к сожалению, не было продолжения! — «великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит», ибо снега в Париже совсем не было, а лишь ледяной ветер...

...Меня очень обрадовал твой успех... в постановке «Кремлевских курантов» [1], а также успех твоих летних этюдов! Очень хотелось бы знать сюжет этого спектакля «Кремлевские куранты». ...За фото с кукол Образцова в «Обыкновенном концерте» большое спасибо — очень забавно и как необыкновенно живо и верно переданы движения! Я бы, конечно, непременно пошла бы посмотреть на них, но из-за безденежья и из-за невозможности достать места (такой успех у них был в Париже!) и думать об этом нельзя...

[279] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 28 мая 1956 г.

...Прошло больше месяца, что я получила твое письмо от 16 апреля с открыточками «По Индии»... Мне очень понравились эти художники: Ефанов «Гималаи» — очень хорошая вещь (и такая красота эта цепь гор и его «Рабочий»!), Чуйков «Молодой кули», «Индийская невеста», «В пути», Финогенов «Водоноска», «Танцовщица из Бомбея» и его 3 пейзажа (и очень хорошо все напечатано!) [1]. Побывали мы на выставке советской книги, устроенной в обширных залах Сорбонны (знаменитый университет в Париже). Были очень удивительные иллюстрации, особенно детских книг — Лебедев, конечно, замечательно талантлив! Понравились мне еще художники Рудаков, Чарушин, Дубинский, Ермолаев [2] и т. д. (дяди Жениных книг не было).

Ты пишешь, дорогой, что хорошо было бы издать открыточки с моих работ в Марокко — конечно, ты прав, что это была бы реклама для меня, но все то же препятствие — нет никакой материальной возможности это сделать... Все безумно дорого стоит, а нам еле-еле хватает на ежедневную жизнь... У нас был большой переполох, и мы очень волновались, ибо хозяин дома задумал продать нашу квартиру, так же как и все остальные в этом доме... Конечно, предложили нам ее купить в собственность (это теперь делается во всем Париже, ибо хозяева домов стараются избавиться от всех забот и расходов по дому), но для нас это, конечно, неосуществимо, ибо откуда взять сразу большую сумму?! Бедный Шура совсем растерялся от безысходного положенья, т. к. эта продажа должна быть сделана 1-го июля!.. Но, кажется, хозяин теперь решил продать целиком дом новому покупателю и пока что это отсрочено немного...

[280] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 17 июня 1956 г.

...Здесь сейчас гастроли советского балета в театре Шатле — «Лебединое озеро» пользуется большим успехом; к сожалению, нет у нас средств их посмотреть [1]...

Очень хорошо ты описала, Татуся, твою экскурсию в Троицко-Сергиевский музей и впечатленье от службы в церкви, от монахов и т. д. Да, это важно, что все отошло в прошлое, но курьезно как театральное зрелище! Я всегда поражаюсь и здесь множеством женских монастырей, и странно видеть столько молодых, красивых девушек, избравших себе этот путь... Но зато их костюмы и головные уборы, тоже совсем средневековые, так подходят к старым улицам и церквям Парижа!..

[281] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 12 июля 1956 г.

...Рисую я натюрморты — один из ракушек морских (купленных Шурой), теперь это «модный» сюжет, а потому Шура хочет, чтобы я их рисовала; другой из «деревенского» хлеба (можно здесь купить на рынке), кувшина и корзины с редисками. Вот «сюжеты». Начала портрет тети Мани [1]. Она совершенно седая

Портрет балерины Л. А. Ивановой. 1923

В балетной уборной. Начало 1920-х гг.

и очень старенькая... Я давно не писала Жене (из-за моей болезни, все не находила сил писать), он прислал мне 2 книги — очень интересные: ««Образы Индии» С. Чуйкова[2] с репродукциями его путевых набросков и масляных этюдов, из которых большинство очень удачных, и мне нравится его манера писать живописно, сочно и широко, другая книга — «Румынское народное искусство», тоже очень хорошо изданная...

[282] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 22 августа 1956 г.

...Вот Катя и Шура все ведь мучаются, несмотря на их одаренность, поражающую всех,— они недовольны всем, что делают, и ищут сделать лучше и устают, а в конце концов теряют годы и здоровье (особенно Катюша стала мучительно долго выбирать сюжет и все начинает снова! Это, верно, мой недостаток передался ей). На днях были мы с тетей Маней и Шурой у дяди Шуры, где собрались еще и пара Добужинских (ему 82 года[1], но он еще бодрый) и Эрнст, и Бушен, и Леля, и Атя и т. д. Пришли все, чтобы познакомиться с художником Федором Семеновичем Богородским[2] и послушать его рассказы о художественной жизни Москвы и вообще о всех знакомых нам художниках. Он очень симпатичный и душевный человек и очень горячо звал меня навестить (сперва на 10 дней хотя бы) тебя и новую строющуюся жизнь Москвы, а затем и совсем переселиться на родину!..

[283] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 3 ноября 1956 г.

Ты пишешь, дорогая Татуся, что я могла бы попытаться устроить поездку к вам! Конечно, ты знаешь, как я была бы несказанно счастлива расцеловать тебя, моих милых внуков и вообще всех близких... Но, несмотря на то, что я и выгляжу еще не дряхлой старушенцией, а просто в «почтенном возрасте», я не чувствую никаких сил хлопотать, предпринять этот путь и т. д. и быть в тягость тебе, т. к. ведь денег у нас абсолютно не хватает на эту неисполнимую мечту... Живем изо дня в день без возможности что-либо позволить себе, кроме «хлеба насущного»... Заказов на портреты совсем нет, я как-то совершенно удалилась от «света», так как не устраивала выставки уже 18 лет(!), все меня давно забыли... Твои слова о том, что Федору Семеновичу Богородскому понравились мои марокканские этюды, очень были мне отрадны (ведь все же художник не может жить без единого отклика!), и я прошу передать ему наш привет и то, что нам было чрезвычайно приятно познакомиться с ним — живым, отзывчивым художником и человеком. К сожалению, мы так больше с ним и не повидались еще раз, как он обещал...

[284] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 30 ноября 1956 г.

...Получила вчера твое письмо... с двумя фотографиями... Мне очень было интересно увидеть мои вещи, совершенно мною забы-

тые! Фрагмент (масляный) «Двух крестьянок», вероятно, мною забракованной картины, а потому и отрезанной... мне очень не понравился, и жаль, что он (т. е. этот этюд) будет висеть или находиться в Русском музее!!! А также «Дети, играющие в карты» — также весьма слабая вещь (Таточка с непомерно большой рукой!!!), но что же делать? Это мне наказанье за то, что не выбросила все эти неудачные вещи[1]...

[285] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, январь 1957 г.

...В этом «рыбачьем» порту Назаре, где носят костюмы народные (женщины в пелеринах и белых чулках, а рыбаки всегда в клетчатых рубашках), мы, к сожаленью, не были! В остальной Португалии все крестьянки да и крестьяне ходят босыми; приятно смотреть на статные фигуры женщин, носящих всегда все — кувшины с водой, корзины и т. д. на голове... Вообще, конечно, много было бы живописных сюжетов для меня, но вот не пришлось мне ничего нарисовать, кроме 2—3 рисунков (пастельных набросков) и то только прачку, кухарку и садовника в том доме, где мы жили!..

[286] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 20 января 1957 г.

...Получила я на днях книги, меня бесконечно обрадовавшие,— Венецианова с прекрасно изданными, в красках, его вещами и много вещей, мною еще не виданных — да, Венецианов замечательный мастер!!! Какую искренность, поэзию и «ритм» он видел в жизни и движеньях крестьянок... Прочту текст Алексея Николаевича Савинова с величайшим интересом. Очень, очень меня подбодряет и утешает, что в Русском музее мое художество удостоилось внимания А. Н. Савинова[1]...

Мне подарили знакомые на праздники книжку — С. Л. Толстого «Очерки былого» (воспоминанье об его отце Л. Н. Толстом, Гослитиздат, 1955, Москва) — очень интересно и, если тебе попадется, думаю, что и тебе будет это интересно прочесть...

[287] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 22 января 1957 г.

...Я тоже очень ценю и люблю Гойю, его фантастический (и трагический) гений. В музее Лувра имеются чудесные портреты (постараюсь послать открытки, если они имеются в музее); знает ли Ваня серию замечательных картонов Гойи для гобеленов, которые теперь в музее Прадо, а также серию композиций, совсем странно фантастических, «Капричос» и «Поговорки»? Случайно нашла у себя 2 гравюры из серии «Тавромахия» (бой быков) и из серии «Пленники». Мне так жаль, что не увижу выставку Врубеля — всегда мне так нравился этот большой художник своей необычайностью и красками[1]...

Ты хочешь, Татусик, чтобы я прислала тебе какие-нибудь фото с моих работ — я как раз занялась теперь этим делом... Но ведь значительных работ у меня нет! Все эти этюды, наброски

пастелью портретов или типов — все это «дела давно минувших дней». Теперь же я «пала духом»: моделей у меня нет за неименьем средств платить им, а «добровольных жертв искусству» тоже нет... И я пришла в отчаяние...

[288] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 11 марта 1957 г.

...Сегодня принесла нам почта книгу: «Аполлинарий Васнецов»[1]... Начала сразу же читать его биографию, так как мало что о нем знала... И еще хотела тебя поблагодарить за обещанье заказать фото некоторых моих вещей в Русском музее!.. Мне это будет пребольшой радостью, т. к. я с любопытством их жду — ведь я все забыла, что рисовала так давно! А вот еще у меня к тебе, дорогой, какая просьба: нельзя ли найти, у кого теперь находится мой этюд «Спящая крестьянка»? Прилагаю скалькированный из книжечки Эрнста рисуночек этой вещи, так как мне было бы огромным удовольствием иметь с этой вещи фотографию[2]...

Здесь стоит необычайная для марта теплынь — 15°... Но несмотря на эту жару, наш дом продолжают топить (центральным отоплением), и это ужасно досадно, так как окна открыты настежь! А платить за уголь приходится, так как наш отдельный протест не принимается во вниманье, а остальные жильцы здесь в доме — богатые люди, и им это безразлично... Вообще наша безработица этого года совершенно для нас трагична, и мы ломаем себе голову, как дальше жить? Шура и Катя непременно хотят устроить мою «выставку» у нас в мастерской, надеясь, что позванные знакомые что-нибудь купят!.. Но у меня этих иллюзий, увы, нет!..

[289] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 14 апреля 1957 г.

...Здесь была выставка офортов и гравюр Рембрандта, я все вспоминала Ваню[1] — вот ему было бы интересно видеть все оттиски и постепенные изменения в ходе исполнения этих изумительных работ! Композиции необычайные, но наброски с натуры такие живые, что диву даешься...

Сюда приезжал из Москвы скульптор Григорий Иванович Кепинов[2], я видела его 2 раза — у дяди Шуры и у нас. Теперь не знаю, уехал ли он уже обратно, т. к. обещал еще раз зайти к нам, но уже очень давно его не видно (а адреса его я не знаю). Показывал фото своих скульптур, и мне понравились его портретные бюсты, очень, видно, остро схваченные. Он ученик Бурделя (который, в свою очередь, был учеником Родена), Кепинов бывал в Париже, хорошо его знает, говорит по-французски и т. д. Рассказывал про Москву, про музеи и пр. ...

[290] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 13 мая 1957 г.

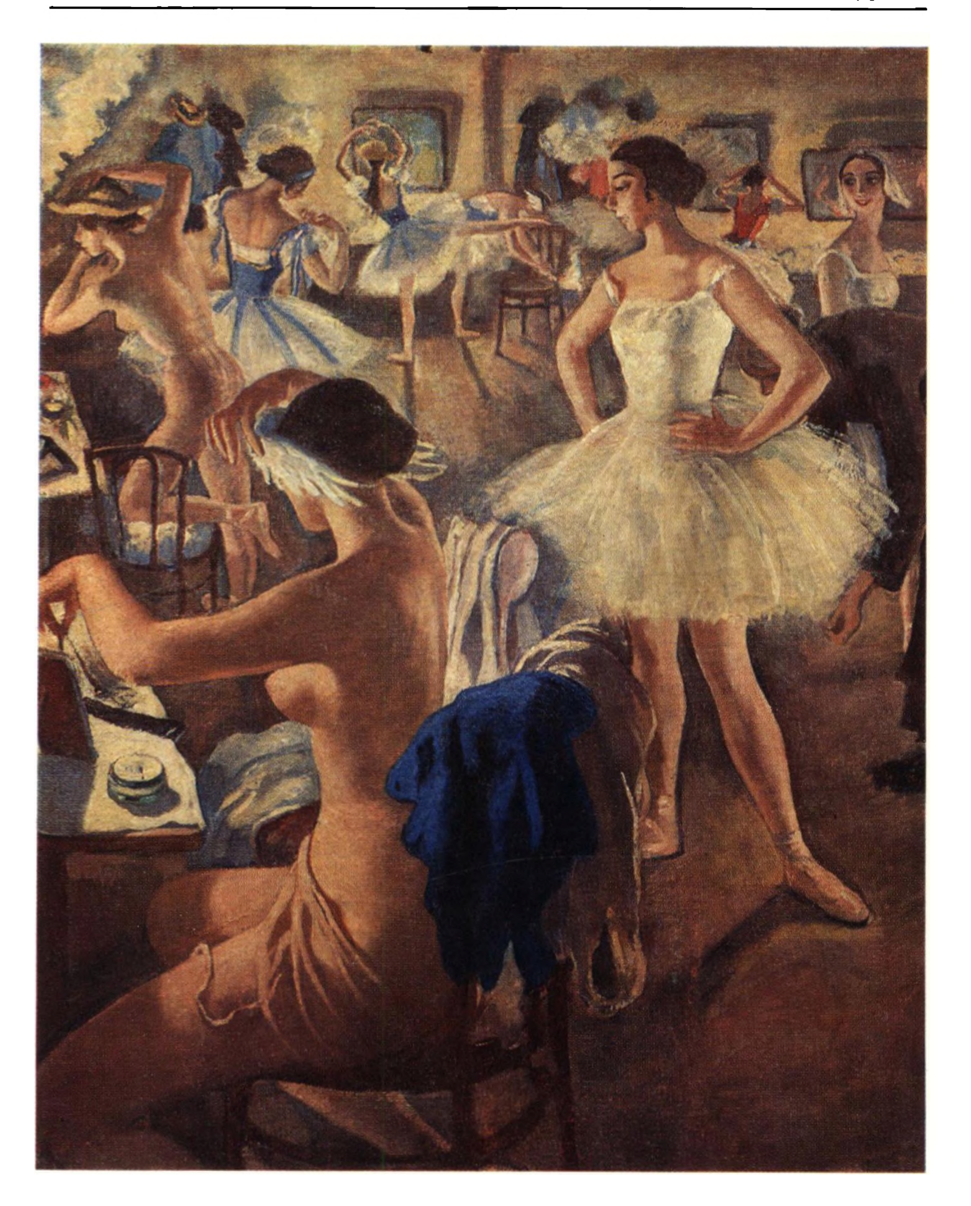
...На прошлой неделе был у нас Владимир Семенович Кеменов[1]... Мы говорили с Кеменовым об его книге «Статьи об искусстве»[2] (так кстати присланную тобою, Жекин!!), главным об-

Портрет балерины Л. А. Ивановой в театральном костюме. 1922

Портрет балерины Е. А. Свекис в костюме для балета «Фея кукол». 1923

В балетной уборной («Лебединое озеро»). 1924

разом о Сурикове... Сходимся с ним во взглядах на современное «искусство», приводящее и его в ужас. Он большой поклонник дяди Шуры и уже много раз посещал его...

[291] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 30 июля 1957 г.

...Получила месяц тому назад письмо от А. Н. Савинова (от 24 июня), ответила ему (немного с опозданьем) и очень благодарила за его интерес и сочувствие моему искусству. Но я ведь не умею абсолютно выразить словами, что я бы хотела написать — ты ему скажи когда-нибудь, как я была бы счастлива, если бы при жизни увидела одобрение и понимание незатейливому, простому моему искусству (но искреннему)... Если бы ты знал, как мне тяжело морально, что я ничего не зарабатываю, а живу на счет Шуры... Если бы ты знал, какой здесь водворился дикий, мерзкий упадок после войны! И откуда все это вылезло?! Эти бесчисленные галереи, наполненные такой пакостью («беспредметная» живопись, например, — раскрашенные разными точками, шлепками холсты, и все это ценится, печатается и прославляется в журналах как «искусство»!). Скажу по правде, что меня поддерживает лишь отношенье ко мне от вас, из Ленинграда и Москвы...

[292] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 8 сентября 1957 г.

...У нас уже целая библиотека русских книг, что ты присылаешь... Да, «Тихий Дон» я читала, очень мне понравилось!

...Теперь о главном: я встретила Кеменова 2 раза у дяди Шуры и 2 раза он был у нас — всегда уговаривал решиться на возвращенье на родину. Но я не смогу сейчас это предпринять... нет у меня больше сил и уверенности, что я смогу «устроиться» в новой обстановке... Да и нет абсолютно возможности найти средства материальные, чтобы съездить раньше ненадолго...

[293] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Португалия, 19 октября 1957 г.

...Мы с Катей гостим у нашей знакомой, пригласившей нас провести у нее 2—3 недели[1]. Приехали мы сюда в местечко Кашкайш (маленький, старинный городок около Лиссабона) 3 октября вечером, а 4-го я слегла, заболев воспаленьем легких. ...Из окна комнаты, где я лежу больная, виден вдали Атлантический океан и берег и прилив волн (белые полоски пены волн), а пароходы на этой необъятной шири кажутся игрушками и крошечными...

[294] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 14 марта 1958 г.

...Спасибо, что написала и что хочешь начать «активно» собирать документы и т. д. для поездки к нам!..[1] Это будет такой великой нам радостью, что я даже боюсь верить в такое счастье... Когда я уезжала 24 августа 1924 года, я ведь думала, что увижусь через несколько месяцев со всеми моими обожаемыми — бабулей

и детьми, а вот вся жизнь моя прошла в ожиданьи, в какой-то щемящей мое сердце досаде и в упреке себе, что я рассталась с вами...

Здесь много говорят про эту всемирную выставку[2] и про то, что Советский павильон будет больше и богаче всех других... Мы, конечно, не поедем в Брюссель, ибо для этого надо иметь средства, а их у нас ведь хватает в обрез, чтобы питаться (очень скромно) и жить в нашей ставшей катастрофично дорогой квартире...

[295] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 17 марта 1958 г.

...На прошлой неделе был у нас Владимир Семенович Кеменов с советским послом в Париже Сергеем Александровичем Виноградовым и с женой последнего — я показывала мои вещи, Шурик свои и Катюша свои... Очень меня и всех нас уговаривал вернуться на родину!..

[296] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 22 апреля 1958 г.

...Катюша... хватается за все работы — теперь рисует миниатюры; совершенно изумительный у нее талант, как будто родилась в XVIII веке — так деликатно, тонко и верно и художественно все у нее выходит...

От А. Н. Савинова получила письмо от 28 марта, еще не ответила и не поблагодарила его за внимание и за лекции, посвященные им Кустодиеву и мне, — очень, очень этим тронута... «Венециановым», книжечку которого... он мне любезно тоже послал, я все время любуюсь — вот мастер, близкий моей душе!..

Ужасно жалею, что прозябаю и бездействую здесь, где нет пищи моему желанию (еще не иссякшему) писать и рисовать, а вот решиться ехать на родину пока боюсь по старости и немощи...

[297] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 24 апреля 1958 г.

...Недавно были мы с Катюшей в Музее декоративных искусств (отделенье Лувра), где думали насладиться привезенной коллекцией картин из Америки, но оказалось, что это сплошь одни абстрактные, кошмарные по наглости и бездарности маранья холсты!.. Просто какой-то дикий позор... был там и Пикассо (цветные кубики-бессмыслица!) и Сезанн (кривой портрет с одним глазом, но хоть есть «сюжет»!), но все остальное такая мерзость, что мы убежали оттуда сломя голову.

Женя прислал нам 3 книги: о Дейнеке, Герасимове и Кукрыниксах[1] — у всех этих художников мне понравились вещи, написанные непосредственно с натуры (например, у Герасимова: «Колхозный сторож» — живой этюд старика-крестьянина), а с «композициями» картин, конечно, дело слабее — теперь пропал этот дар художников (всюду и у всех!!).

Вчера услышала по радио, что в Париж приехала балетная труппа театра «Большой», как говорят французы. Буду, конечно, рада, если твой знакомый заедет ко мне и расскажет о тебе. Нам

и думать нечего пойти в Гранд Опера, где будут русские балеты с 1-го июня — уже сейчас все билеты распроданы по большим ценам... А к вам, в Москву, уехала вчера труппа французского балета. Мы ни разу не были в Париже на балете и никого из балета не знаем...

[298] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 14 июня 1958 г.

...Только что получила открыточку от Олюши [О. К. Лансере]... Она пишет, что была на балетном спектакле «Жизель» с Дейде, с декорациями дяди Шуры, и очень ей понравилось; зато разочаровал «Дивертисмент» из «Спящей» с декорациями и костюмами Бушена [1], чему я не удивляюсь, ибо мне направление его искусства абсолютно чуждо и раздражает «раздрызганность» его манеры. С Бушеном и Эрнстом мы совершенно разошлись, и я их никогда не вижу. Но типично для нашего здешнего упадочного времени, что Бушен сделал «карьеру декоратора», и ему заказываются постановки в Опере, в Ла Скала (Милан), в Амстердаме и пр. ...

[299] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 29 июня 1958 г.

...18-го июня было здесь открытие гастролей Художественного театра и мы, к моей большой радости, получили в этот день 6 билетов от дирекции, из них 3 предназначались для семьи Бенуа [1]... Сидели мы в ложе бенуара и видели хорошо. Всем нам очень понравилось все — и декорации (я все думала о тебе, Татуся!), и игра артистов... Я ведь никогда не бываю в театре, и это очень было мне ценно, что мы получили билеты! Шура после спектакля пошел за кулисы, чтобы поблагодарить и познакомиться с Александром Васильевичем [2], он обещал зайти к нам. Был большой успех, вызывали артистов без конца. Критика в «Фигаро» (самая читаемая здесь газета), была очень лестная, декорации поразили всех «тщательностью и правдоподобностью», но критик сострил, что «не хватало только мух» (во 2-ом акте)... Через 6 дней после этого чудного спектакля я захворала острым артритом... И вот как раз совсем неожиданно в пятницу звонок, и все три директора Художественного театра и Кира Иванова [3] пришли навестить нас... Они все очень милые, любезные. Кира Иванова действительно похожа на мою бедную, незабываемую Лиду Иванову [4]. Я бы охотно ее нарисовала, но она ведь уезжает завтра из Парижа. Уговаривали меня вернуться на Родину, смотрели марокканские этюды, Шурины и Катюшины акварели. Пригласили в этот же день вечером пойти на «Дядю Ваню», что найдутся места. Шура и Катюша пошли, я, к сожалению, не смогла... Им, Шуре и Кате, очень тоже понравилось все (но «Вишневый сад» больше)...

[300] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 15 июля 1958 г.

...То, что ты пишешь, Татуся, о спектакле Художественного театра, очень мне интересно — «Вишневый сад» мне очень понра-

вился (правда, я не видела «Три сестры» и «Дядю Ваню»), но я так бесконечно давно не была в русском театре, что мне все было интересно и взволновало меня, а это ведь главная цель театра!...

[301] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 4 августа 1958 г.

...Пожалуйста, дорогая Татуся... продолжай рисовать, писать, это ведь такая радость в жизни, а то безмерно становится невыносима каждодневная суета, бессмысленная без такой духовной радости как занятие искусством!..

Спасибо за список моих работ в Третьяковской галерее... И как мне интересно было бы взглянуть на прошлые мои этюды! Я все перезабыла, вообще 34 года жизни здесь — одна суета, одна нервность и отчаянье... А как же художнику «творить» без «радостного волненья»? Вот разве что 1 месяц, проведенный в Марокко в 1928 году, и затем 1 1/2 месяца там же захватили меня всецело своей непосредственной живой красотой — ведь там все было, как в «античном» мире, — ничего не изменилось, ни одежды, ни типы и т. д. Теперь же, говорят, «прогресс» в Марокко (?!) — женщины одеты по-«европейски», наша «цивилизация» ведь безобразит человека, особенно печально видеть такую перемену для художника...

[302] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 13 сентября 1958 г.

...Мы тоже с Катей отдохнули от города — это деревня в Англии, тишина полная. Но рисовать не пришлось, так как выйти из дому из-за постоянного дождя нельзя было и думать... Мы гостили у знакомой англичанки, подруги Катюши еще с того времени, 1928 года, когда Катя ходила (всего 3 месяца) в школу, учиться французскому языку. Английские деревни не живописны, жители тоже, но пейзажи с далеким горизонтом, небеса, постоянно меняющиеся, вековые деревья, могучие и пышные, все это удивительно и замечательно...

[303] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 8 октября 1958 г.

...Елизавета Моисеевна[1] мало что рассказала, но, как всегда, в неописуемом восторге от всего в СССР, уговаривает меня или Шуру поехать непременно в Ленинград или Москву. Конечно, ты знаешь, что это моя единственная мечта, «мое заветное желанье» — повидать, расцеловать вас, об этом я думаю все время... Но я так прошу тебя и Женяку непременно приехать ко мне раньше, хотя бы на 2—3 недельки, и мы все решим тогда, что делать дальше... Конечно, я передам тебе, какие мы выберем вещи для Музея...

Мы с Катюшей были недавно, после многих лет, в Музее Jeu de Paume [Зал для игры в мяч — *фр.*], где выставлены французские импрессионисты, и рады были полюбоваться снова Дега, Мане, Сислеем и др. Музей весь подновили и развесили по-новому[2]. Серия Клода Моне «Руанский собор в разном освещении»

повешена без рам, а просто картины вставлены в стену светло-серого тона и, надо сказать, что погублены этим опытом, т. к. рамки отделяют картину от стены, и картина живет своей жизнью, а не должна сливаться со стеной! М. б., для фресок это и возможно, но не для картин... Вообще, здесь одно горе, эти опыты, — в Лувре погублены Рембрандты совершенно: одни висят на ярко-желтой стене, другие на голубой!..

[304] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 16 октября 1958 г.

...Получила каталог Шухаева [1] и газету «Московский художник», которую прочла с начала до конца, спасибо тебе, моя драгоценная, за такое внимание! Статья Г. Верейского о Кустодиеве очень трогательная и просто, и хорошо написана. Некоторые вещи Кустодиева, как портрет Матэ, автопортрет (рисунок) и двойной портрет (Капицы и Семенова) я не видела раньше и мне все было интересно! [2] Современные художники (на 4-ой выставке молодых художников Москвы) тоже меня заинтересовали, но по этим образчикам... воспроизведенных в газете картин совсем нельзя судить об их талантах... Зато Шухаев мне очень понравился — рисунок у него отличный... Жаль, что ты не была на выставке — написала бы мне твое мненье! Имела ли выставка Шухаева успех? А выставка Рериха? [3] Как хорошо, что у вас была выставка античных сокровищ, и ты и Ваня насладились дивными скульптурами и картинами мастеров из германских музеев. С каким восторгом я бы тоже любовалась бы ими...

[305] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

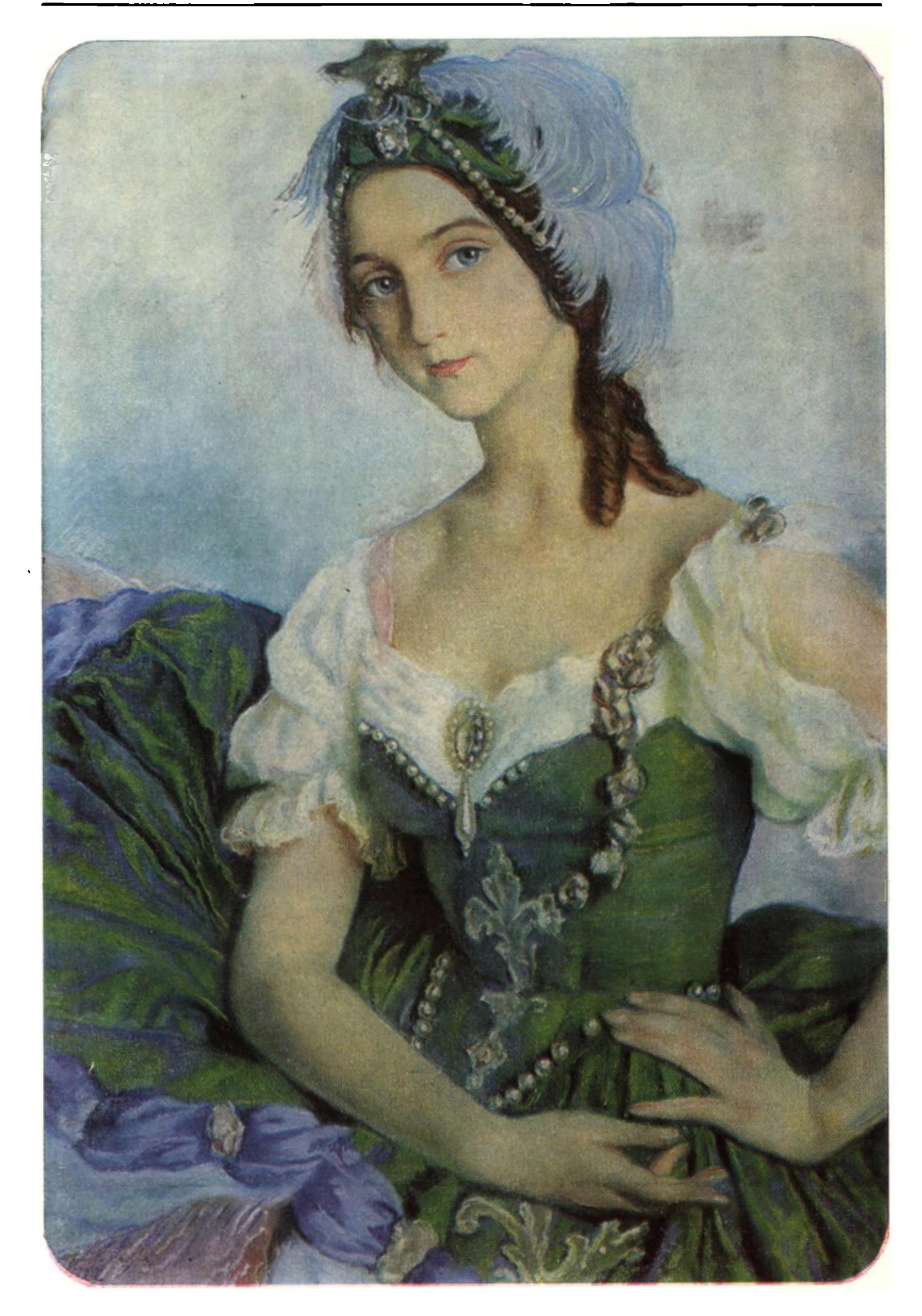
Париж, 26 декабря 1958 г.

...Очень я виновата, что не отвечала тебе так долго... Я думала, вот-вот принесут бандероль с фото, посланными тобой, и наконец я их получила... Мне это было крайне интересно посмотреть, ибо я совершенно забыла, что рисовала «Шурочку» (Александру Денисовну) Данилову в костюме из «Павильона Армиды», и «намек» на Свекис (по памяти, по зарисовкам в альбоме) в костюме из «Феи кукол» и Баланчивадзе из «Вакханалии» [1]... Конечно, я критикую мои вещи, т. е. нахожу, что «головку» Шуры Даниловой слишком сделала тяжелой для ее тела, а громоздкий головной убор еще ее усугубил... Но все же мне так дорого видеть, что я делала в молодости... Какие у меня были прелестные модели... Очень мне интересно тоже твое знакомство с И. М. Шмидтом [2]... Не представляю себе, что именно можно написать обо мне как о «портретистке»? Ведь я так мало, так мало сделала в этой области, да и вообще пропала здесь, работая для заработка и в спешке и не умея отстоять свои желанья... Очень жду твою брошюру [3], непременно пришли, Татуся, ее мне.

[306] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 3 января 1959 г.

...Ты, наверное, слышала, что у нас теперь ввели много тяжелых условий — налоги, повышения платы на все решительно,

Портрет балерины А. Д. Даниловой в костюме для балета «Павильон Армиды». 1922

жизнь «официально» вздорожала на 25 процентов, а на самом деле гораздо больше... т. ч. мы в порядочном отчаянии и как выберемся еще не знаем... Новый год встречали, как обычно, все трое, пожелали здоровья друг другу, а для праздника Катюша купила угощенье — орехи, изюм и фрукты (апельсины и яблоки). Увы, нам недоступны ни курочка, ни гусь и даже просто мясо...

[307] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 11 января 1959 г.

...Шурик наш совсем замотался — у него постоянная спешка — все нетерпеливы, требуют скорой работы. Сейчас Шура расписывает стену (в 3 метра), делая «книжный шкаф» с полками книг и разные безделушки перед книгами — настолько ловко и живописно, что, кажется, что это настоящие книги, настоящие полки, а не плоская стена... Теперь это мода, — делать такие натюрморты «обманки»... Я удивляюсь Шуриному мастерству и что он берется за все... Катюша тоже великая мастерица делать в миниатюре интерьеры комнат, но это такая кропотливая работа, что Катя сидит уже 8 месяцев над этим эскизом, а взять дорого не может, а потому и нервничает и беспокоится...

[308] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 4 февраля 1959 г.

...Ты пишешь, что была на выставке Марке[1] — это художник, все «упрощающий», видит все главное в пейзажах, но для меня грубоват и примитивен, так что... я к нему равнодушна... У дяди Шуры смотрю всегда новые книги по искусству, которые ему посылают из Москвы или из Ленинграда — прекрасно изданный «Эрмитаж», «Ученики Венецианова» (забыла название книги)[2], где меня поразили и восхитили вещи художника Сороки[3], — этот несчастный крепостной художник, которого помещик Милюков так и не отпустил на волю (!!), несмотря на хлопоты Венецианова... и бедный Сорока впал в отчаяние, в конце-концов спился и трагично кончил жизнь, повесившись... Такой совершенно замечательный, непосредственный талант! Верно, ты все это знаешь, Татуся, но меня судьба этого таланта ужасно тронула, и я долго все думала о нем... Смотрела еще у дяди Шуры чудно изданный каталог голландского художника XVII века Яна Стена, конечно, ты тоже, верно, знаешь его гениальные маленькие картины (1626—1679). Это один из самых любимых художников дяди Шуры. И правда, это удивительный гений! Выставка его вещей из всех музеев Европы теперь в Голландии — жаль, что туда нельзя проехать! Хотя это и близко от Парижа (до Амстердама несколько часов), но мы никто в Голландии не были... и, верно, никогда и не попадем! А так хотелось бы посмотреть Франса Гальса, Рембрандта и др.!!..

[309] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 15 апреля 1959 г.

...Женяка прислал мне на днях книгу «Юон» (монография со многими иллюстрациями, написанная Н. Третьяковым). Еще

не успела ее прочесть и даже все рассмотреть, как следует. Пейзажи его отличные и очень мне нравятся! Такие характерно-русские, и я из них так мало раньше видела... И как мне жаль, что лично Юона совсем не знала, хотя, кажется, он был дружен с моим братом Женей и бывал у него. Издана книга очень хорошо и иллюстрации очень четкие[1]...

Недавно видели кинофильм «Вулканы»... исключительно интересно показаны многие вулканы — Везувий, Этна, вулканы в Японии, в Южной Америке, в центре Африки, на Майорке и т. д., все «действующие», и первый раз сняты недра их и кипящая лава, огонь и стихия ада! Удивительная отважность исследователя, снимающего почти в самом кратере, среди падающего огня, дымящего и грохочущего кратера и взрывающихся склонов горы...

[310] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 6 июня 1959 г.

...Все трое тебя очень благодарим и за письмо, и за открыточки... А также за интереснейшие марки! Очень замечательно издаются марки в СССР... Дорогой Жекуля, получили тоже твою роскошную книгу «Хохлома»[1], все интересно и пригодится, наверное, Шурику, как все, что ты присылаешь, спасибо...

[311] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 7 июня 1959 г.

...Получила на днях от Алексея Николаевича Савинова каталог «Выставки русских портретов XVIII — нач. XX вв.»[1] с портретом Е. К. Лансере (моей работы 1911 года)... Очень интересно было мне взглянуть и вспомнить знакомые вещи — портреты Дягилева, Сомова, Серова; а сколько портретов, очень замечательных, мною невиданных: отличный Крамской — доктор Раухфус, Кустодиев — портрет Нотгафт, Фешин — архитектор Овсянников, Репин — хирург Павлов, а столько неизвестных художников! И есть очень, очень замечательные!!

[312] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

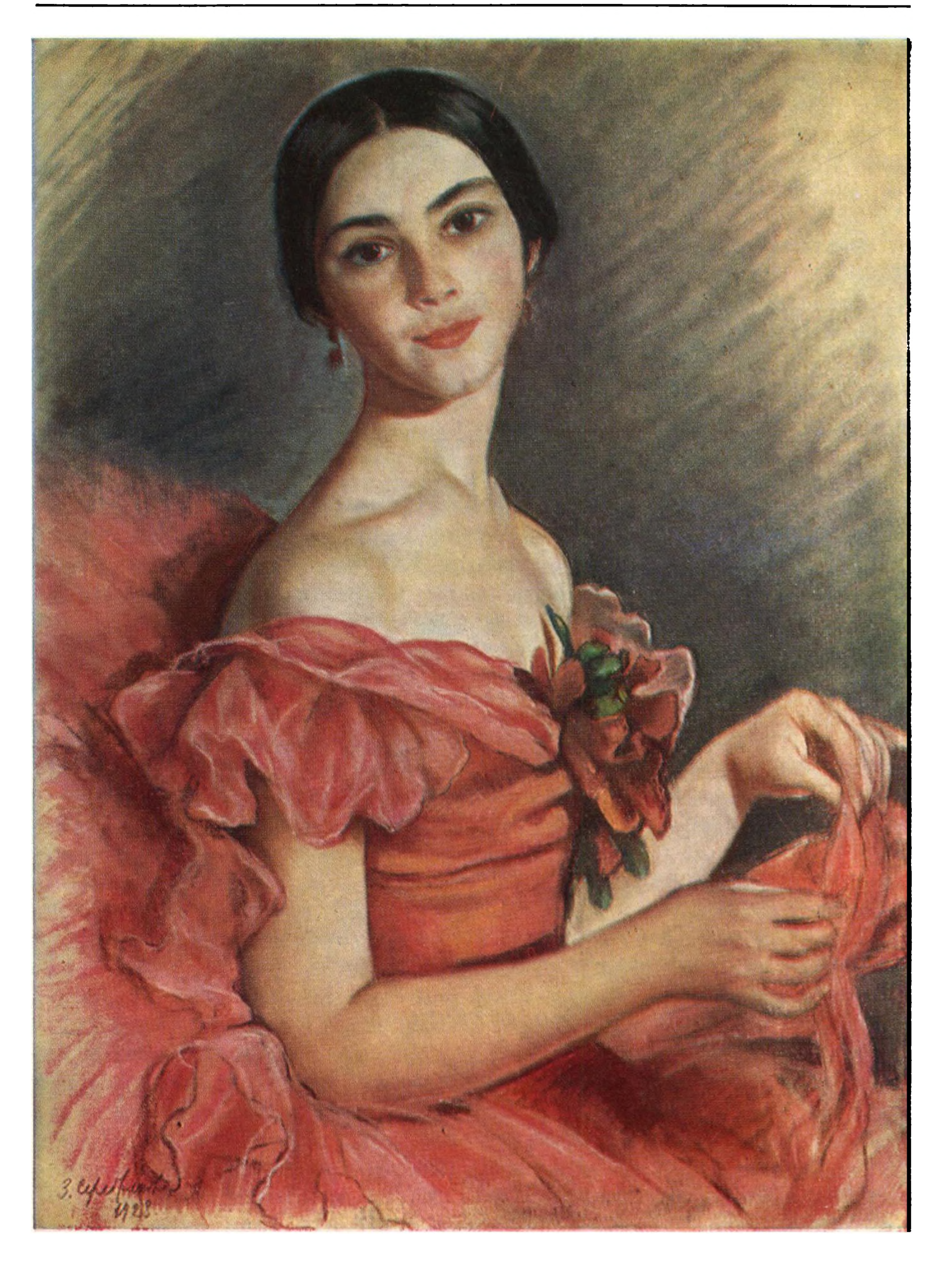
Париж, 11 июня 1959 г.

...За последнее время мы с Катей пересмотрели у нашей знакомой (к которой мы ездили на 10 дней) множество новоизданных книг по искусству — музеи Италии, Испании, Франции, Каира и Греции и т. д. с чудными снимками картин и скульптур и архитектуры... Как хорошо, что у вас теперь есть ваш «участок», ты любишь природу, и это так успокаивает и отвлекает душу от мелочей жизни... Я бы хотела жить далеко от города, где нет больше сил переносить современную суматоху, но это лишь праздные слова и мечты...

[313] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 9 июля 1959 г.

...Рядом с нами открылся новый кино[театр]; идет там советский фильм «Идиот»[1] по Достоевскому и еще документальный фильм «Конкурс балерин и танцоров в СССР» — мне и тот и дру-

Портрет балерины Е. Н. Гейденрейх в красном. 1923

гой фильм очень понравился! Чудно танцевала молодая балерина дивертисмент из «Щелкунчика»[2], что пробудило во мне много воспоминаний о Мариинском театре, о тебе, моей драгоценной!..

[314] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 3 августа 1959 г.

...Наконец выбралась я навестить дядю Шуру — он, к счастью, себя хорошо (относительно) чувствует. Смотрела новоприсланные книги из СССР — всегда очень интересные; его друзья из Ленинграда и Москвы присылают (дяде Шуре) все, что касается искусства. Радуюсь, что у вас, в СССР, еще «здоровое» искусство — здесь же страшная, бессмысленная насмешка над искусством...

От Женяки получила недавно письмо и 2 книжки: 1) «Сергей Васильевич Герасимов»[1] (1959 г.) из серии «Советские художники», роскошно изданную в красках. Многое мне очень нравится: иллюстрации к Горькому — «Дело Артамоновых», «Петр и Наталья», к драме Островского «Гроза» — «Катерина», затем пейзажи, 2) журнал «Искусство» (№ 6, 1959 г.), где очень интересные иллюстрации к статье «Среди древностей Египта» Павлова — какое чудное искусство III тысячелетие до н. э. (здесь очень тоже увлекаются теперь египетским искусством), статья о русском живописце XVII в. Семене Спиридонове — тоже интересна, а также все остальные статьи и репродукции... К сожалению, в статье о Киевской выставке русского искусства[2] воспроизведен в красках мой автопортрет 1907 г. — очень им я недовольна и жалею, что каким-то образом он кому-то попал из брошенных мною набросков... Такое бессмысленное выражение лица, и рот черт знает что!!

[315] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 5 октября 1959 г.

...Открылась здесь «международная выставка художников молодого поколения» (которым не больше 35 лет): все страны прислали только абстрактную «живопись» (т. е. просто одна бессмыслица), т. ч. я считаю, что «запад» смертельно болен и все искусство пропало, т. е. молодежь не понимает больше ничего в нем...

[316] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 1 ноября 1959 г.

...Дядя Шура читал мне письма, полученные из СССР... Верейский прислал вышедший недавно из печати альбом с его литографиями — очень мне понравились его мастерские портреты![1] Да, это один из лучших сейчас художников... Смотрела тоже с большим удовольствием книгу «Художественные сокровища в провинциальных музеях СССР» (м. б., название не такое, но смысл такой), том IV; там много незнакомых мне доселе чудных вещей Венецианова, Брюллова, Серова и др. ...Начался в Париже сезон Салонов — Осенний Салон, Салон Свободного искусства, Международный Салон и т. д., но больше никакой охоты смотреть на все

эти бесчисленные (по 3, 4 тысячи картин в Салоне), по большей части слабые вещи у меня нет... Здесь показывают сейчас много советских фильмов, и это было бы большим мне удовольствием посмотреть, но идут эти кинокартины в очень дорогих кинематографах...

От Жени моего получила интересное письмо с описаньем его путешествия в Крым и с несколькими фотографиями — очень живописными, все напомнило мне прошлое — наше путешествие с папой и Шурой и Женей в Симеиз, а другой раз в Гурзуф, Пушкинский Гурзуф!! «Я вижу берег отдаленный, страны полуденной волшебные края»... Все по-прежнему люблю бесконечно гениальную его поэзию, помню теперь только отрывками его стихи, а перечесть нет времени — «в заботы суетного света он малодушно погружен»... Да вообще теперь такая тяжелая жизнь, что не хватает времени для душевной радости...

[317] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 22 ноября 1959 г.

...От Женяки получила книжку: Алпатов «Иконы Рублева» [1], очень ему благодарна, но скажу по секрету, что это искусство меня не волнует, хотя Рублев и был знаменитым мастером...

[318] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 7 февраля 1960 г.

...Очень жалею, что не вижу чудную выставку Серова, про которую ты мне написал! [1] Да, Репин, Серов и русские портретисты XVIII и XIX века (Брюллов, Кипренский и т. д.) — мои любимые художники, и я не устаю смотреть их в книгах, что ты, дорогой, присылал нам...

[319] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 11 февраля 1960 г.

...Уже 3-й день, как хочу сообщить тебе горестную весть о смерти дорогого дяди Шуры, да все начинала и не могла ничего выразить словами... Все так внезапно обрушилось... Дядю Шуру мы с Катей навестили в четверг, 4-го февраля, и ничто не предсказывало такого близкого несчастья. Дядя Шура был, как всегда, необычайно для своих лет оживлен своими работами, смотрели с ним книги, и дядя Шура рассказывал про далекое прошлое, память ведь у него сохранилась необычайная. Говорила я с дядей Шурой об успехах Вани, об его [А. Н. Бенуа] характеристике Донателло и Микеланджело — дядя Шура сказал: «Да, это не так легко, как кажется»... Говорили тоже о Тициане — я удивлялась, что Тициан в 96 лет творил такие шедевры. Дядя Шура мне сказал, что год рожденья Тициана никогда не был установлен, вспоминал нашего Эрмитажного «Св. Себастьяна», написанного Тицианом в 1570 году, т. е. 92-х лет!.. И вот через 2 дня после этого вдруг телеграмма от Ати, что дядя Шура очень плох, надежды нет, Атя думает, что это грипп, которым дядя Шура заразился от нее... В понедельник дядя Шура уже не узнавал никого, говорил не переставая в бреду про Эрмитаж, про что-то с невидимым собе-

Селедка и лимон. 1923

седником, потом наступило забытье и во вторник, 9-го февраля, в 10 часов его не стало. Да, смерть такого исключительной величины человека такая потеря для нас всех... Завтра похороны на том же кладбище, в склепе, где похоронена тетя Атя [1]...

[320] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 21 марта 1960 г.

...Очень интересно все, что ты пишешь о выставке Серова и Кустодиева и о впечатлениях о Репине [1]... Я очень ценю «рисунки-портреты» Репина черным (угольным?) карандашом — это большой мастер!!..

[321] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 12 мая 1960 г.

...Спасибо тебе от всего сердца за твое письмо от 1-го мая и за открыточки, всегда очень нам нравящиеся и знакомящие нас с неизвестными нам этюдами и Коровина и Рылова [1] и с такой чудесной вещью, как «Мастерская в Качановке, имении Тарновского» 1838 г. художника Штернберга (умершего так рано! 27-ми лет) [2]. Спасибо тебе, мой добрый Жека, за книги Нестерова и Рылова — очень, очень интересно будет прочесть, они изданы очень хорошо и много вещей мне незнакомо в творчестве этих мастеров... Были мы недавно все на вернисаже Выставки русского и советского искусства. От гениальных старых мастеров мы пришли

в полный восторг — и радость была огромная увидеть Венецианова, Александра Иванова, Кипренского и др. и, конечно, Рокотова, Левицкого, Аргунова, Боровиковского, Брюллова... Из современных художников мне очень понравились 2 портрета Корина и графика и иллюстрации...

[322] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 29 мая 1960 г.

...У нас здесь все продолжаются забастовки метро и автобусов, т. ч. очень сложно куда-либо двинуться в «город», некоторые линии метро ходят, но набиты до отказа толпой. Тем не менее, мы вчера с Катюшей добрались до Музея декоративных искусств, где был вернисаж выставки: «Людовик XIV. Стиль и декор». Была толпа народу (т. ч. видели плохо). Дивные вещи, собранные из дворцов, из частных коллекций и антикваров! Великолепие и грандиозность удивляет и понимаешь, какое впечатленье эта вершина искусства производила на всех властителей Европы...

[323] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 26 июля 1960 г.

...Получила на днях письмо от А. Н. Савинова и «сподобилась» ему ответить (через 2 недели!!!) насчет моего «дара» в Русский Музей [1] — пишу, что мне очень жаль, что послала такую незначительную вещь, как этот этюд автопортрета (ведь уж надоели мои вечные «автопортреты»), и с моей стороны это как-то претенциозно «приносить в дар» такой пустяк и что я хотела бы выбрать в дар более интересную или характерную вещь. Пишу еще, что хотя была бы счастлива выставить мои заграничные вещи в Ленинграде или в Москве, но пока это еще как-то не особенно продумано и нереально!

[324] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 6 октября 1960 г.

...Спасибо пребольшое тебе, дорогой, за книжечку Ю. И. Пименова [1] (как имя и отчество?) — всем нам было очень интересно прочесть его впечатленья и понравились его рисунки и беглые дорожные этюды — мне особенно понравились наброски маслом, сделанные так хорошо по композиции: «Продавщица цветов» (в Венеции), «Отплытие на остров Эгина» и «Элевсин» и «Неясное небо» (Греция). Ю. И. очень остро и умно написал о выставке «Биеннале» и об «абстракционизме» — для меня это было так утешительно: как верно, что страшно видеть такой провал, это ведь прямо «смерти подобно»... Я каждый раз, когда смотрю «художественные журналы», прихожу в отчаяние, что пришлось жить в такой неслыханный по упадку период...

[325] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 4 ноября 1960 г.

...Несколько дней тому назад получили мы, все втроем, большую радость, посетив выставку «коллекции Гульбикяна»,

армянина-миллиардера, недавно умершего и завещавшего свое бесценное собрание музею в Лиссабоне, но на месяц эти шедевры были выставлены в его особняке на Елисейских полях — там мы любовались Рубенсом, Рембрандтом, Ван Дейком, Франц Хальсом, Гварди и т. д., а также шедеврами импрессионистов... Мне очень понравилась заметка «Встречи с художником»[1] из «Литературной газеты», что ты прислала, я прочла эту статью Ате и Леле, и им было тоже очень приятно, что Коку так ценят в Москве. Атя думает, что Кока непременно поедет в СССР, но когда, не знает...

У нас в этом году необыкновенно плохая погода — дожди, бури, темное, мрачное небо все лето и осень, и всюду наводненья... Деревья облетели, но кое-где еще желтые и буро-красные тона, и в Люксембургском саду так живописно! Жалею, что не могу пойти рисовать вместе с тобой, Таточка, как мечтала бы!.. а Катюша все сидит над своей работой-коробочкой для Лопеза[2] (его спальня в стиле Людовика XIV)!! И конца края этой ужасной работе не видно...

[326] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 24, 25, 26 января 1961 г.

...Опять запаздываю тебе писать и поблагодарить от всей души за твое письмо... с тремя чудными фото Крыма! Как красивы пароходы на фоне гор и моря!! Хотелось бы очутиться в этом пейзаже и рисовать! Симеиз я хорошо помню, ибо мы с папой и вами (Шуриком и тобой) жили там на даче Лансере три недели, а вот Ялту я хуже помню...

Получила недавно твой подарок... книгу «А. Я. Головин»[1] и очень обрадовалась, т. к. там много столь интересного! Портреты работы Головина мне очень нравятся — замечательно талантливые, всегда оригинальные, скомпонованы остро и характерно! Декорации тоже есть совсем отличные (к опере «Кармен», например), и его «Воспоминанья» — так хорошо и просто написаны, было крайне занятно их прочесть — ведь это и мне моя молодость вспоминается!..

[327] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 14 февраля 1961 г.

...Недавно на «Итальянской выставке» в Париже любовались дивными вещами Гварди[1] и Каналетто (виды Варшавы)[2]... Как жаль, что удалось лишь 2 раза побывать на этой выставке...

[328] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 28 февраля 1961 г.

...Получила книгу, только что вышедшую: «И. И. Шишкин. Рисунки» со вступительной статьей Савинова[1]. Рисунки леса у Шишкина необычайно мастерские, виртуозные донельзя, просто одно изумленье так передать карандашом, тушью и иногда белилами сложнейшую игру ветвей, заросли, ручьи лесные («Пасека» — чудная вещь!)...

[329] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 13 марта 1961 г.

...На днях ко мне пришли неожиданно 2 молодых человека из Посольства от имени С. А. Виноградова спросить относительно выставки моих вещей, которую я бы хотела устроить в СССР. Я им показала мои вещи, поговорила «что очень была бы рада, если бы выставка могла состояться» и пр. Они сказали, что передадут все С. А. Виноградову и напишут доклад об этом, так что когда приедут сюда советские художники (в конце этого месяца), то придут ко мне, чтобы все решить, какие вещи и сколько и т. д. ...

[330] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 22 апреля 1961 г.

...Вот и были у меня советские художники — С. В. Герасимов, Дементий Алексеевич Шмаринов, Алексей Константинович Соколов [1] (Дейнека не пришел) утром 19-го апреля. Смотрели мои вещи и решили, что надо устроить выставку в Москве, Ленинграде и Киеве. С. В. Герасимов сказал, что поднимет этот вопрос на заседании художников. Теперь они на юге Франции, а Соколов в Бретани. Шмаринов подарил мне свою монографию, где мне очень понравились его иллюстрации — характерный, «художественный» у него рисунок и «штрих». Герасимов подарил мне серию открыток с его произведений... Соколов обещал показать мне свои вещи, когда вернется (я ничего не видела из его произведений)...

[331] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 30 апреля 1961 г.

...Очень было интересно и приятно посмотреть книгу «По Италии и Греции» с хорошими фото чудесных этих стран и шедевров древнего и «ренессансного» искусства... Какая гениальность в архитектуре, в живописи. Я без этого наслажденья жить теперь не могла бы... Книга «Китай» Константиновского тоже интересна и его рисунки приятны, хотя и не очень «остры» и «крепки», но акварели его очень хороши! [1]...

[332] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 11 ноября 1961 г.

...7 ноября праздновали в Посольстве СССР день революции. Мы получили тоже приглашенье от посла, я не могла быть, но Шура и Катюша были там...

[333] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 23 декабря 1961 г.

...Опять прошло столько времени, что я тебе не писала!... И не поблагодарила тебя за чудные открыточки, доставившие нам всем такое большое удовольствие! Венециановскую прелестную и прекрасную картину «На пашне» я ужасно люблю и любуюсь ею постоянно. «Парк в Архангельском» замечательно живописен, а также знаменитый театр и декорация Гонзаго [1] совершенно замечательны! Как мастерски написана перспектива, декорация! У нас

ведь есть рисуночек тушью Гонзаго — это подарок Аллегри за портреты его жены, его самого и их внучки (их я рисовала в 1925 году!), висит этот рисунок у нас в передней...

Последнее время у меня было несколько «сеансов»: сделала 2 наброска с Сергея Михайловича Лифаря[2], любезно согласившегося попозировать мне. Нарисовала его маслом по бумаге. Он занимательный человек, много видевший, много пропутешествовавший по всему свету... Теперь он опять улетел куда-то в Южную Америку (с женой — красивой шведкой). Конечно, Лифарь уже не танцует (ему за 50 лет), 20 лет он был руководителем балетов в Опере Парижа... Больше всего мы с ним говорили о Пушкине — у него ведь в собраньи подлинные письма Пушкина к Наталье Н. Гончаровой! Он издал сам книгу с полным текстом этих писем, устраивал здесь выставку в 1937 году Пушкинскую, а затем Лермонтовскую... Лифарь ездил весной в СССР, рассказывал с восторгом обо всем, что видел чудного в музеях и городах...

[334] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 3 марта 1962 г.

...Я, кажется, не писала тебе, что к 17-му февраля, вечеру, устраиваемому Лифарем в пользу русских инвалидов войны 14-го года, Лифарь попросил меня дать мой этюд с него, нарисованный маслом по бумаге, и выставил его в фойе «Дома Химии». Я прибавила к этому этюду 2 наброска балерин, которых Лифарь прислал мне: Ивет Шовире[1] и молоденькую 17-летнюю балерину Мирейль Бельмондо — это было ее первое выступление на сцене. Хлопот и забот с этой затеей было много, т. к. эти милые балерины очень заняты и позировали мне по 10 мин... Сделала их в 2 раза только легкими набросками... «Пользы» от этого не было никакой... Думаю, что и проектируемая выставка моих вещей принесет много хлопот и забот, а найдет ли «отклик» у кого-нибудь?... Ведь новое поколение художников найдет, что это — слишком «банально», старое поколение найдет, что это «бессодержательно» и нет «идеи»... Вот если бы все было бы иначе в моей жизни, и я могла бы рисовать то, что я люблю, то есть красоту «крестьянской» жизни, «венециановские сюжеты», было бы все иначе...

[335] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 2 апреля 1962 г.

...Ты пишешь, Татуся, о том, что я не поблагодарила Третьяковскую галерею за присланные мне фотографии с моих вещей!?? Этого, конечно, не могло быть, так как я всегда очень аккуратно отвечала и благодарила за это вниманье! Так что здесь какое-то недоразумение!!! За 5 снимков «декоративных фигур» (проекты декоративных мотивов, изображающих страны Востока), я очень благодарила и даже в своем ответе послала «кальки» с них, чтобы показать направленье, как они должны висеть. Затем за снимок 3 детей (Шура, Женя и Татуся) за обедом (с рукой бабушки, наливающей суп), я тоже очень благодарила и написала, что этот этюд можно назвать «За завтраком» (или что-нибудь вроде этого)[1]...

Портрет
А. А. Черкесовой-Бенуа с сыном.
1924

...Посылаю тебе открыточку, купленную в Лувре, — натюрморт (античный Рим — м. б. из Помпеи?), но как древний мир близок к нам по искусству!!! Какой реализм! Мне страшно нравится древний мир...

[336] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 16 августа 1962 г.

...Получила твое драгоценное письмо... с 2-мя открыточками, очень нам всем понравившимися: Беггров[1] «Михайловский Дворец» 1832 года — какая прелесть! И Машков «Московская снедь» 1924 г. — тоже очень талантливо и сильно и «вкусно» написанный натюрморт![2] Я не знаю других произведений Машкова, а очень было бы интересно их повидать...

[337] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 10 октября 1962 г.

...Вчера очень обрадовалась, получив твою книжечку «Илья Машков»... Мне было очень интересно увидеть его натюрморты,

Портрет
А. К. Бенуа. 1924

ибо я знала только его «Снедь московскую», которая и оказалась лучшей из его вещей! Конечно, у него был дар живописца (но недостаточно вкуса составлять натюрморты — уж очень некоторые пестры по краскам). Понравился мне еще его натюрморт — «Зеленые кувшины и разрезанная тыква» (Третьяковская галерея). Жаль, что Машков так рано умер, в расцвете своего таланта... Знакома ли ты была с ним?..

[338] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 4 ноября 1962 г.

...Получили мы все трое приглашенье быть на торжественном приеме в Советском посольстве (но я не смогу пойти), это празднуется день Революции (45 лет) 7-го ноября. Катюша непременно пойдет, одна, т. к. Шуры не будет эти дни в Париже — работает маленький заказ, спешный... Я написала письмо послу Сергею Александровичу Виноградову и Евгении Александровне[1], что, к сожалению, мое расшатанное здоровье не позволит мне быть у них... Атя и Леля[2] тоже будут на приеме. Получила я тоже

приглашение быть 12 ноября на спектакле балета Моисеева (советский балет, народные танцы СССР) [3] — 2 места, так что Катя собирается пойти, но еще спутника не нашла!..

[339] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 8 ноября 1962 г.

...Спасибо огромное за то, что пишешь мне, и так мне дорого все то, что ты делаешь для моей «выставки»... Как только немного оправлюсь, начну откладывать вещи в особую папку — акварели, т. е. гуаши «пейзажей», «типы» пастелью, кое-какие портреты маслом и натюрморты... Но не знаю, посылать ли «ню»? Это, может быть, покажется слишком «дерзновенно»? Но вот беда: пастели без наклейки или натяжки на папки невозможно послать, ибо моя техника слишком хрупкая и сотрется все ведь в дороге? Я думаю, что придется послать в ящиках, как я посылала на выставки в Бельгию, Прагу, Белград...

[340] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 21 ноября 1962 г.

...Мы получили твой каталог выставки Нестерова. Много вещей замечательных, но есть вещи (портреты) не столь «приятные» — впрочем, это есть ведь у каждого художника [1]...

[341] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 4 января 1963 г.

...В нашем доме (в 3-м этаже, а мы живем в 6-ом этаже), живет художник Леонард Михайлович Бенатов — был женат 1-ым браком на дочери Малявина, и у него находятся все рисунки Малявина, в том числе и рисунки с натуры Владимира Ильича Ленина и др. членов Советов, рисованные Малявиным в Смольном, во время заседаний [1]. Фотографии с этих рисунков Ленина и др. находятся в Третьяковской Галерее у Олимпиады Алексеевны Живовой [2]...

Катя была в Советском посольстве, куда нас приглашали на чествование «балета Моисеева»... Евгения Александровна Виноградова (жена посла) обещала придти к нам...

Получила каталог выставки Нотгафта [3] и с удивлением увидела там пастель мою с Д. Д. Бушена (с биноклем в руках). Послал его мне Женя мой. В каталоге очень интересные вещи дяди Шуры, Жени Лансере, Сомова, Кустодиева, Верейского. Женя написал мне, что Верейский скончался, как это печально... он «был меня моложе» [4]... и отчего же эта смерть? Да, вот постепенно почти весь «Мир искусства» уже ушел, осталось, кажется, только еще 2—3 художника!..

[342] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 3 февраля 1963 г.

...Теперь о главном: поблагодарить тебя очень, очень за книжечки, что ты нам посылаешь и которые мы с большим интересом и удовольствием читаем и смотрим: 1) Чудные «Силуэты

Толстого»[1] — какое удивительное мастерство и тонкость так выразить! И какой замечательный художник! 2) Каталог собрания Нотгафта[2]... 3) Рисунки Жукова «Дети»[3] — тоже очень хороши многие рисунки — живые наброски (но «цветы» акварелью совсем «выпадают» из этой темы!). А я не знала до сих пор этого художника! Да, впрочем, у вас, в СССР, очень много отличных рисовальщиков, графиков и иллюстраторов... 4) Книжечка об абстрактном искусстве Лебедева — очень толково и верно написана[4]... Да, как страшно подумать, что мы живем в такое небывало темное, дикое и безмозглое время, что всякая грязь, размазанная на бумаге или полотне, вставляется в рамы и выдается за «искусство» и за эту мерзость платят миллионы!.. И это называется «прогресс» и пр. Я вообще, Жека, в таком мрачном виде вижу будущее... просвета, здесь по крайней мере, нет...

[343] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 28 марта 1963 г.

...На днях были мы с Катюшей на выставке некогда знаменитого портретиста Больдини[1] (1842—1931), устроенной в музее Лувра, — блестящий талант, выразивший в своих портретах эпоху светского «высшего общества» Парижа 80-х годов, эпоху Мопассана, Золя и т. д. Конечно, многие портреты слишком «ловко» и «виртуозно» написаны, но зато есть несколько шедевров!.. Посылаю тебе прелестный набросок Больдини — «В четыре руки». Все его вещи написаны, будто в 1 час, без поправок (масло)...

[344] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 11 мая 1963 г.

...Ты не узнаешь теперь Париж, Татуся, его продолжают мыть и чистить: все дома, подряд, стали светлыми и очень нарядными, особенно соборы, музеи и другие общественные здания, и архитектура 18-го века и Ренессанса стала теперь видна, а то веками заросло все копотью и грязью... Теперь предстоит наш дом тоже чистке — расходы будут очень большие для всех жильцов (так как за этот туалет домов платят жильцы!)... На днях в Лувре открылась выставка Делакруа (100 лет со дня его смерти в 1863 году), собраны его картины отовсюду — из Лондона, Германии и т. д., непременно надо пойти, ибо я очень ценю его замечательный талант!..

[345] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 20 июня 1963 г.

...На днях я пошла на выставку Делакруа (1798—1863) в Лувр. Выставка огромная, даже слишком... так как выставлено много лишнего, без разбора... и я провела там 3 часа, бегло лишь взглянув на все бесчисленные наброски и подготовительные этюды к его огромным композициям... Всего больше мне понравились вещи, присланные из Америки, из Англии и т. д. Он ведь имел

Портрет
Г. Л. Гиршман.
1925

огромное влияние на импрессионистов, и все они были его почитателями... Большие исторические картины меньше трогают, чем его с натуры написанные чудесные композиции и этюды...

[346] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 22 июля 1963 г.

...Таточка написала мне про свои хлопоты об устройстве моей выставки в Москве... Не представляю себе, что из моих вещей может привлечь внимание публики СССР? Так как, конечно, сужу по здешней прессе и вкусам, в моем искусстве нет ведь никакой «оригинальности» ни в сюжетах, ни в манере рисования и пр. ...

[347] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 27 июля 1963 г.

...Совершенно не помню, поблагодарила ли я тебя за твое драгоценное письмо с тремя чудесными фото... Оно доставило мне огромную радость... Это такая прелесть, моя Настенька [1]... можно ведь без конца рисовать все движения, всю грацию такой модели!.. Твои хлопоты о выставке моих этюдов (не решаюсь иначе назвать мои наброски) а не «произведений» или «картин»... ибо все,

Портрет
К. А. Сомова.
1926

что я за мою жизнь рисовала, носит неоконченный характер этюдов... Теперь я повытаскивала все из рулонов, из папок и пр.— вижу, что масса работы привести все это в какой-то «презентабельный» вид: подправить, главным образом, а модели у меня больше нет...

[348] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 18 сентября 1963 г.

...Недавно я наконец пошла на выставку в Лувре «Римская скульптура в провинциях, завоеванных римлянами (т. е. почти вся Европа!) до Рождества Христова и до III—IV века»— какие чудесные, гениальные вещи! Просто диву даешься, что все это нашли в раскопках Галлии, Германии и т. д. и по берегам Черного моря... Присланы эти скульптуры из всех музеев Европы...

[349] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 25 декабря 1963 г.

...Катюша и Шура были на вечере «Хор Красной Армии» во Дворце спорта (огромнейшее новое здание, ультрамодное, для многих тысяч зрителей)... Им очень понравилось и было очень интересно, тоже были и танцы [1]...

[350] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 7 января 1964 г.

...За твои присылки книг без конца тебя благодарю, мой обожаемый Жекуля. Да, книгу о Врубеле прочла с жадностью[1], удивляясь его дивному искусству — такому особенно острому и глубокому... Только что получила чудную книгу — Рерих[2]. Поражена мастерскими вещами Рериха — так все сильно, особенно и жутко выразительно в его творчестве и ново!..

[351] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, январь 1964 г.

...Жизнь у нас такая нервная, торопливая, Шура и Катюша постоянно жалуются, «стонут», что ничего не успевают за день сделать, а дни летят, как мгновенья, недели проходят и месяцы, как будто не наяву —чего-то ждешь лучшего, так как «действительность» здесь удручающе нелепая! — глупость, пошлость, ложь вовсю... Никогда еще в искусстве не было такого провала, а это ведь «барометр» эпох...

Мы получили от нашего посла Сергея Александровича и Евгении Александровны Виноградовых поздравленье к Новому году и книгу «Москва» со множеством иллюстраций — фотографий цветных огромной этой столицы, ее улиц, ее новых кварталов, музеев, университетов, заводов и т. д. и жизни ее жителей... Так что теперь ясно себе представляем, где ты ходишь и что видишь вокруг вашей Колхозной площади — какое метро, автобусы и пр. Меня даже испугала эта «новая» Москва — своим количеством толпы и таким же «ритмом жизни», как и здесь...

[352] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 8 февраля 1964 г.

...Спасибо тебе большое за пригласительный билет на выставку Серова — с его чудесным рисунком-автопортретом: я очень жалею, что не увижу никогда многих его вещей, всегда таких замечательных! [1]...

[353] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 4 апреля 1964 г.

...Ты спрашиваешь, получила ли я книгу «Шаляпин в работах русских художников»? Я с огромным удовольствием ее получила и прочла[1]... А за книжечку Н. Тимков (полученную на днях) тоже большое спасибо!![2] Ты верно отозвался об его творчестве, очень «приятны» и верны его пейзажи, и чувствуется его любовь к природе и поэтичность самых простых и скромных красот зимы, осени и т. д. Особенно мне нравятся его «Старые березы» (1956 год) и «Весенний ручей» (1955 г.). Но, к сожаленью, у Тимкова мало «оригинальности», можно его искусство смешать с искусством многих других...

[354] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 23 мая 1964 г.

...Время так быстро летит, что вот и пребыванье Таточки промелькнет как 1 день! [1]. Теперь осталось только 5 дней до ее отъезда... Утром занимаемся отбором пастелей, гуашей и «масляных» этюдов. Так что целый день я «копошусь» — то набиваю на подрамники, чтобы поправить кое-что, то «чищу» пастели, лежавшие 32 года в папках, и т. д. Вопрос, как их уложить, чтобы не стерлись при перевозке, очень меня тревожит — ведь пастель боится тряски, так как все этюды не фиксированы и фиксировать их нельзя, все расплывается... Мы расспрашиваем Таточку все время обо всем — все нам так дорого узнать...

[355] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 17 июня 1964 г.

...Катя и Шура были на 1-ом спектакле советского мюзик-холла в театре «Олимпия» (на бульваре Мадлен). Очень им понравились многие номера, и Катя рассказала мне о всяких, невероятных красивых и поразительно ловких акробатических чудесах — успех был большой!..

[356] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, июнь 1964 г.

...«Мертвые души» очень нам всем понравились, и Катюша и Шура очень смеялись! И я так рада была, что мы повидали настоящую, чудно поставленную и исполненную (и такую, совсем неустаревшую) «жизненную комедию»! Публика тоже смеялась, и в конце спектакля артистов вызывали без конца! Ты очень, очень, Татуся, все прекрасно исполнила в постановке и в стиле эпохи! Да, «Мертвые души» имели большой успех!!! [1]. Получили приглашенье из Посольства быть на чествовании артистов СССР в среду, и Катюша (и, может быть, я) пойдем в 5 час. и повидаемся с Сергеем Александровичем и Евгенией Александровной, поблагодарю их еще раз, а также артистов...

[357] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 29 июля 1964 г.

...Не писала тебе так долго, так как целые дни возилась с вещами для отсылки их скорее в Москву... Наконец, вчера, кончили упаковку; звонили в Посольство... И вот приехали оттуда вчера же утром и увезли в Посольство 3 ящика...

[358] А. Б. СЕРЕБРЯКОВ — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 25 августа 1964 г.

...Спасибо милому Ване [И. В. Николаеву] за афишу, которую он так хорошо скомпоновал — она нам очень понравилась! [1].

Мы долго обсуждали и здесь этот вопрос, и сейчас я посылаю тебе маленький эскиз, по просьбе мамы, с теми буквами и с расположением текста, которые нам кажутся наиболее подходящими для маминого искусства! Ибо мамино искусство — это

В кафе (Портрет сына Александра). 1926

Портрет И. С. Волконской-Рахманиновой. 1926

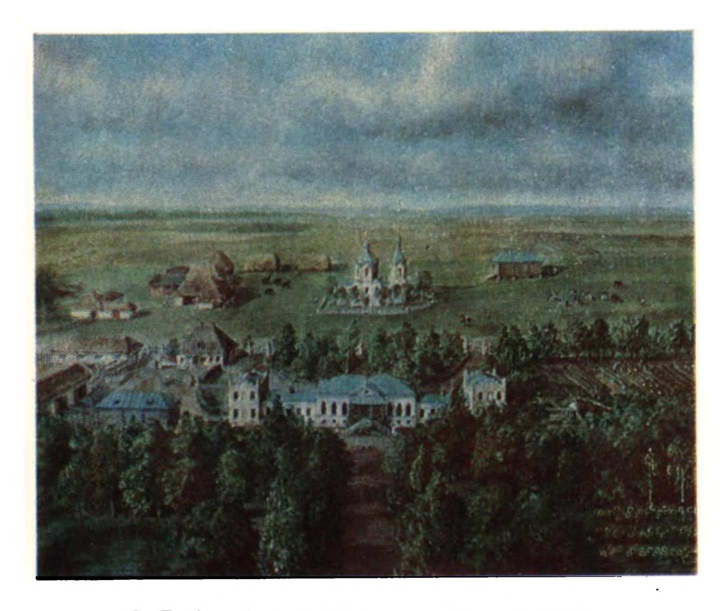

В Париже: дом на улице Кампань-Премьер,
где находилась последняя мастерская З. Е. Серебряковой (среднее окно на верхнем этаже)

Т. Б. Серебрякова с сыном Иваном, 1941 г.;
З. Е. Серебрякова, 1964 г.; в парижской мастерской:
Екатерина Борисовна, Зинаида Евгеньевна, Татьяна Борисовна
и Александр Борисович Серебряковы, слева Сергей Борисович Арцыбушев
(брат О. К. Лансере), 1960 г.

А. Б. Серебряков. Нескучное. Париж, 1946

А. Б. Серебряков. Дом семейства Лансере в Нескучном. Париж, 1946

З. Е. Серебрякова. Мастерская художницы на ул. Кампань-Премьер в Париже

З. Е. Серебрякова. Мастерская художницы на ул. Бланш в Париже

«классика», и я советую взять образец букв, как на большинстве книг у вас про искусство, то есть без «стилизации». Вкладываю сюда кальку с буквами, списанными с книг, которые у нас в библиотеке (и которые изданы у вас за эти последние годы), для примера. Мама тоже долго решала, какую выбрать репродукцию на афишу и решила, что может быть лучше всего «Крестьяне»? (в Русском музее), которую, кстати, мама и набросала на эскизе...

[359] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 6 сентября 1964 г.

...Насчет моей выставки еще ничего нового не узнала... Я очень боюсь, что не оправдаю ожидающих чего-нибудь бóльшего от «художницы Серебряковой», ничего интересного из Франции не приславшей... Ну, что ж поделать! Жили всегда здесь без денег, а все здесь ведь так недоступно... Ни натурщиц, ни поездки в живописные провинции и т. д. Последние годы стала просто не в силах рисовать вне комнаты. А Катюшу и Шуру уже не заставишь позировать — все они заняты, спешат, и у них нет минуты спокойной!..

[360] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 23 сентября 1964 г.

...Ты просишь написать пару слов Зильберштейну (о моих встречах с В. А. Серовым) [1] — увы, я ни разу не имела случая встретиться с ним и быть с ним знакома лично... Ценю В. А. Серова чрезвычайно и так восторгаюсь его мастерством!..

[361] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 21 октября 1964 г.

...У меня имеются несколько фотографий посланных вещей, и я выбрала из них для образчика каталога, а потом, конечно, надо прибавить к ним еще другие... На обложке каталога не надо ничего помещать, только «простым» шрифтом мое имя и дату... как на каталогах выставки дяди Жени или собрания Нотгафта, например.

Прилагаю следующие фото — 3 этюда натурщиц: 1. Натурщица (или модель); 2. Натурщица, облокотившаяся на руку; 3. Эскиз для декоративной росписи; 4. Катя в окне (не знаю как назвать этот этюд — может быть, просто «Этюд»?); 5. Итальянская крестьянка с серпом в винограднике (из Буджиано); 6. Марокканка в дверях, разговаривающая с подругой; 7. Портрет художника Сергея Петровича Иванова [1]; 8. Портрет Ефима Израилевича Шапиро [2]. Я думаю, что надо было бы, может быть, поместить в каталог: «Хозяйку винной лавки» (улыбающуюся толстую бретонку), характерные типы рыбаков и т. д., а из женских портретов: Берту Ефимовну Попову [3] (в меховой шапке), Софью Михайловну Лукомскую [4] (в черной шляпе с крестом), Катю в профиль и т. д. Из марокканских этюдов выбери, Таточка, самые «декоративные»...

[362] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 3 декабря 1964 г.

...80 лет... страшно подумать! Жизнь моя приходит к концу, а все еще на что-то надеешься, ждешь счастья увидеться с тобой, моим любимым, драгоценным Жекочкой! И хотелось бы закончить почти свои наброски, привести в какой-то порядок...

Недавно прочла статью одного знакомого француза, побывавшего в СССР в 1961 году, о его впечатлениях от Москвы и Ленинграда, — он в восторге от красоты Ленинграда, от архитектуры, Невы и т. д. и считает, что это настоящая «столица» по размаху, стройности и величественности...

[363] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 11 декабря 1964 г.

...Ты спрашиваешь еще, Таточка, не имею ли я что-нибудь против того, чтобы ты написала о наших встречах с тобой в журнале «Художник»?[1] Правда, я не знаю что сказать? Против, конечно, я ничего не имею, только, конечно, это очень трудно будет тебе написать, так как покажется, что это «семейные» отношения, а не беспристрастные суждения (скажут, вот «гречневая каша сама себя хвалит»...); конечно, лично я думаю, что ты напишешь твое искреннее мнение про мое беспретенциозное, бесхитростное искусство!..

[364] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 1964 г.

...Недавно была с Катюшей на вернисаже выставки натюрмортов, где выставил 3 вещи и Шильдкнехт. Но такая тема выставки очень оказалась неудачной, так как слишком «однообразный сюжет» — у всех больше всего «апельсинов», «винограда», «бутылок» и пр. и одного художника не отличить от другого... Самый «знаменитый» французский художник натюрмортов Кадью[1] выставил зато «оригинальный сюжет»: «стул с лежащим на нем бельем дамы — корсет, рубашка и т. д., но, несмотря на «пикантный сюжет», довольно глупый, надуманный и нелепый, цена — 2 миллиона! Цена напечатана на листках, лежащих на столах. И много его натюрмортов уже куплено по таким ценам...

[365] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 29 марта 1965 г.

...Спасибо тебе огромное за посылку нам интересной книги «Очерки русского портрета»![1] Там так много любопытного для меня — многие портреты, незнакомые мне, Серова и др. Особенно о художнике Фешине[2]... я совсем не слыхала и в первый раз видела его талантливые портреты. А также не знала многого о портретах Малявина, Серова и даже Сомова...

[366] А. Б. СЕРЕБРЯКОВ — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 2 июня 1965 г.

...Спасибо тебе за твои 2 интересных письма — одно из Ленинграда, до выставки, и одно из Москвы — с описанием выставки

Версальский парк осенью. 1926

мамочки! [1]... Все нам было исключительно интересно, и ты так все ясно и подробно нам описал, что у нас было впечатление, что мы все вместе с вами на выставке! Спасибо дорогой!..

Таточка тоже прислала нам уже несколько писем с описанием открытия и прислала даже схематический план — где что повешено, какие работы выставлены. И даже вложила в письмо первую заметку в московской газете об открытии выставки. Я очень жалею, что никто из нас не смог приехать, но что же делать...

[367] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 17 июня 1965 г.

...Газету «Советская культура» со статьей Дементия Алексеевича Шмаринова мы получили, и я очень тронута и очень оценила его отношение к моим вещам[1]. Пожалуйста, если его увидишь, передай ему мою благодарность! Я же ему напишу тоже словечко на днях...

[368] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 30 июня 1965 г.

...Только что получила твое письмо, где ты пишешь, что посылаешь мне еще 5 штук каталогов [1]... Затем пишешь, что журнал «Советская Музыка» очень просит «сообщить подробности»

Портрет
Розарио Зубовой.
1939

о встрече с С. С. Прокофьевым и с Э. Купером!![2] К сожалению, буквально ничего не могу вспомнить «достойного памяти» (только «банальные» фразы), — я ведь тогда рисовала их «на лету», то есть может быть $1/2$ часа, не более, так что буквально ничего не осталось в памяти, о чем в это «мгновенье» можно было говорить...

[369] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 12 октября 1965 г.

...Спасибо тебе пребольшое за книжечку «Г. Верейский»[1], очень для меня интересную, так как ведь я знала лично этого мастера рисунка, и он нарисовал и мой портрет (может быть, в 21-м году?)[2]...

[370] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 30 октября 1965 г.

...Опять запаздываю поблагодарить тебя за журнал «Художник» № 9 с очень хорошими цветными снимками — всем нам было очень, очень ценно получить этот журнал. А статью Кравченко о моем художестве интересно было прочесть, не знаю его других статей — он критик или писатель[1]... Мы были с Катюшей в Лувре, где сейчас выставка французских художников 18 века из Эрми-

тажа и частных собраний СССР; как нам было интересно и как мы восхищались чудными вещами Ватто, Шардена, Фрагонара и т. д. ...Мы получили приглашенье (как уже много лет) быть в Советском посольстве на приеме по случаю 48-летия Советской республики, я не смогу пойти из-за моего плохого здоровья, но Шура и Катюша бывают всегда на этом приеме...

[371] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 16—17 ноября 1965 г.

...Хотим с Катюшей зайти еще раз на выставку картин из Эрмитажа, затем на выставку «17 век, французское искусство»!!

[372] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 28 ноября 1965 г.

...Только что получила твою дорогую посылку, книгу «Из жизни художника» Нерадовского [1]... Я зачиталась этой, присланной тобою, Жека, книжкой, так как очень живо и интересно написана...

[373] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 6 декабря 1965 г.

...Пишу пока 2 слова, что посылаю каталог Яковлева — очень замечательный был художник, рано умерший, 42-х лет! [1]...

[374] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 1965 г.

...Здесь собираются устроить выставку Александра Яковлева (безвременно скончавшегося в 1938 году). Гурвич [1] очень доволен, так как у него очень много рисунков Яковлева — все его путешествие в Японию [2], где он мастерски нарисовал японских актеров в театре, в невероятных костюмах, а затем его путешествие в глубь Африки (экспедиция на автомобилях «Ситроена»)...

[375] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 21 февраля 1966 г.

...Вчера вечером, наконец, повидались с Ильей Самойловичем Зильберштейном... Он собирает материалы для биографии дяди Шуры [1] — к сожалению, у меня нет никакого «значительного портрета», только беглые наброски карандашом... Дядя Шура никогда мне не позировал.

[376] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 18 апреля 1966 г.

...Петрова-Водкина я очень мало знала — считала его искусство неталантливым, а потому мне было бы очень интересно повидать его выставку! И тогда, может быть, переменить мое мнение о нем! Может быть, каталог его выставки иллюстрирован? [1]...

[377] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 12 мая 1966 г.

...Писала ли я тебе, что получила из Союза ленинградских художников от И. Бродского[1] 3 цветных литографии балерины Гейденрейх — хорошо напечатанных, в красках (может быть, розовый и красный цвет ее балетного костюма немного слишком яркий, но все же это очень тонкая и хорошая репродукция!)... Я очень благодарила Бродского за этот подарок! Прислали в чудной папке, тщательно упаковано!..

[378] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 21 мая 1966 г.

...Получили вчера афишу и твое интереснейшее письмо о моих вещах, намеченных Пушкаревым к «приобретенью»[1]... Все мне и Шуре, и Кате так интересно!!..

Очень будем рады получить фото с «развеской» выставки... Вчера пришел рулон с афишей выставки в Русском музее... Спасибо за все эти вниманья, очень тебе благодарна за столь обширную переписку, за хлопоты и заботы. Пригласительный билет получили тоже, а также книжечку Николая Павловича Акимова[2] (но никакой надписи на книжечке не было). Адреса его я не знаю, а потому прошу тебя не забыть поблагодарить сердечно за вниманье! Портреты его мне очень нравятся — очень остро схвачено сходство!.. Шурик наш все мечется... по всяким «заказчикам», спрашивающим его советы, — какие обои, куда повесить картины и пр. чепуху, — а время уходит и здоровье тоже...

[379] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 28 июня 1966 г.

...Рада, что Ваня [И. В. Николаев] побывал в таких живописных странах как Афганистан![1] Ведь это «Восток» — всегда такой интересный для художников... Успел ли Ванюша зарисовать там что-либо? Мне всегда так интересно его искусство.

Мы это время очень рады были посмотреть в телевизоре пребывание в СССР генерала де Голля в Сибири, в Москве, а сегодня — в Киеве (а раньше — в Ленинграде)...

[380] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

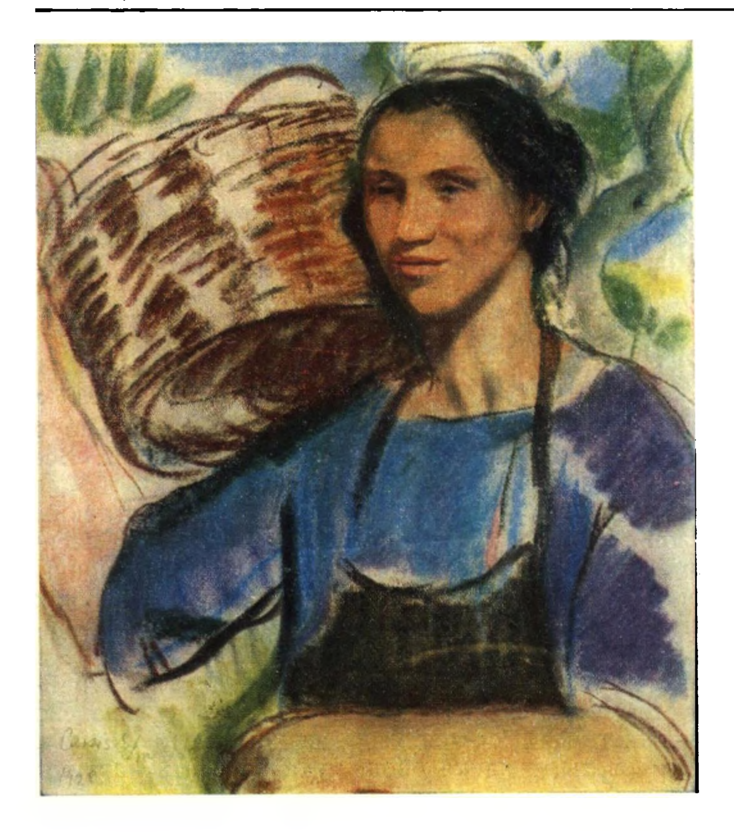
Париж, 1966 г.

...Очень жду фотографии из Третьяковской галереи и напишу мою благодарность Лебедеву[1] и всему коллективу! Все это вниманье меня несказанно трогает! Тут ведь во Франции никакого «отклика» на мое художество нет (да я и не жду)...

[381] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 27 декабря 1966 г.

...После долгожданного такого свиданья с Женякой хочу верить, что доживу и до свиданья с тобой, дорогой мой Татусик, весной, в марте месяце[1]...

Кассис.
Итальянская
крестьянка. 1928

[382] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 28 июля 1967 г.

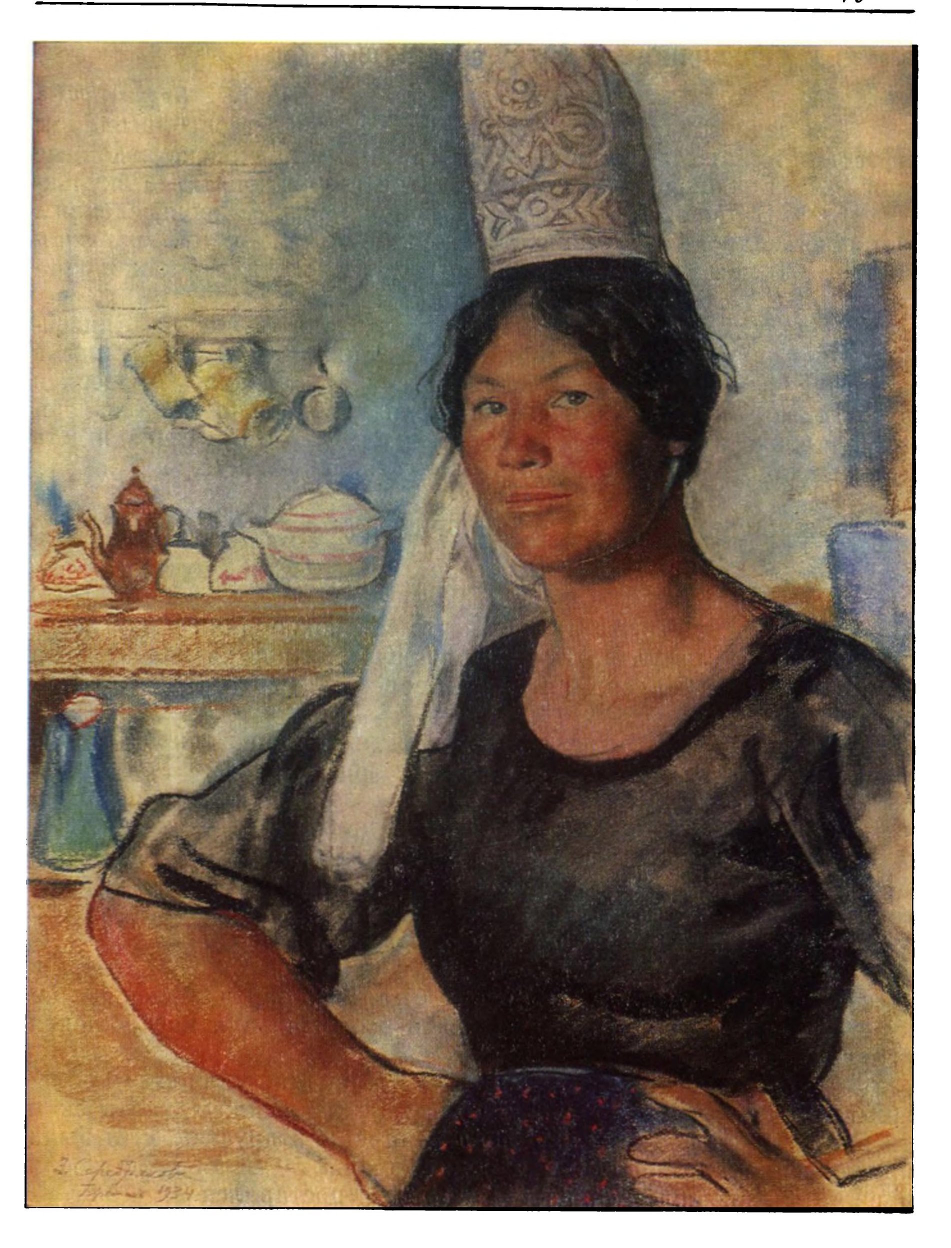
...Только что звонок — открываю, и консьержка передает мне посылку от тебя, дорогой Женяка, — книжечку «Обезьяний переполох в искусстве» [1] — очень забавная критика современного безобразия в искусстве! Увы, ничего не поможет, чтоб остановить эту пакость... Я пессимистка!! Получили также и набор открыток Н. Б. Терпсихорова [2] — скромный, но приятный художник... Спасибо за все эти подарочки...

Смерть Петра Николаевича Шильдкнехта нас очень поразила и огорчила (он на 10 лет младше меня), так как он был незадолго до смерти в Париже, жаловался на сердце, но с виду был, как всегда, здоров и бодрый. Талантливый был художник и интересный собеседник...

[383] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 18 августа 1967 г.

...Сейчас выйду под руку с Катюшей до почты бросить это письмо, а затем хочу поехать посмотреть на работу Шурика над реставрацией 18-тивекового потолка, чтобы поддержать морально эту для Шурика трудную (и довольно неблагодарную) работу...

Бретонка. 1934

[384] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Т. Б. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Париж, 1967 г.

...Спешу тебе написать, как мы, все трое, тебе благодарны за твое внимание и подарок — 2 интересные и прекрасно изданные книги «Е. Белашова» и «Кусково». Я не имела понятия о скульптуре Е. Ф. Белашовой [1] — очень мне понравились ее произведения... Не знаю, надо ли мне написать ей, или это покажется «навязчивостью»? Шура и мы все в восторге от «Кусково» [2] — какая красота и вкус, и высота искусства!..

На днях пошли с Катюшей в Весенний Салон на Елисейских полях, где Шура выставил свою гуашь (что висела у нас в комнатке, где ты жила, а раньше Женя): «Пейзаж» (Антверпен с церковью), и вот сюрприз — получил «бронзовую медаль», конечно, только на бумаге, а не саму медаль, за которую (если есть деньги) надо самому заплатить!! Я очень рада за Шуру! [3]...

[385] А. Б. СЕРЕБРЯКОВ — Е. Б. СЕРЕБРЯКОВУ

Париж, 25 сентября 1967 г.

Дорогой мой Женяка!

Сегодня идет уже 5-й день, что мы похоронили нашу дорогую, любимую мамулю... И очень прошу тебя нас извинить, что я не смог и не имел сил писать тебе все это время. И Катюша также...

Спасибо тебе за телеграммы, я и Катюша знали с того ужасного дня, 6 сентября, что ты все время с нами [1]... Сегодня получили письмо от Таточки из Москвы, я ей одновременно отвечаю таким же письмом и посылаю такие же 2 карточки, как и тебе, вложенные в это письмо...

Спасибо также всем, кому ты дал знать: мы получили телеграммы из Русского музея, от Академии художеств, от Союза художников из Москвы, от Третьяковской галереи. Всем буду сейчас отвечать письмами, которых накопилось около сотни... и здесь, в Париже, и для России. Мы были глубоко и сердечно тронуты всеми полученными отзывами, и это была для нас большая поддержка...

В день кончины мамы, 19-го сентября, мне удалось (с большими трудностями!) получить только 50 заказанных карточек и их разослать только близким родственникам и друзьям. Это были приглашения... Собралось на службу около 50 человек друзей и наших близких родственников, которым я постарался дать знать... На проводах же, на кладбище, нас было совсем мало, человек 10—15... Надо сказать, что погода в этот грустный день была ужасающая — лил проливной дождь и был густой желтый туман — темно, как бывает только в ноябрьские дни... На следующий же день, в пятницу, проглянуло солнце...

ПИСЬМА СОВЕТСКИМ И ЗАРУБЕЖНЫМ ИСКУССТВОВЕДАМ

[386—400] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Е. Е. КЛИМОВУ

[386] *Париж, 7 марта 1955 г.*

Глубокоуважаемый Евгений Евгеньевич!

Александр Николаевич Бенуа... передал мне, что Вы собираетесь читать доклад о русских художницах и что у Вас нет сведений о моих работах после отъезда моего из России.

Искренне благодарю Вас за честь, которую Вы мне сделаете...

[387] *Париж, 9 мая 1955 г.*

...Относительно деталей моей работы над портретом О. К. Лансере, к сожалению, мало что могу вспомнить... Но в те счастливые времена работала я просто, скоро, не переделывая композиции, как делаю это, увы, сейчас... Писала этот портрет у нас в имении Нескучном где все, и природа, и окружавшая меня крестьянская жизнь, своей живописностью волновали и восхищали меня, и я вообще жила в каком-то «чаду энтузиазма»... Здесь же, в Париже, живу совсем отшельницей и жизнь прошла мимо, не радуя меня, и единственным художественным восторгом была поездка в Марокко, хотя пробыла я там всего месяц в 1928 году и один месяц в 1932 году...

[388] *Париж, 26 декабря 1955 г.*

...Как я понимаю Вас, дорогой Евгений Евгеньевич, что тяжко жить «в полной оторванности от жизни» и чувствовать себя на «чужбине»! И мы здесь испытываем то же самое — французы сторонятся иностранцев, а если снисходят, то смотрят сверху вниз ...Так что и мы живем в самом тесном кругу и кроме «дяди Шуры» у нас нет никого, где бы мы бывали...

[389] *Париж, 20 апреля 1956 г.*

...Как Ваше намерение показать выставку «гравюр и литографий русских мастеров 18 и начала 19-го века» в Торонто?.. Я тоже бесконечно люблю «рисунок», в нем живее иногда видишь мысль и «нервность» мастеров, чем в живописи!..

Марокко.
Базар. 1928

[390] *Париж, 8 мая 1958 г.*

...Ваша прекрасная статья об Александре Иванове мне очень, очень понравилась, и я Вас бесконечно за это благодарю. Какое наслаждение увидеть его вещи, совершенно гениальные и единственные... Все запечатлевается навсегда... И как удивительно, что такого великого художника почти никто здесь не знает... Как я счастлива, что теперь у меня будут эти произведения Иванова, о которых я часто думала и вспоминала! Я никак не ожидала, что в Квебеке существует такой журнал... Вы доставили мне великую радость...

Месяц тому назад была на выставке «Французское искусство XVII века» — удивительный век, давший столько шедевров искусства. Но вот среди религиозных картин нет таких глубоко трогающих, как у нашего Ал. Иванова... только у Филиппа Шампеня «Ecce Hommo» [«Се человек» — *лат.*] в музее Нанси — доходит до сердца...

[391] *Париж, 17 декабря 1958 г.*

...Еще пишет О[льга] К[онстантиновна Лансере], что «в Третьяковской галерее выставка Серова — огромный успех». Жаль, что в Париже не устроят его выставку — ведь, пожалуй, это был один из последних портретистов замечательного таланта — после него я не знаю никого ему равного...

[392] *Париж, 12 декабря 1959 г.*

...Мне написали из Ленинграда, что будет издаваться новая книга о неизданных еще рисунках Репина. Очень буду рада тогда ее посмотреть, так как это такой замечательный мастер рисунка!

Марокко. Сефру.
Крыши города.
1932

[393] *Париж, 6 февраля 1960 г.*

...Наконец я смогла повидать репинские картины и рисунки периода от 17-го до 30-х годов в двух книгах, одолженных мне Александром Николаевичем. Не знаю, знаете ли Вы эти издания «Художественного наследства»? («Репин» в двух томах, издание Академии Наук, 1948, Москва, Ленинград). Редакция И. Э. Грабаря и И. С. Зильберштейна. Это крайне интересные книги. Первый том посвящен новонайденным и неизвестным рисункам Репина и портретам (1872—1915), зарубежному периоду Репина (статья И. Грабаря) и Репину в годы революции. Второй том — литературному наследию Репина: его воспоминаниям о Толстом, Верещагине, Стасове и т. д. (и разысканиям о жизни и творчестве Репина). Иллюстраций масса (176 в I томе и 105 во II-ом)... Не знаю, возможно ли теперь достать эти книги в продаже? Я бы сама очень хотела бы их иметь, но Александр Николаевич думает, что все это издание уже исчерпано, так же как и издание Грабаря «Репин» (тоже в 2-х томах, М., 1937), которое все разошлось, и Александр Николаевич очень жалеет, что его не имеет, так как там лучше снимки и вообще ценнее. Но и в этих книгах... столько чудных работ Репина! Я восторгаюсь очень его удивительными рисунками и портретами и чем больше вижу, тем больше ценю! Раньше никогда не видела его пейзажей, его серию «виды Петербурга» и пр. ...

[394] *Париж, 15 декабря 1961 г.*

...Всю жизнь мечтала посмотреть музеи Голландии (ведь это так близко от Франции!), но не пришлось мне увидеть Ф. Гальса, Рембрандта, Яна Стена (Александр Николаевич считал его одним из самых гениальных художников на свете!), а теперь уже поздно мне и мечтать о поездках куда-либо...

Городок Пон-л'Аббе. Порт. 1934

[395] *Париж, 15 февраля 1963 г.*

...Простите, что с таким опозданием возвращаю Вам интересную статью из «Русского слова»! Мне очень понравились высказывания Евг. Кибрика[1] об абстрактном искусстве, вполне разделяю его взгляды и очень Вам благодарна, что Вы мне прислали эту статью!.. Как мне хотелось бы услышать Ваш доклад о Кустодиеве! Может быть он будет напечатан?..

[396] *Париж, 30 мая 1963 г.*

...Спасибо за Ваше всегда интересное и милое письмо от 16 мая и за Вашу статью, такую задушевную и так верно написанную о Б. М. Кустодиеве! Мне было очень дорого ее прочесть, так как Кустодиева я сразу оценила как одного из самых замечательных художников... Все статьи Ваши бережно складываю (а также и Ваши письма)...

[397] *Париж, 22 декабря 1963 г.*

...Очень интересно было прочесть, что Вы устроили Вашу выставку! Как обидно мне, что я никогда не увижу Ваших вещей в Париже! Как это было бы утешительно и радостно...

Недавно получила обширную биографию «Врубеля» — была рада увидеть его замечательную серию эскизов к «Демону», «Вос-

Марокканка в белом. 1928

точную сказку», портрет его сына, его жены Забелы; какой удивительный художник!.. Я большая его поклонница...

[398] *Париж, 2 января 1964 г.*

...Какое темное, страшное преступление — убийство Кеннеди! Но теперь оно уже никого здесь не интересует и верно никогда не откроют преступников из-за страха...

[399] *Париж, 29 декабря 1964 г.*

...Когда-то (в 1902 году!) моя мама и трое сестер побывали в Риме, где прожили два месяца, и до сих пор я помню тот трепет и восторг мой перед античным миром!.. Посетили мы и катакомбы в Риме, незабываемо мое чувство — жуткое и глубокое волнение при мысли о гонении христиан и их непреклонной веры, победившей и спасшей мир... А вот теперь присутствуем при разрушении всего, и вокруг одна тьма тьмущая (начиная с искусства)...

[400] *Париж, 12 февраля 1966 г.*

Глубокоуважаемый и дорогой Евгений Евгеньевич,

Очень мне совестно, что я так долго не писала Вам и не поблагодарила Вас сердечно за Вашу милую, добрую статью о моей выставке в СССР... Хочу чуть-чуть поправить некоторые биографические данности в Вашей милой статье «Выставка Серебряковой». Я, увы, никогда не видела Репина, и он не руководил, увы, уже тогда мастерской кн. Тенишевой в ее доме[1]. Пробыла я там один месяц (княгиня Тенишева устала от «шума и гама», устраиваемыми учениками над ее салоном)...

[401—411] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — А. Н. САВИНОВУ

[401] *Париж, 14 июля 1957 г.*

...Мне такая великая честь, что Вы интересуетесь моим искусством и уделяете ему Ваше драгоценное внимание... Я живу здесь в таком духовном одиночестве, без моральной поддержки и совсем отвыкла от мысли, что кто-либо интересуется моими вещами, и то письмо Ваше меня взволновало и тронуло несказанно...

[402] *Париж, 24 ноября 1957 г.*

...Что привлекало меня к теме «Баня» и вообще к писанию нагого тела? Я всегда увлекалась темой «ню» и сюжет «Бани» был лишь предлогом для этого, и Вы правы, что это «просто потому, что хорошо человеческое юное и чистое тело». В начале пребывания здесь, то есть с 1924 г. по 1934-й было у меня несколько знакомых — милых русских девиц, согласившихся мне позировать и «служить моделями». Затем они повыходили замуж, времени у них на это уже не было. Рисовать же «профессиональных» натурщиц было мне не по средствам, и я начала довольствоваться писанием натюрмортов, находя в этой «тихой жизни» тоже живописную радость...

Отдыхающая негритянка. Марракеш. 1928

[403] *Париж, 10 марта 1958 г.*

...Этим чудным художником [А. Г. Венециановым] я не могу налюбоваться и как я Вам благодарна, что Вы так прекрасно представили его теперь всем нам на радость! [1]...

[404] *Париж, 15 октября 1958 г.*

...К нам на жатву приходили целой артелью крестьяне косить и убирать хлеб. Спали под открытым небом, варили себе кондер (пшено) в огромных котлах; вообще эта страдная пора вносила столько живого и живописного. Мне очень нравился их облик — белые рубахи (а покрой русских рубах точно такой, как был у древних греков), красный поясок, на который был привешен гребешок, чтобы «чепуриться» (причесываться), стрижены «под горшок», в онучах и лаптях... Мне так грустно, что никогда уж не буду рисовать эти милые лица...

[405] *Париж, 1 июля 1964 г.*

...Мои первые портреты во Франции — Анна Карловна Бенуа [1] (пастель), затем несколько портретов среди русских — Генриэтты Леопольдовны Гиршман [2], Юсуповых [3], Волконской [4] и т. д. Затем рисунок пастелью «натурщица», пейзажи и типы старых

рыбаков в Бретани... Из этих работ устроила я выставку у Шарпантье, расплатившись с этой галереей моими этюдами, в 1927 году.

В мае 1928 г. открылась выставка «L'Art russe» [«Русское искусство» — *фр.*] в Брюсселе, где я выставила два этюда «ню» и 1 натюрморт. Нескольким бельгийцам понравились мои этюды, и один из них заказал мне портреты своей жены и дочерей, а затем устроил мне поездку в Марокко на 1 месяц, где у него были обширные плантации, с условием, чтобы я дала ему затем выбрать из моих этюдов все, что ему понравится...

По возвращении я снова была в Брюсселе, где нарисовала самого этого барона Броувера, а затем он просил меня и моего сына написать декоративные панно для его только что выстроенного дома около границы Франции. Росписи состояли из декоративных географических карт в стиле 18 века, исполненных в одном тоне (их мой сын исполнил), я же написала на фоне в углах карт мотивы «4-х времен года» (лето со снопом, весну с цветами и т. д.) и 4 фигуры, стоявшие в «нишах» на другой стене. Рисовала я все это в Париже и, к сожалению, не видела, как все это выглядело на стенах, так как дом этот был не совсем готов и еще необитаем... во время войны в этом месте как раз проходил фронт, и дача барона Броувера была разрушена...

[406] *Париж, 12 октября 1964 г.*

...Родилась я в «Нескучном» 28 ноября (старого стиля) 1884 г. Родители мои жили тогда безвыездно в Нескучном. Отец мой был уже безнадежно болен чахоткой и скончался 23 марта 1886 года. Одна из последних его работ была скульптура «Лежащий ребенок», выполненная с меня (эта бронза всегда находилась у меня на столе, но теперь не знаю, где она) [1]... После смерти отца наша семья еще некоторое время оставалась в Нескучном, а затем мы много лет не возвращались и не покидали Петербург, где жили у нашего дедушки — Николая Леонтьевича Бенуа. Проводили летние месяцы то в Петергофе, то в Финляндии, куда по воскресеньям приезжал к нам дедушка. После его кончины (14 дек. 1898 г.) мы на лето снова поехали в Нескучное и с тех пор я совершенно «влюбилась» в новую для меня природу, в ширь безбрежных полей, в живописный облик крестьян, столь отличный от городских лиц...

После нашего трагического бегства из Нескучного в августе 1917 года во мне приняли участие незнакомые мне раньше художники К. Е. Костенко [2], Симонов и др., знавшие обо мне по выставке в Харькове, где мою «Жатву» приобрел Кишиневский музей... Так что меня устроили как художницу в Археологический и Этнографический музей рисовать найденные в раскопках курганов предметы — ожерелья, черепки и пр. [3]...

[407] *Париж, 8 января 1965 г.*

...Вы спрашиваете о моих занятиях в мастерской О. Э. Браза? Собственно, системы преподавания у него не было — все рисовали или писали как кто хотел, модель была всегда женская —

Девочка за пяльцами. 1932

было больше учениц, чем учеников. Осип Эммануилович появлялся довольно редко сам в мастерской, занятый своими собственными заказами (он писал, например, в соседней мастерской портрет Марии Николаевны Кузнецовой [1], артистки, певицы Мариинского театра). Да, вспомнила о ценном совете Браза всем его ученикам — видеть «общее» при рисовании, а не рисовать по «частям».

Генриэтту Леопольдовну я совсем не знала (только по полотну Серова) и познакомилась с ней только в Париже; отношения были у нас чисто «деловые», то есть когда я выставляла у них в галерее. Портрет с Генриэтты Леопольдовны был заказом Владимира Осиповича [2]...

[408] *Париж, 26 мая 1965 г.*

...Хотелось бы знать откровенное Ваше мнение, что именно Вам кажется более удачным в моих этюдах, присланных на выставку? Как Вы видите, ничего «значительного» (а, может быть, даже характерного) я за все эти годы в Париже не сделала...

Флора. Эскиз панно для дома Броуэра. Начало 1930-х гг.

[409] *Париж, 28 апреля 1966 г.*

...За Ваше чудное письмо (от 21 апреля) о Вашей коллекции в Ленинграде благодарю Вас бесконечно — оно меня трогает и радует!.. Я перечитываю его много раз: какое счастье мне выпало напоследок моих дней — Ваш интерес к моему искусству. Это утешает меня и дает мне силу продолжать работать...

[410] *Париж, 2 июня 1966 г.*

...Вчера ...были на выставке художника Шилтиана[1]... Мы с Катей пришли в порядочный «ужас» от безвкусных композиций, от пошлости и т. д. Эта композиция названа «Школа воров», другая — «Школа модернистов»[2].

Потом зашли мы вчера же на выставку... кажется, польского художника Балтуса[3], совершенно тоже приведшего нас в недоумение, так как что-то «смутное» в этом художнике — скучные, туманные картины и композиции...

[411] *Париж, 22(?) июня 1966 г.*

...Лето 1909 года мы все, как всегда, проводили в Нескучном... Осенью мои сестры и мама уехали в Петербург, а я решила остаться с детьми (Женей и Шурой) еще несколько месяцев в

Лето(?). Эскиз панно для дома Броуэра. Начало 1930-х гг.

Нескучном, но на «хуторе» — в имении моего мужа (рядом с Нескучным), где дом был маленький и его можно было протопить зимой легче, чем большие высокие комнаты Нескучного. Мой муж Борис Анатольевич (инженер путей сообщения) был в командировке для исследования северной области Сибири, в тайге... Я решила дождаться его возвращения, чтобы вместе вернуться в Петербург. Зима этого года наступила ранняя, все было занесено снегом — наш сад, поля вокруг — всюду сугробы, выйти нельзя, но в доме на хуторе тепло и уютно. Я начала рисовать себя в зеркале и забавлялась изобразить всякую мелочь на «туалете»... В начале декабря мой брат Евгений Евгеньевич написал мне, что выставка «Мир искусства» откроется в начале 1910 года, и надо, чтобы я выставила что-нибудь. Вот я и послала мой «автопортрет» Евгению Евгеньевичу. Мой брат позвал своих друзей художников, все одобрили мою вещь, и «За туалетом» была на выставке приобретена Третьяковской галереей...

[412] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНУ

Париж, 3 марта 1965 г.

...Моя дочь написала мне Вашу просьбу сказать несколько слов о влиянии Ал. Ник. Бенуа... на мою художественную жизнь[1]. Конечно, это влияние на окружающую меня с юности художественную среду было очень большое. Мой старший брат — Е. Е. Лансере был ведь так близко связан с дядей Шурой и со всем кружком художников «Мира искусства». Я же, по моей застенчивости и разнице лет, на собраниях и вечерах кружка «Мира искусства»

никогда не бывала ...Да и не всегда разделяла и понимала взгляды Александра Николаевича на некоторые течения в искусстве во Франции и России. Не разделяла и недоумевала о мнениях о Сезанне, Матиссе, Марии Лорансен и пр. и не считала их «гениальными художниками»... а Репина, Шишкина и других ведь тогда не оценивали, как они того заслуживали... Но я всегда с восторгом и глубоким поклонением относилась к художеству Александра Николаевича! В те годы виделась я с дядей Шурой довольно редко и только в Париже, на склоне наших с ним лет, мы часто вместе «отводили душу» — в ужасе от страшной, современной катастрофы в искусстве...

[413—415] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — Ю. М. ГОГОЛИЦЫНУ

[413] *Париж, 24 июня 1966 г.*

...Мы были очень, очень тронуты Вашей любезной посылкой моей пастели «Балерина Гейденрейх»[1], и благодарим Вас сердечно за такой подарок! Эта пастель — одна из серии «балетных портретов» 1922—1924 годов; эти милые, молодые балерины охотно мне позировали!.. Фотография, присланная Вами, моего этюда «портрет дамы» была мне очень интересна, это г-жа Направник Ольга Эдуардовна[2], жена дирижера оркестра в Мариинском театре в Ленинграде, музыканта Направника... Так странно, что я недавно получила фотографию портрета этой же дамы, сидящей на диване,— датирована тоже 1911 годом... На этом моем портрете анфас она в белой кофте, с большой соболиной «шалью» на плече... Еще раз пребольшое спасибо за репродукцию «балерины в розовом»... это балерина Гейденрейх, в костюме цветка «мак» — все балерины были в костюмах разных «цветов» — название балета я не помню!..

[414] *Париж, 19 июля 1966 г.*

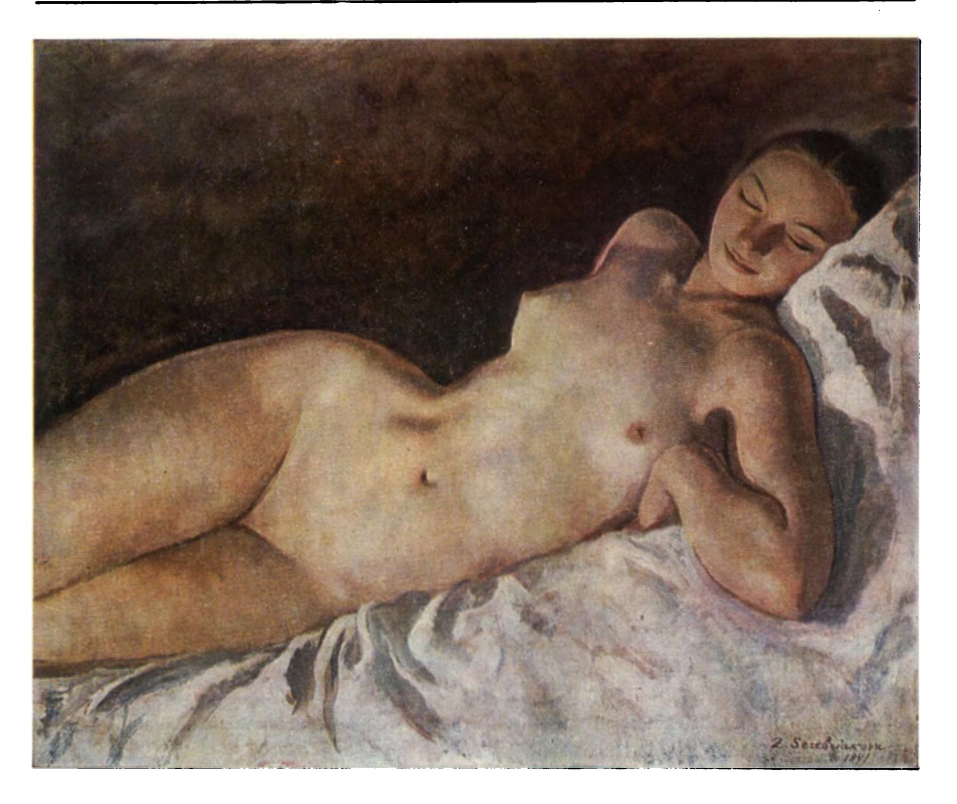
...Простите меня, что я не сразу ответила Вам на Ваше письмо от 8/VII и не поблагодарила сердечно за книгу «Русский музей», очень хорошо изданную и доставившую нам всем пребольшое удовольствие!.. Как ценно было увидеть цветные репродукции шедевров русского искусства!! Особенно, конца 18-го и начала 19-го... но и чудный портрет «Стасова» Репина, «У ворот старого парка» Поленова, Левитана «Озеро», Серова «Дети» и «Кн. Орлову»!!! Итак, тысячу раз спасибо!!

Буду отвечать по порядку на Ваши вопросы, хотя и нескладно и «неделовито»...

1. С художниками общества «Мир искусства», хотя и была знакома, но встречала их лишь на выставках «Мира искусства» или у брата моего Евгения Евгеньевича и то случайно...

2. Книгу Е. И. Шапиро[1] никогда (к сожалению), не читала, и, как я Вам, кажется, написала, даже не знала об этой книге...

3. Выставлять в обществе «Мир искусства» меня пригласили через моего брата Евгения Евгеньевича с 1910 года... А затем это было как-то «само собой разумеется»...

Спящая натурщица. 1941

4. Пейзажи Александра Николаевича Бенуа — «Павловск», «Ораниенбаум», «Петергоф» и т. д. я очень люблю и всегда любовалась ими! А также очень, очень ценю искусство Анны Петровны Остроумовой... Искусство Мстислава Добужинского тоже мне нравится, но не последние его вещи из Америки...

Да, вот еще неожиданная новость для меня — на днях повидалась с приехавшей в Париж гр. Зубовой[2], и она рассказала мне, что среди привезенных ею коллекций картин для музея в Женеве (устраиваемого гр. Зубовой) нашелся мой этюд К. А. Сомова![3]... Так что я пришлю Вам, если Вы хотите, снимок с этой маленькой темперы 1925 года (или около этого года), нарисованный мною в Париже ...Жаль только, что гр. Зубова не сообщила мне это раньше?!!..

[415] *Париж, 19 августа 1966 г.*

...Сердечно благодарю Вас за внимание и доброту — прислать мне фотографии с моих этюдов! Мне было так интересно взглянуть на этюды и вспомнить прошлое... Особенно интересны были мне этюды: «Кормилица, кормящая младенца» (моего Шу-

рика), а также этюды Гатчины и Камероновой галереи и портреты Эрнста и Бушена и т. д. ...Странно, что на портрете Сергея Ростиславовича я «вытянула» пропорции головы в такую длину! Непонятно, как могла я так странно нарисовать?!

Очень рада была прочесть в Вашем милом письме, что в Москве, на доме, где жил Евгений Евгеньевич, установили мемориальную доску и что было много народу — все это меня очень тронуло... Да, мой брат был чудным художником и большим моим другом... я так дорожила его мнением... Книга Подобедовой о творчестве Евгения Евгеньевича у нас есть, и я с большим интересом ее прочла[1]... Я виделась с моим братом последний раз в Париже в 1927 году — это было для меня такой радостью! И так трогательно, что Женя ужаснулся, в каких условиях (я с моим Шуриком) живем в крошечной комнатке, в «отеле», что взял нам «мастерскую», то есть квартиру с двумя комнатками и кухней!.. С тех пор мы переменили много квартир и, наконец, взяли мастерскую на ул. Кампань Премьер, где живем уже 27 лет!..

[416] А. Б. СЕРЕБРЯКОВ — Ю. М. ГОГОЛИЦЫНУ

Париж, 26 октября 1966 г.

...Постараюсь сейчас ответить Вам на Ваши вопросы о росписях для дома (вернее, для дачи, так как это вне города) бельгийского администратора крупных индустрий г-на Жана де Броувера, которую исполнила моя мама и частично я (сюжеты для географических карт, фона).

Эта дача была построена в провинции Бельгии, называющейся Эно, недалеко от города Монс (Бельгия) и недалеко от города Валансьен (Франция). Местечко это называется Помрейль. Дом-дача стояла среди леса и называлась Мануар дю Реле. Внутренность этой двухэтажной дачи была сделана в народном стиле Бельгии — потолки с деревянными балками, внизу «плинтус» высотою в два метра (приблизительно), и над ним была помещена роспись — фигуры, сделанные моей мамой. Весь же остальной фон состоял из очертаний географических карт, находящихся в «картушах». Фигуры, сделанные мамой, были четыре лежащих (в четырех углах залы) и четыре стоящих в нишах (между окнами). Над двумя дверьми были «картуши» с глобусом, книгами и другими инструментами, которые поддерживали дети. Все эти фигуры были, конечно, аллегорическими — изображали «изобилие», «воду», «науку» и т. пр. Очертания карт (почти без имен, т. е. без надписей) изображали берега Бельгии, берега Марокко, берега Индии и т. пр. Тема эта была выбрана г-ном Ж. де Броувером, потому что он путешествовал по всему свету и имел дела в Марокко, в Индии, не говоря уже о Бельгии. Весь цвет этой росписи был серо-охристый, фигуры цвета тела, а карты бледно-зеленоватые. Двери, плинтус и балки потолка — коричневые, деревянные.

Увы!.. Эта работа была сделана почти перед самой войной — 1939—40 годов... И затем бои прошли в этих местах!.. Мы совсем потеряли сообщение с г-ном де Броувером и, как нам сказали, он и его жена скончались в годы войны... Что стало с этой дачей — мы никак не могли узнать!!..

Автопортрет. 1946

Спящая Катя.
1939

[417—420] З. Е. СЕРЕБРЯКОВА — В. П. КНЯЗЕВОЙ

[417] *Париж, 26 августа 1964 г.*

...Хотелось бы мне ответить толково на Ваши вопросы, но я... никогда ничего не записывала и перезабыла многое!..

Вопрос. Художественная среда по приезде в Париж?

Приехала в Париж 4 сентября 1924 г. и главным образом навещала семью моего дяди, Александра Николаевича Бенуа, где встречала его друзей — Сомова, Добужинского, Аргутинского, Эрнста и Бушена и т. д. ...С французскими художниками не была (ни тогда, ни теперь) знакома лично.

Вопрос. Ваше отношение к важнейшим явлениям новейшего французского искусства и основным школам и направлениям?

Отношение мое самое отрицательное—для меня неприменимо само название «искусство» к абстрактной, дикой мазне... Это такой жуткий провал и я жалею, что дожила до такого позора... а еще недавнее французское искусство очень люблю, то есть «импрессионистов»! И даже ранний период Пикассо очень ценю... Зато теперешнюю непристойную бессмыслицу не считаю искусством...

Вопрос. Что Вас более всего интересовало как художника в 1920—1960-е годы?

В начале пребыванья в Париже думала передать французский «быт», то есть жизнь улиц, торговок, кафе, типы, но мне пришлось искать заработок и рисовать «заказные» портреты, а не для себя...

[418] *Париж, 14 октября 1964 г.*

...Получила, уже давно, Ваше милое письмо от 19 сентября, и очень прошу простить меня за мое опоздание ответить Вам на интересующие Вас вопросы!

1. Как зародился у Вас интерес к русской деревне и образам русских крестьян?

У меня не было ни тогда (ни теперь) «определенных идейных исканий», и Вы правы, что пребыванье в Нескучном позволило мне увидеть взволновавшую меня тему — рисовать крестьян и увлекаться их образами...

2 и 3. Как я относилась к творчеству Венецианова?

Я увидела Венецианова «Старая няня в шлычке» впервые у моего дяди А. Н. Бенуа, и этот чудный этюд мне захотелось скопировать — да, этот мастер мне близок и люблю его с ранней моей молодости.

4 и 5. Я не думала никогда о «стиле» моих вещей, но думаю, что увлеченье мое безмерное великими мастерами имело, конечно, влияние на меня...

Я думаю, что и здесь, во Франции, я нашла бы темы, любимые мною, рисовать «крестьян», но у меня здесь не было материальных возможностей жить в деревне и рисовать «для себя»...

[419] *Париж, 5 июля 1965 г.*

...Это верно, что у меня не было ни одного «учителя» рисования, но были «занятия» в мастерской у Браза, с натуры... Приехав в Париж в 1905 году, ходила в мастерскую, где художник Доше[1] должен был преподавать, но ни разу его не видела! И ученики предоставлены были сами себе «самостоятельно» рисовать. Художника Симона[2] тоже никогда «в глаза» не видела...

В декабре 1928 года была 1 месяц в Марокко. Вторую поездку в Марокко устроил мне тоже бельгиец, г-н Лебёф, на тех же условиях — я провела там в городе Фес в 1932 году месяц, а затем 2 недели в Марракеше.

Первую поездку в Марокко я «совершила» через Испанию до Мадрида, где успела (от одного поезда до другого) «пробежать» по музею Прадо и безмерно насладиться Веласкезом и Гойей... но, конечно, к сожалению, срок был слишком короток, чтобы как следует осмотреть этот дивный музей... После Мадрида, приближаясь к Андалузии, пейзаж стал меняться, и я восхищалась роскошной природой юга Испании из окна поезда, увы!..

Вторую поездку, в 1932 году, устроили мне через Марсель морем до Касабланки. После второй поездки в Марокко мы с Катей поехали летом в Италию, где были и во Флоренции, и в окрестностях Пизы — тоже на месяц...

[420] *Париж, 2 мая 1966 г.*

...Как я жалею, что не могу исполнить Вашу просьбу написать более подробно о задуманной мною композиции «Стрижка овец» ...Может быть, у меня и были наброски этой темы? Но ведь все, что я рисовала в Нескучном и не взяла с собой, навсегда пропало при полном разгроме в 1918 г. ...Наш большой дом, сад, церковь и т. д. были сожжены..., а также мои альбомы, холсты и т. д. За 42 года, что мы здесь... столько у нас забот и хлопот, что я все прошлое счастливое время забываю, увы...

Современники о художнице

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИЗ ПИСЕМ И ДНЕВНИКОВ

[1] В. А. СЕРОВ — ИЛ. С. ОСТРОУХОВУ

31 марта 1910 г.

...Серебрякову видел — Автопортрет у зеркала — очень милая, свежая вещь [1]...

[2—44] К. А. СОМОВ. ИЗ ПИСЕМ И ДНЕВНИКА

[2] ИЗ ДНЕВНИКА

6 [ноября 1915 г.]

...Ходил днем на выставку, она откроется 7-го [1]. Есть чудесные вещи. Серебрякова, Шура, Григорьев, Нарбут [2], маленькие эскизы Кустодиева, даже Кругликова [3] со своими силуэтами...

[3] ТАМ ЖЕ

11 [февраля 1916 г.]

...Шура показал мне эскиз З. Серебряковой для потолка вокзала Казанской железной дороги. Очень красиво изображенную нагую экзотическую женщину в пейзаже. Думаю ее купить...

[4] ТАМ ЖЕ

18 [февраля 1916 г.]

...Был у З. Серебряковой в № 40 по первой линии в той самой квартире, где мы жили в 1887—88 году. Ее комната в папином кабинете. Показывала мне свои вещи. Подарила акварельный этюд своей головы. Я купил у нее эскиз для люнета Казанского вокзала...

[5] ТАМ ЖЕ

26 [апреля 1916 г.]

...Ездил к Серебряковой выбирать рисунки для музея Александра III и для Гиршмана, она стеснялась и все отговаривала меня смотреть и брать...

[6] ТАМ ЖЕ

22 [августа 1921 г.]

...Вечером был у З. Серебряковой, живущей вместе с Бушеном и Эрнстом. Смотрел ее вещи. Очень хорошие. Взял даже для себя портрет Е. Лансере...

[7] ТАМ ЖЕ.

7 марта [1922 г]

...Пришла Тося Боткина[1] с Дези[2], Зина Серебрякова с Эрнстом... Я уговаривал Зину сделать большую балетную портретную картину по этюдам, которые я видел!..

[8] ТАМ ЖЕ

9 октября [1922 г.]

...После обеда к Серебряковой. Рисовал Женечку[1]. Серебрякова кончала свою пастель, мне не нравится она и не похожа. Я свой рисунок в профиль, который похвалили и Серебрякова и Бушен, подарил Женечке, отчего она была в восторге...

[9] ТАМ ЖЕ

6 [января 1923 г.]

...Вечером в 10 пошел к Бенуа на елку. Были все близкие. Дочка Серебряковой протанцевала 2 танца, поставленных Бушеном, очень мило, в балетной юбочке, сестра ее Катя изображала Амура. Шура преподнес мне свой альбом «Версаль» с нежной надписью...

[10] ТАМ ЖЕ

29 сентября [1923 г.]

...Утром ходил к Серебряковой выбирать ее вещи для американской выставки[1]...

[11] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Нью-Йорк, 28 марта 1924 г.

...Продаж очень мало и все пустяки, не имеющие значения для нашей кассы. Как сведем концы с концами, не знаем. Жаль художников, ожидавших помощи. Например, Зину. Почти каждого визитера я подвожу к ее картинам и рекламирую. Но пока ничего не выходит...

[12] В. В ВОИНОВУ

Нью-Йорк, 4 апреля 1924 г.

...Хочу написать Вам о нашей выставке. Не писал Вам раньше, потому что долго она налаживалась, много было препятствий и трудностей... Выставка открылась только 8 марта, приглашений разослано было 7,5 тысяч, пришло же на открытие не более 1000. Моральный успех огромный, все восхищаются, сидят часами перед картинами, благодарят, некоторые приходят по 5—6 раз, но число посетителей очень незначительно для семимиллионного города... покупают преимущественно вещи старой школы. ...Наши молодые художники и модернисты не нравятся, и на них почти не смотрят. Имеют еще большой успех, но не у многих, деревянная скульптура Коненкова[1] и две вещи Серебряковой (натюрморт и «Спящая девочка»)...

[13] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Нью-Йорк, 1 мая 1924 г.

...Выставка закрылась 20 апреля. В последние дни, так как мы решили еще понизить цены (тем более, что из Москвы пришла телеграмма от художников с просьбой цены понизить), продажи пошли несколько лучше. Даже после закрытия было продано 5—6 вещей. Между ними и мой «Балет». Я получил за него всего 250 долларов (продан за 500) [1]... Видишь — какие цены здесь можно выручить, а мы-то думали все о тысячах. Я рад еще за Зину, наконец и она продала одну вещь «Спящую девочку» тоже за 250 долларов (500 д.). Это теперь ей очень кстати, я думаю, с болезнью матери она совсем потеряла голову...

[14] ИЗ ДНЕВНИКА

2 июня 1925 г.

...Смотрел три портрета Серебряковой: Гени (нехороший, маслом), Владимира Осиповича пастелью (так себе) и Белобородова пастелью (очень хороший) [1].

[15] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 28 июня 1925 г.

...Зину я до сих пор не видел — у нее, как всегда, 22 несчастья — на днях потеряла 500 франков, с маленьким Шурой неудача с визой — она не пришла вместе с визами молодых людей — и теперь ему надо ехать одному (без знания иностранных языков). Она металась по Парижу — оказалось, то лицо, которое выхлопотало визу, уехало отдыхать, и никто не знает его адреса. Жаль бедную...

[16] ИЗ ДНЕВНИКА

10 октября 1925 г.

...Дозвонился до Серебряковой... У Серебряковой смотрели ее вещи, довольно красивые...

[17] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 13 октября 1925 г.

...Опять я в Париже... Устал я ужасно. Все в бегах... Устроил Зине продажу акварели Сергею Васильевичу [1]. Она такая жалкая, несчастная, неумелая. Все ее обижают, даже ее молодые люди [2]. Оба они недавно поступили с ней недружественно в высшей степени. И она на них в страшной обиде. Я на ее стороне...

[18] ИЗ ДНЕВНИКА

24 ноября 1925 г.

Т. С. [1] уговаривала и уговорила сестру заказать портрет Серебряковой. Мы написали совместно ей письмо. Я советовал ей платье и другие подробности для портрета: белую розу, белые перчатки и черное бархатное платье...

[19] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 26 ноября 1925 г.

...Зина в ужасном все время отчаянии — не было никакой работы. Я счастлив, что удалось устроить ей пастельный портрет Ирины Сергеевны за 3 тысячи[1]. Но начнет она его в декабре, когда они переедут на свою квартиру...

[20] ИЗ ДНЕВНИКА

21 декабря 1925 г.

К 5 часам у Рахманиновых, чай с З. Е. Серебряковой. Выбирали платье и позу для портрета Ирины Сергеевны. Остался обедать у них...

[21] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Гранвилье, 31 декабря 1925 г.

...Зина в настоящее время рисует пастелью портрет Ирины Сергеевны, м. б. она его уже и кончила. Я немного волнуюсь, так как я устроил ей этот заказ, боюсь, как бы она не ударила в грязь лицом, что с ней бывает... Со своими молодыми людьми Зина как бы помирилась, они изредка к ней приходят, но прежней интимности и сердечности нет, и, как она говорит, они никогда не вернутся, настолько она в них разочаровалась. Мне их не хочется видеть по этой причине, и я еще ни разу к ним не звонил[1]...

[22] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 28 января [1926 г.]

...Вчера я, наконец, был у Зины. Вечером. Живет она теперь на Монмартре, в жалком и грязном отеле в 5-ом этаже. Занимает одну комнату с сыном... Она «выглядывала» совсем девочкой при вечернем свете. Лет на 20. У нее теперь стриженные по моде волосы. Даже странно, что Шура ее сын. Она мне показывала свои последние портретные работы. Только что оконченный пастельный портрет Ирины Сергеевны, ей очень удавшийся. Она ей очень польстила, но в то же время сделала и похоже. Очень элегантна поза. Белое серебристое атласное платье и черный кружевной веер в красиво нарисованных руках. Другой портрет с некой Ванды Вейнер. Зина говорит, что эта дама потрепанная с длиннейшим носом и с мешками под глазами. Она потребовала сделать себя хорошенькой и молоденькой, укоротить нос и уничтожить мешки. Зина это сделала и получилась молодая и очень модная парижанка. Третий портрет — мужской — жанр Левицкого, в шелковом халате с разными околичностями на фоне в виде антикварных предметов. Этот портрет с г-на Трубникова[1]... он писал статьи в художественных журналах под псевдонимом. Четвертая ее работа юный garçon [официант — *фр.*] из ресторана с тарелкой устриц в руках. Прелестный пастельный этюд. Ее сын Шура тоже немного стал зарабатывать. Он премило из головы рисует курьезные виды Парижа: лавочки, эталажи, вывески, старинные дома...

[23] ИЗ ДНЕВНИКА

9 марта 1926 г.

...После 9 я уехал к Серебряковой позировать... Позировал полтора часа, Зина болтала. Показывала свои вещи — Лелю Бенуа, голую в трех позах, и новый портрет Ирины Волконской, довольно красивый...

[24] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 10 марта 1926 г.

...Вчера видел два раза Зину. ...Заказов нет. Дома нищета, и 76-летняя старуха вертится и работает с утра до ночи [1]... Зина почти все посылает домой... Непрактична, делает много портретов даром за обещание ее рекламировать, но все, получая чудные вещи, ее забывают и палец о палец не ударяют. Она давно просила меня ей позировать. Если она сделает хорошую вещь, я постараюсь ее ей продать. Ни за что не приму ее в подарок, как бы она меня не уговаривала [2]...

[25] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 15 марта 1926 г.

...По вечерам — не каждый день только — позирую Зине... Делает темперу и очень довольна мною, то есть как ей сижу. Я еще не видел, она просила меня не смотреть до конца. Пожелала рисовать не в тройке, а в пижаме и сверху нее халат, и то и другое у меня довольно шикарны. Вообще же ей не везет ужасно.

Портрет дочери С. В. [Рахманинова] родителям (по фотографии, которую им послали) очень не нравится, и значит весь круг их знакомств ей закрыт...

[26] ИЗ ДНЕВНИКА

16 марта 1926 г.

...Пришла Зина Серебрякова поправлять портрет Генр[иетты] Леоп[ольдовны]. Я присоединился и стал рисовать ее профиль. Часа два рисовал... Зина по окончании сеанса, увидев, что стало хуже, все стерла...

[27] *19 марта 1926 г.*

...Обедал дома. Потом поехал позировать Зине Серебряковой ...Рассказывала... о Вере Фокиной [1], как она хамила и скандалила, и после моих уговоров Зина показала мне фотографию этого портрета Фокиной: действительно, он не хорош...

[28] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 25 марта 1926 г.

...Зина меня еще рисует, но до сих пор не показывала мне. А сын ее говорит, что чрезвычайно похоже. Я ее не неволю. Хотя очень любопытно. Делает она меня гуашью. Ей все не везет — и в крупном и в мелочах. Иногда она бывает в тягость, но это потому, что люди не любят чужих несчастий. Ее сын ужасно симпатичный — совсем еще бебе, хотя ему 18 лет, и очень талантли-

вый. Теперь он делает по заказу какого-то магазина — и за гроши — абажуры с видами Парижа, которые сам сочиняет очень остроумно и мило. Работа мелкая, мелкая, все вырисовано... во всех подробностях...

[29] ИЗ ДНЕВНИКА

29 июня 1926 г.

...К Серебряковой позировать. Наконец, портрет она мне показала. Не плохо, много сходства, но какая-то не моя улыбка — улыбка или мина всех ее портретов. Позировал, и она болтала. Приехала Генриетта. Мы с ней давали советы Серебряковой, как ей писать портреты и как обращаться с моделями.

[30] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Гранвилье, 17 октября 1926 г.

...Вот еще грустная новость: у Зины распухли гланды и доктор, к которому она обратилась, нашел, что у нее туберкулез и сказал, чтобы она немедленно уехала из Парижа. Она, оставив в городе сына, у которого есть кое-какая работа и заработок, уехала в Бретань. На какие средства, одному богу известно. Кажется, ей помог сердобольный Лионель...

[31] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Гранвилье, 2 апреля 1927 г.

...Завтра собираюсь опять в Париж... Я не хочу проглядеть выставки Серебряковой, очень непродолжительной[1]. Сегодня Геня написала мне, что у нее очень большой успех. Но денежный ли? Хорошо бы, если бы и так...

[32] ИЗ ДНЕВНИКА

5 апреля 1927 г.

...У Серебряковой превосходные есть вещи: nu [обнаженная модель — *фр.*] — маслом, большое, с прекрасным ракурсом, nu — пастелью, в перламутровых красках. Портрет мадам Кестлин[1] портрет пастелью дамы анфас, в зеленом. Молодой бретонец, бретонский пейзаж с грядами волн и много другого...

[33] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Гранвилье, 10 апреля 1927 г.

...Тебе будет, конечно, интересно описание двух «событий»: выставки З. Серебряковой и концерта Деборы[1]. Выставка очень хорошая в общем, но Зина ее, как все, что она делает, конечно, испортила тем, что не выставила множества интересных вещей, которые у нее были и в мастерской и в частных руках, в особенности несколько отличных портретов, чем раздражила и разозлила своих моделей, которым, конечно, хотелось фигурировать на выставке. Они говорили: значит, она считает наши портреты плохими. Итак, несколько ходов и протекций она себе закрыла. Продано на выставке всего три мелких вещи. У нее на выставке несколько превосходных женских nue, отличные этюды бретонских

типов — их слишком много и это скучно, несколько красивых Версалей и виды Бретани, тоже отличные ...Все же выставка, даже при ее дурости, ей принесет пользу, многим иностранцам она понравилась, и уже какая-то английская леди ей заказала портрет своего мужа — один сеанс сделать в час пастелью — и какую-то другую даму в один трехчасовой сеанс. А у нее как раз такие быстрые вещи удаются блестяще...

[34] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 1 мая 1928 г.

...У Юры[1] были гости: родители, Валечка[2], Бушен и Эрнст, Зина с дочкой Катей... и старинный общий их друг Шарль Бирле. Было приятно, и разговоры были интересные и полные смысла, что теперь редко бывает на собраниях. И Шура и Валечка в этом смысле first class [первый класс — *англ.*]. Я давно не проводил такого интересного вечера...

[35] ИЗ ДНЕВНИКА

10 мая 1928 г.

...Пешком к Серебряковой, застал ее сначала одну... Потом пришли дети — Шура и Катя. Показывали свои вещи. Шура сделал успехи. У него очень приятные городские виды... Катя... мастерит кукол. И Серебрякова показала несколько своих работ...

[36] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 13 мая 1928 г.

...Вот я вернулся с выставки![1] Она по всем отзывам очень удачна, все от нее в восторге. Твой покорный слуга тоже не ударил лицом в грязь — его хвалят... Все картины повешены очень хорошо. Помещение великолепное. Зинаида [Серебрякова] продала, по счастью, 4 вещи, что ей очень поможет в ее почти хроническом безденежном положении...

[37] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 5 марта 1929 г.

...Здесь теперь выставка Серебряковой[1] — этюды с натуры, сделанные во время ее недавнего путешествия в Марокко. Есть вещи очень красивые и звучные по краскам, но много и довольно банальных... Я был на вернисаже, на котором было много народа. 3 вещи она продала...

[38] ИЗ ДНЕВНИКА

4 апреля 1929 г.

...Пошел к Бенуа на обед. Там Валечка, Аргутинский, после пришла Серебрякова с сыном и Атя Черкесова. Вечер приятный, интересные разговоры, рассматривали альбом видов и сцен из эпохи посещения Фором[1] Петербурга и его окрестностей. Потом рассматривали папку старинных гравюр, литографий и фотографий из русского прошлого — балаганы, типы и т. п. Я остался доволен вечером...

[39] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 2 мая 1929 г.

Третьего дня в Салоне Гиршмана [1] был вернисаж выставки ...Серебряковой. Эта выставка... мне больше нравится, чем первая. Множество прелестных этюдов: ню, натюрморты, пейзажи, портреты. Выставлен и мой, но он мало нравится. Мне тоже... Успех Серебряковой очень недурной, в 1-й день она продала на 10 тысяч и получила заказы на портреты... На вернисаже ее собралось тоже очень много публики...

[40] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 7 октября 1929 г.

...Мефодий [1] видел третьего дня художницу Зину. Ей, как всегда, не везло все лето. Везде было дивное, ровное лето, она же выбрала себе какое-то место в горах на юге, где все время лил дождь и было холодно. Со злорадством рассказывала Мефодию, как она рвала свои этюды и... закапывала их среди камней в горах ...Ей одна дама заказала натюрморт, парный к ранее уже купленному. Так она сообщила Мефодию со злорадством, что она его не сделала! И вот так все у нее...

[41] ИЗ ДНЕВНИКА

2 ноября 1930 г.

...Вечером у Бенуа. У них Валечка, Аргутинский, Бушен, Эрнст, Черкасов и Серебрякова, было довольно интересно и приятно: разговоры о театре, сплетни, я смотрел художественные журналы и книги.

[42] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 18 декабря 1930 г.

...Сегодня вернисаж выставки Зины [1], но я на него не пошел... Пойду лучше завтра утром, когда никого не будет, и осмотрю выставку один и со вниманием. Наверно и на этот раз она поразит своим огромным талантом...

[43] ИЗ ДНЕВНИКА

19 декабря 1930 г.

...Я пошел на выставку Серебряковой. Рисунки, сделанные пастелью, прекрасны, за редкими исключениями. Особенно мне понравилась спящая... пастельные портреты и этюды... Все же, что ею написано маслом, очень слабо: женские аллегорические фигуры, времена года... и натюрморты... Пейзажи так себе, виртуозны, но однообразны...

[44] *16 декабря 1932 г.*

...После завтрака ездил... на выставку З. Серебряковой [1]. Чудесная художница!

[45—48] М. Г. ЛУКЬЯНОВ
[45] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 1 ноября 1924 г.

...Сегодня был у Зины, она просит тебе очень кланяться. Дела ее очень неважны, и она не заработала еще ни гроша... У нее прямо курьезы бывают с заказами. Недавно Владимир Осипович Гиршман повез ее к одной даме, а та и спрашивает ее: «Вот, говорят, Вы талантливы и известны, а я Вас не знаю, а какого Вы о себе мнения? Вы должны мне показать Вашу работу, а то я Вас не знаю, вот увижу, тогда составлю свое мнение. И может быть закажу, а то как же так без образца»! Владимир Осипович готов был провалиться от конфуза, а у Зины даже язык прилип к гортани и не знала, что отвечать. Она делает теперь рожу некой Саломеи[1] и еще дочери Феликса[2]. Но не знает условий платы. А у Феликса ее называют так: «Вот пришла художница», как будто она портниха, без имени и отчества. Делает также и Геню [Г. Л. Гиршман], но ругается, что модель очень старая и неинтересная, даже для «образца» не годится...

[46] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 25 ноября 1924 г.

...Знакомых я никого не видел, за исключением Гени [Г. Л. Гиршман], которая рассказала, что Зина едет в Лондон, ее туда выписывает для работы брат Ренэ [Р. И. Нотгафт] [1]. В общем у Зины что-то начинает появляться реальное. То, что она здесь сделала, понравилось. Я видел только физию Владимира Осиповича [Гиршмана], но не в восторге, так как не совсем похож, может быть, из-за скорости...

[47] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 11 декабря 1924 г.

...За это время я никого не видел, кроме Зины, которая живет теперь против меня, и мы можем из окон видеть друг друга. Она такая жалкая, беспомощная и одинокая. Дела ее не клеются и ей никто не желает ничего платить. Вчера как раз она наконец получила небольшую сумму, но это ей только-только на пропитание. Собирается в Лондон, но пока еще не получила визы... Я водил ее раз в шведский балет, и она была этому очень довольна. Балет был ужасный, и мы плевались, несмотря на то, что в нем участвуют все новомодные звезды музыкальные и художественные. Вчера мы с нею обедали, а потом пошли в кино, где видели такие страсти, что Зина, наверно, не спала всю ночь. Она меня очень благодарит, что с нею провожу время, так как все ее близкие мало ею интересуются...

[48] А. А. МИХАЙЛОВОЙ

Париж, 27 декабря 1924 г.

...Днем был у Зины, давно ее не видел. Она перебралась рядом с нами, но в другой отель, где у нее лучше, но дороже.

Ее дела как будто и лучше, а с другой стороны, она все та же бедняга. У нее произошел конфликт с ее «меценатом»[1], и тот отказался поддерживать ее детей, у нее же самой денег едва хватает, чтобы существовать, а она должна всех содержать. Мы с ней очень подружились, и она говорит, что скучает, когда нас не видит. Хочет даже поселиться с нами, если бы у нас была «фатера». Дядя Шура хандрит почему-то и хочет ехать домой...

[49—52] А. П. ОСТРОУМОВА-ЛЕБЕДЕВА
[49] К. П. ТРУНЕВОЙ

Петербург, 14 февраля 1910 г.

...На днях приехала в Петербург Зинаида Евгеньевна Серебрякова... мы виделись с ней у Бенуа, она спрашивала про тебя, говорила, что тебя очень любит и просила тебе кланяться. Она поразительно хорошие вещи сделала в этом году, и они будут выставлены в «Союзе»[1]. Необыкновенно реалистичные, острые... Она невероятно талантлива. У нее двое детей. Она как-то стала больше улыбаться и говорить...

[50] ИЗ ДНЕВНИКА

Между 11 января и 4 февраля 1927 г.

Отзыв о Серебряковой

Зинаида Евгеньевна Серебрякова заняла среди современных художников из группы «Мир искусства» почетное место. С первых же шагов своего выступления своими работами на выставках «Мир искусства» она возбудила среди художников и художественной критики острое внимание к себе и имела признание. Первые же ее работы были приобретены в Третьяковскую галерею. И с этого времени ее талант все углублялся, задачи ставились шире, определеннее и точнее. Ее главным образом интересовал быт и жизнь крестьян. Живя много лет в деревне — зимой и лето,— она дала... ряд превосходных этюдов портретов крестьянок, мужиков, девушек. Эти портреты дышат правдой, жизненностью, реализмом и в то же время каким-то еле уловимым романтизмом. Ее сильный художественный темперамент толкал ее на большие композиции. От 1909 до 1917 года... создала несколько громадных холстов из жизни крестьян: «Жатва», «Спящая», «Беление холста», которые дышат правдой, громадным художественным размахом и отличной технической школой. Она прямой последователь знаменитого Венецианова и Тропинина без их ложно-классического мировоззрения, а все ее композиции проникнуты здоровой и большой любовью к жизни и быту крестьян. Кроме того, она наравне с Александром Бенуа и Евг. Лансере участвовала в росписи плафона Казанского вокзала, о чем имеется печатный отзыв, составленный научно-художественной секцией ГУС по докладу комиссии Наркомпроса... Она — художник больших, широких плоскостей, большого сильного художественного темперамента и при благоприятных обстоятельствах могла бы сделать высокие по художественному подъему вещи.

[51] З. Е. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Ленинград, 13 мая 1927 г.

Дорогая Зинаида Евгеньевна,

Вам, наверное, Николай Евгеньевич писал о том, что был поднят вопрос в Петербурге о том, чтобы Вас перевести в высшую категорию для того, чтобы Вы начали получать академическое обеспечение. На днях Вы утверждены в высшей категории в Москве, и сейчас же там был поднят вопрос о назначении Вам академического обеспечения... в размере 60 р. [65 зачеркнуто] в месяц... Мне предложили вот о чем... написать, чтобы Вы сходили в Париже в русское полпредство и взяли у них удостоверение о том, что они не имеют препятствий к Вашему возвращению на родину. Это удостоверение будет здесь служить доказательством, что Вы связи с СССР не порывали. Раньше чем идти в полпредство посоветуйтесь с дядей Шурой и не теряйте ни одного дня с высылкой удостоверения ...хотелось бы до лета, чтобы этот вопрос об академическом обеспечении был бы решен. Я к Вам обращаюсь по официальному поручению и имею основание надеяться (?), что по получении этого удостоверения вопрос об академическом обеспечении будет решен в положительном смысле...

[52] ИЗ ДНЕВНИКА *4 декабря 1932 г.*

...Видела в квартире Николая Евгеньевича [Лансере] портрет Елены Казимировны, жены Николая Евгеньевича, работы Серебряковой [1]. Портрет превосходен. Очень хороша поза. Она стоит, на что-то облокотившись локтем. Рука висит вниз и соприкасается пальцами с пальцами левой руки. Фигура в черном, без украшений и какого бы то ни было яркого пятна. В портрете много грации, художественного творческого откровения и... никакого сходства. Вообще ее портреты не бывают похожи. Все изображаемые женщины похожи на самое художницу. И нужно ли сходство? Я когда-то этот вопрос предложила Сомову. Он ответил утвердительно, считая сходство в портрете необходимым. Невероятно трудно связать эти два элемента — сходство с моделью и художественную ценность работы... Еще там, т. е. у Николая Евгеньевича Лансере, видела пейзаж Серебряковой, должно быть, Швейцарские горы — очень хорош. Крепок, хорошо нарисован и благородных красок.

Там же висит ее натюрморт — овощи, а за ними лицо ее дочки [2]...

[53] С. С. ПРОКОФЬЕВ — А. П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ

Париж, 6 декабря 1926 г.

...Видел Александра Николаевича и был на открытии его выставки. Подолгу стоял перед пейзажами Ленинграда: он как раз написал тот угол Екатерининского канала, через который я в течение десяти лет ходил в консерваторию... Выставка прошла с боль-

шим успехом[1]... Сейчас к нам заходит З. Е. Серебрякова. Она писала Святослава[2], а теперь делает мой портрет...

[54] Л. И. ПРОКОФЬЕВА — А. П. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕБЕДЕВОЙ

Париж, 7 декабря 1926 г.

...Вижусь с Зинаидой Евгеньевной. Она будет выставляться у Шарпантье в марте, но, по-моему, на невероятно невыгодных для нее условиях — это просто эксплуататорство со стороны Шарпантье. Жаль, что у нее такой застенчивый характер...

ВОСПОМИНАНИЯ

А. Н. Бенуа
ИЗ КНИГИ «МОИ ВОСПОМИНАНИЯ»

...Младшая из дочерей Кати [Екатерины Николаевны Лансере] — Зина оказалась обладательницей совершенно исключительного дара. Однако ее я уже не имею права считать своей ученицей. Прибыв к нам в младенческом возрасте (двух лет), она росла с сестрами как-то «вдали от моего кабинета», где происходили наши собеседования и всякие наши затеи с Женей, с Колей [Евгений Евгеньевич и Николай Евгеньевич Лансере] и с моими друзьями. Росла Зина к тому же болезненным и довольно нелюдимым ребенком, в чем она напоминала отца и вовсе не напоминала матери, ни братьев и сестер, которые все отличались веселым и общительным нравом. И все же несомненно, что Зина была взращена той атмосферой, которая вообще царила в нашем доме и настоящими творцами которой были наши родители — ее дед и ее бабушка. Впрочем, отголоски того, что происходило или что «назревало» у дяди Шуры в кабинете и куда она изредка заглядывала, должны были доходить и до нее, будить ее любопытство. Во всяком случае, когда двадцать лет спустя описываемого времени Зинаида Серебрякова неожиданно для всех предстала уже готовой художницей, она оказалась «одного с нами лагеря, одних направлений и вкуса», и ее причисление к группе «Мир искусства» произошло само собой. Нам же, художникам «Мира искусства», было лестно получить в свои ряды еще один и столь пленительный талант...

А. П. Остроумова-Лебедева
ИЗ КНИГИ «АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»

В начале 1903 года Бенуа все чаще стал поговаривать о том, что им надо ехать в теплые края... Александр Николаевич решил ехать в Италию, в Рим... В Италии жила еще сестра Бенуа — Е. Н. Лансере с дочерьми. Младшая дочь (будущая художница Серебрякова) сильно болела. Из-за нее вся семья жила на юге... Все пребывание в Риме вместе с моим другом Адей [Клавдией Петровной Труневой] и в семье Бенуа представляется мне каким-то упоительным, солнечным сном...

Александр Николаевич взялся за наше художественное образование. Нельзя сказать «взялся», он не брался, но общение с ним, наш совместный обзор Рима, его указания, сведения, которые он

нам давал, — все было отличной школой. Как всегда он был очень деликатен и не навязывал нам ни своих вкусов, ни навыков...

...Выставка «Мира искусства» 1912 года в Петербурге была очень богата хорошими и блестящими вещами. Не буду подробно говорить о художниках, участвовавших на ней. Упомяну только то, что мне особенно на ней нравилось. Серов! Портрет Иды Рубинштейн, портреты Орловой и Ливен. Кто не знает этих великолепных портретов? Тархов прислал из Парижа отличные, свежие вещи. Александр Бенуа дал на выставку ряд блестящих иллюстраций к «Пиковой даме». Богаевский был очень хорош, молодой Нарбут, Серебрякова, Сарьян, Добужинский, Гончарова, да всех не перечесть. Казалось, многие из художников в те годы достигли полного расцвета своих сил...

Осенью 1926 года председатель ЦЕКУБУ [Центральная комиссия по улучшению быта ученых] назначил меня... членом квалификационной комиссии по секции «Изо»... Собирались мы в бывшем особняке Юсуповых, в одном из роскошных его зал. Не раз видела на общих заседаниях академиков Марра, Ольденбурга, Державина и других. Вспоминаю, как при работе в этой комиссии мне пришлось давать письменную характеристику о творчестве художников К. С. Петрова-Водкина, А. А. Рылова, З. Е. Серебряковой для назначения им персональной пенсии. Оба художника получили, а также и Серебрякова, но она с условием возвращения в Россию...

В. Н. Дудченко

О ЖИЗНИ В НЕСКУЧНОМ

Зинаида Евгеньевна всегда рисовала крестьян: на сенокосе, на жатве, в саду. Рисовала детей. Например, нарисовала моего односельчанина села Нескучное Емельяна, ему было тогда лет 13 или 14, сидит на стуле в свитке. Она очень любила крестьян-тружениц. Для картин выбирала женщин крепких, рослых, передавала их силу, бодрость, прилежание к труду, аккуратность. В картине «Крестьянка с квасником» изображена Поля Гречкина (Молчанова) из села Нескучное. В «Жатве» — жители той же деревни, всех я не помню, а вот в центре — Марина Безбородова с хлебом, высокая, стройная, красивая крестьянка. «Холсты белят» — тоже жители этой деревни. Картину «Баня» Зинаида Евгеньевна писала в Петербурге в своей мастерской на Васильевском острове. Я позировала ей. Я там в центре стою, нагнувшись, но лицо мое закрыто женщиной, сидящей с тазиком. Натурщицами для этой картины были также девушки и молодые женщины, которые служили домашними работницами в городе.

З. Е. Серебрякова всегда называла меня «милая Василисушка». И не только со мной, а со всеми она была такой же ласковой. Она любила нас всех: кухарку, няню, считала нас своими. На ее лице всегда была улыбка. Утром заходит на кухню — здоровается и улыбается. Спрашивает, как самочувствие. К каждому празднику преподносила подарки, причем всегда так торжественно, мило.

Вспоминается, что Зинаида Евгеньевна была и великой труженицей. У нее не было ни минуты свободной. Если даже она гуляла со своими детьми — и то делала зарисовки. В общем, она жила своей работой и находила в ней большое удовлетворение.

Зинаида Евгеньевна любила праздники: дома она устраивала вечера, которые проходили очень интересно. Всей семьей они собирались и веселились, и мы, девушки, тоже были вместе с ними. Я в молодости любила танцевать и легко танцевала.

Зинаида Евгеньевна с нетерпением и радостью ждала наступления Нового года. Вместе с сельским учителем украшала елку в школе для крестьянских детей. Дети танцевали, пели. Учитель играл. К празднику готовились заранее. Покупали орехи, ленты, серьги, конфеты. В общем, каждый ребенок получал подарок за танец, за исполнение песни, за прочитанное стихотворение. Устраивала она праздники и летом на свежем воздухе. Когда Борис Анатольевич был именинником, брали повозку и ехали к речке Муромке.

Отмечали именины всей семьей вместе с крестьянами и их детьми. На лугу было так весело, что я до сих пор помню и даже вижу и слышу смех радостный и оживленные лица. Зинаиде Евгеньевне и Борису Анатольевичу это нравилось.

Они оба были очень хорошие люди. Друг друга любили и уважали. Я жила у них, как у себя дома. Вот однажды я купила себе туфли на высоком каблуке — было модно. Борис Анатольевич позвал Зинаиду Евгеньевну и говорит: «Зиночка, посмотри, что Василисушка купила. Ох! Ох! Как мне тебя жаль. Завтра отнеси сапожнику, чтобы он отрубил эти каблуки и сделал низенькие». Дал мне деньги. Причем заострил внимание: «Посмотри на мою Зиночку, какие она носит туфли на низеньком каблуке. Мне тебя жаль, Василисушка, что ты будешь мучить свои ноги». Все вместе посоветовались, и мне не было обидно. В Петербурге Серебряковы всегда имели абонемент в театр. И когда были заняты, вместо них в театр ходила я.

Еще живо помнится, что были случаи в деревне, когда кто-нибудь из крестьян возьмет без спроса то колесо с повозки, то кадушку для соления. Борис Анатольевич позовет к себе, ласково назовет его по имени и скажет: «Миленький, почему ты у меня не попросил, я тебе дал бы». Пошутит, улыбнется и добавит: «Иди». Тому стыдно станет...

Борис Анатольевич работал в Сибири, находился там долго, с марта месяца и до глубокой осени. Вот когда он возвращался домой, в Петербург, часто к нему на дом приходили его рабочие и мне приходилось разговаривать с ними. Они его считали отцом и другом. Сам не съест, а отдаст другому. Очень был веселый, сердечный...

Село Нескучное состояло из 90 дворов. В первую мировую войну взяли в армию всех старшего возраста и даже всех молодых, не вернулось 60 человек. Поэтому, когда в имении некому стало работать, из Белгорода взяли пленных австрийцев. Правда, уже не было ни коров, ни лошадей, но все же нужно было кому-то вести хозяйство, а те крестьяне, которые пришли с войны, занимались своим хозяйством.

Когда свершилась Октябрьская революция, Серебряковы были рады этому. Зинаида Евгеньевна сказала тогда мне: «Ну, Никитична, поздравляю Вас с новым правительством. Вы теперь не крестьянка, а гражданка». Был жив еще и отец Бориса Анатольевича, который мечтал о победе, а сын тем более. Декрет о земле приняли как должное.

Е. Г. Федоренко

СЕМЬЯ З. Е. СЕРЕБРЯКОВОЙ

В нашей семье очень часто с теплотой и любовью вспоминали о семьях Лансере, Серебряковых и Бенуа. Моя мама, Мария Игнатьевна Чумаковская, часто рассказывала: «Всех поражала простота и доброе отношение Зинаиды Евгеньевны и Бориса Анатольевича к крестьянам. У них не было принято «распекать» кого бы то ни было за допущенную оплошность, провинность. Однажды то, ли я, то ли Василиса Никитична отбила носик чайника, в котором заваривали чай. Я предложила приклеить его клеем из дерева вишни. Приклеили, отнесли в столовую и поставили самовар на стол, а сверху — чайник. Сами же стоим за дверью и слушаем, что будет. Чайник на самоваре нагрелся, и носик отвалился, кипяток залил скатерть. Слышим, Борис Анатольевич запел: «Свят, свят, свят!» Позвал нас: «Василисушка, Марьюшка, подите сюда». Пожурил нас и все. Не стали ни Зинаида Евгеньевна, ни Борис Анатольевич нас ругать за это. А следовало бы.

Когда Зинаида Евгеньевна была еще девушкой, то все они — она, ее сестры и братья — любили кататься верхом на лошадях, любили устраивать какие-нибудь веселые «представления». Как-то летом под вечер (была уборка урожая — жатва) запрягли лошадь в телегу, надели на себя крестьянские платья, положили на телегу грабли, косы, боклух, сделали куклы, взяли их на руки — как будто крестьянки с грудными детьми — и поехали в усадьбу Бориса Анатольевича Серебрякова. Поехали «наниматься» на работу. Управляющий имением Серебряковых никого из них не узнал, они и разговаривали по-деревенски. Упрашивали его, чтобы взял на работу. Но он не мог этого сделать, т. к. рабочих было достаточно. Они не отставали от него и напористо лезли во двор. Управляющий не на шутку рассердился, начал их ругать и гнать прочь. Они видят, что дело принимает нежелательный оборот, и «представление» было окончено.

Мама рассказывала нам, какие это были хорошие люди, Серебряковы и Лансере. У них продукты никогда не прятали под замки. Сам Борис Анатольевич проверял чем кормят рабочих, не обижают ли их... Слышала не раз разговор Бориса Анатольевича с Зинаидой Евгеньевной о революции. Он говорил: «Да, Зиночка, все это верно, так оно и должно быть».

Сердечным было отношение к простым людям не только со стороны Зинаиды Евгеньевны и Бориса Анатольевича, но и их родителей ...

Вот такие это были семьи — талантливые, добрые. В таких семьях жила Зинаида Евгеньевна, и сама была доброй, отзывчи-

вой, любила крестьян. Моя мама даже назвала своих дочерей именами дочерей Екатерины Николаевны: Зина, Катя, Мария, только у нее — Соня, а у мамы — Зоя. Еще мама говорила, что жили они очень скромно, что это были небогатые помещики, одевались тоже скромно...

У Серебряковых плотником работал Игнат Дмитриевич Голубев. Он изображен в картине «Крестьяне», 1914 [1]. Когда мама впервые увидела открытку с этой работы, то воскликнула: «Да это же мой отец!» И говорила нам, что он очень похож. У Серебряковых дедушка работал не только плотником — он был «мастером на все руки», послушным, исполнительным. Его очень ценили, относились к нему хорошо. Любил шутку, был умным, талантливым...

«Крестьянка Марина, чешущая лен» [2] — это мать моей подруги детства. Я ее знала хорошо. Она очень похожа на свое изображение в картине.

Когда я увидела «Спящую Галю» [3], бросилось в глаза сходство с дочерью нашей соседки. Я поехала к старшей дочери этой Гали. Она сразу узнала свою мать — Галину Максимовну Дудченко. Галя пасла индеек и уснула, а когда проснулась, то увидела, что Зинаида Евгеньевна ее рисует... Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать...

Г. И. Тесленко
ВОСПОМИНАНИЯ О ХУДОЖНИЦЕ

...В первой половине января 1920 года Губернским комитетом по охране памятников искусства и старины было предложено организовать ряд музеев на базе Музея бывшего Харьковского университета...

В университетском музее были сосредоточены картины, скульптура 19—20 веков, а также результаты археологических раскопок, начиная с орудий неолита до славянских городищ. Вот на этой археологической базе и нужно было создать отдельный археологический музей. Этим занялся А. С. Федоровский, который был назначен заведующим. Он пригласил меня быть его заместителем... Федоровский познакомил меня с нашими сотрудниками — с хранителем музея Финогеновой и художником музея — Зинаидой Евгеньевной. Я до сих пор не забуду, какое сильное впечатление на меня произвели ее прекрасные лучистые глаза. Несмотря на большое горе (она недавно похоронила горячо любимого мужа) и непреодолимые трудности житейские — четверо детей и мать! — она выглядела значительно моложе своих лет, и ее лицо поражало свежестью красок. Глубокая внутренняя жизнь, которой она жила, создавала такое внешнее обаяние, которому противиться не было никакой возможности. Вот мое первое впечатление о Зинаиде Евгеньевне. Наше взаимное влечение друг к другу привело в дальнейшем к крепкой и нежной дружбе.

Что делала Зинаида Евгеньевна в Археологическом музее?

Федоровский поручил мне подобрать наиболее характерные предметы различных культур, которые Зинаида Евгеньевна рисо-

вала в красках на отдельных больших таблицах (ватман). Я не помню только, рисовала она акварелью или нет. Таким образом, в Археологическом музее был создан рукой Серебряковой ряд красочных таблиц культур каменного века, скифов, хазаров, славян. Где они находятся сейчас — не знаю[1]... Серебрякову как художницу прекрасно знали и Ф. И. Шмидт[2], и А. С. Федоровский и очень ценили ее. Ей оставляли довольно свободного времени для личных зарисовок и создания ряда портретов. Вот летом 1920 года Серебряковой и были нарисованы портреты Е. А. Никольской[3], Г. И. Тесленко[4], которые впоследствии приобрел Русский музей, В. М. Дукельского[5]...

...В Актовом зале Университета был организован склад, где были и различные красочные ковры. Вот на этом ковровом фоне Зинаида Евгеньевна сделала очень много зарисовок с натуры. Из Петрограда она мне писала, что большую часть приобрел тоже Русский музей. Во время пребывания в Харькове она нарисовала еще два портрета супругов Басковых[6]. Эти портреты она сделала по их заказу... Во время сеансов Зинаида Евгеньевна много рассказывала о том, как она работала над своими картинами и делилась замыслами на будущее. Ей очень хотелось нарисовать картину «Нарцисс и нимфа Эхо»[7]. Для Эхо она сделала несколько зарисовок, жаловалась, что у нее нет натуры для Нарцисса. Да и отсутствие красок сыграло определенную роль. Свои работы, о которых я писала, она рисовала в нашем Археологическом музее. Весной 1920 года все музеи получили свои собственные помещения и переехали из общего университетского музея. Археологический музей получил прекрасный зал с колоннами, в два света. Было светло, просторно, много воздуха. И в этом зале нас было только четверо. Обстановка для работы у Зинаиды Евгеньевны была прекрасная. А вот зимой... страшно вспомнить: температура в помещении ниже нуля, чернила замерзают. Мы работаем в зимних пальто, не раздеваясь. Пальцы у всех поопухали, в том числе и у Зинаиды Евгеньевны. Как она рисовала — не представляю. И на таком фоне — бодрое, приподнятое настроение...

Интересно вспомнить о нашей зарплате. Моя первая зарплата была 5400 рублей. Думаю, что и Зинаида Евгеньевна получала столько же. А на рынке один фунт масла стоил тоже 5400 рублей. Как мы жили? Сейчас и сама не понимаю.

...Передо мной несколько писем Зинаиды Евгеньевны, написанных ею в 1921—1922 годах, и большая десятилетняя переписка 1957—1967 гг. ... с А. Н. Савиновым. Если бы на письмах не стояли даты 1960-х годов, я смело могла бы их принять за письма 20-х годов. Старость не коснулась души Зинаиды Евгеньевны ни в чем. То же преклонение перед искусством и талантливыми художниками, верная преданность любимому Венецианову, восторженное восприятие всего прекрасного и обостренно-чуткое отношение к сердечным и добрым чувствам своих друзей. Каждое ласковое слово воспринимается ею как дар свыше, и она действительно не находит слов, чтобы высказать свою благодарность. А ведь наш русский язык считается таким богатым. Ею использованы все слова, выражающие преданность, нежность — больше не придумаешь. Но чувствуется, что и этого действительно для нее

мало, что все эти слова только приближенно передают состояние ее души. Так было в 20-х годах в ответ на мои незначительные заботы о ней, а главное об ее детях: ее трогала каждая мелочь искреннего участия. Искренность ценилась ею очень высоко, и она верно угадывала ее проявления...

Я полюбила Серебрякову как человека и меня неудержимо потянуло к ней... Ее вещи были талантливы потому, что она писала не только рукой, но душой и сердцем, в которых трепетали самые высокие чувства, которые я так хорошо знала. Будь она холодна душой и сердцем, при всем мастерстве ее живопись не возбуждала бы восхищения.

...О домашней обстановке Зинаиды Евгеньевны в Харькове. Семья Серебряковых жила на Конторской улице (номер дома не помню)... Обстановки не было никакой: кровати, 2 стола, стулья. Вот и все, да еще печурка посреди комнаты. В те времена она называлась почему-то «буржуйкой». Когда я пришла впервые, летом 1920 года, меня встретила вся семья. Меня поразила красота всех детей Зинаиды Евгеньевны. Каждый в своем роде. Младшая, Катенька — остальные дети называли ее Котом — это фарфоровая хрупкая статуэтка с золотистыми волосами, нежным личиком восхитительной окраски. Вторая, Тата — старше Катеньки — поражала своими темными материнскими глазами, живыми, блестящими, радостными, жаждущими что-либо совершать вот сейчас, в данный момент. Она была шатенка и тоже с великолепными красками лица. Кате в это время было около семи лет, Тате примерно восемь. Первое впечатление впоследствии полностью оправдалось. Тата оказалась живой, шаловливой девочкой, Катя более тихой, спокойной. Сыновья Зинаиды Евгеньевны не были похожи один на другого: Женя блондин с голубыми глазами, с красивым профилем, а Шурик шатен с темными волосами, слишком нежный и ласковый для мальчика. Очень ценил доброе к нему отношение и за добро платил добром. Их бабушка — Екатерина Николаевна — была настоящим ангелом-хранителем семейного очага. Можно было только поражаться, с каким человеческим достоинством она переносила все тяготы жизни. Без раздражения, без каких-либо намеков на жалобы, всегда ровная, спокойная, внимательная и ласковая с детьми. Всегда у печурки, всегда из ничего что-то приготовит поесть и без всякой сервировки так все красиво и аппетитно подаст. Зинаида Евгеньевна была более раздражительной. Но ее раздражение имело только один источник — все то, что мешало ей рисовать...

...Крестьяне знали ее и любили. Ведь она так много их рисовала! Они постоянно привозили им овощи, а иногда и сало. Это было большим подспорьем... Екатерина Николаевна старалась давать побольше морковки детям. Они все с удовольствием ее грызли. Мы с Екатериной Николаевной готовили морковный чай с помощью детей, а потом с наслаждением его пили. Ведь он был горячий и золотисто-желтый! Что еще нужно было в те времена? Мы с Владимиром Марковичем Дукельским часто проводили там вечера осенью 1920 года. Иногда я бывала одна и долго засиживалась. Тогда я оставалась у них ночевать. Сколько было веселья: все дети стайкой взбирались ко мне на кровать и начинались рас-

сказы, шутки, выдумки, смех. Старшие не выдерживали и тоже присоединялись к нам. По вечерам у Серебряковых никто кроме нас не бывал. Темнота на улицах, комендантский час. А вот нас ничто это не останавливало, и почти каждый вечер мы приходили на Конторскую.

Я много времени и внимания отдавала детям Зинаиды Евгеньевны. Мальчиков часто брала с собой на Донецкое Городище на берегу реки Уды — приток Северного Донца. О нем упоминается в «Слове о полку Игореве». Это первое славянское городище, которое встретил на своем пути Игорь во время побега из половецкого плена. Там прямо на поверхности можно было найти много славянских изделий — кольца, шиферные пряслица, бусы, черепки посуды с характерным славянским орнаментом. Вот такими поверхностными сборами мы пополняли витрины музея. На раскопки, настоящие раскопки, денег не было. К этим сборам и были привлечены Шура и Женя Серебряковы... Городище расположено в 12 км от Харькова. А поездом ехать было страшно — свирепствовал сыпной тиф, поэтому мы ходили всегда пешком. Мальчики бодро проходили этот путь. И надо было видеть азарт детей при находке тех или иных вещей...

Это письмо получилось не о Зинаиде Евгеньевне, а о ее детях. Но ведь они играли такую большую роль в ее жизни. И как трогательно было слышать, как в этой суровой обстановке они с бабушкой разучивают «У лукоморья дуб зеленый...» и обязательно рисуют, все рисуют — и кота, и дуб, и золотую цепь.

...6-го декабря 1920[8] года семья Серебряковых выехала из Харькова в Петроград. Тата обещала мне писать с дороги и честно выполнила свое обещание. Описание того, как они ехали и приехали в Петроград, основано на ее письмах. Ехать было очень тесно, в особенности трудно было устроиться на ночь... Соседи попались плохие: всю ночь играли в карты, мешали спать и были очень грубы. Вскоре после Мценска случилась авария с паровозом и состав вернули снова на станцию Мценск.

...После отъезда из Харькова Серебряковы в своих письмах настойчиво звали меня приехать к ним в Петроград, если не навсегда, то хотя бы погостить... В первых числах июня меня вызвали в комиссариат просвещения Украины и предложили поехать в командировку в Москву и Петроград...

Улица Глинки, дом 15... Я, увешанная рюкзаками, поднялась на второй этаж — квартира 7. Я не помню, был ли там звонок или приходилось, как это было обычно в то время, стучать, но помню, что мое сердце стучало так, что ни в каких других позывных надобности не было. Открылась дверь — восторженные восклицания радости, объятия, поцелуи. Девочки просто висели на шее, а мальчики старались освободить меня от рюкзаков. В квартире много, много комнат. Каждый член семьи имел отдельную комнату и была еще общая столовая. Расположены они анфиладой, кроме одной, которая имела выход прямо в переднюю. Обстановка весьма скромная. Украшением в столовой служили прекрасно исполненные Екатериной Николаевной портреты родственников, близких и далеких. А Екатерину Николаевну Лансере в семье даже не считали художницей. Меня поместили в комнате рядом с

комнатой Зинаиды Евгеньевны, что позволяло нам быть с ней в самом тесном контакте в течение всего времени моего пребывания в Петрограде. Я не видела семью Серебряковых полгода. Дети за это время немного вытянулись, но не потеряли своего очарования, в особенности девочки: златокудрая, черноглазая Катя так и осталась фарфоровой статуэткой, а Татины глаза по-прежнему искрились, как звезды, и вся она в любую минуту была готова на любой порыв. Шурик был бледнее всех, но такой же нежный и ласковый, каким я его знала в Харькове. Женя не изменился совсем. У Зинаиды Евгеньевны взгляд ее прекрасных глаз стал спокойней и глубже. Если бы вы знали, как мало она изменилась с времен «За туалетом». А ведь прошло уже с тех пор одиннадцать лет, и каких тяжелых лет! Как всегда, Зинаида Евгеньевна носила светлые, чаще белые, блузки и темную юбку. Екатерина Николаевна, как и в Харькове, хлопотала около печурки, чтобы накормить всю семью. А со стен на нее смотрели портреты, великолепные портреты ее работы. Какой контраст!

В материальном отношении Серебряковым жилось трудно, очень трудно. По-прежнему котлеты из картофельной шелухи были деликатесом на обед... Однажды мы с Екатериной Николаевной объявили, что сегодня на обед будут вареники с вишнями. Зинаида Евгеньевна, которая рисовала в это время портрет по заказу вне дома, так торопилась домой, что пришла на два часа раньше положенного часа и призналась, что все утро только и грезила о варениках с вишнями. Она с тоской жаловалась, что не видит выхода из положения. «Дядя Шура, — говорила она, — советует поступить по-мужски — отбросить ежедневные заботы и всерьез приняться за работу. Результаты работы, в чем он не сомневался, принесут свои плоды, а, следовательно, и возможность создать приблизительно нормальное существование. Но дядя Шура, — продолжала Зинаида Евгеньевна, — не мог понять, что мать, хотя бы временно, не может видеть абсолютно голодных детей, тем более, что Шурик таял прямо на глазах».

Как складывался день в семье Серебряковых? Бабушка с утра до вечера была занята насущными делами, целиком освободив Зинаиду Евгеньевну от домашних хлопот. У детей были каникулы. Они почти целый день проводили дома, изредка уходили к родственникам. Всегда они были заняты: девочки вырезали кукол, балерин, Женя мастерил что-то из дерева, Шурик рисовал, да и все они всегда все время рисовали. Видимо, в доме № 15 по улице Глинки нельзя было не рисовать. Девочки вместе с бабушкой продолжали учить на память стихи Пушкина. У Зинаиды Евгеньевны Пушкин был кумиром. Из детских работ у меня сохранились рисунки девочек, а на прощание перед моим отъездом Шурик подарил мне изумительно сделанную книжечку «Петр I». Она состоит из семи картинок следующего содержания: «Дамы в летнем саду», «Кабинет Петра I», «Мост на канале зимой», «Отплытие первого корабля», «Адмиралтейство и Исаакиевский собор», «Петербург при Петре I», «Люди XVIII века».

Размером эта книжечка 3,5 см×2,5 см. Я ее храню, как драгоценность. Женя мне вырезал из дерева, а затем раскрасил весьма эффектный саркофаг...

Я упоминала уже о том, что Зинаида Евгеньевна во время моего пребывания в Петрограде рисовала по заказу портрет одной дамы. В данный момент я не помню фамилии заказчицы, но это можно восстановить по письмам Зинаиды Евгеньевны, где она пишет о том, как неудачно она выполнила этот портрет[9].

К обеду Зинаида Евгеньевна возвращалась с очередного сеанса, я из музея. Во время обеда мы все делились мелкими и крупными событиями дня...

Затем Зинаида Евгеньевна начинала рисовать. Она рисовала, рисовала... Я не помню случая, чтобы Зинаида Евгеньевна прилегла днем отдохнуть. Даже с книгой ее можно было видеть очень редко. Она все рисовала. В это время она сделала ряд набросков для моего будущего портрета. Она рисовала меня спящую, и, просыпаясь, я видела ее сидящую рядом с моей кроватью. Очень сердилась, если кто-нибудь будил меня.

В первые же дни моего приезда в Петроград Зинаида Евгеньевна познакомила меня с Александром Николаевичем и Альбертом Николаевичем Бенуа... Братья мало похожи друг на друга... Расскажу сначала о старшем — Альберте Николаевиче. Этот человек обладает даром чаровать людей. Во время разговора с вами его взгляд так внимателен, что создается впечатление, будто в это мгновение для него нет ничего в мире более интересного, чем разговор с вами, хотя бы этот разговор шел просто о погоде. С женщинами он ведет себя, как самый достойный ученик Назона.

У Зинаиды Евгеньевны он бывал почти ежедневно, очень часто музицировал. Его импровизации были великолепными. Невольно приходила мысль в голову: кто он, музыкант или художник? Альберт Николаевич несколько раз приглашал меня на концерты органной музыки. Там я имела возможность убедиться в том, какой популярностью Альберт Николаевич пользовался среди музыкальной общественности Петрограда. Он еле успевал отвечать на приветствия, которые неслись к нему со всех сторон. Жил он в том же доме, где жила и Зинаида Евгеньевна, только на верхнем этаже — на четвертом. Я несколько раз бывала у него в мастерской — большом, светлом помещении. Он показывал мне свои работы и предложил однажды на память о моих посещениях его мастерской какой-либо пейзаж. Совсем недавно Альберт Николаевич возвратился из поездки на север, кажется, на Новую Землю, куда он ездил вместе с геологической экспедицией, возглавляемой известным геологом Виттенбургом. Я попросила написать какой-либо северный пейзаж. Он сразу сел писать и к концу моего посещения преподнес мне акварель — «Мурманский порт ночью»...

С Александром Николаевичем я виделась значительно реже, только тогда, когда он бывал у Зинаиды Евгеньевны. Он неоднократно приглашал меня к себе в мастерскую, но я не воспользовалась его приглашением — очень робела перед ним. В один прекрасный день Александр Николаевич зашел к Зинаиде Евгеньевне и сказал, обращаясь ко мне: «Завтра утром мы с Вами идем в Эрмитаж. Я буду Вашим гидом». В 9 часов утра он вместе с Кокой [Н. А. Бенуа] зашел за мной, и мы пошли к Эрмитажу. Шли мы очень долго, так как по дороге он рассказывал мне обо всем: об Исаакиевском соборе, о Медном всаднике, о дворцах, об Ад-

миралтействе. Затем показал Эрмитаж. Мы долго, очень долго его осматривали. Каким я увидела Петроград и Эрмитаж, может представить только тот, кто знал Александра Бенуа.

В квартире Серебряковых в комнате, выходящей непосредственно в парадное, жили Сергей Ростиславович Эрнст и Дмитрий Дмитриевич Бушен. По вечерам они приходили на половину Зинаиды Евгеньевны и проводили вместе время. Я познакомилась с ними обоими в первый же день своего приезда. Эрнст — высокий, со светлыми, немного вьющимися волосами, круглолицый. Бушен ниже ростом, шатен с гладко зачесанными назад волосами. Он был более молчаливым. Больше говорил Эрнст. Мы сидели обычно в комнате Зинаиды Евгеньевны перед распахнутыми на балкон дверьми или выходили на балкон. Было время белых ночей. Зинаида Евгеньевна, как всегда, рисовала. Часто рисовал и Дмитрий Дмитриевич. Вот почему мне запомнилась прическа его наклоненной головы. Разговоры велись легкие, скользящие — о встрече с таким-то художником, музыкантом, о балете, об артистах театра. Чаще всего, пожалуй, велись разговоры о балете. Они оба были «балетоманами». Дважды мы все четверо ходили смотреть балет, но какой именно — совершенно не помню.

К нашим разговорам иногда присоединялся и Николай Александрович Бенуа. Он и вся семья Александра Николаевича жили этажом выше, и окна выходили почти над балконом Зинаиды Евгеньевны. Разговор принимал шутливую форму. Так как днем я была занята, то осмотром города занималась по вечерам, захватывая иногда время далеко за полночь (белые ночи!). Зинаиду Евгеньевну очень тревожили мои ночные путешествия (ведь я в Петрограде раньше не бывала), и они втроем всегда поджидали на балконе мое возвращение и часто журили меня за ночные прогулки.

Незадолго до моего отъезда вот в этой самой комнате, перед распахнутой балконной дверью Зинаида Евгеньевна рисовала мой портрет (сангина). Он точно датирован самой Зинаидой Евгеньевной — 12 июля 1921 года. Я сидела в удобном кресле лицом к балкону, Зинаида Евгеньевна к нему спиной. Справа от меня сидел Дмитрий Дмитриевич и попросил разрешения рисовать меня тоже. Ближе к балкону стоял Сергей Ростиславович. Разговаривали мало, больше молчали. Обычно Зинаида Евгеньевна любила вызывать на разговоры тех, кого она рисовала, но на этот раз как-то было по-иному. Более сорока лет этот портрет находился не в моих руках. Получила я его назад в довольно жалком виде. Но благодаря помощи А. Н. Савинова он был прекрасно реставрирован в мастерской Академии художеств (октябрь 1972 г.), и в настоящее время является украшением моей комнаты в Киеве. Зинаида Евгеньевна нарисовала его в течение двух вечеров...

Т. Б. Серебрякова

ТВОРЧЕСТВО, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ РОДИНЕ

Мне было двенадцать лет, когда моя мать уезжала в Париж.

Был конец августа 1924 года. Мы жили тогда в Ленинграде. Пароход, шедший в Штетин, стоял на причале у моста Лейтенанта Шмидта. Мама уже была на борту, а так как посадка продолжалась долго, то нас, провожавших маму детей, отправили отдохнуть домой. Неожиданно под окнами раздался голос брата, подъехавшего на велосипеде и кричавшего, что сейчас пароход отчаливает. Я сорвалась, помчалась бегом на трамвай и добежала до пристани, когда пароход уже начал отчаливать и мама была недосягаема. Я чуть не упала в воду, меня подхватили знакомые. Мама считала, что уезжает на время, но отчаяние мое было безгранично, я будто чувствовала, что надолго, на десятилетия расстаюсь с матерью...

И вот после сорока с лишним лет, хоть не сама мама, но ее работы увиделись с Россией. Впервые в Москве зрители так полно могли познакомиться с творчеством Зинаиды Серебряковой лишь в конце мая этого [1965] года, когда в Выставочном зале Союза художников СССР были показаны ее произведения за шестьдесят лет деятельности.

...Зинаида Серебрякова родилась и провела детство в семье, где вот уже более ста пятидесяти лет из поколения в поколение переходит профессия архитектора и художника. Даже те из наших родственников, которые смолоду пытались уйти в другие области, почти неизбежно возвращались в это русло. «Дети рождаются с карандашом в руке», — говорят у нас в семье.

Воспитанная в кругу людей, где любили и ценили все истинно прекрасное, Зинаида Серебрякова осталась верна этой традиции и пронесла любовь к подлинному искусству через всю жизнь, никогда не сбиваясь с пути, не попадая под влияние моды и различных течений, получивших такое распространение в наш век.

Страсть к искусству превалирует у нее над всеми чувствами. Искусство — ее спасенье от всех невзгод судьбы, поддержка в трудные минуты. Всегда и везде она носит с собой альбом и карандаш — ищет и неизменно находит живую жизнь в самых различных ее проявлениях, находит «аппетитную» натуру и все это запечатлевает в сотнях и сотнях набросков.

Живой ум, неуемный темперамент, остроумие делают ее незаурядной собеседницей, но во время сеансов, когда она пишет портреты, она любит слушать свою натуру — это помогает ей глубже проникать в сущность человека. Поэтому, быть может, портреты ее, такие точные по характеристике, глубоко раскрывают «второй план» изображаемых людей.

Всю жизнь она работала только с натуры. Таково ее кредо. Но это не списывание с натуры, не натурализм, а глубокое изучение и проникновение в самую суть задуманной композиции портрета, натюрморта, пейзажа. Поклонница старых мастеров, она никогда не уставала учиться у них, восхищаться их мастерством и гуманизмом.

Обычный мамин костюм — юбка и блузка, широкий пояс, галстук. В таких скромных блузках она изобразила себя и на автопортретах, написанных в двадцатые годы: «В белой кофточке» (Русский музей) и «В серой кофточке» (Киевский музей). Нескучное — имение моего деда, где родилась мама, сыграло огромную роль в ее жизни и творчестве. Именно здесь она нашла свою тему, именно там полюбила и поняла крестьян и природу и, увлеченная этой темой, создала свои большие полотна: «Жатва», «Беление холста», «Спящая крестьянка», «Обед», а также многочисленные портреты крестьян и пейзажи. Там же, в тишине деревенской жизни, возник ее автопортрет «За туалетом», принесший ей известность и купленный Третьяковым для галереи [1]. В эти же годы был написан автопортрет «Со свечой».

В Нескучном всегда кто-нибудь гостил или жили другие дочери Е. Н. Лансере (мамины сестры) с детьми, либо просто знакомые, дальние родственники. Так, бывал там поэт Г. И. Чулков с женой... Приезжали и братья матери — известный художник Евгений Евгеньевич Лансере и архитектор Николай Евгеньевич с семьями...

Музицировали, читали вслух, играли в крокет и теннис, устраивали пикники, гуляли в примыкающем к дому большом саду или на пруду с бузиной по берегам, носившим название «джунглей». Внизу текла речушка Муромка с омутами и бочажками, с берегами, заросшими тростником. Тут-то и возник замысел картины «Купальщица».

Она лечила крестьян, ходила к ним в деревню. Помню, как горько плакала она, когда утонула попавшая в омут девушка — крестьянка Настя, ее любимая натурщица [2].

Свои модели она выбирала в деревне, где жили выходцы из Центральной России, рослые и красивые люди, — все их очарование передано в работах художницы. Они любили ее, до сих пор некоторые старушки, приезжая в Москву, вспоминают всю нашу семью, живо интересуются маминой судьбой. Во время гражданской войны наша семья жила в Харькове, на Конторской улице, на втором этаже двухэтажного дома. Занимали мы три комнаты и застекленную террасу. И однажды мама написала нас на террасе (картина эта так и называется «На террасе в Харькове» [3]). Тогда же был написан и групповой портрет «Дети за карточным домиком» [4]...

В начале 1919 года в нашу квартиру пришла женщина в кожаной тужурке, стриженая, и стала рассказывать об отце, о котором мы ничего не знали с осени 1917 года, когда расстались с ним в Петрограде. Оказалось, что отец живет в Москве, на Солянке, и работает по специальности — он был инженером-путейцем, занимался изыскательскими работами, в частности по прокладке Сибирской железной дороги.

Оставив нас на попечение бабушки, мать уехала в Москву. Примерно через месяц она вернулась вместе с отцом, но отпуск ему был дан только на три дня, и почти все это время ушло на дорогу. Свидание с нами поэтому было очень коротким. Но после того, как мы распрощались, ночью раздался вдруг стук в дверь. Это был отец. Оказывается, в поезде он почувствовал боли в серд-

це, и спутники посоветовали ему вернуться домой. А на четырнадцатый день отец заболел сыпным тифом и скончался.

...В конце 1920 года наша семья переехала в Петроград. Ехали долго, неделю. В Москве поезд стоял несколько часов, и мама повела нас по уже заснеженной Москве к Кремлю. В моей памяти остались пустынные улицы с грязноватым снегом, пасмурные сумерки, сугробы у кремлевских стен...

В Петрограде мы поселились на улице Глинки, в пустовавшей квартире, где когда-то жила семья маминого деда Николая Леонтьевича Бенуа и где прошло детство матери. Поселились в трех комнатах, поставили «буржуйку». В остальных комнатах приходилось ходить в пальто. Под мастерскую была отведена небольшая комната с балконом, ее легче было отапливать.

Вскоре в других комнатах поселились искусствовед С. Р. Эрнст и художник Д. Д. Бушен — неразлучные друзья, и оба страстные балетоманы. В этом же доме этажом выше жил Александр Николаевич Бенуа с семьей, а по другой лестнице — его брат Альберт Николаевич. В квартире Александра Николаевича жила и его дочь Анна вместе с мужем — художником Юрием Черкесовым и маленьким сыном Александром. Мама написала тогда портреты А. А. Черкесовой с сыном.

Над нами жил художник Н. А. Тырса[5]. В этом же доме поселился и женившийся вскоре Николай Александрович Бенуа. Ежегодно Александр Бенуа устраивал детские елки и сам аккомпанировал на рояле выступлениям ребят. Затевались какие-то игры, переодевания. Мамиными руками шились специальные костюмы. «Катя в голубом под елкой», «Тата в маскарадном костюме», «В костюме Арлекина»[6] — вот работы, в которых художница запечатлела нас на этих праздниках.

После революции двери дворцов и многих усадеб открылись для посетителей. Мы с матерью часто ходили то во дворец Юсуповых на Мойке, то в дом Бобринского, часто сопровождали маму в Эрмитаж. И всюду она рисовала.

В эти годы мама встречалась с художниками С. П. Яремичем, К. А. Сомовым, В. В. Воиновым, Г. С. Верейским, П. И. Нерадовским, О. Э. Бразом и другими.

Она получила разрешение бывать за кулисами бывшего Мариинского театра. Удивительно скромная ее маленькая фигурка по воскресеньям и средам (в дни балетных спектаклей) появлялась в балетных уборных, где она непрерывно делала наброски с одевающихся и гримирующихся артисток и подружилась со многими из них. Так родились композиции на тему одевающихся балерин и серия их портретов.

Дома у нас бывали танцовщицы. Мама купила балетные пачки, корсажи, трико, туфли — полное облачение балерины, и сама надевала его, принимая перед зеркалом те или иные позы, необходимые для задуманных ею композиций. Она любила и ценила Дега, но в своих работах, посвященных балету, шла своим путем, видела этот мир своими глазами.

Если в первые годы она работала в технике темперы, масла, то в 1921 году попробовала работать пастелью, к тому же в своеобразной, только ей присущей манере, используя пастозность

наложения, легкую штриховку и растушевку. По плотности цвета, лаконичности и строгости рисунка эти произведения не уступают работам, исполненным маслом...

Маме было трудно содержать семью в шесть человек... Эти трудности и заставили ее в поисках заработка решиться на поездку в Париж. Мы с бабушкой остались в Ленинграде.

В Париже первое время мама скиталась по дешевым комнатам, ютилась у Александра Бенуа. Заказы были, но они не давали возможности надолго обеспечить семью.

Брат Шура и сестра Катя еще с детства проявляли большую склонность к рисованию и живописи, и мама решила, что им будет полезно попасть в Париж, тем более, что это облегчало и бабушкину миссию воспитания четырех детей. Так и случилось, что мои брат и сестра оказались с матерью во Франции. Другой мой брат — Женя учился в Архитектурном институте в Ленинграде, а я — в балетной школе. Мы были оторваны друг от друга, но все эти годы (за исключением лет войны, которая, как известно, началась для Франции раньше, чем у нас) не прекращали переписку.

И вот после тридцати шести лет разлуки я увиделась с мамой. Прошла целая жизнь, сложная, полная событий... Вылетев из Москвы 16 апреля 1960 года в восемь часов утра, я через три часа оказалась в Париже! Точно в сказке!

Мама никогда не любила сниматься, я не представляла себе, как она теперь выглядит, и была обрадована, увидев, что она до странности мало изменилась. Она осталась верна себе не только в своих убеждениях в искусстве, но и во внешнем облике. Та же челка, тот же черный бантик сзади, и кофта с юбкой, и синий халат и руки, от которых шел какой-то с детства знакомый запах масляных красок...

Мастерскую, где живут мама и сестра Катя, я знала по акварели, присланной мне в письме. Все было в точности так, как изобразила Катя... Многие мамины работы, висящие в мастерской, были мне знакомы по фотографиям, и я с наслаждением стала их рассматривать.

Я рада была воочию убедиться в том, что мать, Катя и Шура... отрицательно относятся к ультрановому искусству, считают, что абстрактное сочинительство может привести к уничтожению истинной красоты в изобразительном искусстве. Современная «мода» на абстракцию переполняет их возмущением. Вот выдержка из одного письма матери, полученного мною в 1958 году: «...Думали насладиться привезенной коллекцией картин из Америки, но оказалось, что это сплошь одни абстрактные, кошмарные по наглости и бездарности маранья холстов! Просто какой-то дикий позор»...

О требовательности матери к себе как художнику, о вечной ее неудовлетворенности достигнутым свидетельствуют следующие строки из другого письма (октябрь 1934 г.): «...Мы с Катюшей ходим второй день по утрам рисовать в музей Лувра, рисуем скульптуры XII века. Это полезная практика — все думаю наверстать свою безграмотность рисунка. Позволяют там рисовать всего с десяти утра до часа дня, так что ничего не успеваешь сделать...»

В первые годы жизни во Франции мама летом выезжала в деревню, на юг Франции, в Бретань, Швейцарию и, конечно, много рисовала. Но постепенно жизнь дорожала, здоровье оказалось подорванным, и все стало сложно. Как и на родине, художницу привлекали в этих поездках люди труда: крестьяне, рыбаки...

Мама по-прежнему с увлечением пишет портреты знакомых: С. М. Лукомской-Драгомировой (той самой, кого писали И. Е. Репин и В. А. Серов), Е. И. Шапиро, С. М. Лифаря, С. П. Иванова и других. Единственным источником дохода являются у нее заказные портреты, она отдает их за гроши, боясь, по-видимому, потерять и этот скудный заработок.

Самые яркие и счастливые воспоминания за все годы, проведенные матерью за рубежом, — это ее поездки в 1928 и 1932 годах в Марокко, где она нашла людей и природу, вдохновивших ее. Соприкосновение с этим сказочным миром заставило ее забыть все неприятности, она бродила по улицам Марракеша и Феса и рисовала, рисовала... Рисовала так жадно, так много, что ей не хватило бумаги, которую она взяла с собой, и Катюша выслала ей еще партию.

В этот период она работала буквально молниеносно. Эта молниеносность была вызвана тем, что Коран запрещает людям позировать, и ей с трудом удавалось за небольшую плату «ловить» модель. Она рассказывала мне, что больше тридцати минут не трудилась ни над одним пастельным портретом, а ведь каждый ее набросок является законченным произведением искусства! Ее привлекали гордая поступь, осанка арабов, стройность их фигур и декоративность бурнусов и одеяний... Когда мама привезла из Марокко свои картины в Париж и выставила их в частных галереях, они были отмечены печатью и имели большой успех.

В 1964 году моей матери исполнилось восемьдесят лет. Несмотря на такой почтенный возраст, она сохраняет ясность ума, интерес к окружающей ее жизни, к произведениям искусства. До сих пор она ежедневно работает: то приводит в порядок свои старые работы, то пишет натюрморты, то делает наброски с дочери или знакомых... Огромным удовольствием для нее бывает посещение Лувра и выставок произведений старых мастеров.

На выставке русской живописи в Париже в 1960 году она с волнением встретилась вновь с произведениями Боровиковского и Левицкого, Венецианова и Александра Иванова, Репина и Серова, а в советском отделе особо отметила портрет С. Т. Коненкова работы П. Д. Корина. Ей очень нравится и наша книжная графика, в частности иллюстрации Д. А. Шмаринова.

Конечно, я всю жизнь страдала от разлуки с матерью и звала ее вернуться на родину, но в прежние годы у нее не было твердой уверенности в том, что она окажется здесь нужной, получит признание, — в этом еще раз сказалась ее чрезвычайная скромность... «Шухаев собирается вернуться в Питер — в Академию художеств, здесь у него тоже нет работы, — писала она мне в апреле 1934 года. — Может быть, и мне вернуться? Но кому я там нужна? Тебе, дорогой мой Татусик, нельзя же сесть на шею. И где там жить? Всюду буду лишняя, да еще с рисованием, папками и т. д.!»

Мои уговоры не действовали. Я снова вернулась к ним в 1960 году, когда мы встретились в Париже, но — увы! — теперь ей, уже больной и старой женщине, переезд был бы не под силу.

Тогда-то и возникла идея организации ее выставки на родине. После посещения мастерской Зинаиды Серебряковой С. В. Герасимовым и Д. А. Шмариновым эта идея была поддержана и осуществлена Союзом художников СССР.

Все время, пока готовилась выставка, мама очень волновалась и в каждом письме засыпала меня вопросами и советами, как и что следует сделать.

Ее произведения, выставленные в Москве, оказались близкими и дорогими нашим советским зрителям. Многие из них приходили сюда по нескольку раз. Книга отзывов посетителей выставки полна просьб передать художнице горячую и искреннюю благодарность за доставленную радость. «Выставка демонстрирует силы реалистического искусства. Талантливо, прекрасно», — написала в книге отзывов одна из посетительниц — Н. Архипова. Думаю, что эта запись принесет матери особое удовлетворение, так как за всю свою жизнь более убежденного реалиста я не встречала.

...Когда открылась выставка, я получила письмо от брата: «Я рад, что эти чудные вещи мамы наконец увидят широкие круги наших людей и оценят их! А то ведь здесь уже более чем тридцать лет никто (кроме редких друзей) их не видел!»

В последний день выставки группа посетителей послала Зинаиде Серебряковой поздравительную телеграмму и книгу «Павел Корин». Вот что пишет мама об этом: «Вчера мы получили замечательную книгу, роскошно изданную, — «Павел Корин» и были потрясены таким оригинальным, сильным талантом. Какой замечательный художник! Я очень, очень благодарю посетителей выставки за такой ценный, интересный подарок! И за такую для меня дорогую надпись о моей выставке... Все меня очень волнует и радует... Я ведь здесь никогда не слышу ни одного отклика о моем искусстве...»[7]

СТАТЬИ

(публикуются в хронологическом порядке)

А. Н. Бенуа

ВЫСТАВКА «СОЮЗА»

Зинаида Серебрякова выставляет в первый раз, и я вовсе не хочу по этим опытам делать заключение об ее силах и ее возможностях... Ныне она подарила русскую публику таким прекрасным даром, такой «улыбкой во весь рот», что нельзя не благодарить ее. Если картина Водкина самая значительная, продуманная и отделанная картина за этот год [1], то автопортрет Серебряковой несомненно самая приятная, самая радостная вещь. Там страдания ума, усилия рассудка, большое мастерство, большая строгость, большой подвиг. Здесь полная непосредственность и простота: истинный художественный темперамент, что-то звонкое, молодое, смеющееся, солнечное и ясное, что-то абсолютно художественное, и я должен сознаться, что эта сияющая жизнерадостность мне ближе и отраднее, нежели та холодящая мысль о жизни.

Тема самая простая, и даже как-то нет темы. Жила молодая женщина в глубокой деревенской глуши, в убогой хуторской обстановке и не было ей другой радости, другого эстетического наслаждения в зимние дни, отрывавшие ее от всего мира, как видеть свое молодое, веселое лицо в зеркале, как видеть игру своих обнаженных рук с гребнем и с гривой волос. Я слышал, как некие провинциальнейшие петербургские дамы, стоя перед этим портретом, уверяли друг друга, что изображенная особа «наверное, в роде Тарновской». Но на самом деле, мне особенно мило в этом портрете то именно, что в нем нет никакого «демонизма», ставшего за последнее время прямо уличной пошлостью. Даже известная чувственность, заключенная в этом изображении, самого невинного, непосредственного свойства. Есть что-то ребяческое в этом боковом взгляде «лесной нимфы», что-то игривое, веселое, что окончательно не вяжется с представлением о больной героине «славянской трагедии».

И как самое лицо, так и все в этой картине, юно и свежо. Мне почему-то весело, когда я гляжу на все «околичности», старательно изображенные г-жой Серебряковой: на светлую комнату, на белый, простенький cache-corset [корсет — *фр.*], на медные самые обыденные шандалы, на сверкающие грошевые булавки, воткнутые в подушку, на коллекцию духов и всякой дамской всячины, что расставлена на туалетном столе и что еще отражается в зеркале. Вещи все уродливые и дрянные. Здесь нет и следа какой-

либо модернистской утонченности. Но простая и даже пошлая жизненная обстановка в освещении молодости становится прелестной и радостной. Этот набор дешевых и дрянных вещей на первом плане превращается в какой-то фантастический цветник, в какие то искрящиеся букеты волшебных драгоценностей.

Другие произведения Серебряковой — дальнейшие комментарии к ее таланту и к ее искусству. Все они поражают жизненностью, простотой и прирожденным мастерством. И они все веселые, бодрые и молодые. Вот деревенская комната с зимним видом, светящимся в двух оконцах, с двумя белыми, жмущимися к стенам кроватями. Опять полная простота, почти убожество, почти тоска и уныние, и все же счастьем жизни веет от этой комнаты, и в ней ведет свою игру, резвится и смеется ласковая молодость. Дарование Серебряковой удивительно экспрессивно... Она ничего «не хочет сказать», она не задается ни передачей настроения, ни красочными проблемами: это gesunder Naturalismus [здоровый реализм — *нем.*] во всей своей беспритязательной простоте. И в то же время это бесконечно большее, нежели совершенное фотографирование внешнего мира. И деревенские парни, и студенты, и комнаты, и поля — все у Серебряковой выходит ярким, живущим своей жизнью, и милым. Хотелось бы, чтобы этот художник дал нам еще многое, чтобы Серебрякова сохранила эту способность просто и весело относиться ко всему. Хотелось бы, чтобы на ее долю выпал такой успех, который не спутал бы ее молодого дарования и который дал бы ей возможность такими же простыми глазами глядеть вокруг себя и передавать эту радующую ее видимость...

1910 г.

Вс. Воинов

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ З. Е. СЕРЕБРЯКОВОЙ В ВЫБОРГСКОМ ДОМЕ КУЛЬТУРЫ

...З. Е. Серебрякова является, бесспорно, одною из крупнейших наших художников, а среди художниц — одною из самых выдающихся. Живопись Серебряковой корнями своими уходит в почву «Мира искусства», она связана с этою группою даже кровными узами... Унаследованную способность к искусству она развила вполне самостоятельно, и, не пройдя даже строгой и систематической школы, только путем большого и напряженного труда она выработала огромное мастерство.

Работы Серебряковой, взятые в целом, свидетельствуют о ее исключительном устремлении к реализму. В них мы не найдем ни фантазии, ни того «ретроспективизма», который так характерен для «старших» представителей «Мира искусства», ни графической стилизации, свойственной также многим из художников этой группы. Зато все они насквозь проникнуты живым чувством действительности, и здесь надо отметить, что художница сумела столь ярко и цельно выразить свое мироощущение, что картины ее объединены весьма характерными общими чертами, делающими их близкими, органически связанными друг с другом. Таково первое и довольно сильное впечатление даже от беглого обзора выставки;

при внимательном рассмотрении работ Серебряковой вскрываются причины такого единства. Они, прежде всего, в ее понимании колорита. Краски ее картин довольно ярки: она не боится «чистых» тонов, но в то же время никогда не допускает режущих глаз красочных диссонансов; переходы одного тона в другой или различные валеры одного и того же тона всегда мягки и гармоничны.

Вторая объединяющая черта — это ее отношение к реальному миру. Художница предпочитает радующие, светлые стороны жизни — все красивое, спокойное, красочное. Даже сцены труда (исключительно сельского) выявлены ею не со стороны их «страдности» или чрезмерного напряжения, а в моменты тихой и радостной углубленности в работу (пряха, беление холста) или даже в минуты отдыха. В то же время это закрепление «благостных» сторон жизни полно искренности.

Отмечу центральную по силе группу работ З. Е. Серебряковой — ее крестьянские картины и портреты, в которых сказалась еще одна важная черта ее дарования — способность чувствовать и передавать типичное. Ее портреты крестьянок, крестьян, деревенских ребят, а также картины из крестьянской жизни можно смело поставить в первые ряды этого рода живописи по изумительной правде, простоте концепции и глубине проникновения в психику простого, русского человека... Наравне с крестьянскими работами Серебряковой следует отметить ее пейзажную живопись, а среди этих работ — опять-таки деревенский пейзаж, который она чувствует лирически, страшно просто и потому весьма убедительно.

В подходе Серебряковой к явлениям жизни нет ничего мрачного, грубого как в смысле сюжета, так и в отношении форм, линий и красок. Вместе с тем здесь нет ни сентиментальной идеализации, ни преднамеренного прикрашивания, а имеется творческое отражение тех сторон действительности, которые внутренне близки художнице, которые задевают и волнуют ее. Это радостное волнение передается и зрителю, который попадает в «плен» к таланту художника.

Серебрякова любит красивое тело, и на выставке мы видим несколько прекрасных ее этюдов спящих женщин; ее увлекает яркое и красочное зрелище балета и, изображая последний, она не стремится передать динамику танца, стремительность балетных «па», — а берет моменты отдыха или подготовления танцовщиц и выход на сцену. Любопытна серия ее портретных работ, выявляющих ту же основную особенность дарования художницы, ее особенность выбирать в натуре все наиболее красивое и выдвигать его на первый план. Отмечу характерную черту портретов Серебряковой — их неуловимое, но тем не менее определенное сходство друг с другом, — это обстоятельство объясняется легче всего тем общеизвестным фактом, что художники наделяют свои модели как внешними, так и внутренними качествами, присущими им лично. В портретах кисти Серебряковой это явление находит особенно яркое и убедительное подтверждение,— особенно, если взглянуть на ее автопортреты, кстати, отличающиеся большим сходством.

Выставка Серебряковой, где впервые собрано такое большое количество ее работ, как бы подводит некий итог ее художественной деятельности, выявляет ее творческую физиономию во весь

рост. Вместе с тем зритель вводится в увлекательную внутреннюю работу художника и проникает в самые тайники творчества, т. е. в двойной процесс восприятия и воплощения действительности. Без сомнения, пример творчества талантливой художницы может послужить любопытным материалом для ознакомления рабочего зрителя с «механикой» живописного истолкования жизненных явлений, и с этой точки зрения устройство ее выставки в Доме культуры следует всемерно приветствовать.

1928 г.

Д. А. Шмаринов
СВЕТЛЫЙ ТАЛАНТ

Выставка произведений Зинаиды Евгеньевны Серебряковой — замечательного русского художника — открыта в Москве.

Для нас, людей старшего поколения, имя Серебряковой давно известно и любимо. Серебрякова — сестра художника Е. Е. Лансере, племянница А. Н. Бенуа. Она принадлежит к когорте славных русских художников начала века. Недавно мы торжественно отмечали столетнюю годовщину со дня рождения великого нашего художника — Валентина Серова и вспоминали его современников-художников, составляющих гордость русской школы живописи начала XX века, — М. А. Врубеля, М. В. Нестерова, Б. М. Кустодиева, К. С. Петрова-Водкина и ряд других поразительно сильных и самобытных мастеров.

Серебрякова была моложе их, но начала работать рядом с ними. В 1910 году на выставке Союза русских художников молодая, 25-летняя художница выставила работу «За туалетом», которая сразу привлекла к себе всеобщее внимание.

В этой небольшой вещи, как в капле воды, проявилось все обаяние цельности и чистоты личности художника. Здесь была сделана первая заявка на ту глубоко человечную поэтическую линию в искусстве, которую она в дальнейшем развивала.

В прошлом году Зинаиде Евгеньевне исполнилось 80 лет, из которых половину художница прожила вдали от Родины — в Париже.

Творчество Серебряковой очень многогранно. Прекрасный рисовальщик и тонкий живописец, она работает в самых различных жанрах — на выставке представлены ее композиционные произведения, многочисленные портреты, пейзажи, натюрморты и эскизы монументальных росписей. На выставке экспонирован ряд на редкость интересных автопортретов художницы, каждый раз совершенно разных по состоянию, по живописной задаче, по заложенной в них мысли.

Прежде всего мне хочется назвать несколько ее произведений, написанных в предреволюционный период. Я говорю о картинах «Беление холста» (ГТГ), «Крестьяне» (ГРМ), «Спящая крестьянка» (частное собрание). Приходится сожалеть, что на выставке отсутствует такая капитальная работа Серебряковой, как «Жатва», находящаяся в Одесском художественном музее. Все эти работы, воспевающие человеческий труд, полные задушевно-

сти, ясной гармоничности и убедительной силы глубоко монументального обобщения, стали подлинной классикой русской живописи.

Четыре года тому назад, в апреле 1961 года мы с Сергеем Васильевичем Герасимовым, будучи в Париже, посетили мастерскую Серебряковой. В Советском посольстве мы узнали, что Зинаида Евгеньевна никогда не порывала связи со своей родиной, что она живет интересами нашей страны, нашего искусства и что было бы очень хорошо, чтобы советские художники у нее побывали.

В светлой мастерской, заполненной холстами и папками с работами, мы увидели маленькую, стройную живую женщину с темными глазами и седыми волосами. Эта встреча с художницей и ее работами осталась у нас в памяти как одно из самых сильных впечатлений нашей поездки во Францию.

Зинаида Евгеньевна прекрасно знает русское советское искусство, следит за работами наших художников. Именно тогда у С. В. Герасимова возникла идея об организации выставки ее работ в СССР. На это Зинаида Евгеньевна сказала: «Неужели меня кто-нибудь помнит? Неужели кому-нибудь будут интересны мои работы?»

В мастерской мы впервые увидели произведения, выполненные художницей в Бретани (1926—1934 гг.), в Марокко (1928—1932 гг.), а также портреты и пейзажи последних лет, показанные сейчас на выставке в Москве. Нас восхитили мужественная энергия и уверенность рисунка, свобода декоративного решения, сдержанная сила цветового звучания.

Художник-реалист, Серебрякова в интереснейшем марокканском цикле избежала малейшего налета экзотичности. Герои ее серии — простые труженики, это арабы и негры, погонщики скота, уличные музыканты и торговцы, это женщины и дети, изображенные со всей силой и остротой человеческой характеристики.

В Москве названные серии экспонируются не целиком: часть работ, выполненных в хрупкой технике пастели, на выставке не представлена.

Зинаида Евгеньевна Серебрякова все годы, проведенные ею вдали от родины, работала много и напряженно. Она упорно противостояла всему тому, с чем ей пришлось столкнуться в Париже в последние десятилетия, сохранив свои принципы в искусстве, оставшись и в Париже русской художницей. С горечью рассказывала Серебрякова о том, что за последние двадцать пять лет жизни во Франции она не выставлялась. В Москве выставка произведений Серебряковой встречена с живым интересом и пользуется большим успехом у зрителя.

Мне хочется в заключение сказать несколько слов о том, что является, на мой взгляд, главным в творчестве Серебряковой.

У нас в последние годы много говорят о монументальности, зачастую абстрагируя это понятие, противопоставляя его понятиям жизненности, эмоциональности, непосредственности. Серебрякова — подлинный художник-монументалист, мастер большой пластической формы. Это художник редкой цельности, композиционной построенности. Но все эти качества соединяются в ее творче-

стве с такой поэзией правды, с такой увлеченностью жизнью, которые преображают ее работы в подлинный гимн душевной красоте человека.

Лучшие произведения Серебряковой посвящены радости труда, радости жизни, пронизаны лирическим чувством. Они на редкость чисты и гармоничны, они подлинно народны по своей сути. На мой взгляд, никто, после Венецианова, не показал русскую женщину лучше, чем Серебрякова.

Выставка в Москве на Кузнецком мосту, 11 — не простая выставка — это встреча Зинаиды Евгеньевны Серебряковой с Родиной. Это встреча советских зрителей с произведениями прекрасного русского художника, чье творчество является неотъемлемой частью передовой русской культуры начала века.

1965 г.

А. Н. Савинов

НАШ РУССКИЙ ХУДОЖНИК

В Париже, в скромной квартире на улице Кампань-Премьер, живет художница Зинаида Евгеньевна Серебрякова.

Имя Серебряковой звучит, как легенда: оно до недавнего времени рождало представление о чем-то неясном, почти загадочном. Ведь о художнице мы судили только по работам первых пятнадцати лет ее творческой жизни, ничего не зная о созданном в последующие десятилетия, проведенные ею во Франции. Над чем она работает? Осталась ли она мастером русского искусства?

«Выставка Серебряковой» — вот ответ на эти вопросы. Горячо встреченная в Москве, выставка будет открыта в Киеве и Ленинграде. Даже один ее раздел, в котором впервые показаны лучшие работы художницы, исполненные на родине и хранящиеся в наших крупнейших музеях и в частных коллекциях, полон неожиданностей: так содержательны и неувядаемо свежи картины, созданные полстолетия назад. Но если эти работы еще можно было видеть раньше в различных наших собраниях, то никто из множества посетителей выставки не видел ранее тех прекрасных работ маслом и пастелью, привезенных для выставки из Парижа. Сто пятьдесят произведений были отобраны художницей при участии ее дочери Татьяны Борисовны Серебряковой — художника-декоратора МХАТа. Они поражают не только новизной, красочностью, мастерством, но, пожалуй, еще более пронизывающим их сильнейшим чувством правды, вне которого нельзя представить себе искусства Серебряковой. Это подлинный реалист, работает ли она в украинской или французской деревне, в Петербурге, Харькове или Париже, пишет ли знакомых с детства крестьян или рыбаков Бретани и кочевников Африки.

Долог был путь от первых опытов и вдохновений к выставке этого года в Москве...

В 1901 году Серебрякова поступила в художественную школу... Затем, после года самостоятельных занятий в Италии, Серебрякова начала работать в Петербурге в мастерской Осипа Браза. Этот художник, достойный доброй памяти как живописец и педа-

гог, умел не стеснять индивидуальность своих учеников, да и Серебрякова уже достаточно определилась в 1904—1905 годах, чтобы не оказаться в плену сторонних влияний. Наряду с мастерской Браза школой для нее стал Эрмитаж: великолепные коллекции знаменитого музея постоянно приковывали внимание девушки, стремившейся разгадать тайны старинного живописного мастерства. Каждое лето она неизменно проводила в Нескучном, возвращаясь в него из Петербурга, Парижа или Рима.

В 1909 году была написана картина «За туалетом. Автопортрет», сразу же утвердившая видное место Серебряковой в русском искусстве и приобретенная для Третьяковской галереи. В этом превосходном произведении творческая зрелость сочеталась с простодушием, лиризм — с классической стройностью. В портрете нет и следа какой-либо манерной изысканности — все в нем говорит о «здоровом и добром реализме», восхищавшем Александра Бенуа. В одном из своих, как всегда, метких «Художественных писем» он приветствовал Серебрякову, особо отмечая в ее работе «истинный художественный темперамент, что-то звонкое, молодое, смеющееся, солнечное и ясное, что-то абсолютно художественное» во всей своей беспритязательной простоте. Важнейшим средством художницы является свет. Он залил своим радостным сиянием белую комнату, и мы чувствуем, в какие ослепительно солнечные дни снежной зимы это создано.

За ним последовали другие многочисленные автопортреты Серебряковой. Они не имеют ничего общего с самолюбованием, будучи разнообразны по поставленным в них живописным задачам и еще более — по стремлению воспринять и передать различные грани одухотворенности человека. Серебрякова запечатлевала в портретах историю своей жизни. Она предстает в них молодой и счастливой, улыбающейся или задумчивой, утомленной, серьезной матерью четырех детей, настороженно-внимательной художницей с кистью в тонкой руке. Всегда бывает значительным ее лицо, неуловимо сходное с лицами крестьянок созданных ею картин.

В 1910-х годах был написан ряд портретов (матери, О. К. Лансере и др.). Все более начала увлекать художницу заманчивая и трудная задача создания больших сюжетных композиций. Одна из первых среди них, «Купальщица» (1911 год), кажется навеянной музейными впечатлениями, почерпнутыми в Эрмитаже или Лувре. Живее и разнообразнее была законченная в следующем году «В бане» [«Баня»].

Кажется неожиданным, что тема деревни была дорогой и близкой для художницы, вышедшей из круга петербургской художественной интеллигенции и воспитанной на сокровищах Эрмитажа и музеев Франции и Италии. Но на самом деле обращение Серебряковой к крестьянской теме было закономерно, и не только потому, что художница подолгу жила в Нескучном, дружила с соседними крестьянами. Не менее важно то, что русское искусство переживало в начале XX века новый подъем. В годы обострявшихся классовых противоречий тема народа так или иначе возникала перед мастерами русского искусства. Правда, подъем протекал в трудных условиях и сопровождался многими заблуждениями. Но именно в эти годы еще работали И. Е. Репин и

В. И. Суриков, уже были признаны В. А. Серов, М. А. Врубель и И. И. Левитан, все более уверенно занимали видное место мастера нового поколения: И. Э. Грабарь и А. Н. Бенуа, Б. М. Кустодиев и К. А. Сомов, К. Ф. Юон и К. С. Петров-Водкин, Н. К. Рерих, А. П. Остроумова-Лебедева и Ф. А. Малявин.

То, что было создано З. Е. Серебряковой, принадлежит к бесспорным достижениям русской культуры 1910-х годов.

В 1914 году, вернувшись из поездки в Италию и пораженная мощью произведений Якопо Тинторетто — мастера XVI века, Серебрякова отдала год напряженнейшего, самозабвенного труда картине «Жатва». В дни, когда первая мировая война уносила все больше жертв, художница воплотила в своей картине возвышенное представление о мирном труде, нелегком, но столь нужном людям. Она не скрывала его тяжести и славила его величие. За «Жатвой» (она находится в Одесской картинной галерее) последовала череда новых работ. Это были своеобразные «дополнения» к картине: «Крестьяне» (готовящиеся полдничать), «Спящая крестьянка». Изумительна пластичность форм и движений в этих полотнах и конкретность каждого наблюдения художницы. Как правдиво передает она лицо крестьянина с ввалившимися щеками, с длинным заострившимся носом; как красиво движение крестьянки, переливающей молоко в миску и утомленно следящей за ним. В картине «Спящая» (частное собрание в Ленинграде) отсутствие «рассказа» возмещено умением показать сильного, красивого человека, усталого до последней степени и скованного тяжелым сном. В «Спящей» широкое обобщение дано подлинно изобразительными средствами: звучание пятна насыщенного цвета, плотные массы, широкие ритмы и вдруг острый и тонкий рисунок профиля или пальцев. Серебрякова умеет сочетать силу и нежность, властную энергию и женственное лирическое чувство.

Монументальный характер изображения — особенность работ художницы в 1910-х годах — вполне объясняет то, что она была привлечена к участию в росписях Казанского вокзала в Москве (они не были доведены до конца). Та же особенность нашла энергичное выражение в большой картине «Беление холста», завершенной в 1917 году. Опять-таки ее повествование может показаться до бедности простым: три крестьянки вынесли на поле холсты, четвертая расстилает холст на склоне холма. Однако эта простота нужна для сосредоточенного раскрытия замысла Серебряковой: мощные силуэты немногих фигур, высящихся на фоне легких облаков утреннего неба, заполненность всей плоскости холста крупными формами при необычно низкой точке зрения, звучность красного и синего цветов рядом с серым и зеленым — как свободно и богато мастерство Серебряковой!

События гражданской войны застают ее в Нескучном. Серебрякова с детьми переезжает в Харьков. От сыпного тифа умирает муж. Жизнь становится очень тяжелой.

К харьковскому периоду творчества относится ряд портретов (еще не полностью, по-видимому, известных нам). Над портретами работала она и в Петрограде, вернувшись в него в конце 1920 года. Художница создала особый жанр в трудной области детского портрета (в которой так легко дать кукольные и сенти-

ментальные изображения); в ее работах дети не позируют перед любующимися ими взрослыми — они живут своей важной жизнью маленьких людей, у которых так много разных серьезных дел и интересов. К тем же годам относятся портреты друзей и родных, затем заказные работы и целая серия балерин...

В 1924 году Серебрякова уехала в Париж...

Началась нелегкая, полная забот и труда жизнь во Франции. З. Е. Серебрякова не сделала ни малейшей попытки угодить художественному рынку Парижа: такой шаг был невозможен при ее высоких представлениях об искусстве и о достоинстве художника. Она продолжала работать в традициях реалистического искусства, ни в чем не изменяя себе, хотя знала, что это не принесет ей достатка в Париже. «Я здесь никому не нужна: я ведь реалист», — говорила она.

Серебрякову привлекали простые представители парижского населения: продавщица пирожных на Монмартре, официант в ресторане... В двадцатых годах возник обширный цикл ее картин, посвященных красоте обнаженного тела.

Значительны две большие серии работ З. Е. Серебряковой, посвященные трудовым людям Франции и Африки. К первой из них художница обратилась еще в двадцатых годах. Это крестьяне, рыбаки, их дети. Не их одежда, подчас сохранившая всю необычность местных старинных одеяний, увлекла внимательную художницу — она всматривалась в лица, угадывала особенности характеров и судеб тружеников французской земли.

Дважды работает она в Марокко. Кочевники разных племен, негры и арабы прошли перед ней; она увидела необыкновенные пейзажи, снежные отроги Атласских гор.

Мастером портрета, пейзажа, натюрморта остается Серебрякова и в наши дни. Ее искусство неизменно реалистично, непримиримо ее отношение к художественным спекуляциям, процветающим в западных столицах. «У нас, здесь, такое страшное, такое смертельное время для искусства, — пишет она. — Теперь поражает дикая, бездарная наглость».

Охотно говорит Серебрякова о любви к творчеству русских мастеров XVIII и XIX веков — особенно А. Венецианову, одному из наиболее близких ей художников-реалистов.

Годы подтверждают справедливость давно написанных слов А. Н. Бенуа: «В ее искусстве столько милой, ласковой прелести, оно такое по существу близкое, оно так просто и прямо говорит сердцу и уму...»

1965 г.

Ефим Дорош

НА ВЫСТАВКЕ СЕРЕБРЯКОВОЙ

Художники обычно упрекают писателей в так называемом литературном подходе к искусству живописи, и хотя обвинение это не лишено основания, хотя и мне представляется, что живопись, в отличие от других искусств — например от искусства

кино или театра, — далека от литературы, я все же хочу именно в этом плане говорить о Серебряковой.

Недавняя ее выставка произвела впечатление явившегося чуда. Причина здесь, мне думается, не только в том, что восьмидесятилетняя художница, живущая сейчас в Париже, лет сорок в России не выставлялась и мало кому была известна, хотя посетители выставки и узнавали вдруг одну или две работы, в свое время случайно увиденные в Третьяковской галерее, в Русском или в каком-либо провинциальном музее. Успех Серебряковой объясняется прежде всего самой сутью ее искусства.

Лет около сорока тому назад, совсем юношей, до того даже не слышав имени художницы, я впервые увидел в одном из номеров журнала «Аполлон»[1] несколько репродукций с ее работ, причем не цветных, которыми теперь все избалованы, а тоновых. Я учился тогда живописи. Подобно многим своим сверстникам, я с юношеским максимализмом отрицал почти все, что лежало за пределами французского импрессионизма, — для краткости мы распространяли это понятие и на Ван Гога с Гогеном, и на Матисса, Модильяни, Ван Донгена... Однако я хорошо помню, что и тогда, рассматривая тоновые репродукции, и позднее, повидав все из работ Серебряковой, что было мне доступно, я чувствовал то же, что и на недавней выставке.

Прежде чем поделиться некоторыми своими мыслями о Серебряковой, считаю необходимым сказать, что не противопоставляю ее кому-либо из любимых мною по-прежнему французов, ни вообще какому-либо художнику, которого люблю, пускай он и работает совсем в иной манере. Моим пристрастиям в искусстве, иной раз прямо противоположным тому, в чем состоит очарование Серебряковой, нисколько не мешает восхищение ею. Быть может, причина здесь в том, что художница первыми же работами заявила себя приверженной к главнейшему в нашей культуре направлению.

Общепринято считать Серебрякову во многом близкой Венецианову. Помнится, и я, впервые увидев репродукции с ее работ в «Аполлоне», подумал об этом замечательном русском художнике первой половины прошлого века, что не так уж и трудно было, замечу попутно, поскольку в том же комплекте журнала были воспроизведены и некоторые его работы. Существует признание самой Серебряковой, приведенное в изданном к выставке каталоге: «Этим чудесным художником я не могу налюбоваться»[2].

Все это так, и я не стал бы об этом говорить, если бы не то обстоятельство, что творчество Серебряковой представляется мне связанным не просто с именем Венецианова, но с той традицией, которая в русском искусстве, вообще в нашей культуре начата была Пушкиным, куда входит и сам Венецианов, кстати сказать, не случайно современник поэта.

Напомню давно уже знаменитый автопортрет «За туалетом»... Всякий раз, когда мне случалось стоять перед этой картиной, любоваться большеглазой и большеротой девушкой в зеркале, освещенной чистым и ровным утренним зимним светом, отраженным от свежевыпавшего снега, на мысль неизменно приходило, как однажды, проснувшись рано...

В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Все ярко, все бело кругом.

При этом я думал не столько о Татьяне Лариной, сколько о Пушкине, первым открывшем деревенскую Россию — поэзию ее повседневного бытия, вместившего в себя и усадьбу, где, принимая гостей, «на столик ставят вощаной кувшин с брусничною водой», и окрестные селения в осеннюю пору, когда «на утренней заре пастух не гонит уж коров из хлева» ...

Девушка с автопортрета вот так по-пушкински свежо и ясно видит лежащий за окнами ее светлой комнаты деревенский мир, мало в чем изменившийся за те восемь десятков лет, что отделяют «Евгения Онегина» от этой картины...

В сущности, все творчество Серебряковой, если взять те годы, когда она жила в России, все первостепенное в ее тогдашней работе, мне кажется, можно свести к изображению с годами взрослевшей интеллигентной девушки и того, что она видела, выходя за ворота небогатой усадьбы.

С автопортрета «Девушка со свечой», написанного два года спустя, на нас глядит из синевато-зеленого сумрака ночной комнаты все то же большеглазое, с чуть приоткрытым большим ртом молодое женское лицо, оборотившееся к невидной нам свече, резко освещенное ее желтым пламенем. Теперь это лицо выражает уже не просто радость бытия, пускай будничного, — «пошлого», как писал Бенуа, имея в виду, конечно, не избитость и безвкусицу, а ничем не выделяющуюся обыденность, — не только это драгоценное для художника чувство, но еще и некое удивление и занятость какими-то другими мыслями, далекими от игры «обнаженных рук с гребнем».

И еще автопортрет, правда, относящийся уже к 1922 году, петроградский. Однако по всему тому, что изображено за спиной молодой женщины с кистью в руке, — по виднеющейся в углу комнаты железной кровати с белой подушкой, картине и портрету в старинных рамках на стене, простому зеркалу, в котором отражен мольберт и сидящая перед ним художница, — по всему этому, главнее же всего, по той сосредоточенности и глубокому раздумью, какие сквозят в чертах несколько осунувшегося, оставшегося девичьим лица с широко расставленными большими глазами и большим, плотно сжатым ртом, я бы и этот портрет причислил к усадебным, деревенским.

Едва ли не со времен Радищева на просторах деревенской России, в помещичьих усадьбах и уездных городах, случалось, у верноподданных слуг монархии росла и мужала исполненная возвышенных помыслов, совестливая интеллигентная молодежь. Сперва это были только дворянские, а затем и поповские, купеческие,

профессорские дети... Среди молодых этих людей были и декабристы и большевики, Софья Перовская, двадцати восьми лет поднявшаяся на эшафот, и никому не известные юноши и девушки, подобные Саше и Наде из чеховского рассказа «Невеста».

Автопортреты Серебряковой, как и неотделимый от них изображенный ею крестьянский мир, существующий рядом с усадьбой, заставляют вспомнить всю эту молодежь, ведущую свое родословие от Радищева и Пушкина, в течение ста с лишним лет составлявшую совесть России. Главенствующей чертой этих молодых людей, определившей развитие русской общественной мысли и русской культуры, мне думается, следует считать естественность их отношений с народной средой, понимание величия и тяжести крестьянского труда, восхищение благородством и нравственной силой крестьянина, всей статью его и повадкой, наконец, чувство вины перед крестьянином за свое чистое, благополучное детство, за свою образованность.

Разумеется, всем этим не исчерпываются взаимоотношения интеллигенции с народом в дореволюционное столетие, имевшие в любой из исторических периодов свои особенности, и не обязательно, если говорить о сфере художественной, чтобы все сказанное выше отчетливо сознавалось, однако таков был самый дух реалистического искусства, пускай одновременно оно изображало и деревенское невежество и крестьянскую нищету.

Картины Серебряковой, изображающие жизнь крестьянина, как я уже сказал, нисколько не противостоят, а тесно связаны с портретами молодой женщины из усадьбы. Ее купающиеся девушки, как бы отдыхающие после тяжкой рабочей недели в теплом и влажном воздухе бани под ровный шум льющейся воды, удивительно естественны, верны натуре при всем том, что картина лишена каких-либо бытовых подробностей. Здесь такое же точно, почти кровное знание, о каком, например, можно составить представление, прочитав один из первых рассказов Бунина, в котором рассказывается, как некий молодой ученый, получив из дому письмо, среди прочего узнает о смерти от голодного тифа Мишки Шмырёнка — того самого Мишки, «с которым он когда-то, как с родным братом, спал на своей кроватке, звонко перекликался, купаясь в пруде, ловил головастиков»...

Молодые крестьянки, купающиеся в бане, изображены... в свободных, непринужденных позах, позволяющих вообразить неторопливые, исполненные достоинства движения. Их приоткрытые губы и несколько отсутствующие взгляды сообщают всей сцене настроение безмятежности, мечтательного покоя. Обычно в связи с этой картиной вспоминают Венецианова — его написанных лет за восемьдесят до этого «Купальщиц», где точно такое же любование одухотворенностью и женственностью простых русских женщин. Я бы добавил к этому, что античные скульпторы, высекая из мрамора богинь, скорее всего имели перед своими глазами нагих крестьянок.

Длинноногие крестьянские девушки с картины Серебряковой, почти подростки, с прямыми плечами и едва развитой грудью, с удлиненными, широковатыми в скулах лицами, в одно и то же время скромные и проказливые, похожи и на юных Диан, и на

тех, прявших при свете лучины крестьянок, которых Пушкин, в соответствии с традициями классицизма, именовал девами, а больше всего — на самих себя, молодых обитательниц российских деревень, известных нам и по литературе, и по памяти, и по сотворенному ими своему портрету, дошедшему до нас в песнях, в вышивках и тканье, в выставленных под стеклом музейных витрин костюмах... И нет ли здесь той идеализации, в какой принято упрекать Венецианова, хотя он был едва ли не первый русский художник, провозгласивший: «Пиши, что видишь, не мудри», после чего он поселился в деревне и, доверившись натуре, старался подсмотреть у нее секрет истинной красоты.

Мне представляется, во-первых, что и Венецианов не идеализировал деревню: оставаясь верным натуре, он был верен и тому времени, в какое жил, когда даже Пушкин называл крестьянскую девушку — «дева».

Во-вторых... если, например, просто описать двух собирающихся полдничать в поле крестьян, мужа и жену, едва ли удастся уйти от обыкновенной бытовой сцены, хотя нам и известен удивительный по трагизму короткий рассказ Тургенева «Щи», суть которого, напомню, в том, что баба-вдова, у которой умер ее единственный двадцатилетний сын, в день его похорон хлебает щи, и на вопрос возмущенной барыни, как она может есть, неужели она не любила сына, отвечает: «Ведь они посоленные», но здесь уже не описание, а действие.

Более пятидесяти лет существует картина Серебряковой «Крестьяне», — в сущности, вариант левой части известной ее картины «Жнецы»[3]. Здесь изображены взятые несколько сверху, тесно сидящие рядом в поле крестьянин и крестьянка, собирающиеся полдничать. Каждый из них сосредоточен на том, чем он в настоящую минуту занят: крестьянин режет хлеб, жена его наливает из кувшина молоко в чашку. И больше ничего нет на картине...

Каждый раз, когда я, бывая на выставке, стоял перед этой картиной, мною владело сознание величия и святости происходящего здесь — люди вкушают хлеб свой, добытый в поте лица. И то, что эти люди так обыкновенны — лет тридцать пять с небольшим тому назад я прожил лето у такого же длинного и сухопарого бородатого мужика с ввалившимися щеками и острым носом, и жена его была так же круглолица, миловидна и так же внимательна во всем, чем бы она ни занялась,— это обстоятельство, то есть характерность персонажей, нисколько не делало для меня картину бытовой, жанровой, но лишь усиливало ее, я бы сказал, библейскую сущность. Следует вспомнить, что земля и хлеб и скотина занимают первостепенное место в самой древней и, как мне представляется, мужицкой из книг — в Библии.

И еще, когда я смотрел на эту картину — на желтое жнивье, на синюю рубаху и порты мужика из домашней крашенины, на кумачовый платок и рубаху бабы, на ее коричневую запаску и коричневые шерстяные онучи, которыми туго обернуты глядящие из-под холщовой сорочки ноги,— я как бы ощущал летний полуденный зной в поле и чуть пыльный запах хлебов.

Покоем и миром исполнено все в этой картине.

Быть может, это покажется наивным, но мне хотелось поч-

тительно склонить голову — и перед олицетворенным здесь вечным крестьянским трудом и перед Зинаидой Евгеньевной Серебряковой. Я уходил с выставки благодарный художнице за чувства и мысли, вызванные ее искусством.

1965 г.

ПАМЯТИ З. Е. СЕРЕБРЯКОВОЙ

Из Парижа пришла печальная весть — 19 сентября на 83-м году жизни скончалась замечательная русская художница Зинаида Евгеньевна Серебрякова, входившая в плеяду блестящих мастеров русского искусства 20-го столетия.

Выросшая в художественной семье, насчитывавшей несколько поколений художников (ее отец — скульптор Е. А. Лансере, дядя — живописец, график, театральный художник А. Н. Бенуа, брат — известный советский художник-монументалист и график Е. Е. Лансере), З. Е. Серебрякова с детских лет впитала лучшие гуманистические традиции русской культуры.

Такие широко известные работы художницы, как «За туалетом», «Автопортрет со свечой», «В бане», «За завтраком», «Крестьяне», «Жатва», «Беление холста», многочисленные портреты деятелей культуры, принадлежат к лучшим произведениям русской живописи предреволюционного периода. Написанные с большим живописным мастерством, они воплощали представления художника о красоте и душевной чистоте родного народа; они полны ощущения гармонии жизни человека и природы. Произведения Серебряковой, посвященные русским крестьянам, наполнены большой эпической силой и подлинной монументальностью.

В период ее жизни за рубежом З. Е. Серебрякова наряду с выполнением вынужденных заказных работ продолжает интересоваться жизнью простых тружеников, крестьян и рыбаков, с большим сочувствием изображая их нелегкий труд в многочисленных живописных и графических произведениях.

Многие работы З. Е. Серебряковой украшают экспозиции Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея и других музеев страны. Но наиболее полное представление о ее творчестве советский зритель смог получить на персональной выставке произведений художницы, организованной в Москве и Ленинграде летом 1965 года.

Произведения З. Е. Серебряковой по праву вошли в золотой фонд русского искусства.

С. Т. Коненков, В. А. Серов,
Б. В. Иогансон, М. В. Куприянов,
П. Н. Крылов, Н. А. Соколов (Кукрыниксы),
В. С. Кеменов, Е. А. Кибрик,
Д. А. Шмаринов, П. М. Сысоев,
В. М. Орешников, А. М. Грицай,
Н. В. Томский, Е. Ф. Белашова,
П. И. Лебедев, И. С. Зильберштейн,
А. Н. Савинов, В. А. Пушкарев.

1967

Примечания

Список сокращений

А. Бенуа. Мои воспоминания	Александр Бенуа. Мои воспоминания. Издание подготовили Н. А. Александрова, А. Л. Гришунин, А. Н. Савинов, Л. В. Андреева, Г. Г. Поспелов, Г. Ю. Стернин. Ответств. ред. Д. С. Лихачев. М., 1980. Т. I, II.
«А. Бенуа размышляет...»	Александр Бенуа размышляет.../Подготовка издания, вступ. ст. и коммент. И. С. Зильберштейна и А. Н. Савинова. М., 1968.
А. П. Остроумова-Лебедева. Автобиографические записки	А. П. Остроумова-Лебедева. Автобиографические записки/Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н. Л. Приймак. М., 1974. Т. I—II, т. III.
«К. А. Сомов»	К. А. Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников/Вступ. ст., сост., примеч. Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М., 1979.

Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	ГПБ
Государственный Русский музей	ГРМ
Государственная Третьяковская галерея	ГТГ
Государственный Эрмитаж	ГЭ
Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	ГМИИ
Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина	ГЦТМ
Центральный государственный архив литературы и искусства	ЦГАЛИ
Московский Художественный академический театр имени М. Горького	МХАТ
Отдел рукописей	ОР
Сектор рукописей	СР

Поскольку фамилии, имена, инициалы упоминаемых в тексте родственников Зинаиды Евгеньевны Серебряковой часто совпадают, в помощь читателям предлагается их список

Бенуа Николай Леонтьевич	дед художницы
Бенуа Альберт Николаевич, Бенуа Михаил Николаевич, Бенуа Александр Николаевич	дяди художницы
Бенуа (урожденная Кинд) Анна Карловна, тетя Атя	жена Александра Николаевича Бенуа
Бенуа (в замужестве Черкесова) Анна Александровна (Атя), Бенуа (в последнем браке Клеман) Елена Александровна, Бенуа Николай Александрович	дети Александра Николаевича Бенуа, двоюродные сестры и брат художницы
Браславский Петр Александрович, Вышнеградский Дмитрий Иванович	сыновья Елены Александровны Бенуа
Даниэль Александр Владимирович	муж Софьи Евгеньевны, сестры художницы
Зеленков Владимир Александрович	муж Екатерины Евгеньевны, сестры художницы
Лансере Евгений Александрович	отец художницы
Лансере (урожденная Бенуа) Екатерина Николаевна	мать художницы
Лансере Евгений Евгеньевич, Лансере Николай Евгеньевич, Лансере (в замужестве Даниэль) Софья Евгеньевна, Лансере (в замужестве Зеленкова) Екатерина Евгеньевна, Лансере (в замужестве Солнцева, Калачева) Мария Евгеньевна	братья и сестры художницы
Лансере (урожденная Арцыбушева) Ольга Константиновна	жена Евгения Евгеньевича Лансере
Лансере (урожденная Подсенковская) Елена Казимировна	жена Николая Евгеньевича Лансере
Серебряков Борис Анатольевич	муж художницы
Серебрякова (урожденная Лансере) Зинаида Александровна	его мать
Серебрякова (в замужестве Второва) Зинаида Васильевна	его сводная сестра
Серебряков Александр Борисович, Серебрякова Татьяна Борисовна, Серебрякова Екатерина Борисовна, Серебряков Евгений Борисович	дети художницы
Солнцев Всеволод Дмитриевич	муж Марии Евгеньевны, сестры художницы
Черкесов Юрий Юрьевич	муж Анны Александровны Бенуа
Черкесов Александр Юрьевич	сын Анны Александровны Бенуа (в замужестве Черкесовой)
Эдвардс (урожденная Бенуа) Камилла Николаевна	тетка художницы
Эдвардс Матвей Яковлевич	ее муж
Эдвардс (в замужестве Шмеллинг) Елена Матвеевна, Эдвардс (в замужестве Соколова) Екатерина Матвеевна	их дочери, двоюродные сестры художницы

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] *Бакст Л.* Пути классицизма в искусстве // Аполлон. 1909, № 3. С. 51.

[2] *Бенуа Александр.* Выставка «Союза» // Речь. 1910. 13 марта.

[3] *Ленин В. И.* Демократические задачи революционного пролетариата // Собр. соч. Т. 10. С. 271.

[4] См.: *Остроумова - Лебедева А. П.*. Автобиографические записки. Т. I—II. С. 328—329.

[5] *Маковский С.* Проблема «тела» в живописи // Аполлон. 1910. № 11. С. 11.

[6] *Кравченко К.* Верность реализму // Художник, 1965. № 9. С. 58.

[7] В Одесском художественном музее картина значится под названием «Жатва».

[8] *Дмитриев Вс.* Художницы // Аполлон. 1917. № 8—10. С. 6.

[9] *Эрнст Сергей.* З. Е. Серебрякова. Пб., 1922.

[10] Серебрякова. Выставка произведений из музеев и частных собраний / Вступ. ст. А. Н. Савинова. М., 1965; *Лапшин В.* Серебрякова: Альбом. М., 1969.

[11] См.: *Прытков В. А.* Жанровая живопись 1900—1917 годов // Русская жанровая живопись XIX — начала XX века. М., 1964; *Савинов А. Н.* З. Е. Серебрякова // История русского искусства. М., 1968. Т. X. Кн. I. С. 473—480; *Савинов А. Н.* З. Е. Серебрякова. Л., 1973.

[12] Цит. по ст.: *Рогинская Ф.* Письмо-воззвание передвижников периода первой русской революции // Искусство. 1955. № 5. С. 74.

[13] См.: *Бродский И.* Мой творческий путь. Л.; М., 1940. С. 19.

[14] Архив Н. Н. Лансере, Ленинград.

[15] С. Г. Богданов — по профессии каменщик. Был одним из организаторов забастовки строительных рабочих в Москве. В архиве Н. Н. Лансере (Ленинград) хранятся его письма из деревни Злынка Черниговской губернии, адресованные Н. Е. Лансере. Там же находятся письма А. П. Развязкина из деревни Бовыкино, в которых сообщается о получении почтой от Н. Е. Лансере книг революционного содержания и их чтении: «С какою радостью мы читали ваши листки и книжечки, и я не могу вам и описать. Мы сложились на керосин и ходили к одному бедному и одинокому человеку в избушку каждый вечер, вспоминали об вас, мои товарищи говорят, теперь бы самого Николая Евгеньевича к нам, он бы рассказал бы...» (из письма 1906 г., без даты).

[16] М. И. Чумаковская Т. Б. Серебряковой. Харьков, март 1956. Архив Т. Б. Серебряковой, Москва.

[17] З. Е. Серебрякова была принята в члены Сорабиса 21 января 1921 г. — ЛГАЛИ, ф. 283, оп. 2, д. 328, л. 5. Соответствующие удостоверения хранятся и у Е. Б. Серебрякова, Ленинград.

[18] ЛГАЛИ, ф. 283, д. 328, л. 13.

[19] Хранится у Е. Б. Серебрякова.

[20] З. Е. Серебрякова Т. Б. Серебряковой. Париж, 14 января 1947 г. Архив Т. Б. Серебряковой.

[21] *Бенуа А.* Выставка З. Серебряковой // Последние новости. Париж. 1938. 23 янв.; вырезка из немецкой газеты (название и дата не установлены). Архив З. Е. Серебряковой, Париж.

[22] Александр Бенуа размышляет... М., 1968. С. 545—546.

[23] З. Е. Серебрякова Е. Б. Серебрякову. Париж, 15 сентября 1966 г. Архив Е. Б. Серебрякова, Ленинград.

[24] З. Е. Серебрякова Е. Б. Серебрякову. Париж, 5 марта 1951 г. (в сборнике печатается не полностью — письмо 256).

[25] З. Е. Серебрякова Е. Б. Серебрякову. Париж, 31 декабря 1957 г. Архив Е. Б. Серебрякова.

[26] Копия письма — в архиве Д. А. Шмаринова.

[27] *Арсен Александр.* Художественная жизнь. Вырезка из парижской газеты (название не установлено) от 31 декабря 1930 г. Архив З. Е. Серебряковой, Париж.

[28] См.: *Моклер Камиль.* Выставки // Фигаро. 1932. 9 дек.

[29] Краткие сведения о детях З. Е. Серебряковой:

Евгений Борисович Серебряков, родился в Нескучном в 1906 г. В 1931 г. окончил архитектурный факультет ЛИКСа (Ленинградский институт коммунального строительства). Живет в Ленинграде. Автор ряда осуществленных зданий и планировок. За работы над проектами восстановления архитектурных памятников Петергофского парка в 1945—1946 гг. награжден грамотой Ленгорисполкома.

Александр Борисович Серебряков, родился в Нескучном в 1907 г. Художник-самоучка. С 1925 г. живет в Париже. Как художник-макетист и исполнитель декораций работал для театра вместе с Н. А. Бенуа и театральным художником Кристианом Бераром, а также на киностудиях под руководством художника П. Н. Шильдкнехта. Иллюстрировал и оформлял книги для французских, бельгийских и американских издательств, сотрудничал в журналах мод. Автор множества виньеток, экслибрисов, небольших акварелей с изображением интерьеров особняков. Много работал над проектами интерьеров при перестройках и обновлении музеев, особняков и квартир. Мастер иллюзорных настенных росписей, изображающих шкафы с книгами, коллекции фарфора и пр. Выставлял свои работы и получил награды на ряде выставок.

Татьяна Борисовна Серебрякова, родилась в Петербурге в 1912 г. В 1930 г. окончила Ленинградское хореографическое училище и поступила в балетную труппу Ленинградского Малого оперного театра. С 1933 года стала работать как художник — сначала по росписи тканей, затем художником-декоратором в театрах Ленинграда, Минска, Казани, Фрунзе, а с 1943 г. и до недавнего времени старшим художником мастерских во МХАТе; в 1960—1980 гг. преподавала в Училище памяти 1905 года технологию театральной живописи. Автор брошюр по технологии театральной живописи, а также статей в журналах и сборниках. Заслуженный художник РСФСР.

Екатерина Борисовна Серебрякова, родилась в Царском Селе (гор. Пушкин) в 1913 г. С 1928 г. живет в Париже. Под руководством З. Е. Серебряковой стала профессиональной художницей. Автор пейзажей и изображений интерьеров, а также миниатюрных макетов реально существующих интерьеров, достигла большого мастерства в этом оригинальном виде художественного творчества.

ПИСЬМА

Часть первая

Семейная переписка. Письма друзьям

[1] Архив Н. Н. Лансере. Датируется по содержанию

Лансере Николай Евгеньевич (1879—1942), брат З. Е. Серебряковой — архитектор-художник, сотрудник журналов «Старые годы», «Ежегодник Общества архитекторов-художников», автор ряда статей в Большой Советской Энциклопедии; музейный работник, профессор Академии художеств.

Бенуа Николай Леонтьевич (1813—1898), дед З. Е. Серебряковой по материнской линии — профессор архитектуры, председатель Петербургского общества архитекторов (1890—1893). Отец известных деятелей русской культуры — Леонтия, Альберта и Александра Бенуа.

Село Нескучное Харьковского уезда Курской губернии расположено в живописной долине реки Муромки. По одну сторону реки находился большой двухэтажный дом семьи Лансере и церковь, около которой был похоронен скульптор Евгений Александрович Лансере, отец З. Е. Серебряковой. На противоположном берегу — небольшой дом, принадлежавший ее мужу, Борису Анатольевичу Серебрякову (в письмах — «хутор»).

[2] Архив Т. Б. Серебряковой

Лансере Екатерина Евгеньевна, Катя (в замужестве Зеленкова, 1882—1921) — старшая сестра З. Е. Серебряковой, неоднократно служившая ей моделью.

Лансере Екатерина Николаевна (урожденная Бенуа, 1850—1933)— мать З. Е. Серебряковой, художница-любительница, дочь архитектора Николая Леонтьевича Бенуа. В 1874 г. вышла замуж за скульптора Евгения Александровича Лансере.

[1] С детства проводя в Нескучном почти каждое лето, будущая художница с увлечением там рисовала. От 1902 года сохранилось много рисунков и акварелей: изображения крестьян во время всевозможных работ, а также домашних животных, птиц, цветов, видов Нескучного.

[3] Там же

[1] Семья Щегловых многие годы жила в Нескучном: глава семьи— Щеглов Осип Егорович (ум. в 1911)— управляющий имением Лансере, его жена Екатерина Логиновна — ключница, их трое сыновей — Осип (Леся), Александр, Сергей и две дочери — Мария и Ольга, учительницы.

[4] СР ГРМ, ф. 137, д. 304, л. 3

Бенуа Александр Николаевич (1870—1960), дядя З. Е. Серебряковой по материнской линии — крупнейший деятель русской культуры конца XIX — первой половины XX в. Живописец, график, театральный художник и режиссер, художественный критик и историк искусства, музейный деятель и литератор. Один из организаторов и идеологов объединения «Мир искусства». С 1926 г. постоянно жил в Париже.

Бенуа Анна Карловна, Атя, Атечка, тетя Атя (урожденная Кинд, 1869—1952) — жена Александра Николаевича Бенуа.

[1] С осени 1902 по весну 1903 года Екатерина Николаевна Лансере с дочерьми жила в Италии, на острове Капри, затем в Риме, где в это время находились и супруги Бенуа.

[2] Венский художественно-исторический музей принадлежит к числу крупнейших и старейших евро-

пейских собраний. Основную часть картинной галереи составляет живопись XVI—XVII вв., представленная работами Тициана, Рубенса, Веласкеса и других художников. В Вене находится почти половина дошедших до нашего времени картин (14) нидерландского мастера Питера Брейгеля Старшего (1525/30—1569).

[3] В самом конце XIX в. в Мюнхене (1892), Вене (1897) и Берлине (1899) образовались Сецессионы — выставочные художественные объединения, которые в противовес академическому направлению в искусстве экспонировали на своих выставках произведения современных художников различных направлений и школ. На Сецессионах выставлялись работы и русских художников.

[5] Там же, л. 8

[1] Бенуа Альберт Николаевич, Альбер, Берта (1852—1936), дядя З. Е. Серебряковой по материнской линии — художник-акварелист, архитектор. В 1897—1901 гг.— хранитель Русского музея. С 1885 г. академик акварельной живописи, с 1895 г.— член Совета Академии художеств. Один из основателей и председатель Общества акварелистов в Петербурге.

[6] Там же, л. 9, 10

[1] Серебряков Борис Анатольевич (1880—1919) — в то время студент Института инженеров путей сообщения, впоследствии инженер.

[2] Опасения семьи вполне понятны: лето 1904 года — разгар русско-японской войны, в середине августа под Лаояном царская армия потерпела поражение.

[7] Там же, л. 15

Письмо адресовано в Париж, где с февраля 1905 до мая 1907 г. жил А. Н. Бенуа с семьей.

[8] СР ГРМ, ф. 137, д. 321, л. 12

Лансере Евгений Евгеньевич (1875—1946), брат З. Е. Серебряковой — художник-график и живописец, занимался монументальной живописью, член объединения «Мир искусства». Профессор Академии художеств. Народный художник РСФСР.

Усть-Крестище Курской губернии — имение К. Д. Арцыбушева, одного из директоров правления Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Когда в 1904 г. Ольга Константиновна Арцыбушева, его дочь, вышла замуж за брата художницы, Евгения Евгеньевича Лансере, Усть-Крестище в качестве приданого было передано молодым. Сохранилась темперная работа З. Е. Серебряковой, изображающая дом в имении Усть-Крестище (Москва, собр. семьи Е. Е. Лансере).

[9] Там же, л. 13—15

Мармыжи — железнодорожная станция, ближайшая к имению Усть-Крестище.

[1] Зинаида Евгеньевна и Борис Анатольевич состояли в близком родстве (двоюродные брат и сестра): отец художницы скульптор Евгений Александрович Лансере был родным братом Зинаиды Александровны Серебряковой — матери Б. А. Серебрякова. Так как православная церковь не поощряла такие браки, нужно было получить специальное разрешение.

[2] Бракосочетание состоялось 9 сентября 1905 г.

[3] В осенне-зимние месяцы 1903—1904 и 1904—1905 гг. З. Е. Серебрякова посещала частную художественную мастерскую Браза. Браз Осип Эммануилович (1872—1936) — художник-портретист, живописец и график, педагог, коллекционер. Член «Мира искусства», академик (1914). В 1918—1920 гг.— хранитель Государственного Эрмитажа.

[10] СР ГРМ, ф. 137, д. 304, л. 16, 17

[1] Трунева Клавдия Петровна (ок. 1878—1942) — художница. Училась в мастерской О. Э. Браза. Близкая приятельница А. П. Остроумовой-Лебедевой. 13 октября 1905 г. К. П. Трунева пишет А. П. Остроумовой: «Недавно получила письмо от Зинаиды Серебряковой ... умоляла меня ехать с ней в Париж, учиться, работать. Одна жить не хочет, с Бенуа не хочет — только со мной! Чудеса, да и только!» (ОР ГПБ, ф. 1015, д. 933, л. 41).

[2] Филиппо Коларосси — итальянский скульптор, основавший в 1880-е гг. в Париже студию, в которой художники имели возможность постоянно рисовать обнаженную натуру. Студию посещали многие русские мастера (К. А. Сомов, А. П. Остроумова-Лебедева, Е. Е. Лансере и др.). З. Е. Серебрякова, приехавшая в Париж в конце октября 1905 г., студии Коларосси предпочла Академи де ля Гранд Шомьер, которой руководили художники Симон и Доше.

[11] СР ГРМ, ф. 137, д. 321, л. 18—21

[1] На этом митинге Евгений Евгеньевич Лансере был с женой Ольгой Константиновной.

[2] Лансере Мария Евгеньевна (в первом браке Солнцева, во втором Калачева, 1883—1962) — старшая сестра З. Е. Серебряковой. Хорошо рисовала, вышивала, преподавала рукоделие в школе. Умерла в Париже, в доме для престарелых.

[12] СР ГРМ, ф. 137, д. 304, л. 18, 19

[13] Архив Н. Н. Лансере

[1] Яремич Степан Петрович (1869—1939) — живописец и график, историк искусства, коллекционер, музейный работник. Близкий друг семьи Бенуа.

[2] Почти одновременно с З. Е. Серебряковой и ее матерью в Париж из Биарица приехала старшая сестра художницы — Софья Евгеньевна Лансере.

[3] Бедекер — широко распространенные путеводители по различным странам для путешественников. Называются по имени немецкого путешественника, книготорговца и издателя К. Бедекера. Издательство фирмы «Бедекер» существует в Гамбурге и Штутгарте до сих пор.

[14, 15] Там же

[16] Там же

[1] Карасулина Ольга Петровна — певица, близкая знакомая Н. Е. Лансере. В Париже брала уроки пения, музыки, французского языка. Известен набросок портрета О. П. Карасулиной (гуашь, собр. Н. Н. Лансере, Ленинград).

[17, 18] Там же

[19] Там же

[1] Русская Тургеневская библиотека была основана по инициативе самого писателя для русских студентов, живущих в Париже. 27 февраля 1875 г. при участии Полины Виардо, исполнившей на русском языке романс П. И. Чайковского «Нет, только тот, кто знал...», состоялся литературно-музыкальный концерт. Собранные от концерта средства были пожертвованы на основание библиотеки-читальни, которая стала и своеобразным студенческим клубом.

[2] Сатирический литературно-художественный журнал «Жупел» был основан по инициативе З. И. Гржебина при участии А. М. Горького в середине 1905 г. Первый номер журнала вышел 2 декабря 1905 г., третий (последний) появился около 15 января 1906 г. Журнал был арестован, конфискован и издание прекращено. В журнале сотрудничали многие художники: В. А. Серов, И. Я. Билибин, М. В. Добужинский, Б. М. Кустодиев, Е. Е. Лансере и др. Второй номер журнала, о котором идет речь в письме, был создан под впечатлением Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 году. В нем был помещен знаменитый триптих: «Вступление» Б. М. Кустодиева, «Бой» Е. Е. Лансере и «Умиротворение» М. В. Добужинского.

[3] Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — писатель, поэт-символист, литературный критик. В ночь с 28 на 29 декабря 1905 г. во время одной из «сред», происходивших в квартире В. И. Иванова (так называемая «Башня» на Таврической улице), туда бесцеремонно вторглись агенты охранного отделения и произвели обыск. Личному досмотру подверглись не только хозяева дома, но и 27 человек гостей — известных литераторов, художников, философов.

[4] Бакст Лев Самойлович (Розенберг, 1866—1924) — живописец, график, театральный художник. Один из ведущих деятелей «Мира искусства». С 1909 г. в основном жил за границей, сотрудничая с С. П. Дягилевым.

[5] Добужинский Мстислав Валерианович (1875—1957) — живописец, график, иллюстратор, театральный художник, член объединения «Мир искусства». В поздний период творчества жил в Литве, Франции, Англии, США, где работал в основном как театральный художник.

[20] СР ГРМ, ф. 137, д. 322, л. 1, 2

[1] В конце 1905 г. по инициативе писателя Г. И. Чулкова при поддержке Вяч. Иванова и А. А. Блока было задумано создание общественно-художественной организации «Факелы», которая должна была издавать свои литературные альманахи и иметь свой театр. В 1906 — 1908 гг. вышло три книги альманаха «Факелы», редактором-издателем которого был Г. И. Чулков. Создание театра «Факелов», для первого представления которого А. А. Блок по

просьбе Г. И. Чулкова написал «Балаганчик», не осуществилось.

[2] Гржебин Зиновий Исаевич (1869—1929) — художник-график. Один из создателей и редакторов журнала «Жупел», совладелец издательства «Шиповник». В 1919 г. основал «Издательство З. И. Гржебина», фактическим руководителем которого был А. М. Горький. Театр «Жупел» создан не был.

[3] Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) в это время уже начал работать в театре В. Ф. Комиссаржевской, где вскоре и была осуществлена его первая постановка «Балаганчика» А. А. Блока.

[21] Архив Н. Н. Лансере

[1] «Гранд-опера» (официальное название — Национальная академия музыки и танца) — государственный оперный театр в Париже. Основан в 1669 г. В XVII—XIX вв. помещался в различных зданиях, с 1875 г.— в новом театральном здании, построенном по проекту архитектора Ш. Гарнье.

[22] Там же

[1] Борис Анатольевич Серебряков еще был в то время студентом Института путей сообщения. В связи с революционными событиями зимой 1905/1906 г. занятия в учебных заведениях были запрещены.

[23] Там же

[24] Там же

[1] Эйгель Е. М.— товарищ Бориса Анатольевича Серебрякова по институту.

[25] Там же

Письмо адресовано дочерям Екатерины Николаевны Лансере — Екатерине и Марии.

[1] Александр Николаевич Бенуа, живя с семьей летом 1905 г. в Бретани, в небольшом местечке Примель, впервые обратился к живописи маслом. В ГРМ хранится целый ряд работ А. Н. Бенуа, выполненных в 1905 г. в Примеле и Версале в технике масляной живописи.

[26] Там же

[27] СР ГРМ, ф. 137, д. 304, л. 20

[1] Бёклин, Арнольд (1827 — 1901) — швейцарский живописец. Работал в Базеле, Мюнхене, Италии. Оказал влияние на формирование немецкого символизма и югендстиля.

[2] В 1906 г. в Берлинской национальной галерее была открыта большая «Немецкая столетняя выставка (1775—1875)» из собраний музеев Берлина, Гамбурга и Дрездена, на которой экспонировались произведения немецких живописцев, скульпторов, графиков. Автор письма сравнивает эту выставку с «Историко-художественной выставкой русских портретов», организованной в 1905 г. С. П. Дягилевым в Таврическом дворце в Петербурге.

[28] СР ГРМ, ф. 137, д. 322, л. 21

[29] Архив Н. Н. Лансере

[1] После дневного обыска общество «Союз инженеров» было закрыто и лекция не состоялась. На лекцию пошли сестры Мария и Екатерина Лансере, муж Екатерины Владимир Зеленков с сестрой Еленой.

[30] Там же

[1] Первенец Серебряковых, Евгений, родился 26 мая 1906 г.

[31] Там же

[32] Там же

[1] Для обложки книги Д. С. Мережковского «Петр и Алексей» (СПб., 1905, изд. М. В. Пирожкова) Евгений Евгеньевич Лансере выполнил профильный портрет Петра I.

[33] Там же

[1] Малюкашки — так Екатерина Николаевна Лансере называла маленьких детей.

[2] Внук Евгений.

[34] Там же

[1] Летом 1906 г. сестра З. Е. Серебряковой Екатерина лечилась в Германии, куда уехала и Екатерина Николаевна Лансере для ухода за больной дочерью. Они поселились в небольшом курортном городке Ландек.

[35] Там же

Письмо написано Екатериной Николаевной Лансере по пути из Германии в Харьков.

[36] Там же

[1] Зеленков Владимир Александрович (1881—1942) — инженер-технолог, муж сестры З. Е. Серебряковой Екатерины. Грюндблат Алиса Ивановна — преподаватель одной из петербургских немецких школ; Бенуа Михаил Николаевич (1862 —

1932) — моряк, брат Екатерины Николаевны Лансере, его дети: Бенуа Константин Михайлович (Кока) и Бенуа Ксения Михайловна (Кика), в замужестве Баумгартен.

[37] Там же

[38] Там же
[1] Кот — семейное прозвище сестры З. Е. Серебряковой — Екатерины Евгеньевны. Впоследствии так же стали называть и младшую дочь художницы — Екатерину Борисовну Серебрякову.

[39] Там же
Щеглов Александр Осипович — управляющий имением Б. А. Серебрякова.

[40] СР ГРМ, ф. 137, д. 304, л. 26, 27
[1] Эдвардс Елена Матвеевна, Эля (в замужестве Шмеллинг, затем Непин, 1877—1957), дочь Камиллы Николаевны (урожденной Бенуа) и Матвея Яковлевича Эдвардсов — двоюродная сестра З. Серебряковой.

[41, 42] Архив Н. Н. Лансере

[43] Там же
[1] 7 сентября 1907 г. у Серебряковых родился второй сын — Александр.
[2] Лютц Александр Артурович — соученик Б. А. Серебрякова по Институту инженеров путей сообщения. В 1909 г. художница написала его портрет.
[3] Лансере Ольга Константиновна (урожденная Арцыбушева, 1881—1966) — жена Евгения Евгеньевича Лансере. В семье их сына, Е. Е. Лансере, в Москве, хранится написанный З. Е. Серебряковой портрет О. К. Лансере 1910 г.

[44] Там же
[1] В 1908 г. Борис Анатольевич Серебряков окончил в Петербурге Институт инженеров путей сообщения и был озабочен поисками работы. В этом же письме Екатерина Николаевна Лансере сообщает, что один из однокурсников ее зятя написал им, что «весь их выпуск сидит без места и ничего не предвидится».

[45, 46] Там же

[47] Там же
[1] Николай Евгеньевич Лансере сделал для брата Евгения Евгеньевича архитектурный проект нового дома.

[48] Там же
[1] Лансере Елена Казимировна (урожденная Подсенковская, 1885—1974) — жена Николая Евгеньевича Лансере, по профессии — врач.

[49] Там же
[1] Серебряковы жили на «хуторе» и часто приходили к Екатерине Николаевне Лансере.

[50] Там же

[51] ЦГАЛИ, ф. 869, оп. 1, д. 48, л. 24 об. Датируется по почтовому штемпелю
Сомов Константин Андреевич (1869—1939) — живописец и график, один из основателей объединения «Мир искусства». Сомов всегда очень высоко ценил творчество З. Е. Серебряковой. Живя за границей (с конца 1923 г. — в США, с 1925 г. — во Франции), он старался помочь нуждавшейся художнице в продаже ее произведений и в получении заказных работ. См. выдержки из писем и дневниковых записей К. А. Сомова в настоящем сборнике.
[1] Речь идет об известном портрете З. Е. Серебряковой 1909 г. «За туалетом» (ГТГ).

[52] Архив Н. Н. Лансере. Датируется по содержанию
[1] З. Е. Серебрякова, ее сестра Мария Евгеньевна Солнцева; Мария Порфирьевна — лицо не установленное.
[2] Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт, беллетрист, драматург, литературный критик. Супруги Чулковы гостили в Нескучном. В 1910—1911 гг. З. Е. Серебрякова портретировала их обоих (частное собрание, Москва; Таганрогская картинная галерея).
[3] Б. А. Серебряков служил в это время младшим инженером на изыскательских работах Восточно-Амурской железной дороги.
[4] Чулкова Надежда Григорьевна (урожденная Степанова, 1874—1961), жена Г. И. Чулкова — переводчица.

[53] Там же

[54] ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, д. 470, л. 1
[1] Серебрякова ошиблась, никакого памятника А. С. Пушкину для

Петербурга в это время не создавалось. Очевидно, речь шла о памятнике поэту для Царского Села, заказанном в 1911 г. скульптору Л. А. Бернштаму (1859—1939) в связи со столетием со дня основания Лицея. В 1912 г. памятник был отлит в бронзе в Париже и только в 1937 г. установлен в г. Пушкине, у Египетских ворот

[55] Архив Н. Н. Лансере

[1] «Кривое зеркало» — театр малых форм (пародий, общественно-политической сатиры), возник в Петербурге (1908—1931) по инициативе артистки З. В. Холмской при театральном клубе. Название театра взято из книги А. А. Измайлова «Кривое зеркало. Пародии и шаржи». Очевидно, Николай Евгеньевич Лансере послал сестре эту книгу или одну из программ театра.

[2] Лансере Софья Евгеньевна (в замужестве Даниэль, 1880—1966) — старшая сестра З. Е. Серебряковой.

[56] Там же

[1] Даниэль Александр Владимирович, муж Софьи Евгеньевны Лансере — инженер путей сообщения.

[57] Там же

[1] Шурочка — младший, пятилетний сын художницы.

[2] Сестра художницы Екатерина Евгеньевна Зеленкова неоднократно была ее моделью: в 1911 г. она позировала для картины «Купальщица» (ГРМ). В 1913 г. Серебряковой были написаны два портрета Е. Е. Зеленковой (частное собрание, Ленинград).

[58] Там же

[1] 22 января 1912 г. в семье Серебряковых появился третий ребенок — дочь Татьяна.

[2] С осени 1912 по осень 1913 г. семья З. Е. Серебряковой жила в Царском Селе (с недолгими выездами в Крым и Нескучное). Там же 28 июня 1913 г. родилась младшая дочь художницы — Екатерина.

[59] Там же

[1] Эдвардс Екатерина Матвеевна (в замужестве Соколова, р. 1891) — двоюродная сестра З. Е. Серебряковой. Ее портрет работы Зинаиды Евгеньевны (1912) находится в Казахской государственной художественной галерее им. Т. Г. Шевченко, где ошибочно назван портретом «Мани Эдвардс» и датирован 1911 годом (см. письмо З. Е. Серебряковой Ю. М. Гоголицыну от 22 декабря 1966 г.).

[60] ОР ГПБ, ф. 33, д. 25, л. 2

Гаккель Вера Евгеньевна (Аренс, 1890—1962) — поэтесса, переводчица. В 1919—1923 гг. работала в издательстве «Всемирная литература», возглавляемом А. М. Горьким. Переводила Г. Гейне, В. Гюго, Э. Золя и других писателей. В 1932—1938 гг. работала в Государственном Эрмитаже.

[1] Речь идет о знаменитом петербургском артистическом кабаре «Бродячая собака» (1912—1915), помещавшемся в подвале на Михайловской пл., 5 (сейчас пл. Искусств).

[2] 21 декабря 1913 г. на сцене Народного дома в Петербурге состоялась премьера оперы Р. Вагнера «Парсифаль».

Литвин Фелия Васильевна (настоящее имя — Франсуаза Жанна Шютц, 1861—1936) — оперная певица, считавшаяся одной из лучших исполнительниц женских партий в операх Р. Вагнера. Но в 1910-х гг. Литвин была уже немолода, ее сценический облик и пение перестали удовлетворять взыскательную публику.

[61] Там же, л. 3

[62] Там же, л. 4

[1] Первое представление «Балаганчика» А. А. Блока в студии В. Э. Мейерхольда состоялось 7 апреля 1914 г. Постановка В. Э. Мейерхольда, музыка М. А. Кузмина. Зал Тенишевского училища (ныне учебный театр ленинградского Государственного института театра, музыки и кинематографии) помещался на Моховой ул., 35.

[63] ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, д. 470, л. 1, 3, 4

[64] Архив семьи Е. Е. Лансере.

[1] Речь идет о Международной выставке печатного дела и графики (Лейпциг, 1914). Был издан каталог русского отдела выставки (СПб., 1914).

[65] Архив Н. Н. Лансере

Солнцев Всеволод Дмитриевич (1887—1983), первый муж сестры З. Е. Серебряковой Марии Евгеньевны — инженер, в годы первой мировой войны — летчик.

[1] Письмо написано на цветной открытке с изображением «Мадонны» Чезаре де Сесто (Милан, галерея Брера).

[66] Архив семьи Е. Е. Лансере. Датируется по почтовому штемпелю

[67] Архив Н. Н. Лансере

[1] 1 августа (19 июля) 1914 года Германия объявила войну России.

[2] После смерти О. Е. Щеглова его сын — Осип Осипович (Леся) некоторое время был управляющим имением Лансере; Сергей Осипович Щеглов был местным учителем, в связи с уходом на войну брата заменял его по управлению имением.

[68] Там же

[1] Борис Анатольевич Серебряков работал в это время в Сибири начальником изыскательной партии по постройке железной дороги Иркутск — Бодайбо.

[69] Там же

[70] ОР ГПБ, ф. 33, д. 25, л. 5. Датируется по почтовому штемпелю

[71] Архив Н. Н. Лансере

[72] Там же. Датируется по почтовому штемпелю

[1] Еще в 1908 г. Николай Евгеньевич Лансере начал проектировать дом в Усть-Крестище для брата, Евгения Евгеньевича Лансере. Дом был построен двухэтажный, очень удобный по планировке, с большой мастерской.

[73] СР ГРМ, ф. 147, д. 144, л. 11

Письмо написано по дороге из Петрограда в Нескучное.

[74] Там же, л. 13—15

[1] Безбородов Петр Васильевич — крестьянин из Нескучного, во время первой мировой войны был ранен в ногу. Его жена, Марина Авдеевна Безбородова, неоднократно позировала З. Е. Серебряковой («Крестьянка Марина, чешущая лен», «Прядущая», «Жатва»). Сохранилось несколько рисунков художницы, исполненных в годы войны с раненых, лежавших в госпитале в Харькове.

[75] Там же, л. 7. Датируется по содержанию

[1] В 1913—1915 гг. в Москве в б. Мертвом переулке, 9 (теперь переулок Н. Островского) по проекту архитектора И. В. Жолтовского был выстроен особняк для М. К. Морозовой, вдовы известного московского мецената М. А. Морозова. Очевидно, с Серебряковой велись переговоры о росписях в особняке. Никаких других сведений об этом не сохранилось.

[2] Жолтовский Иван Владиславович (1867—1959) — архитектор. Академик (1909), заслуженный деятель науки и искусства РСФСР (1932).

[76] Там же, л. 4

[1] Еще в 1914 г. А. Н. Бенуа по просьбе архитектора А. В. Щусева (автора проекта Казанского вокзала в Москве) возглавил работы по монументальным росписям вокзала. К работе были привлечены М. В. Добужинский, Н. К. Рерих, Е. Е. Лансере и З. Е. Серебрякова. В 1915—1916 гг. художница сделала целый ряд эскизов и рисунков панно на темы «Индия», «Сиам», «Турция», «Япония» и др. Очевидно, З. Е. Серебрякова просит прислать фотографии этих работ.

[77] Там же, л. 16

[1] Готовя эскизы панно для оформления Казанского вокзала, З. Е. Серебрякова многие часы проводила в петроградских библиотеках, изучая искусство и историю стран Востока. Вероятно, она просит мужа прислать интересующую ее литературу в связи с этой работой.

[78] Архив Н. Н. Лансере

[1] Летом 1916 г. в Нескучном жили дочери Е. Н. Лансере со своими детьми.

[2] В 1916 г. Серебрякова написала портрет сестры — М. Е. Солнцевой.

[3] Леви Александр и Евгений Зигфридовичи — дальние родственники семьи по линии Бенуа. Позднее, живя в Швейцарии, приняли девичью фамилию своей матери — Бенуа. Портрет Е. З. Леви (1916) хранится в Казахской государственной художественной галерее им. Т. Г. Шевченко.

[79] Там же

Летом в Нескучном гостил муж сестры художницы В. Д. Солнцев. Письмо написано им уже после отъезда из Нескучного.

[1] Этюд купальщицы, для которого позировала Мария Евгеньевна Солнцева, предназначался для заду-

манной но не осуществленной картины «Купание».

[80] СР ГРМ, ф. 147, д. 144, л. 17, 18
[1] Аллегри Орест Карлович (1859—1954) — театральный художник-исполнитель. Итальянец по происхождению, долго жил в России, работал в императорских театрах. Позже работал у С. Дягилева, А. Павловой, И. Рубинштейн. Выполнял декорации по эскизам А. Бенуа, А. Головина, Л. Бакста и др. Сотрудничал много лет с Николаем Бенуа в театре Ла Скала.
[2] Речь идет, очевидно, о фотографии с эскиза М. В. Добужинского для Казанского вокзала.
[3] Художница имеет в виду, очевидно, своих сестер.

[81] Там же, л. 19, 20
[1] Марфа Воронкина, жительница с. Нескучное.

[82] ОР ГПБ, ф. 33, д. 25, л. 7
[1] «Солнце России» — еженедельный художественно-иллюстрированный журнал (1910—1916), в котором воспроизводились работы многих русских художников. В мартовском номере журнала за 1916 г. (№ 12) была опубликована картина З. Е. Серебряковой «Жатва» (1915) под названием «Крестьянки в поле».

[83] СР ГРМ, ф. 147, д. 144, л. 6
[1] Марина Безбородова. См. примеч. к письму 74.

[84] Там же, л. 1, 2
[1] Всю жизнь Серебрякова очень самокритично относилась к себе. Трудно поверить, что она работала «мало и плохо», ибо до наших дней сохранилось много прекрасных работ художницы, созданных летом 1916 г. («Беление холста», х. м., ГТГ; «Спящая», х. м., собрание О. И. Рыбаковой, Ленинград; «Крестьянка Марина, чешущая лен», частное собрание, Франция и др.).
[2] У Серебряковых гостили сестры Зинаиды Евгеньевны с детьми, Александр и Евгений Леви.
[3] Зиночка — очевидно, Зинаида Васильевна Серебрякова (в замужестве Второва — сестра Бориса Анатольевича. Мэри — гувернантка детей Серебряковой, которую в 1916 г. писала художница («Фрейлин Мэри из Ревеля». Б., темп., частная коллекция, Ленинград).

[85] Архив Н. Н. Лансере
[1] 9 июля 1916 г.— день рождения Е. Н. Лансере.

[86] СР ГРМ, ф. 147, д. 144, л. 5
[1] «Речь» — петербургская газета, издававшаяся И. В. Гессеном и В. Д. Набоковым. Постоянным сотрудником газеты с ноября 1908 по апрель 1917 г. был Александр Николаевич Бенуа. Его статьи, так называемые «Художественные письма», освещавшие самые разнообразные вопросы художественной жизни России, вызывали большой интерес у современников.
[2] «Сатирикон» — еженедельный русский сатирический журнал, издававшийся в Петербурге с 1908 г. под редакцией А. А. Радакова, а затем А. Т. Аверченко. В 1913 г. часть сотрудников старого журнала основала «Новый сатирикон», выходивший по 1918 г., в котором сотрудничал В. Маяковский.
[3] Выдающийся представитель немецкого романтизма Э.-Т.-А. Гофман (1776—1822) — один из любимых писателей многих мирискусников. А. Бенуа и К. Сомов мечтали о совместном иллюстрировании его произведений. В неоконченном романе Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» сочетаются элементы трагедии и комедии, сатиры и лиризма, гротеска и шутки. К. Сомов отмечает в своем дневнике 10 апреля 1919 г.: «Начал перечитывать (...) «Кота Мура», сыгравшего в моей художественной жизни крупную роль» («К. Сомов». С. 192).

[87] ОР ГПБ, ф. 33, д. 25, л. 8.

[88] Там же, л. 9
[1] Моравская Мария Людвиговна (1889—1947) — поэтесса, автор нескольких стихотворных сборников и рассказов для детей.
[2] «Казаки» Л. Н. Толстого с иллюстрациями Е. Е. Лансере в то время изданы не были, а после 1916 г. журнал прекратил свое существование. Художник начал готовить иллюстрации к «Казакам» в 1917 г., затем работа была прервана и в 1936 г. возобновлена по заказу издательства «Academia». Первое издание повести «Казаки» с иллюстрациями Е. Е. Лансере вышло в 1937 г.

[89] Архив Н. Н. Лансере
[1] Серебрякова Зинаида Александровна — мать Бориса Анатольевича Серебрякова.

[90] СР ГРМ, ф. 137, д. 2460, л. 1, 2
Бенуа Анна Александровна, Атя (в замужестве Черкесова, 1895—1984) — старшая дочь Александра Николаевича Бенуа, двоюродная сестра З. Е. Серебряковой. С 1925 г. жила в Париже.
[1] Молчанова Пелагея Ивановна (Гречкина) — крестьянка с хутора Молчанова, одна из любимых натурщиц Серебряковой. Рослая, сильная, она неоднократно позировала для картины 1915 г. «Жатва» (Одесский художественный музей). Она же изображена на этюдах к картине «Обувающаяся крестьянка» (ГРМ) и «Крестьянка с квасником» (Горьковский художественный музей). В 1915 г. был исполнен ее портрет (темпера, ГРМ). В мае 1917 г. Серебрякова в последний раз нарисовала Пелагею Ивановну сидящей за ткацким станком. Вскоре на этой акварели художницей была сделана надпись: «Поля Молчанова (Гречкина) ткет полотно 6 мая, а 16 июня она утонула в речке Муромке. 1917» (собр. Е. Б. Серебрякова, Ленинград).

[91] СР ГРМ, ф. 137, д. 331, л. 1, 2
[1] С 12 по 16 августа 1917 г. в Москве, в помещении Большого театра проходило так называемое Государственное совещание, созванное по инициативе Временного правительства. Председательствовал на совещании Керенский. Это был генеральный смотр сил контрреволюции. Как отмечал корреспондент газеты «Московские ведомости» в номере от 15 августа 1917 г., «совещание производит впечатление не великого исторического события, а только помпезного театрального зрелища (...) просто очень маленькие люди хотят разыграть из себя великих исторических деятелей». В день открытия совещания в Москве ЦК большевистской партии организовал всеобщую стачку протеста, а двумя неделями позже под руководством большевиков был подавлен корниловский мятеж.

[92] Архив Н. Н. Лансере

[93] Там же
[1] У Серебряковой в это время было уже четверо детей: Евгений, Александр, Татьяна и Екатерина, причем старшие мальчики были школьного возраста.

[94] Там же
[1] Возможно, речь идет о работе над картиной «Беление холста»: было сделано много натурных зарисовок и этюдов.

[95, 96] Там же

[97] Там же
[1] Екатерина Евгеньевна Зеленкова с детьми также оставалась в 1917 г. в Нескучном, так как выехать в Петроград было трудно.

[98] Там же
[1] Материальное положение Серебряковых в то время было трудным. Приехавший к семье Б. А. Серебряков оказался без работы. Харьковский знакомый — С. Б. Ромер (Монечка) оказывал всяческую поддержку семье. В марте 1918 г. Ромер писал В. Д. Солнцеву: «Уговаривал Зинаиду Евгеньевну послать в Питер несколько своих картин для поправления своих финансов, но никаких результатов. Ее скромность — ее враг! Узнайте, Всеволод, б. м. найдется покупатель на «Старые годы» за 1907 год. Зинаида Евгеньевна хочет их продать» (архив Н. Н. Лансере).
[2] Добычина Надежда Евсеевна (урожденная Фишман, 1884—1949) — основательница Художественного бюро в Петербурге (с 1914 г. находившегося на Марсовом поле, 7), в советское время — музейный работник.
[3] В апреле 1918 г. Харьков был захвачен австро-германскими войсками. Вместе с ними на Украину возвратилась контрреволюционная Центральная рада, которую они сначала использовали в своих целях, а затем разогнали. В конце апреля бывший царский генерал Скоропадский был провозглашен гетманом Украины. Борьбу за освобождение Украины возглавила созданная на I съезде КП(б) Украины (июль 1918 г., Москва) Коммунистическая партия Украины. 1918—1920 гг. на Украине — период разгрома внешних и внутренних контрреволюционных сил. В Харьков советские войска вступили 12 декабря 1919 г.

[99] Там же
Елена Казимировна, жена Николая Евгеньевича Лансере, брата художницы, жила в то время с семьей в Крыму, в Анапе.

[100] Там же

[101] СР ГРМ, ф. 137, д. 331, л. 3, 4
[1] На въезд в Петроград в годы гражданской войны нужно было иметь специальное разрешение и пропуск.
[2] Речь идет о смерти Бориса Анатольевича Серебрякова. См. письмо 102.

[102] Архив Н. Н. Лансере

[103, 104] Там же
[1] См. примеч. 3 к письму 98.

[105] Там же
[1] Переехав в Харьков, З. Е. Серебрякова поступила на работу в археологический музей при университете. Подробнее об этом см. в воспоминаниях Г. И. Тесленко в настоящем сборнике.

[106] СР ГРМ, ф. 137, д. 304, л. 30, 31

[107] Архив Н. Н. Лансере
[1] А. Н. Бенуа неоднократно по просьбе З. Серебряковой продавал ее работы в частные коллекции и пересылал ей деньги в Харьков.

[108] СР ГРМ, ф. 137, д. 304, л. 33
[1] В первые годы Советской власти началась реорганизация старых и создание новых музеев. Для выполнения этой работы привлекались многие художники. При Эрмитаже возник Музейный отдел, где необычайно активным был А. Н. Бенуа. Вероятно предполагалось, что и З. Е. Серебрякова будет работать в каком-либо из музеев Петрограда.

[109] Архив Н. Н. Лансере
[1] Очевидно, З. Е. Серебряковой предлагали профессорское место в Академии художеств, но она от него отказалась.

[110] Там же

[111] Там же
[1] Супруги Басковы — знакомые З. Е. Серебряковой по Харькову, предложившие ей занять временно, до их возвращения из Харькова, их петроградскую квартиру. Известен портрет Р. А. Басковой, написанный Серебряковой в 1919 г. (Пермская государственная художественная галерея).

[112] Там же
[1] Письмо написано Екатериной Николаевной Лансере в тот период, когда она временно жила у тяжело больной дочери Екатерины Евгеньевны.
[2] Рыбаков Иосиф Израилевич (1880—1938) — юрист, коллекционер. Художница неоднократно писала портреты членов семьи Рыбаковых: портрет Л. Я. Рыбаковой (1917), портрет И. И. Рыбакова (1917) — оба в собрании О. И. Рыбаковой, Ленинград; портрет О. И. Рыбаковой в детстве (1923) — в Николаевском художественном музее им. В. В. Верещагина.

[113] Там же

[114] Там же

[115] Там же
[1] Эрнст Сергей Ростиславович (1894 — 1980) — художественный критик и историк искусства, близкий друг многих мирискусников, автор монографий о А. Н. Бенуа, Н. К. Рерихе, К. А. Сомове, З. Е. Серебряковой и других художниках. С 1925 г. жил в Париже. Серебрякова неоднократно писала портреты Эрнста. Один из них находится в Горьковском гос. художественном музее (масло), другой — в ленинградском собрании А. Н. Рамма (темпера).
[2] Бенуа Николай Александрович, Кока (р. 1901) — сын А. Н. Бенуа. Театральный художник, портретист, пейзажист. В начале 1920-х гг. работал в театрах Петрограда — б. Мариинском, Большом драматическом; живя в Париже (с 1924 г.) — в театре Н. Балиева «Летучая мышь». С 1930-х гг. — постоянный сотрудник миланского театра Ла Скала, постановочную часть которого возглавлял 35 лет (1936—1971). В 1960—1980-е гг. неоднократно приезжал в СССР. В Большом театре Союза ССР осуществил как художник постановки опер «Сон в летнюю ночь» Бриттена, «Бал-маскарад» Верди, «Мазепу» Чайковского.
Упоминаемый в письме портрет Н. А. Бенуа работы З. Е. Серебряковой хранился у него в Милане.
[3] В течение нескольких лет после замужества З. Е. Серебрякова с семьей жила в Петрограде, на 1-й линии Васильевского острова (д. 40, кв. 8). В 1921 г. переехала в дом деда Н. Л. Бенуа, на улицу Глинки, 15.

[116] Там же

[1] Н. Е. Лансере был в это время в Кисловодске.

[117] Там же

[1] Бушен Дмитрий Дмитриевич (р. 1893) — живописец и театральный художник. Родился во Франции, художественное образование получил в Петербурге. С 1925 г. живет в Париже. Так же, как и С. Эрнст, был близким другом З. Е. Серебряковой, и она неоднократно писала его портреты. Два наиболее известных из них (ГРМ, ГТГ) относятся к 1922 г., оба исполнены в технике пастели.

[2] Нотгафт Анастасия Сергеевна (1892—1942) — музейный работник. Дочь С. С. и А. П. Боткиных. Ее пастельный портрет работы З. Е. Серебряковой (1921) хранится в ГРМ.

[118] Там же

[1] В это время З. Е. Серебряковой были написаны заказные портреты А. П. Куниной (частное собрание, Ленинград), членов семьи Рыбаковых (см. примеч. 2 к письму 112 и др.).

[119] Там же

[1] Сын З. Е. Серебряковой — Александр.

[120] Архив Г. И. Тесленко

Тесленко Галина Илларионовна. См. ее воспоминания в настоящем сборнике.

Дукельский Владимир Маркович (1900—1983) — известный советский физик, доктор физико-математических наук, многолетний сотрудник Физико-технического института в Ленинграде. В 1920-е гг. жил в Харькове, был дружен с З. Е. Серебряковой, в 1920 г. она написала его портрет (гуашь, Одесский художественный музей). В те годы — муж Г. И. Тесленко.

[1] См. письмо 123 и примеч. к нему.

[121] Архив Н. Н. Лансере

[122] Архив Г. И. Тесленко

[123] Там же

[1] В мае — июне 1922 г. в Петрограде, в Аничковом дворце была открыта выставка «Мира искусства», на которой экспонировалось около 400 произведений 45 художников.

Серебрякова представила на выставку 16 пастелей: автопортрет, портреты — Д. Д. Бушена, С. Р. Эрнста, А. А. Черкесовой, три портрета детей художницы (Таты, Кати, Шуры) и портреты балерин — А. Даниловой (2), Л. Ивановой (2), М. Каукаль, М. Комендантовой, Е. Свекис, М. Франгопуло и танцовщика Г. Баланчивадзе.

[124] Там же

[1] Г. И. Тесленко пересылала Серебряковой частями книги из ее библиотеки, оставшейся в Харькове.

[2] В 1922 г. в Петрограде в издательстве «Аквилон» вышла монография С. Р. Эрнста о З. Е. Серебряковой. Художница высказывается в письме только об иллюстрациях. Очевидно, содержание монографии она знала до выхода книги, помеченной самим автором: «Нескучное. Май. 1917 г.». Эрнст гостил в Нескучном весной 1917 г. и в своей работе тонко и поэтично описал его природу.

[3] Дочь художницы, Татьяна, в это время была ученицей Петроградского хореографического училища.

[4] Летом 1917 г. в связи с приближением фронта к Петрограду, коллекции Эрмитажа и Русского музея были эвакуированы в Москву и вернулись назад только в конце 1920 г.

Принципиально новая, сделанная П. И. Нерадовским экспозиция Русского музея вызвала большой интерес среди деятелей русской культуры. А. Н. Бенуа восклицает: «Такого другого национального музея нет во всем мире!» (*Нерадовский П. И.* Из жизни художника// Художник РСФСР. Л., 1965. С. 182). К. А. Сомов отмечает в своем дневнике: «Развеска сделана чудесно. Стены красиво расписаны в разные тона соответственно картинам» («К. Сомов». С. 211).

[125] Архив Н. Н. Лансере

[1] Кристи Михаил Петрович (1875—1956) — художник, искусствовед. В 1918—1926 гг. был уполномоченным Наркомпроса в Петрограде; позднее — заместитель заведующего Главнауки, в 1928—1932 и 1934—1937 гг.— директор ГТГ.

[2] Экскузович Иван Васильевич (1883—1942) — первый управляющий государственными академическими театрами в Петрограде.

[126] СР ГРМ, ф. 137, д. 331, л. 7, 8

Письмо адресовано в Париж, так как осенью 1923 г. А. Н. Бенуа

выехал в Париж по приглашению С. П. Дягилева для оформления в театре Монте-Карло двух опер Шарля Гуно «Лекарь поневоле» и «Филемон и Бавкида» (к столетию со дня рождения композитора). Одновременно он оформлял в Париже спектакль «Дама с камелиями» для труппы Иды Рубинштейн.

[1] В декабре 1923 г. в Америку была отправлена выставка живописных и графических работ 100 художников Москвы и Петрограда. Целью выставки было, с одной стороны, ознакомление американской публики с русским искусством, с другой — материальная помощь участникам выставки, ибо произведения с выставки продавались.

[127] СР ГРМ, ф. 137, д. 330, л. 26

[1] По каталогу выставки русского искусства в Нью-Йорке числится 14 произведений З. Е. Серебряковой, из них 7 работ, исполненных в технике темперы. И хотя художник К. А. Сомов, сопровождавший выставку, всячески рекламировал работы Серебряковой, проданы были только две ее вещи: «Спящая девочка» и «Натюрморт».

[128] СР ГРМ, ф. 147, д. 137, л. 1—3

[1] 24 августа 1924 г., по совету жившего в это время в Париже Александра Николаевича Бенуа, З. Е. Серебрякова выехала во Францию. Она считала, что сможет продать там часть своих работ, поправить тем самым материальное положение семьи и после этого вернуться на родину.

[2] Андроникова Саломея Николаевна (в первом браке Андреева, во втором Гальперн, 1888—1982) — дочь известного грузинского общественного деятеля, винодела и агронома Нико Андроникашвили; известная в 1910-е гг. петербургская красавица. Ее дом на 5-й линии Васильевского острова был своеобразным художественно-литературным салоном. Многие известные поэты посвящали ей свои стихи, среди них — Осип Мандельштам, Анна Ахматова, ее портреты писали В. И. Шухаев, А. Е. Яковлев, К. С. Петров-Водкин, С. В. Чехонин, З. Е. Серебрякова и др. В 1921 г. С. Н. Андроникова уехала во Францию, а затем в Англию. Портрет Андрониковой работы З. Е. Серебряковой по ее завещанию был передан в Гос. музей искусств Грузии в Тбилиси.

[3] Гиршман Генриэтта Леопольдовна (1885—1970) — жена известного московского коллекционера В. О. Гиршмана. Занималась живописью у О. Браза, позже у К. Юона, пела, играла на фортепьяно. Гиршманы собрали первоклассную коллекцию произведений русского искусства. Их дом у Красных ворот посещали поэты, художники, актеры. Портреты Г. Л. Гиршман создали, в частности, художники В. А. Серов, К. А. Сомов, К. Ф. Юон, Ф. А. Малявин, Н. Милиоти, Л. Пастернак. Портрет Г. Л. Гиршман работы З. Е. Серебряковой находится в частном собрании за рубежом.

[4] Белобородов Андрей Яковлевич (1886—1965) — архитектор-художник, окончил в 1915 г. архитектурное отделение Академии художеств. В 1915—1916 гг. переделывал интерьеры комнат для молодых супругов Юсуповых в их петербургском дворце на набережной Мойки. В 1920 г. уехал за границу. Работал во Франции и Италии как архитектор, театральный художник, иллюстратор книг, успехом пользовались и его станковые акварели.

По приезде во Францию З. Е. Серебрякова неоднократно жила в парижской квартире А. Я. Белобородова, уезжавшего на летние месяцы в Италию. В 1925 г. художница написала его портрет (пастель, ГРМ).

[129] СР ГРМ, ф. 137, д. 331, л. 9. Датируется по содержанию

Весной 1925 г. Серебрякова, рассчитывая получить заказы, поехала в Англию к своей двоюродной сестре Н. Л. Устиновой. Письмо адресовано в Париж, куда в сопровождении С. Р. Эрнста и Д. Д. Бушена должен был приехать младший сын художницы, семнадцатилетний Александр.

[130] СР ГРМ, ф. 137, д. 304, л. 39, 40

[131] СР ГРМ, ф. 137, д. 331, л. 10

[132] СР ГРМ, ф. 137, д. 331, л. 11

[133] СР ГРМ, ф. 137, оп. 2, д. 1453, л. 1

Устинова Надежда Леонтьевна (урожденная Бенуа, 1896—1975), двоюродная сестра З. Е. Серебряковой — художница. Жила в Лондоне, выставлялась под именем Надя Бенуа.

[1] Бирле Шарль (1867—1940/41?) — художник-любитель, в 1890-е гг. служил чиновником французского консульства в Петербурге. Был близок со многими мирискусниками, особенно с А. Н. Бенуа.

[2] Бенуа Елена Александровна (в трех последовательных браках — Вышнеградская, Браславская, Клеман, 1898—1972) — живописец-станковист, ученица А. Е. Яковлева, много работала для театра, выполняя декорации по эскизам своего отца, А. Н. Бенуа. С 1925 г. жила в Париже.

[134] Архив Е. Б. Серебрякова. Датируется по почтовому штемпелю.

В июле 1925 г. сын З. Е. Серебряковой, Александр, приехал к матери в Париж.

[135] Архив Н. Н. Лансере

[1] «Диана и Актеон» — задуманная в 1916 г., но неосуществленная картина, эскизы и рисунки к которой хранятся в частных собраниях.

[2] «Портрет А. А. Черкесовой-Бенуа с сыном». 1922. Х., м. ГРМ.

[3] «Ди Даме» — популярный рекламный журнал мод, издавался в Берлине с 1873 г. Многолетним корреспондентом этого журнала был известный немецкий критик Павел Бархан, автор статей по русскому искусству начала XX в. Стараясь помочь русским художникам, жившим в Париже, Бархан публиковал в этом журнале репродукции с их произведений, а иногда и заказывал им работы для этого журнала. Так, в 1926—1927 гг. К. А. Сомов исполнил несколько акварелей, которые воспроизводились на обложках. В журнале были представлены и работы З. Е. Серебряковой.

[4] «Автопортрет». 1922. Х., м. ГРМ.

[136] Архив семьи Е. Е. Лансере

[1] Живший в 1920-е гг. в Тифлисе Евгений Евгеньевич Лансере был командирован Наркомпросом Грузии во Францию для ознакомления с современной художественной жизнью. Он прибыл в Марсель морем 4 июня 1927 г. и прожил в Париже три месяца. Лансере работал в мастерских литографии и офорта. Приобрел для Академии художеств Грузии станок для печатания офортов. Приезд представителя советского искусства вызвал большой интерес.

С 7 по 17 июня 1927 г. в Париже на улице Сент-Оноре в галерее Бернгейма была открыта выставка произведений бывших членов «Мира искусства». Е. Е. Лансере выставил листы из серий «Грузия», «Дагестан», «Зангезур». Несколько его произведений было куплено с выставки, семь работ воспроизведены в журнале «Иллюстрасьон».

Во время пребывания в Париже Е. Е. Лансере помог З. Е. Серебряковой снять квартиру (см. письмо З. Е. Серебряковой Ю. М. Гоголицыну от 19 августа 1966 г.). Татьяна Борисовна Серебрякова сообщает: «В 1960 году З. Е. Серебрякова передала через меня в семью Е. Е. Лансере (сын) три тифлисских пейзажа (х., м.), которые Е. Е. Лансере в 1927 г. в Париже оставлял для продажи, но они так и не были проданы» (письмо в изд-во «Изобразительное искусство»).

[137] Архив семьи Е. Е. Лансере

[1] Бенуа Мария Николаевна (урожденная Павлова, р. 1897), первая жена Н. А. Бенуа — певица.

[138] ОР ГПБ, ф. 1015, д. 685, л. 6—9.

Остроумова-Лебедева Анна Петровна (1871—1955) — гравер, литограф, акварелист, живописец. Была членом объединения «Мир искусства». Народный художник РСФСР, действительный член АХ СССР.

[1] Григорьев Борис Дмитриевич (1886—1939) — живописец и график, работал в области портрета, пейзажа, жанра. Экспонировался на выставках «Мир искусства». После революции жил за границей, умер во Франции.

[2] Коровин Константин Алексеевич (1861—1939) — живописец и театральный декоратор. Член объединений «Мир искусства» и «Союз русских художников». С 1923 г. жил во Франции.

[3] Добужинский Мстислав Валерианович (1875—1957) — см. примеч. 5 к письму 19.

[4] Аргутинский-Долгоруков Владимир Николаевич (1874—1941) — известный коллекционер, друг мирискусников. В первые годы Советской власти сотрудник Эрмитажа и член Совета Русского музея.

[5] Черкесов Юрий Юрьевич (1900—1943), зять А. Н. Бенуа — художник-график. Иллюстрировал произведения Стендаля, Анри-де-

Ренье, Метерлинка. На всемирной выставке 1937 г. в Париже получил золотую медаль за гравюру «Песнь песней». С 1925 г. жил в Париже. Во время оккупации Франции 22 июня 1941 г. был арестован и заключен вместе с сыном в немецкий концентрационный лагерь в Компьене, в июле 1943 г. покончил с собой.

[6] Билибин Иван Яковлевич (1876—1942) — график и театральный художник, член объединения «Мир искусства». В 1920—1936 гг. жил в Египте и Франции, в 1936 г. вернулся в СССР.

[7] Стеллецкий Дмитрий Семенович (1875 — 1947) — скульптор и живописец, театральный художник, был близок «Миру искусства». С 1914 г. жил во Франции.

[8] Милиоти Николай Дмитриевич (1874 — 1962) — живописец, портретист, театральный художник. Член объединений «Мир искусства» и «Голубая роза».

[9] В выставке участвовали в частности Ю. П. Анненков, И. Я. Билибин, Д. Д. Бушен, М. В. Добужинский, Б. Д. Григорьев, Е. Е. Лансере, С. А. Сорин, В. И. Шухаев, А. Е. Яковлев. Не участвовавший в выставке К. А. Сомов, вернувшись с вернисажа, отмечает в своем дневнике: «Выставка ужасно слабая. Все как бы выцвели» («К. Сомов». С. 579). З. Е. Серебрякова от участия в выставке отказалась.

[139] СР ГРМ, ф. 137, оп. 2, д. 836, л. 1

[1] В марте 1928 г. в Париж к З. Е. Серебряковой приехала ее младшая дочь Екатерина.

[140] Архив семьи Е. Е. Лансере

[1] В мае — июне 1928 г. в Брюсселе была устроена большая художественная выставка, на которой необыкновенным успехом пользовался русский отдел. З. Е. Серебрякова показала тринадцать работ. Две из них были приобретены с выставки, кроме того, художница получила заказ на портреты членов семьи богатого бельгийца — барона Броуэра, (или: Броувера, Брувера), который предложил ей поездку в Марокко. Об условиях поездки см. письмо 405.

[141] Там же

[1] Судя по всему, материальный успех от марокканской выставки в галерее Бернхейма Младшего был невелик, и 30 апреля того же года открывается персональная выставка Серебряковой в галерее Владимира Гиршмана, где были представлены французские работы художницы, выполненные до поездки в Марокко.

[142] Архив Н. Н. Лансере

[1] Речь идет о выставках З. Е. Серебряковой с 23 февраля по 8 марта в галерее Бернгейма (марокканской) и с 30 апреля по 14 мая 1929 г. в галерее В. Гиршмана.

[143] Там же

[1] Рубинштейн Ида Львовна (1880—1960) — балерина и драматическая актриса. Выступала в «Русских сезонах» С. П. Дягилева, позже основала собственную труппу. А. Н. Бенуа сотрудничал с И. Л. Рубинштейн в течение многих лет. В 1930 г. им были оформлены для ее труппы две постановки: «Вальс» М. Равеля и музыкальная драма Поля Валери и А. Онеггера «Амфион».

[144] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Лето, проведенное в небольшом южном прибрежном французском городке Коллиур, было плодотворным для Серебряковой. В ГТГ, ГРМ, ГМИИ и других музеях Советского Союза хранятся работы художницы, изображающие пейзажи и жителей Коллиура.

[2] Дочь художницы Татьяна Борисовна Серебрякова в 1930 г. окончила Ленинградское хореографическое училище и работала в труппе б. Михайловского театра. Но уже в 1932 г. она оставила балет и стала заниматься живописью.

[145] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] Брюн Наталья Львовна (де Сент Ипполит?) — дочь двоюродного брата З. Е. Серебряковой.

[2] Вероятно, родственники Серебряковой по линии ее тетки — Камиллы Николаевны Эдвардс.

[146] Там же

[147] Там же

[1] В 1931 г. в Бельгии было две выставки Серебряковой: с 14 по 27 ноября — персональная выставка в Антверпене, где было представлено 27 работ, и с 1 по 10 декабря выставка совместно с Д. Д. Бушеном в Брюсселе, на которой художница экспонировала 26 работ.

[148] Там же

[1] Весной 1932 г. Серебрякова вторично по предложению двух бель-

гийцев, Броуэра и Анри Лебёфа, поехала на тех же условиях в Марокко, где жила в Марракеше и Фесе.

[149] СР ГРМ, ф. 137, оп. 2, д. 836, л. 4

[1] Несмотря на трудности, художница создала в Марокко ряд прекрасных портретов, пейзажей и жанровых сцен. Результатом этой работы явилась большая персональная выставка З. Е. Серебряковой в галерее Шарпантье с 3 по 18 декабря 1932 г., на которой были представлены 63 работы (40 из них были созданы в Марокко).

[150] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Мать Серебряковой, Екатерина Николаевна Лансере, умерла в Ленинграде 3 марта 1933 г.

[2] Старший сын художницы, Евгений, после окончания в 1931 г. архитектурного факультета, уехал работать во Владивосток, через несколько месяцев был взят на действительную военную службу и переписываться с матерью не имел возможности.

[151] Там же

[152] Архив семьи Е. Е. Лансере

[1] Имеется в виду персональная выставка в галерее Шарпантье (3—18 декабря 1932 г.). В конце 1932 — начале 1933 г. Серебрякова несколькими работами принимала участие в выставке русской живописи в Рижском городском музее (декабрь 1932 г.) и в выставке «Детские лица и сцены» в галерее Берты Вейль (Париж, декабрь 1932 — январь 1933 г.).

[153] Там же

[1] Яковлев Александр Евгеньевич (1887—1938) — живописец, график, театральный художник. С 1919 г. жил во Франции, где в отличие от большинства русских художников пользовался известностью, имел много заказов. Яковлев дважды участвовал как художник в экспедициях фирмы «Ситроен» в 1924—1925 гг. в Африку и в 1931—1932 гг. в страны Азии (Сирия, Иран, Афганистан, Монголия, Китай и др.). В письме идет речь о большой выставке А. Е. Яковлева, открывшейся в особняке Жана Шарпантье (см.: А. Бенуа размышляет... С. 223—227).

[154] Там же

[155] Архив Т. Б. Серебряковой

[156] Там же

[1] 3 мая 1934 г. в «Гранд-опера» состоялась премьера спектакля труппы Иды Рубинштейн, состоявшего из четырех одноактных балетов в постановке М. Фокина: «Семирамида», «Диана де Пуатье», «Болеро» и «Вальс». Художником спектакля был А. Н. Бенуа. Декорации для балета «Диана де Пуатье» исполнил по эскизам А. Н. Бенуа его сын Николай (Кока).

[157] Там же

[1] Д. Д. Бушен исполнил эскизы костюмов для балета А. Онеггера «Семирамида».

[2] Вильтзак Анатолий Иосифович (р. 1896) — артист балета и педагог. В 1920-е гг. работал в труппе С. П. Дягилева, позднее у Иды Рубинштейн.

[158] Там же

[1] Опасения художницы были напрасны: за два месяца пребывания в Бретани она исполнила в технике темперы и пастели ряд прекрасных пейзажей и портретов бретонцев.

[159—161]
Там же

[162] Там же

[1] Младший сын З. Е. Серебряковой, Александр Серебряков, в 1930-е гг. много работал в кино. Шильдкнехт Петр Николаевич (1894(?) — 1967) — художник.

[2] На основании рассказов А. Н. Бенуа П. А. Ливен написал книгу о русском балете (рукопись с правками рукой А. Н. Бенуа хранится в Секторе рукописей ГРМ), которая была издана на английском языке (Pieter Lieven. The Birth of Ballets Russes. Boston, New York, 1936).

[3] См. примеч. 2 к письму 133.

[4] Черкесова-Бенуа Анна Александровна.

[5] Черкесов Александр Юрьевич, семейное прозвище — Татан (1920—1984), внук А. Н. Бенуа — художник. С 1925 г. жил в Париже.

[6] Вышнеградский Дмитрий Иванович, семейное прозвище — Митан (р. 1924), внук А. Н. Бенуа — юрист. Живет в Париже.

[7] Браславский Петр Александрович, семейное прозвище — Питан (р. 1930), внук А. Н. Бенуа — архитектор. Живет в Париже. Неодно-

кратно приезжал в СССР, принимал участие в создании одной из олимпийских гостиниц в Москве.

[163] Там же

[1] Очень критичный по отношению к себе и другим, К. А. Сомов отмечает в своем дневнике 21 октября 1934 г.: «Шура показывал летние этюды, в этом году они совсем блестящие» (СР ГРМ, ф. 133, д. 453, л. 97).

[164] Там же

[165] Там же

[166] Архив семьи Е. Е. Лансере

[167] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Лондонская художественная выставка устраивалась Обществом Красного Креста. На ней было представлено древнерусское искусство и русское искусство XVIII—XX вв. М. В. Добужинский оформлял эту выставку, как и некоторые другие русские выставки за рубежом, например, в 1928 г. — несколько зал на выставке русского искусства в Брюсселе, в 1929 г. — выставку русского фарфора из частных собраний в Севрском музее.

[168] Там же

[1] Шухаев Василий Иванович (1887—1973) — живописец, график, театральный художник. Член объединения «Мир искусства». В 1920—1935 гг. Шухаев жил и работал во Франции, в феврале 1935 г. вернулся в Ленинград. С 1948 г. — профессор Академии художеств в Тбилиси. Заслуженный деятель искусств Грузинской ССР.

[2] Имеется в виду монография И. Э. Грабаря о И. Е. Репине, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» в 1933 г.

[169—173]
Там же

[174] Там же

[1] Лебедев Владимир Васильевич (1891—1967) — живописец, график, театральный художник. Один из основателей «Окон РОСТА». Мастер детской книги. На произведениях С. Я. Маршака с иллюстрациями В. В. Лебедева выросло несколько поколений советской детворы. Народный художник РСФСР, член-корреспондент АХ СССР.

[175] Там же

[1] Возможно, речь идет о художнике А. И. Юпатове, жившем в Риге и издававшем книги о русских художниках. См. письмо 218.

[176—177]
Там же

[178] Там же

[1] Коро Камиль (1796—1875) — французский живописец и график. Один из выдающихся пейзажистов XIX в. Писал также портреты и выполнил ряд декоративных работ.

[179] Там же

[1] Выставка современного испанского искусства была открыта в помещении бывшего Зала для игры в мяч (ныне Музей импрессионизма). И хотя на ней были работы таких известных мастеров, как И. Сулоага, Х. Серт, П. Пикассо и др., успеха она, очевидно, не имела (см.: А. Бенуа размышляет... С. 440—445).

[180] Там же

[1] Имеются в виду декоративные панно для загородного дома барона Броуэра. Совместно с З. Е. Серебряковой в работе над ними принимал участие и ее сын Александр.

[181] Там же

[1]Мемуары Екатерины II, написанные на немецком языке, издавались неоднократно. Одно из русских изданий: Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинной рукописи. СПб., Императорская Академия наук, 1907.

[182] Там же

[1] Выставка произведений академика живописи Е. Е. Лансере открылась в Москве в июне 1936 г. к 40-летию творческой деятельности художника. На выставке было представлено 300 работ (живопись, станковая и книжная графика, театральные работы, эскизы монументальных росписей и майоликовых панно) и был издан каталог со вступительной статьей Льва Урекляна и графическим портретом Е. Е. Лансере работы Г. С. Верейского (Всекохудожник, 1936).

[2] Статья К. Ф Юона о выставке Е. Е. Лансере была опубликована в газете «Известия» 8 июня 1936 г.

[183] Архив семьи Е. Е. Лансере

[1] Выставка работ П. Сезанна (1839—1906) состоялась в залах му-

зея Оранжери. В дореволюционной России работы Сезанна находились в двух частных коллекциях известных московских собирателей — И. А. Морозова и С. И. Щукина, и З. Е. Серебрякова по привычке называет их «щукинскими вещами». В 1930-е гг., когда было написано письмо, произведения Сезанна находились в двух крупнейших советских музеях — Государственном Эрмитаже и в ГМИИ.

[2] З. Е. Серебрякова была неодинока в своем отношении к Сезанну: почти все представители «Мира искусства» не принимали его творчество или относились к нему равнодушно.

[184—188]
Архив Т. Б. Серебряковой

[189] Архив семьи Е. Е. Лансере

[1] В это время И. Я. Билибин уже вернулся в СССР (в сентябре 1936 г.).

[2] Калачева Мария Евгеньевна — сестра художницы.

[190] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] 16 марта 1937 г. в Париже, в зале Плейель была открыта большая выставка «Пушкин и его эпоха», посвященная столетию со дня гибели поэта. На выставке были представлены произведения живописи (К. Брюллов, О. Кипренский, В. Тропинин и др.), скульптуры, графики, прикладного искусства, а также рукописи поэта и его личные вещи. Одним из главных организаторов выставки выступил Сергей Лифарь.

[191—193]
Там же

[194] Там же

[1] В 1937 г. предполагалось, что в Париже состоится большая выставка сокровищ из музея Прадо. Но в связи с военными событиями в Испании картины великих мастеров были эвакуированы из Мадрида в Валенсию. Сообщение Серебряковой, что «все шедевры привезены сюда», ошибочно (см.: А. Бенуа размышляет... С. 282).

[195] Архив семьи Е. Е. Лансере

[1] Речь идет о панно для дома Броуэра, фотографии с которых Серебрякова послала брату в Москву.

[196] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Советский павильон на Всемирной выставке в Париже был построен по проекту архитектора Б. М. Иофана. Павильон венчала двадцатипятиметровая скульптурная группа «Рабочий и колхозница» работы В. И. Мухиной.

[2] Кончаловский Петр Петрович (1876—1956) — живописец. Народный художник РСФСР, действительный член АХ СССР.

[3] Грабарь Игорь Эммануилович (1871—1960) — живописец, архитектор, историк искусства и музейный деятель. Народный художник СССР, действительный член АН СССР и АХ СССР.

[4] Карта СССР из уральских камней была специально изготовлена для советского павильона мастерами-камнерезами Уральской и Петергофской фабрик. В 1939 г. она экспонировалась на Всемирной выставке в Нью-Йорке, в настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже.

[197] Там же

[1] Правильное название картины А. Г. Венецианова «Девушка на сеннике» (ГРМ).

[2] Морони Джованни Баттиста (род. между 1520 и 1525 гг.— 1578) — итальянский портретист. Очевидно, речь идет о произведении Морони «Мужской портрет» из Государственного Эрмитажа.

[3] Вересаев Виктор Викторович (1867—1945) — писатель, известный пушкинист.

[198] Архив семьи Е. Е. Лансере

[1] В 1937 г. Е. Е. Лансере исполнил монументальную роспись плафона для ресторана гостиницы «Москва».

[2] Дюфи Рауль (1877—1953) — французский живописец, график, театральный художник.

[199—202]
Архив Т. Б. Серебряковой

[203] Там же

[1] Выставка Серебряковой была открыта в галерее Шарпантье с 18 января по 1 февраля 1938 г. На ней экспонировалось 40 работ (портреты, пейзажи, «ню», натюрморты и рисунки со скульптур в Лувре).

[204] Там же

[205] Там же

[1] Интересно, что мнение З. Е. Серебряковой о выставке Д. Д. Бушена в галерее Дрюэ совпадает с впечатлениями художника К. А. Сомова, который отмечает, что новые пастели Бушена «ловки, элегантны в красках, но очень поверхностны — модны» («К. Сомов». С. 428).

[2] Речь идет о кинокомедии «Цирк» («Мосфильм», 1936 г., режиссер Г. В. Александров, композитор И. О. Дунаевский).

[3] Папанин Иван Дмитриевич (1894—1986) — советский ученый, исследователь Арктики. В 1937 — 1938 гг. возглавлял дрейфующую станцию «Северный полюс». Дважды Герой Советского Союза.

[206] Там же

[207] Там же

[1] Вюйар Жан Эдуард (1868—1940) — французский живописец и график, один из представителей группы «Наби». Большая выставка художника (более 300 работ) была открыта в Лувре. Вюйару в то время было 70 лет.

[208] Там же

[1] Сестра Екатерины Николаевны Лансере Камилла Николаевна Бенуа в 1875 г. вышла замуж за жившего в Петербурге англичанина М. Я. Эдвардса, после смерти которого (в 1917 г.) переехала к его родственникам в Англию. «Кузины Эдвардс» — ее дочери Елена, Мария и Екатерина Эдвардс. «Кузины Ливсей» — Иви и Джеральдина Ливсей — племянницы М. Я. Эдвардса.

[209] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] *Широкий В. Ф.* Пушкин в своей последней квартире. Л., 1938.

[2] Верейский Георгий Семенович (1886—1962) — художник-график. Народный художник РСФСР, действительный член АХ СССР.

Кравченко Алексей Ильич (1889—1940) — художник, живописец и график, мастер гравюры, один из создателей первых советских художественных книг (иллюстрировал произведения Пушкина, Гоголя, Бальзака, Байрона, Горького, Шолохова и многих других писателей).

[210—215] Архив Т. Б. Серебряковой

[216] Там же

[1] В марте — июне 1939 г. в Париже в Музее декоративных искусств Сергей Лифарь организовал выставку, посвященную С. П. Дягилеву.

[217] Там же

[1] Утрилло Морис (1883—1955) — французский живописец и график. В 1926 г. по приглашению С. П. Дягилева оформлял поставленный Д. Баланчиным балет В. Риети «Барабо».

[2] Пабло Пикассо (1881—1973) оформлял у С. П. Дягилева балет Эрика Сати «Парад» и балет на музыку Перголези «Пульчинелла», поставленные Леонидом Мясиным, написал занавес для балета Дариуса Мийо «Голубой поезд», поставленного Брониславой Нижинской.

[3] Бошан Андре (1873—1958)—французский театральный художник. В его декорациях шел балет «Аполлон Мусагет» И. Стравинского, поставленный Д. Баланчиным.

[4] Лев Самойлович Бакст (1866—1924), один из ведущих художников в антрепризе С. П. Дягилева, оформил балеты «Клеопатра», «Карнавал», «Дафнис и Хлоя», «Послеполуденный отдых фавна», «Игры» и другие.

[5] Александр Николаевич Бенуа выступил в «Русских сезонах» С. П. Дягилева не только как художник, но и как автор нескольких либретто и постановщик спектаклей. При его участии созданы балеты «Павильон Армиды», «Сильфиды», «Жизель», «Петрушка» и другие.

[218] Там же

[1] Константин Андреевич Сомов работал над портретом графини Розарио Зубовой.

[2] Юпатов Алексей Илларионович (1911—1975) — латвийский художник, иллюстратор, мастер экслибриса, издательский деятель.

[3] Автором монографии о З. Е. Серебряковой должен был стать А. Н. Бенуа. Издание не состоялось.

[4] Гейденрейх Екатерина Николаевна (1897—1982) — артистка балета и педагог. Татьяна Борисовна Серебрякова сообщает: «З. Е. Серебрякова неоднократно писала пастелью балерину Е. Н. Гейденрейх: «Гейденрейх в белом парике» (собр. Е. Б. Серебрякова), «Гейденрейх в красном» (собр. Окунева, теперь в Русском музее), «Гейденрейх в голубом» (теперь в галерее Курска), сделала с нее много набросков».

Иванова-Раевская Валентина Константиновна (1898—1982) — артистка балета и педагог. Известен ее портрет в костюме испанки из «Щелкунчика» (б., пастель, частное собрание).

[5] Фильм «Александр Невский» был создан на студии «Мосфильм» в 1939 г. Режиссер-постановщик — С. М. Эйзенштейн, автор музыки к фильму — С. С. Прокофьев.

[219] Там же

[220] Там же

[1] В 1932 г. де Базиль и Р. Блюм создали балетную труппу под названием «Русские балеты Монте-Карло». Ее участниками были русские артисты и балетмейстеры. Так, в 1936—1938 гг. в труппе работал М. Фокин, в 1938—1945 гг. художественным руководителем труппы был Л. Ф. Мясин.

[2] Мистерия Поля Клоделя (1868—1955) «Жанна д'Арк» на музыку Артюра Онеггера (1892—1955) с декорацией, написанной по эскизу А. Н. Бенуа его дочерью Е. А. Бенуа-Клеман, была впервые исполнена на открытом воздухе в городе Орлеане 5 мая 1939 г.

[221, 222]
Там же

[223] Там же

[1] 1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу, 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии. Началась вторая мировая война.

[224] Там же

[225] Там же

[1] Через месяц после написания этого письма, 14 июня 1940 г. гитлеровские войска заняли Париж, и З. Е. Серебрякова с семьей оказалась в оккупированном городе. Переписка с родными, находящимися в СССР, прервалась.

[226] Там же

[1] 13 сентября 1946 г. в Москве умер Евгений Евгеньевич Лансере, брат З. Е. Серебряковой.

[2] В 1945—1947 гг. «Балетом Елисейских полей» руководили Ролан Пети и Борис Кохно. В июне 1946 г. состоялась премьера балета Ж. Шнайцхоффера «Сильфида» (постановка В. Гзовского), декорации для которого создал Александр Борисович Серебряков.

[227] Там же

[1] Живя в Париже, Серебряковы неоднократно меняли квартиру, в 1939 г. они поселились на ул. Кампань-Премьер, 31 (район Монпарнаса), где дочь художницы живет до сих пор.

[228] Архив Е. Б. Серебрякова

[229] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Ванюша — Николаев Иван Валентинович, сын Татьяны Борисовны Серебряковой (р. 1940). Впоследствии живописец, скульптор, график. Член Союза художников СССР. Работает в области монументального искусства. Принимал участие в оформлении станции московского метро «Боровицкая».

[230] СР ГРМ, ф. 137, оп. 2, д. 836, л. 7

З. Е. Серебрякова гостила с дочерью в имении своих дальних родственников по линии Эдвардсов.

[231] Архив Т. Б. Серебряковой

[232] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] Картина «Купальщица» (1911) хранится в ГРМ. Художница называет ее этюдом, что чрезвычайно показательно для понимания ею специфики картины как произведения, насыщенного большим общественным содержанием.

[233] Там же

[1] «Автобиографические записки» А. П. Остроумовой-Лебедевой были изданы в трех томах в 1925—1951 гг., в 1974 г. изд-во «Изобразительное искусство» переиздало «Записки» в двух книгах.

[234] Там же

[1] Балет И. Ф. Стравинского «Петрушка» (либретто И. Ф. Стравинского и А. Н. Бенуа, балетмейстер М. Фокин) был впервые показан в 1911 г. в парижском театре Шатле труппой С. П. Дягилева. Позднее спектакль в разных редакциях шел во многих театрах мира. В 1948 г. балет «Петрушка» в постановке М. Фокина и в оформлении А. Н. Бенуа был возобновлен на сцене «Гранд-опера».

[235] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне: Воспоминания. Л.; М., 1925—1927.

Суслова А. П. Годы близости с Достоевским: Дневник, повесть, письма. М., 1923.

Жданов В. А. Любовь в жизни Льва Толстого. М., 1928. Кн. I, II.

[236] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] Имеется в виду повесть В. Катаева «Белеет парус одинокий».

[237] Там же

[1] Роман Яна (В. Г. Янчевецкий) «Чингис-хан» опубликован в 1939 г.

[238] Там же

[1] Очевидно, речь идет о Елене Матвеевне Непин (урожденной Эдвардс).

[239] Там же

[1] Александр Серебряков много работал в технике акварели, рисуя интерьеры известных частных дворцов во Франции и Англии. В данном случае речь идет о работах в замке Дичли недалеко от г. Оксфорда. См. также примеч. 1 к письму 258

[240] Там же

[1] Гончарова Наталия Сергеевна (1881—1962) — живописец, график, театральный художник. Представитель русского «авангардизма» 1910-х гг. Вместе с М. Ф. Ларионовым в 1915 г. выехала в Париж для работы в антрепризе С. П. Дягилева, где оформила спектакли «Золотой петушок», «Свадебка», «Байка про лису» и другие.

[2] З. Е. Серебрякова на протяжении всего своего творчества многократно обращалась к жанру автопортрета, работая в разной технике (масло, пастель, темпера, графитный карандаш и др.). Ее автопортреты хранятся во многих музеях страны: ГРМ, ГТГ, Тульском художественном музее, Киевском музее русского искусства и других собраниях.

[3] Более двух десятилетий театральная деятельность Александра Николаевича Бенуа была теснейшим образом связана с одним из прославленных оперных театров мира — миланским театром Ла Скала, художественно-постановочную часть которого с середины 1930-х гг. возглавлял его сын — Николай Бенуа. Говоря о пяти операх, поставленных «дядей Шурой» в то время в Ла Скала, З. Е. Серебрякова, очевидно, имеет в виду оперы «Лючия ди Ламмермур» и «Фаворитка» Г. Доницетти, «Бал-маскарад», «Трубадур» и «Фальстаф» Д. Верди. К балету А. Адана «Жизель» А. Н. Бенуа обращался неоднократно, начиная с Русского сезона 1910 г.; в данном случае имеется в виду возобновление постановки спектакля 1924 г. в театре «Гранд-опера».

[241] Архив Т. Б. Серебряковой

[242] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] Аргунов Иван Петрович (1727—1802) — крепостной художник-портретист. Его «Портрет женщины в русском костюме» принадлежит ГТГ.

[2] Боголюбов Алексей Петрович (1824—1896) — художник-пейзажист, общественный деятель, основатель одного из первых в России провинциальных художественных музеев в Саратове (ныне Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева).

[3] Шовкуненко Алексей Алексеевич (1884—1974) — живописец и график. Народный художник СССР, действительный член АХ СССР.

[243] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Корин Павел Дмитриевич (1892—1967) — живописец, художник-реставратор древнерусской живописи. Народный художник СССР, действительный член АХ СССР.

[2] Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942) — живописец. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

[244] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] Шмаринов Дементий Алексеевич (р. 1907) — художник-график. Народный художник СССР, действительный член АХ СССР. Автор известных иллюстраций к произведениям Ф. М. Достоевского, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. М. Горького. Через 12 лет после написания этого письма произойдет знакомство З. Е. Серебряковой с Д. А. Шмариновым (см. статью Д. А. Шмаринова).

[245] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] К 100-летию со дня рождения Евгения Александровича Лансере (1848—1887) в Москве в Центральном Доме работников искусств была открыта выставка его работ (апрель — май 1949 г.).

[2] Был издан «Каталог выставки картин и этюдов А. П. Боголюбова и скульптора Е. А. Лансере» (М., 1949).

[246] Там же
[1] Имение, куда поехала З. Е. Серебрякова, находилось в центре Франции, в Бургундии.

[247] Там же
[1] Речь идет о трилогии В. Г. Яна «Нашествие монголов»: «Чингис-хан», «Батый» и «К последнему морю». Трилогия произвела такое сильное впечатление на всю семью Серебряковых, что сын художницы, Александр Борисович, в одном из писем брату пишет, что он с большим желанием взялся бы иллюстрировать это произведение.

[248] Там же

[249] Там же
[1] Гонзаго (Гонзага) Пьетро ди Готтардо (Петр Федорович, 1751—1831) — итальянский художник, работавший в России. Мастер монументальных декоративных росписей, театральный декоратор, один из создателей парка в Павловске под Петербургом. Интересно, что его сын, Пьетро Гонзаго, декоратор Петербургских императорских театров, жил в середине XIX в. в той самой квартире на улице Глинки, 15, где позже жила у отца овдовевшая Екатерина Николаевна Лансере с детьми. Татьяна Борисовна Серебрякова сообщает: «В 1950 г. в помещении мастерских МХАТ СССР им. Горького работал художник-реставратор А. Д. Корин (брат П. Д. Корина) по восстановлению утраченных декораций Гонзаго, принадлежавших музею (Театр) «Архангельское». Были заново написаны падуга и часть кулисы к картине «Таверна». Я помогала в этой работе, о чем и писала матери» (письмо в изд-во «Изобразительное искусство»).

[250] Архив Е. Б. Серебрякова
[1] Имеются в виду кн.: *Сидоров А. А.* История оформления русской книги. М.; Л., 1946; *Андроников И. Л.* Рассказы литературоведа. М.; Л., 1948; *Глинка В. М.* Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1949; *Лебедев Г. Е.* Русская живопись первой половины XVIII в. Л.; М., 1938; *Колосанти А.* Декор потолков и сводов в итальянской архитектуре. М., 1947.

[251—253]
Архив Т. Б. Серебряковой

[254] Архив Е. Б. Серебрякова

[255] Там же
[1] Фильм «Каменный цветок», 1946 г., режиссер-постановщик А. Птушко, был создан по мотивам сказов П. П. Бажова (1879—1950), вошедших в его книгу «Малахитовая шкатулка» (первое издание в 1939 г.).
[2] В журнале «Искусство» (июль — август 1949 г., с. 74—78) была опубликована статья Б. Федорова о Е. А. Лансере, иллюстрированная репродукциями девяти работ скульптора: «Арабская конная игра», «Ловля дикой лошади», «Украинец-плужник», «Прощание казака с казачкой» и др.
[3] *Белехов Н. Н., Петров А. Н.* Иван Старов: Материалы к изучению творчества. М., Акад. архитектуры СССР, 1950.
Старов Иван Егорович (1745—1808) — петербургский архитектор. В 1787 г. по эскизам Кваренги и Старова началось строительство дворца для Екатерины II в Пелле (на берегу Невы, недалеко от Петербурга). После смерти Екатерины по указу Павла I дворец в 1796 г. был разобран для строительства Михайловского замка в Петербурге.

[256] Там же

[257] Архив Т. Б. Серебряковой
[1] Макаров Владимир Кузьмич (1885—1970) — историк искусства, музейный деятель, доктор искусствоведения. Семьи Макаровых и Бенуа-Серебряковых связывала многолетняя дружба. В письме указана книга: *Макаров В. К.* Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М.; Л., 1950.

[258] Там же
[1] По рекомендации директора Музея декоративных искусств Александр Борисович Серебряков выполнил более 40 акварельных интерьеров для известного в Париже коллекционера и знатока искусств испанского атташе по делам культуры Карлоса де Бестеги, который и пригласил его в Венецию. В послевоенные годы Бестечи приобрел один из самых красивых венецианских дворцов (палаццо Лабиа) с фресками Тьеполо. Реставрация этого дворца длилась несколько лет, для

его украшения было куплено много старинных картин, мраморных бюстов, гобеленов и т. д. По случаю завершения этих работ в 1951 г. был устроен грандиозный костюмированный бал в стиле XVIII века — событие, отмеченное прессой многих стран как «бал века».

[259] Архив Е. Б. Серебрякова

[260] Там же
[1] Храповицкий Александр Васильевич (1749—1801) — статс-секретарь Екатерины II. Его дневник был переиздан в 1901 г. П. И. Бартеневым как приложение к «Русскому архиву».
[2] *Толстой Л. Н.* Три медведя. М.; Л., 1950. О В. В. Лебедеве см. примеч. 1 к письму 174.
[3] Возможно, московский художник Константин Васильевич Кузнецов (1886—1943), неоднократно иллюстрировавший русские сказки.

[261] Архив Т. Б. Серебряковой
[1] Балет «Белоснежка», музыка М. Ивейна, балетмейстер-постановщик С. М. Лифарь.

[262] Там же

[263] Архив Е. Б. Серебрякова

[264] Там же
[1] Серов Валентин Александрович. Рисунки к басням И. А. Крылова/Сост. Д. В. Горлов. М.; Л., 1951.
[2] Кузнецов Павел Варфоломеевич (1878—1968) — живописец, график, монументалист. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

[265] Там же.
[1] Татьяна Борисовна Серебрякова сообщает: «...мама и брат Шура рассказывали, что во время войны и оккупации Парижа в этой мастерской некоторое время жил А. Н. Бенуа с Анной Карловной и в этой же мастерской, прячась от фашистов, ночевал И. Гурвич. Мастерская не принадлежала А. Б., он ее снимал еще до войны» (письмо в изд-во «Изобразительное искусство»).

[266] Там же
[1] Щекатихина-Потоцкая Александра Васильевна (1892—1967) — живописец, театральный художник, мастер росписи по фарфору. Работала на фарфоровом заводе им. М. В. Ломоносова.

[267] Там же
[1] Александр Николаевич Бенуа писал свои воспоминания в течение многих лет. В 1955 г. в Нью-Йорке были изданы первые две части воспоминаний на русском языке, несколькими годами позже в Лондоне вышло в свет продолжение воспоминаний (сокращенный вариант) на английском языке. В 1980 г. в Москве был издан наиболее полный вариант воспоминаний А. Н. Бенуа в 2-х томах (изд-во «Наука»).

[268] Там же
[1] *Шмидт И.* Е. Лансере. М., 1954.
[2] *Некрасова Е.* Г. Н. Скородумов. М., 1954; *Тарасов Л.* А. А. Попов. М., 1954; *Беспалова Л.* Л. Л. Каменев. М., 1954.
[3] На выставку-прием в мастерской Зинаиды Евгеньевна и Екатерины Борисовны Серебряковых (30 мая — 7 июня 1954 г.) были приглашены друзья и знакомые.

[269] Там же

[270] Там же
[1] «Воспоминания о русском балете» А. Н. Бенуа были опубликованы впервые в журнале «Русские записки», Париж, 1939. Через два года они вышли в Лондоне на английском языке (переизданы в 1945 и 1947 гг.). Воспоминания о балете (в сокращенном виде) вошли в советское издание воспоминаний А. Н. Бенуа (М., 1980).

[271] Архив Т. Б. Серебряковой
[1] В годы, предшествовавшие второй мировой войне, З. Е. Серебрякова периодически выставляла свои работы. Кроме коллективных выставок, в которых она принимала участие, с 1927 по 1938 г. состоялось пять персональных выставок художницы в Париже (четыре — в галерее Шарпантье, одна — у Гиршмана), одна, в 1931 г. (совместно с художником Д. Д. Бушеном), — в Брюсселе. В 1950-е гг., когда за рубежом широко распространилось искусство абстрактное, творчество З. Е. Серебряковой было предано забвению.
[2] Большая выставка произведений Александра Николаевича Бенуа (работы для театра, портреты и пейзажи), его сына Николая и дочери Елены была устроена в вилле Ольмо на берегу озера Комо. Еще более представительная выставка ра-

бот членов семьи Бенуа состоялась в Лондоне (15 декабря 1960 — 7 января 1961 г.) В ней участвовали также племянница А. Н. Бенуа — Надежда Леонтьевна Устинова, ее сын — Питер Устинов и внук А. Н. Бенуа — Александр Черкесов. На этой выставке экспонировались три пейзажа З. Е. Серебряковой и два натюрморта ее дочери Екатерины.

[272] Там же
[1] В июле — августе 1955 г. Серебрякова в течение трех недель гостила в Женеве у своей старой знакомой.

[273] Там же

[274] Архив Е. Б. Серебрякова

[275] Там же
[1] *Бенуа А. Н.* Царское Село в царствование императрицы Елисаветы Петровны (материалы для истории искусства в России в XVIII веке). СПб., 1910.
[2] «Казаки» Л. Толстого с иллюстрациями Е. Е. Лансере издавались неоднократно. В данном случае речь идет, очевидно, об издании, появившемся уже после смерти художника (М.; Л., 1949).

[276] Архив Т. Б. Серебряковой
[1] З. Е. Серебрякова не права, считая, что мемуары А. Н. Бенуа интересны только для его близких. Так, академик Д. С. Лихачев пишет: «Воспоминания Александра Бенуа — огромнейший и бесценный клад различных сведений, блестящий литературный памятник,— памятник, принадлежащий не только выдающемуся деятелю, но и человеку с глазами художника и искусствоведа, оценившему не только художественные произведения своего времени, но и все то художественное наследие, которое оказалось таким действенным для конца XIX—начала XX в.» (из предисловия к двухтомному изданию: *Бенуа Александр.* Мои воспоминания. М., 1980).

[277] Архив Е. Б. Серебрякова
[1] Бургункер Евгений Осипович (1906—1966) — художник-график. Иллюстрировал и оформлял книги для многих издательств. Одна из них — «Песнь о Гайавате» Лонгфелло (М., 1955). За эту работу художник получил первую премию на всесоюзом конкурсе — «Лучшие книги 1960 г.».
[2] *Лансере Н. Е.* Летний дворец Петра I. Л., 1929.
[3] З. Е. Серебрякова ошибается: речь шла о современном венгерском скульпторе Жигмонде Кишфалуди-Штробле (1884—1975), большая выставка которого была организована в 1955 г. в Москве и Ленинграде. Одна из работ скульптора «Стрелок из лука» (1919) украшает внутренний двор-сад б. Зимнего дворца в Ленинграде.
[4] Фильм «Мир тишины» (1956 г.) создан известным французским океанографом, зачинателем подводных исследований и киносъемок Жаком Ивом Кусто; шел на экранах СССР.

[278] Архив Т. Б. Серебряковой
[1] Работа над спектаклем «Кремлевские куранты» Н. Ф. Погодина впервые началась под руководством В. И. Немировича-Данченко весной 1941 г. Премьера состоялась в январе 1942 г. в Саратове, куда МХАТ был эвакуирован. Режиссура — В. И. Немировича-Данченко, Л. М. Леонидова и М. О. Кнебель; художник В. В. Дмитриев. В 1956 г. спектакль был возобновлен в новой редакции режиссера М. О. Кнебель. Для этого спектакля Т. Б. Серебрякова выполнила декорации по старым эскизам В. В. Дмитриева.

[279] Архив Е. Б. Серебрякова
[1] Ефанов Василий Прокофьевич (1900—1978) — живописец. Народный художник СССР, действительный член АХ СССР; Чуйков Семен Афанасьевич (1902—1980) — живописец. Народный художник СССР, действительный член АХ СССР; Финогенов Константин Иванович (род. 1902) — живописец. Заслуженный деятель искусств РСФСР.
[2] Рудаков Константин Иванович (1891—1949) — художник-график, иллюстратор русской и зарубежной классической литературы; Чарушин Евгений Иванович (1901—1965) — художник-график, иллюстратор детских книг и писатель. Заслуженный деятель искусств РСФСР; Дубинский Давид Александрович (1920—1960) — художник-иллюстратор; Ермолаев Борис Николаевич (1903—1982) — художник-график.

[280] Архив Т. Б. Серебряковой
[1] Летом 1956 г. в Париже гастролировал Московский музыкальный театр им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Ба-

лет П. И. Чайковского «Лебединое озеро» шел в постановке балетмейстера В. П. Бурмейстера.

[281] Там же

[1] Калачева Мария Евгеньевна — сестра художницы (см. примеч. 2 к письму 11).

[2] *Чуйков С. А.* Образы Индии: Записки художника. М., 1956.

[282] Там же

[1] З. Е. Серебрякова ошибается: 14 августа 1956 г. М. В. Добужинскому исполнился 81 год.

[2] Богородский Федор Семенович (1895—1959) — живописец. Заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент АХ СССР.

[283] Там же

[284] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] Как всегда, З. Е. Серебрякова очень строга к своему творчеству. Обе упомянутые в письме работы хранятся в ГРМ: 1. «Две крестьянские девушки» (м., х.) — фрагмент одного из несохранившихся вариантов картины «Жатва», послуживший этюдом для картины 1915 г.

[2] «Карточный домик» 1919 г.— групповой портрет детей художницы.

[285] Там же

[286] Там же

[1] Савинов Алексей Николаевич (1906—1976) — историк искусства, педагог, музейный деятель. Доктор искусствоведения. Автор монографии «А. Г. Венецианов» (М., 1955), о которой идет речь в письме З. Е. Серебряковой. Позже состоял в переписке с художницей и написал о ней ряд статей и книжку: *Савинов А. Н.* З. Е. Серебрякова. Л., 1973.

[287] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] В 1956 г. в связи со 100-летием со дня рождения Михаила Александровича Врубеля (1856 — 1910) была устроена большая выставка его работ в Москве, Ленинграде и Киеве.

[288] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] *Беспалова Л. А.* А. М. Васнецов. М.: Искусство, 1956.

[2] Картина «Спящая крестьянка» (х., м. 1917 г.) хранится в собрании О. И. Рыбаковой (Ленинград).

[289] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Н. В. Николаев — сын Т. Б. Серебряковой (см. примеч. 1 к письму 229).

[2] Кепинов Григорий Иванович (1886—1966) — скульптор. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

[290] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] Кеменов Владимир Семенович (р. 1908) — историк искусства, художественный критик. Доктор искусствоведения. Заслуженный деятель искусств РСФСР, вице-президент АХ СССР.

[2] *Кеменов В. С.* Статьи об искусстве. М., 1956.

[291—292]
Там же

[293] Там же

[1] Будучи в Англии, Серебрякова познакомилась с жившими там двумя русскими художницами, матерью и дочерью, которые пригласили ее и Екатерину Борисовну погостить у них в маленьком португальском городке Кашкайш, в 50 км от Лиссабона. В благодарность за гостеприимство Серебрякова хотела написать портрет пригласившей ее художницы, но, заболев воспалением легких, не смогла это сделать.

[294] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Живущая в Москве Татьяна Борисовна Серебрякова трижды ездила в Париж к своей матери — в 1960, 1964 и 1967 гг.

[2] Всемирная выставка в Брюсселе 1958 г.

[295—296] Архив Е. Б. Серебрякова

[297] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Дейнека Александр Александрович (1899—1969) — живописец, график. Народный художник СССР, действительный член АХ СССР; Герасимов Сергей Васильевич (1885—1964) — живописец, график. Народный художник СССР, действительный член АХ СССР; Кукрыниксы (псевдоним) — творческое содружество трех художников — графиков и живописцев: Куприянов Михаил Васильевич (р. 1903), Крылов Порфирий Никитич (р. 1902), Соколов Николай Александрович (р. 1903). Народные художники СССР, действительные члены АХ СССР.

[298] Там же

[1] Летом 1958 г. в Москве и Ленинграде состоялись гастроли балетной труппы Национального опер-

ного театра Франции («Гранд-опера»), показавшей несколько программ, в одной из которых были представлены балет Адана «Жизель» в редакции С. М. Лифаря и оформлении А. Н. Бенуа и балет-феерия «Дивертисмент», созданный С. М. Лифарем по мотивам «Спящей красавицы» П. И. Чайковского в декорациях и костюмах Д. Д. Бушена. В роли Жизели выступила прима-балерина театра Лиан Дейде (р. 1932).

[299] Там же

[1] Речь идет о спектакле «Вишневый сад».

[2] Солодовников Александр Васильевич (р. 1904) — театральный деятель, журналист, критик. В 1938—1945 гг. — начальник Главного управления театров Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР. В 1948—1951 гг. — директор Большого театра, в 1955—1963 гг. — директор МХАТа.

[3] Иванова Кира Николаевна (в замужестве Головко, р. 1918) — актриса МХАТа. Народная артистка РСФСР.

[4] Иванова Лидия Александровна (1903—1924) — ленинградская балерина, обладавшая яркой индивидуальностью, трагически погибла, утонув в Неве. З. Е. Серебрякова создала несколько портретов Л. А. Ивановой.

[300—302]
Там же

[303] Там же

[1] Полуектова Елизавета Моисеевна — врач, знакомая Серебряковых, в 1957 г. была как турист в Москве и Ленинграде.

[2] В 1947 г. в Париже, близ площади Согласия, в бывшем Зале для игры в мяч, был открыт музей импрессионизма.

[304] Там же

[1] В 1958 г. в Москве состоялась персональная выставка произведений В. И. Шухаева.

[2] Речь идет о работах Б. М. Кустодиева: «Портрет В. В. Матэ» (1902, ГРМ) и «Портрет профессоров П. Л. Капицы и Н. Н. Семенова» (1921, Москва, частное собрание). Какой автопортрет Б. М. Кустодиева имеется в виду, установить не удалось. Статья Г. Верейского «Б. М. Кустодиев в последние годы жизни» была опубликована в газете «Московский художник», 1958, № 15.

[3] Рерих Николай Константинович (1874—1947) — живописец, археолог, историк искусства. В 1957—1958 гг. была устроена большая выставка произведений художника в Москве, Ленинграде, Киеве, Риге, Тбилиси.

[305] Там же

[1] Данилова Александра Дионисьевна (р. 1904) — балерина, в 1921—1924 гг. работала в Петроградском театре оперы и балета (б. Мариинском), с 1924 г. живет за границей. В 1922 г. Серебрякова написала ее пастельный портрет в костюме из балета «Павильон Армиды» (ГЦТМ). Свекис Е. А. (ум. 1968) — балерина, работала в Петроградском театре оперы и балета, позднее — за рубежом в труппе Анны Павловой. Баланчивадзе Георгий Мелитонович (Джордж Баланчин, 1904—1983) — танцовщик, балетмейстер. В 1921—1924 гг.— артист Петроградского театра оперы и балета. С 1925 г. жил за границей, с 1933 г.— в США, был балетмейстером в труппе С. П. Дягилева, создал в США собственную балетную труппу, с которой приезжал на гастроли в СССР. В ГЦТМ хранится его пастельный портрет работы З. Е. Серебряковой.

[2] Шмидт Игорь Максимилианович (р. 1921) — кандидат искусствоведения. Очевидно, в это время Шмидт работал над статьей о портретном творчестве З. Е. Серебряковой. Статья вошла в сборник: Очерки по истории русского портрета конца XIX — начала XX века. М., 1964.

[3] Речь идет о брошюре Т. Б. Серебряковой «Как писать декорации (технология театральной живописи)» (М., 1959).

[306] Там же

[307] Архив Е. Б. Серебрякова

[308] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Марке Альбер (1875—1947) — французский живописец-пейзажист. В 1958—1959 гг. в Москве, Ленинграде и Киеве состоялась большая выставка работ художника.

[2] Очевидно, имеется в виду книга Т. В. Алексеевой «Художники школы Венецианова» (М., 1958).

[3] Сорока Григорий Васильевич (1823—1864) — живописец, мастер пейзажа и портрета, один из любимых учеников А. Г. Венецианова.

[309] Там же
[1] Юон Константин Федорович (1875—1958) — живописец, график, театральный художник. Мастер пейзажа и жанровых сцен. Народный художник СССР, действительный член АХ СССР. Речь идет о монографии: *Третьяков Н. Н.* К. Ф. Юон. М., 1958.

[310] Архив Е. Б. Серебрякова
[1] *Василенко В. М.* Искусство Хохломы. М., 1959.

[311] Там же
[1] Выставка «Русский портрет XVIII — начала XX в.». Каталог. Л., 1959. Выставку организовал в 1958 г. Научно-исследовательский музей Академии художеств СССР в Ленинграде.

[312] Архив Т. Б. Серебряковой

[313] Там же
[1] «Идиот». Мосфильм, 1958. Режиссер-постановщик И. А. Пырьев.
[2] В 1957 г. в Москве проходил смотр-конкурс учащихся хореографических училищ Советского Союза. Позже по материалам конкурса был создан документальный фильм «Душой исполненный полет». Молодой балериной, о которой пишет Серебрякова, танцевавшей вариацию из балета П. И. Чайковского «Щелкунчик», была Екатерина Максимова, тогда еще ученица Московского хореографического училища, ныне народная артистка СССР.

[314] Там же
[1] Сергей Васильевич Герасимов: Альбом репрод./Предисл. Н. Соколовой. М., 1959.
[2] Серебрякова имеет в виду статью М. Факторовича о выставке русского искусства в Киеве (из частных собраний), где была представлена работа З. Е. Серебряковой, упоминаемая в письме, — темперный автопортрет, а также этюды крестьян, причем автор статьи высоко оценивает «Автопортрет».

[315] Там же

[316] Там же
[1] Г. С. Верейский. Рисунки и литографии: 24 репрод./Авт. текста Б. Сурис. Л., 1959.

[317] Там же
[1] *Алпатов М. В.* Андрей Рублев. М., 1959.

[318] Архив Е. Б. Серебрякова
[1] В 1958—1959 гг. в Москве (ГТГ), а затем в Ленинграде (ГРМ) была организована большая выставка работ В. А. Серова (1865—1911).

[319] Архив Т. Б. Серебряковой
[1] Иван Валентинович Николаев — сын Т. Б. Серебряковой.
[2] Александр Николаевич Бенуа скончался в Париже 9 февраля 1960 г., похоронен на парижском кладбище Батиньоль, где погребена и его жена Анна Карловна (Атя) Бенуа.

[320] Архив Е. Б. Серебрякова
[1] В 1957—1958 гг. в Москве и Ленинграде состоялась большая выставка работ И. Е. Репина, в 1959—1960 гг. в Ленинграде, Москве и Киеве — выставка работ Б. М. Кустодиева.

[321] Там же
[1] Рылов Аркадий Александрович (1870—1939) — художник-пейзажист. Ученик А. И. Куинджи. Заслуженный деятель искусств РСФСР.
[2] Штеренберг Василий Иванович (1818—1845) — живописец. Картина «В Качановке, имении Г. С. Тарновского» хранится в ГРМ.

[322] Архив Т. Б. Серебряковой

[323] Там же
[1] З. Е. Серебрякова передала в дар Государственному Русскому музею свой автопортрет, написанный в Париже в 1946 г.

[324] Там же
[1] Пименов Юрий Иванович (1903—1977) — живописец, график, театральный художник. Народный художник СССР, действительный член АХ СССР. Речь идет о книжке путевых заметок Ю. И. Пименова «Год путешествий» (М., 1960).

[325] Там же
[1] Речь идет о небольшой статье С. В. Михалкова, посетившего весной 1960 г. в Милане художника Н. А. Бенуа, «Встречи с художником» («Литературная газета», 4 октября 1960 г.).
[2] Лопез Артуро (? — 1962) — крупный парижский коллекционер, меценат. Екатерина Борисовна Серебрякова около двух лет работала над

миниатюрным макетом спальни Лопеза в стиле Людовика XIV.

[326] Архив Е. Б. Серебрякова
[1] А. Я. Головин. Встречи и впечатления. Письма. Воспоминания о Головине. Л.; М., 1960.
Головин Александр Яковлевич (1863—1930) — живописец, график, театральный художник, мастер декоративно-прикладного искусства, народный артист РСФСР.

[327] Архив Т. Б. Серебряковой
[1] Гварди Франческо (1712—1793) — венецианский живописец.
[2] Речь идет о художнике Беллото Бернардо (1720—1780), прозванном Каналетто-младший, племяннике и ученике знаменитого венецианского мастера Антонио Канале (Каналетто). Он прожил около 30 лет в Польше. Написал серии городских видов Дрездена, Вены и Варшавы. Картины художника явились ценными документами при восстановительных работах в старых районах Варшавы после второй мировой войны.

[328] Архив Е. Б. Серебрякова
[1] Рисунки И. И. Шишкина: Альбом / Текст А. Н. Савинова. М., 1960.

[329] Архив Т. Б. Серебряковой.

[330] Там же
[1] Соколов Алексей Константинович (р. 1922) — живописец-монументалист, педагог. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

[331] Архив Е. Б. Серебрякова
[1] Речь идет о присланных из Ленинграда книгах: *Колпинский Ю.* По Греции и Италии. М., 1960; *Константиновский А.* Сто дней в Китае: Путевые заметки художника. Л., 1959.

[332] Архив Т. Б. Серебряковой

[333] Там же
[1] См. примеч. 1 к письму 249.
[2] Лифарь Сергей Михайлович (1905—1986) — ведущий танцовщик в труппе С. П. Дягилева (1923—1929), его близкий друг. В течение многих лет — балетмейстер, руководитель балетной труппы в «Гранд-опера». Автор многих литературных трудов о балете, в том числе книги «Дягилев и с Дягилевым» (Париж, 1939). Известный коллекционер, исследователь и пропагандист творчества А. С. Пушкина на Западе. Приезжал в СССР, передал в дар советским музеям ряд реликвий русской культуры.

[334] Там же
[1] Шовире Ивет (р. 1917) — французская балерина, балетмейстер, педагог. Ведущая танцовщица в «Гранд-опера» (1935—1972). Неоднократно гастролировала в СССР.

[335] Там же
[1] Речь идет о фотографиях эскизов декоративных панно, выполненных З. Е. Серебряковой для Казанского вокзала в Москве, и картины «За завтраком» (ГТГ).

[336] Там же
[1] Беггров Карл Петрович (1799—1875) — живописец и график. Акварель «Вид Михайловского дворца» (1832) хранится в ГРМ.
[2] Машков Илья Иванович (1881—1944) — живописец, мастер натюрморта. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Натюрморт «Снедь московская. Хлебы» (1924) находится в ГТГ.

[337] Там же

[338] Там же
[1] Евгения Александровна Виноградова — жена Посла СССР во Франции Сергея Александровича Виноградова.
[2] Дочери А. Н. Бенуа — Анна Александровна Черкесова и Елена Александровна Клеман.
[3] Моисеев Игорь Александрович (р. 1906) — балетмейстер. Организатор и руководитель Государственного ансамбля народного танца СССР. Народный артист СССР. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

[339, 340]
Там же
[1] Выставка работ М. В. Нестерова была организована к 100-летию со дня рождения художника в мае — июне 1962 г. в залах Академии художеств в Ленинграде, затем в Москве. Издан каталог со вступительной статьей А. А. Русаковой (М., 1962).

[341] Там же
[1] Бенатов Леонард Михайлович — живописец, скульптор, коллекционер. Живет в Париже. Четыре карандашных портрета В. И. Ленина, выполненных художником Ф. А. Малявиным, были им переданы

в дар Государственному Русскому музею.

Малявин Филипп Андреевич (1869—1940) — живописец, график, член объединений «Мир искусства» и Союз русских художников. Умер в Париже.

[2] Живова Олимпиада Алексеевна (р. 1901) — научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи. Автор монографии «Ф. А. Малявин. 1869—1940. Жизнь и творчество» (М., 1967).

[3] Нотгафт Федор Федорович (1886—1942) — художественный и издательский деятель, коллекционер, музейный работник. Один из основателей издательства «Аквилон», которое в 1922 г. издало монографию С. Эрнста о З. Е. Серебряковой. С 1938 г.— заведующий издательством Эрмитажа.

В 1962 г. в Эрмитаже была организована Выставка картин и рисунков русских художников начала XX века из собрания Ф. Ф. Нотгафта. Двумя годами позже все работы русских художников из этой коллекции поступили в Русский музей. В их числе и портрет Д. Д. Бушена работы З. Е. Серебряковой, с авторской надписью: «Дорогой Тасе от З. Серебряковой 29 октября 1922» (подарок жене Нотгафта, Анастасии Сергеевне).

[4] Г. С. Верейский умер 18 декабря 1962 г. в Ленинграде.

[342] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] Очевидно, имеется в виду книга Н. И. Никулиной «Силуэты Ф. П. Толстого» (Л., 1961).

[2] Каталог выставки картин и рисунков русских художников начала XX века из собрания Ф. Ф. Нотгафта/Вступ. ст. В. Ф. Левинсона-Лессинга. Л., 1962.

[3] Дети. Рисунки Н. Н. Жукова: Альбом репрод. / Авт. текста С. Михалков. М., 1962.

[4] *Лебедев А. К.* Искусство в оковах. М., 1962.

[343] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Больдини Джованни (1842—1931) — итальянский художник, много лет работавший в Париже; портретист и жанрист салонного направления.

[344—345]
Там же

[346] Архив Е. Б. Серебрякова

[347] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Настенька — правнучка З. Е. Серебряковой, дочь художника Ивана Валентиновича Николаева, сына Татьяны Борисовны Серебряковой.

[348] Там же

[349] Там же

[1] Очевидно, речь идет о концерте Государственного ансамбля песни и пляски Советской Армии им. А. В. Александрова.

[350] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] Очевидно, кн.: Врубель: Переписка. Воспоминания о художнике. Л.; М., 1963.

[2] В 1963 г. вышла монография В. П. Князевой «Н. К. Рерих. 1874—1947» (Л.; М., 1963).

[351] Архив Т. Б. Серебряковой

[352] Там же

[1] Выставка произведений В. А. Серова к 100-летию со дня рождения: Каталог/Вступ. ст. М. Неклюдовой. М., 1965.

[353] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] *Раскин А.* Шаляпин и русские художники. Л.; М., 1963.

[2] *Ивенский С. Г.* Николай Ефимович Тимков. Л., 1963. Тимков Николай Ефимович (р. 1912) — ленинградский художник, пейзажист.

[354] Там же

[1] В апреле — мае 1964 г. Татьяна Борисовна Серебрякова была в Париже, где отбирала произведения для готовящейся в СССР выставки Зинаиды Евгеньевны.

[355] Архив Т. Б. Серебряковой

[356] Там же

[1] 21 июня 1964 г. в парижском Театре Сарры Бернар был показан спектакль МХАТа «Мертвые души».

[357] Там же

[358] Там же

[1] Речь идет об афише для предстоящей выставки работ З. Е. Серебряковой в Москве. Эту афишу сделал И. В. Николаев, сын Т. Б. Серебряковой. На афише была воспроизведена картина «Крестьяне» (1914, ГРМ).

[359] Архив Е. Б. Серебрякова

[360] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Зильберштейн Илья Самойлович (р. 1905) — литературовед, историк искусства, доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии СССР. В то время И. С. Зильберштейн собирал материал для фундаментального издания о художнике В. А. Серове: Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников/Ред.-сост., авт. вступ. ст., очерков о мемуаристах и коммент. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. Л., 1971, т. I—II.

[361] Там же

[1] Иванов Сергей Петрович (1900—1983) — художник-портретист, жил во Франции, Аргентине, Мексике. Умер в Париже. Его портрет исполнен З. Е. Серебряковой в 1941 г.

[2] Шапиро Ефим Израилевич (1900—1977) — коллекционер, жил в Лондоне. Часть своей коллекции завещал Государственному Эрмитажу. З. Е. Серебрякова написала его портрет в 1940 г. (Фрунзе, Музей изобразительных искусств).

[3] Попова Берта Ефимовна (р. 1892) — жена известного парижского антиквара А. А. Попова. Ее портрет исполнен З. Е. Серебряковой в 1940 г. (ГТГ).

[4] Лукомская Софья Михайловна (урожденная Драгомирова, 1871—1953). Широко известны ее портреты работы В. А. Серова и И. Е. Репина, написанные в 1889 и 1900 гг. в Петербурге. Портрет С. М. Драгомировой-Лукомской работы З. Е. Серебряковой исполнен в 1947 г. (Калужский областной художественный музей).

[362] Архив Е. Б. Серебрякова

[363] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Статья Т. Б. Серебряковой «Творчество, принадлежащее Родине» опубликована в журнале «Москва», 1965, № 10. См. настоящий сборник.

[364] Там же

[1] Кадью Анри (р. 1906) — современный французский живописец.

[365] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] Очерки по истории русского портрета конца XIX — начала XX века. М., 1964.

[2] Фешин Николай Иванович (1881—1955) — живописец, портретист. С 1923 г. жил в США.

[366] Там же

[1] В мае 1965 г. в Москве в выставочном зале Союза художников СССР была открыта большая выставка работ З. Е. Серебряковой (более 250 произведений) из собраний советских музеев, частных коллекций и привезенных из Парижа от автора. После Москвы выставка экспонировалась в Киеве и Ленинграде.

[367] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Статья Д. Шмаринова «Светлый талант» была опубликована 8 июня 1965 г. в газете «Советская культура» (см. настоящий сборник).

[368] Там же

[1] Каталог персональной выставки З. Е. Серебряковой, 1965 г.

[2] В 1926 г. З. Е. Серебрякова исполнила в Париже портреты композитора Сергея Сергеевича Прокофьева (1891—1953) и дирижера Эмиля Альбертовича Купера (1877—1960).

[369] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] *Чернова Г. А.* Г. С. Верейский. М., 1965.

[2] Известны два портрета З. Е. Серебряковой работы Г. С. Верейского (1921 и 1922). Они воспроизведены в издании: Г. С. Верейский. Альбом автолитографий (Портреты русских художников). Пг., Комитет популяризации художественных изданий Российской Академии материальной культуры, 1922.

[370] Там же

[1] Кравченко Ксения Степановна (1896—1980) — искусствовед. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Автор монографий и ряда статей о мастерах советского искусства. Ее статья о З. Е. Серебряковой «Верность реализму» была опубликована в журнале «Художник», 1965, № 9.

[371] Архив Т. Б. Серебряковой

[372] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] П. И. Нерадовский: Из жизни художника/Вступ. ст. и общ. ред. А. Н. Савинова. Л., 1965.

Нерадовский Петр Иванович (1875—1962) — художник-портретист, историк искусства, музейный деятель; с 1909 по 1932 г. — хранитель, а затем заведующий Художественным отделом Русского музея.

[373] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] З. Е. Серебрякова ошиблась: А. Е. Яковлев умер в возрасте пятидесяти лет.

[374] Там же

[1] Гурвич Иссахар Саулович — историк русского искусства, коллекционер, жил в Париже.

[2] В 1919 г. А. Е. Яковлев совершил короткое путешествие в Японию, отраженное в целом ряде его работ, в числе которых серия, посвященная актерам театра Кабуки. В 1932 г. в Париже был издан альбом с текстом С. И. Елисеева, в который вошло 30 цветных и 48 черно-белых репродукций этой серии.

[375] Там же

[1] И. С. Зильберштейн готовил в то время к изданию книгу «Александр Бенуа размышляет...».

[376] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878—1939) — живописец, график, театральный художник, педагог. Заслуженный деятель искусств РСФСР. В 1966 г. в Москве и Ленинграде была организована большая выставка работ художника. См.: Каталог/Авт. вступ. ст. Е. Н. Селизарова, сост. Н. А. Барабанова и Е. Н. Селизарова. М.; Л., 1966.

[377] Архив Т. Б. Серебряковой

[1] Бродский Иосиф Анатольевич (1909—1980) — историк искусства. Профессор Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР. В 1960-е гг. был главным редактором издательства «Художник РСФСР».

[378] Там же

[1] Пушкарев Василий Алексеевич (р. 1915) — кандидат искусствоведения, в 1951—1977 гг. — директор Государственного Русского музея. Неоднократно бывал в командировках в Париже, навещал З. Е. Серебрякову, которая в 1967 г. написала его портрет (собр. В. А. Пушкарева). В 1966 г. Русский музей приобрел с выставки З. Е. Серебряковой 21 произведение художницы (см.: Гос. Русский музей. Живопись XVIII — начала XX века: Каталог. Л., 1980).

[2] Акимов Николай Павлович (1901—1968) — живописец, график, театральный деятель. Многолетний художественный руководитель, режиссер и художник ленинградского Театра Комедии. Народный артист СССР. Н. П. Акимов известен и как автор литературных трудов: в 1962 г. вышла его книга «О театре», в 1966 г. — книга «Не только о театре». Очевидно, последняя и была послана З. Е. Серебряковой.

[379] Там же

[1] З. Е. Серебрякова ошибается: ее внук, И. В. Николаев, был в Армении и Средней Азии.

[380] Там же

[1] Лебедев Поликарп Иванович (1904—1981) — историк русского и советского искусства. Заслуженный деятель искусств РСФСР, член-корреспондент АХ СССР. В 1960—1970-е гг. — директор Государственной Третьяковской галереи.

[381] Там же

[1] Живущие в СССР Татьяна Борисовна и Евгений Борисович Серебряковы неоднократно гостили у Зинаиды Евгеньевны в Париже.

[382] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] *Бирский В. Р.* Обезьяний переполох в искусстве. Л., 1964.

[2] Терпсихоров Николай Борисович (1890—1960) — художник, работал в области портретной, пейзажной и жанровой живописи.

[383] Архив Т. Б. Серебряковой

[384] Там же

[1] Белашова Екатерина Федоровна (1906—1971) — скульптор. Народный художник СССР. Член-корреспондент АХ СССР.

З. Е. Серебрякова получила, очевидно, издание: Е. Белашова: Альбом репрод./Предисл. Б. Федорова. М., 1966.

[2] *Глозман И. М.* и *Тыдман Л. В.* Кусково. М., 1966.

[3] А. Б. Серебряков неоднократно участвовал в выставках и получал награды.

[385] Архив Е. Б. Серебрякова

[1] 6 сентября 1967 г. у З. Е. Серебряковой произошло кровоизлияние в мозг с параличом правой стороны. Она была перевезена в больницу, где, не приходя в сознание, 19 сентября скончалась.

Письма советским и зарубежным искусствоведам

[386] СР ГРМ, ф. 151, д. 6, л. 1

Климов Евгений Евгеньевич (р. 1901) — художник. Живет в Канаде. Автор книг и статей по русскому искусству (об Ал. Иванове, В. М. Васнецове, Б. М. Кустодиеве, М. В. Добужинском и др.), опубликованных за рубежом. Устроитель выставок и конференций, посвященных русскому искусству. Был дружен и состоял в переписке с А. Н. Бенуа, З. Е. Серебряковой и другими русскими художниками.

[387—394]

Там же, л. 2, 5, 6, 8, 12, 13, 17, 20, 21, 25

[395] Там же, л. 27

[1] Кибрик Евгений Адольфович (1906—1978) — советский график и живописец. Народный художник СССР, действительный член АХ СССР.

[396—399]

Там же, л. 28—31.

[400] Там же, л. 32

[1] Тенишева Мария Клавдиевна (1867—1928) — коллекционер, художественный деятель. Здесь речь идет о художественной студии, которую М. К. Тенишева основала в своем петербургском особняке на Английской набережной (1894—1904) и которой несколько лет (1895—1899) руководил И. Е. Репин.

[401—411]

Архив семьи А. Н. Савинова, Москва

[401] Об А. Н. Савинове см. примеч. 1 к письму 286.

[403]

[1] Речь идет о монографии «А. Г. Венецианов», написанной А. Н. Савиновым.

[405]

[1] См. примеч. 1 к письму 4.

[2] См. примеч. 3 к письму 128.

[3] Князь Юсупов Феликс Феликсович (1887—1967) и его жена Ирина Александровна.

[4] Волконская Ирина Сергеевна (урожденная Рахманинова, 1903—1969) — дочь композитора и пианиста Сергея Васильевича Рахманинова.

[406]

[1] Скульптурная композиция «Лежащий ребенок» украшает настольное пресс-папье (собр. Е. Б. Серебрякова, Ленинград).

[2] Костенко Константин Евтихиевич (1879—1956) — художник-график. До 1922 г. работал в Харькове. Более 30 лет был научным сотрудником Государственного Русского музея. Кандидат искусствоведения.

[3] Часть этих рисунков З. Е. Серебряковой хранится в собрании Е. Б. Серебрякова (Ленинград).

[407]

[1] Кузнецова Мария Николаевна (в трех последовательных браках — Бенуа, Богданова, Массне, 1880—1966) — известная русская певица, дочь художника Н. Д. Кузнецова.

[2] Гиршман Владимир Осипович (1867—1936) — московский фабрикант, коллекционер. Живя в эмиграции, был совладельцем небольшой парижской галереи (см. также примеч. 3 к письму 128).

[410]

[1] Шилтян Григорий Иванович (1900—1985) — живописец, учился в России, в 1920-х гг. поселился во Франции, затем переехал в Рим. В 1983 г. в Москве в ГМИИ состоялась большая выставка его работ.

[2] Вероятно, в письмо были вложены художественные открытки с этих произведений.

[3] Балтус, настоящее имя Валтазар Клоссовский (р. 1908) — французский живописец и сценограф польского происхождения, увлекавшийся сюрреализмом.

[412] Архив И. С Зильберштейна, Москва

Об И. С. Зильберштейне см. примеч. 1 к письму 360.

[1] И. С. Зильберштейн в это время готовил книгу, посвященную А. Н. Бенуа («Александр Бенуа размышляет...», 1968).

[413—415]

Архив Ю. М. Гоголицына, Ленинград

Гоголицын Юрий Модестович — искусствовед.

[1] См. примеч. 4 к письму 218.

[2] З. Е. Серебрякова ошиблась, она не могла писать в 1911 г. жену дирижера Мариинского театра Э. Ф. Направника, Ольгу Эдуардовну, умершую в 1902 г. Может быть, на портрете изображена жена сына

дирижера, тоже музыканта, концертмейстера Большого театра — Александра Эдуардовича Направника. В архиве Серебряковых хранится письмо (от 19 марта 1915 г.) какой-то М. Направник — З. Е. Серебряковой; возможно, что речь идет о ее портрете. Портрет был приобретен в 1920-е гг. у автора ленинградским коллекционером З. З. Гоголицыным и хранится до сих пор у его наследников.

[414]

[1] См. примеч. 2 к письму 361

[2] Графиня Розарио Зубова, жена Сергея Платоновича Зубова (брата основателя Института истории искусств в Петербурге — В. П. Зубова), живя за границей, собрала большую коллекцию картин и основала в Женеве частный музей.

[3] В марте 1926 г. З. Е. Серебрякова написала портрет К. А. Сомова, приобретенный Р. Зубовой. В течение долгого времени портрет считался утраченным (он был забыт владелицей в парижском такси).

[415]

[1] *Подобедова О. И.* Е. Е. Лансере. М., 1961.

[416] Архив Ю. М. Гоголицына

[417—420]

Архив В. П. Князевой, Ленинград

Князева Валентина Павловна — многолетний научный сотрудник Государственного Русского музея, кандидат искусствоведения. Исследователь русского искусства конца XIX — начала XX в. Автор монографии «З. Е. Серебрякова» (М., 1979). Составитель настоящего издания.

[419]

[1] Дошё Андре (1870—1943) — французский художник-живописец и гравер.

[2] Симон Люсьен (1861—1945) — французский художник, работал в области портрета и жанровой живописи. Глава бретонской живописной школы.

СОВРЕМЕННИКИ О ХУДОЖНИЦЕ

Часть вторая

Из писем и дневников

[1] ОР ГТГ, ф. 10, д. 5801

Остроухов Илья Семенович (1858—1929) — живописец, коллекционер. В 1905—1913 гг. — попечитель Третьяковской галереи.

[1] Картина З. Е. Серебряковой «За туалетом» по совету В. А. Серова была приобретена Третьяковской галереей.

[2—44] К. А. Сомов

[2] «К. Сомов». С. 149

[1] Имеется в виду очередная выставка «Мира искусства».

[2] Нарбут Георгий (Егор) Иванович (1886—1920) — художник-график, иллюстратор, член объединения «Мир искусства».

[3] Кругликова Елизавета Сергеевна (1865—1941) — живописец и график, мастер офорта, монотипии и силуэта.

[3] Там же, с. 154

[4] СР ГРМ, ф. 133, д. 109, л. 17—18

[5] «К. Сомов». С. 158

[6] Там же, с. 205

[7] Там же, с. 208

[1] См. примеч. 2 к письму 117.

[2] Так называли Д. Д. Бушена.

[8] Там же, с. 211

[1] Е. А. Степанова, родственница К. А. Сомова, позировала одновременно трем художникам — З. Е. Серебряковой, К. А. Сомову и Д. Д. Бушену. Ее портрет работы Серебряковой хранится в собрании семьи Михайловых (Ленинград).

[9] Там же, с. 213

[10] Там же, с. 218

[1] См. примеч. 1 к письму 126 и примеч. 1 к письму 127. К. А. Сомов был одним из художников, сопровождавших выставку русского искусства в Америку.

[11] Там же, с. 233

Михайлова Анна Андреевна (урожденная Сомова, 1873—1945), сестра К. А. Сомова — певица, художница.

[12] Там же, с. 234—237

Воинов Всеволод Владимирович (1880—1945) — художник-график, искусствовед, музейный деятель. Был секретарем ленинградского комитета Выставки русского искусства в Америке.

[1] Коненков Сергей Тимофеевич (1874—1971) — скульптор. Работал в области портрета, монументальной скульптуры, автор фольклорно-сказочных композиций. Народный художник СССР, действительный член АХ СССР.

[13] Там же, с. 239, 240

[1] Художники получали 50% суммы от продажи произведения

[14] СР ГРМ, ф. 133, д. 426, л. 28.

[1] Речь идет о портретах Г. Л. Гиршман, В. О. Гиршмана (частное собрание за рубежом) и А. Я. Белобородова (ГРМ).

[15] СР ГРМ, ф. 133, д. 145, л. 19

[16] СР ГРМ, ф. 133, д. 427, л. 39

[17] СР ГРМ, ф. 133, д. 147, л. 20

[1] С помощью К. А. Сомова Зинаида Евгеньевна продала несколько своих работ Сергею Васильевичу Рахманинову и его дочери Татьяне.

[2] С. Р. Эрнст и Д. Д. Бушен.

[18] СР ГРМ, ф. 133, д. 428, л. 16
[1] Т. С. Рахманинова.

[19] «К. Сомов». С. 290
[1] Речь идет о портрете Ирины Сергеевны Волконской, дочери С. В. Рахманинова (частное собрание, США).

[20] СР ГРМ, ф. 133, д. 428, л. 28

[21] СР ГРМ, ф. 133, д. 148, л. 32
[1] Речь идет о Д. Д. Бушене и С. Р. Эрнсте.

[22] СР ГРМ, ф. 133, д. 149, л. 14, 15; «К. Сомов». С. 295 (с купюрами)
[1] Трубников Александр Александрович (1883—1966), псевдонимы Лионель и Трофимов — писатель, художественный критик, коллекционер, один из совладельцев типографии «Сириус» в Петербурге, был сотрудником Эрмитажа.

[23] «К. Сомов». С. 298.

[24] Там же, с. 298
[1] Екатерина Николаевна Лансере, мать художницы.
[2] Портрет был приобретен графиней Р. Зубовой. См. примеч. 2, 3 к письму 414.

[25] СР ГРМ, ф. 133, д. 150, л. 20

[26] СР ГРМ, ф. 133, д. 429, л. 30

[27] СР ГРМ, ф. 133, д. 429, л. 31
[1] Фокина Вера Петровна (урожденная Антонова, 1886—1958) — русская балерина и педагог. Танцевала в б. Мариинском театре. В 1918 г. вместе с мужем М. М. Фокиным уехала на гастроли в Швецию, с 1921 г. жила в США.

[28] «К. Сомов». С. 299

[29] СР ГРМ, ф. 133, д. 430, л. 29

[30] СР ГРМ, ф. 133, д. 153, л. 21—22

[31] СР ГРМ, ф. 133, д. 156, л. 13
[1] Выставка З. Серебряковой в галерее Жана Шарпантье, с 26 марта по 12 апреля 1927 г.

[32] СР ГРМ, ф. 133, д. 433, л. 20
[1] Кестлин Анастасия Николаевна (?—1933) — мать Ренэ Ивановны Нотгафт (см. часть вторая, примеч. к письму 46).

[33] «К. Сомов». С. 317
[1] Карышева Дебора Григорьевна (1878—?) — певица, приятельница семьи Сомовых.

[34] Там же, с. 333
[1] Ю. Ю. Черкесов.
[2] Нувель Вальтер Федорович (1871—1949) — один из близких друзей А. Н. Бенуа и К. А. Сомова, их соученик по гимназии Мая. Активный деятель журнала «Мир искусства». Композитор-любитель, постоянный сотрудник С. П. Дягилева за рубежом.

[35] СР ГРМ, ф. 133, д. 439, л. 23—24

[36] «К. Сомов». С. 333—334
[1] Речь идет о большой выставке во Дворце искусств Брюсселя.

[37] СР ГРМ, ф. 133, д. 164, л. 16; «К. Сомов». С. 351 (с купюрами).
[1] Выставка в галерее Бернхейма (23 февраля — 8 марта 1929 г.).

[38] СР ГРМ, ф. 133, д. 445, л. 17
[1] Фор Феликс (1841—1899) — президент Франции (1895—1899), вскоре после избрания в президенты приезжал в Петербург.

[39] СР ГРМ, ф. 133, д. 165, л. 1
[1] См. примеч. 1 к письму 142.

[40] СР ГРМ, ф. 133, д. 167, л. 18
[1] Лукьянов Мефодий Георгиевич (1892—1932) — друг К. А. Сомова.

[41] СР ГРМ, ф. 133, д. 451, л. 91

[42] СР ГРМ, ф. 133, д. 174, л. 17
[1] Выставка З. Е. Серебряковой (68 работ) в галерее Ж. Шарпантье с 18 декабря 1930 по 5 января 1931 г.

[43] СР ГРМ, ф. 133, д. 451, л. 101

[44] СР ГРМ, ф. 133, д. 452, л. 69
[1] Выставка З. Е. Серебряковой (63 работы, в основном посвященные Марокко и Италии) в галерее Ж. Шарпантье с 3 по 18 декабря 1932 г.

[45] СР ГРМ, ф. 133, д. 332, л. 14
[1] С. Н. Андроникова. См. примеч. 2 к письму 128.
[2] Очевидно, дочери Ф. Ф. Юсупова.

[46] Там же, л. 21

[1] Нотгафт Ренэ Ивановна (урожденная Кестлин, 1880—1950-е) — первая жена Ф. Ф. Нотгафта (см. примеч. 3 к письму 341). Ее портреты писали художники Б. М. Кустодиев и К. А. Сомов. В 1921 г. Р. И. Нотгафт уехала за границу, где жили ее родители и брат.

[47] Там же, л. 24

[48] Там же, л. 32

[1] Очевидно, имеется в виду И. И. Рыбаков.

[49] ОР ГПБ, ф. 1015, д. 278, л. 19

Клавдия Петровна Трунева. См. примеч. 1 к письму 10.

[1] На VII выставке «Союза русских художников» в Петербурге экспонировалось 14 работ З. Е. Серебряковой. Три из них — «За туалетом», «Зеленя осенью» и «Крестьянка» были приобретены для Третьяковской галереи.

[50] ОР ГПБ, ф. 1015, д. 306, л. 182—185

Этот черновик отзыва лег в основу характеристики творчества З. Е. Серебряковой для ЦЕКУБУ.

[51] Там же, д. 306, л. 235—237.

[52] Там же, д. 48, л. 64—65

[1] Портрет Е. К. Лансере работы З. Е. Серебряковой (1911) находится в Донецком художественном музее.

[2] Вероятно, картина «Тата с овощами» (1923). Частное собрание, Ленинград.

[53] Там же, д. 827, л. 1

[1] В декабре 1926 г. в галерее Шарпантье состоялась выставка работ А. Н. Бенуа, на которой экспонировалось более 200 произведений (пейзажи Версаля, Бретани, Венеции, Петербурга, Петергофа, Гатчины, дворцовые интерьеры, работы для театра и т. д.).

[2] Прокофьев Святослав Сергеевич (р. 1924) — архитектор, старший сын композитора С. С. Прокофьева. Упоминаемый портрет (пастель) находится в его собрании (Москва).

[54] Там же, д. 828, л. 1—2

Прокофьева Лина Ивановна (урожденная Кодина, р. 1897) — певица (сценический псевдоним — Лина Льюбера), первая жена композитора С. С. Прокофьева.

Воспоминания

с. 228

А. Н. Бенуа. Из книги «Мои воспоминания».

Публикуется по изд.: *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. М., 1980. Т. 1. С. 87.

с. 228.

А. П. Остроумова-Лебедева. Из книги «Автобиографические записки»

Публикуется по изд.: *Остроумова-Лебедева А. П.* Автобиографические записки. М., 1974. Кн. 1. С. 279, 283, 462, 463. Кн. 2. С. 88.

с. 229

В. Н. Дудченко. О жизни в Нескучном

Дудченко Василиса Никитична многие годы была кухаркой в семье Лансере, затем у Серебряковой. Настоящие воспоминания записаны со слов В. Н. Дудченко ее дочерью М. А. Бочаровой в 1970 г. Литературная обработка В. П. Князевой. Рукопись хранится у В. П. Князевой.

с. 231

Е. Г. Федоренко. Семья З. Е. Серебряковой

Федоренко (урожденная Чумаковская) Екатерина Георгиевна — дочь Марии Игнатьевны Чумаковской, служившей в доме Серебряковых. Настоящие воспоминания написаны ею в 1979—1980 гг. Литературная обработка В. П. Князевой. Рукопись хранится у В. П. Князевой.

[1] «Крестьяне». 1914, х., м. (ГРМ). Фрагмент одного из несохранившихся вариантов картины «Жатва».

[2] «Крестьянка Марина, чешущая лен». 1917, х., м. Изображена Марина Авдеевна Безбородова. Частное собрание, Франция.

[3] «Спящая Галя». 1908 (?), х., м. Частное собрание, Москва.

с. 232

Г. И. Тесленко. Воспоминания о художнице

Тесленко Галина Илларионов-

на (р. 1896) — кандидат геологических наук. Живет в Киеве.

Воспоминания написаны по просьбе А. Н. Савинова и содержатся в нескольких письмах, адресованных ему. Хранятся в семье Савинова в Москве, их копии — у В. П. Князевой.

[1] См. примеч. 3 к письму 406.

[2] Шмит (Шмидт) Федор Иванович (1877—1941) — теоретик искусства, искусствовед (античник, византолог, медиевист). С 1912 г. профессор Харьковского университета, с 1921 г. действительный член Всеукраинской АН. В 1924—1930 гг. директор Института истории искусств в Ленинграде. Профессор ЛГУ.

[3] Никольская Елена Александровна (1892 — после 1941) — искусствовед, востоковед. Жила в Харькове, работала там в Центральной научной библиотеке при университете, в Историческом художественном музее, в Музее изобразительных искусств. Автор статей по искусству Востока. Портреты Е. А. Никольской работы З. Е. Серебряковой находятся в ГРМ и в собрании Т. Б. Серебряковой.

[4] Сохранилось несколько портретов Г. И. Тесленко работы З. Е. Серебряковой (ГРМ, Днепропетровский гос. художественный музей, частные собрания Т. Б. Серебряковой и Г. И. Тесленко).

[5] См. примеч. к письму 120.

[6] См. примеч. 1 к письму 111.

[7] Наброски к картине «Нарцисс и нимфа Эхо» хранятся в собрании Т. Б. Серебряковой. Москва.

[8] Е. Н. Лансере указывает дату выезда 1 декабря. См. письмо 110.

[9] Имеется в виду портрет Рenэ Ивановны Нотгафт.

с. 239

Татьяна Серебрякова. Творчество, принадлежащее Родине

Журнал «Москва». 1965. № 11

[1] Автор ошибается: работа Серебряковой «За туалетом» (1909) действительно была приобретена Третьяковской галереей, но уже после смерти П. М. Третьякова (1832—1898).

[2] Имя утонувшей крестьянки не Настя, а Поля Молчанова (Гречкина). См. письмо 90.

[3] «На террасе в Харькове», 1919, х., м., Новосибирская областная картинная галерея.

[4] «Карточный домик», 1919, х., м., ГРМ.

[5] Тырса Николай Андреевич (1887—1942) — график и живописец, педагог.

[6] «Портрет Кати у елки в голубом», 1922, б., пастель, собрание И. С. Зильберштейна (Москва); «Портрет Таты в маскарадном костюме у елки», 1922, б., пастель, Днепропетровский художественный музей; «Тата в костюме Арлекина», 1922, б., пастель, Художественный музей имени В. В. Верещагина, г. Николаев.

[7] Еще в одном письме дочери, 3 июля 1965 г. З. Е. Серебрякова пишет: «Не знаю, кого мне благодарить за такой подарок ценнейшей книги? Я написала короткую «записку» всем «Посетителям выставки», за их внимание и ценный подарок (отправила на имя Попова А. П.) по адресу Кузнецкий мост, 20, Выставочный зал».

Статьи

с. 245

А. Н. Бенуа. Выставка «Союза»

Газ. «Речь». 1910. 13 марта.

[1] На VII выставке картин «Союза русских художников» была экспонирована картина К. С. Петрова-Водкина «Сон» (ГРМ).

с. 246

Всеволод Воинов. Выставка произведений З. Е. Серебряковой в Выборгском доме культуры

Журнал «Красная панорама». 1928. № 52.

с. 248

Д. А. Шмаринов. Светлый талант

Текст выступления народного художника СССР, действительного члена АХ СССР Дементия Алексеевича Шмаринова на вернисаже выставки З. Е. Серебряковой в Москве, 24 мая 1965 г. Этот же текст послужил основой для выступления Д. А. Шмаринова о творчестве Серебряковой по телевидению.

с. 250

А. Н. Савинов. Наш русский художник//Огонек, 1965, август, № 32.

с. 253

Ефим Дорош. На выставке Серебряковой

Журнал «Театр». 1965. № 11.

Публикуется по кн.: *Дорош Ефим.* Живое дерево искусства. М., 1967.

Дорош Ефим Яковлевич (1908—1972) — советский писатель, автор рассказов и очерков на темы гражданской войны и колхозной деревни, в поздний период творчества обращается к русской истории и искусству.

[1] В «Аполлоне», 1917, № 8—10 были воспроизведены следующие работы З. Е. Серебряковой: 1) «Девушка», 2) «Портрет Н. Г. Чулковой», 3) «Портрет няни», 4) «Горный пейзаж. Лучи солнца», 5) «В бане. Этюд для картины», 6) «Крестьянки в поле (Жатва)», 7) «Автопортрет» (1911).

[2] *Савинов А. Н.* Вступ. ст. к каталогу: Серебрякова. Выставка произведений из музеев и частных собраний. М., 1965. С. 11.

[3] Имеется в виду картина «Жатва», 1915 (Одесский художественный музей).

с. 258

Памяти З. Е. Серебряковой

Некролог. Газ. «Сов. культура». 1967. 26 сент.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

(справа указаны номера страниц в книге)

СОДЕРЖАНИЕ

ЗИНАИДА СЕРЕБРЯКОВА
ПИСЬМА
СОВРЕМЕННИКИ О ХУДОЖНИЦЕ

Автор-составитель Князева Валентина Павловна
Автор примечаний Ю. Н. Подкопаева

Макет и оформление *В. Н. Конюхова*
Зав. редакцией *Л. А. Шарафутдинова*
Редактор *Т. А. Савицкая*
Художественный редактор *Е. И. Волков*
Цветную корректуру выполнила *Л. В. Егорова*
Технический редактор *И. А. Клыкова*
Корректоры *Л. И. Гордеева, Т. И. Северинова*

ИБ № 935

Сдано в набор 2.02.87. Подписано в печать 23.09.87.
А05956. Изд. № 2-366. Формат 60×100/16.
Бумага мелованная 115 г.
Усл. печ. л. 21,09. Уч.-изд. л. 22,29
Усл. кр.-отт., 68,232. Тираж 40 000.
Заказ 3827. Цена 3 р. 80 к.

Издательство «Изобразительное искусство»
Москва, 129272, Сущевский вал, 64

Московская типография № 5
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
129243, Москва, Мало-Московская, 21.

3 р. 80 к.